

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал
2014. № 4 (87)
ISSN 1999-9917

Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации СМИ № 01891 от 14.12.1992. Выходит 4 раза в год.
Распространяется на территории Российской Федерации.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Адрес редакции: 390000, Рязань, ул. Сенная 1. Тел. (факс): (4912) 93-46-40.
E-mail: editor62@yandex.ru.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Подписка:

Объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
Internet-каталог «Российская периодика» (www.arpk.org) – 73800.

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (www.elibrary.ru).

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Редактор *О. А. Кейзина*
Корректор *С. А. Слепухина*
Перевод *О. Ф. Варламова*
Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*
Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 29.12.2014. Формат 60x84 1/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 24,88.

Тираж 1500 экз. Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, Рязань, ул. Сенная 1

Отпечатано: Отделение полиграфии редакционно-издательского отдела Академии ФСИН России
390000, Рязань, ул. Сенная 1

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

КРЫМОВ Александр Александрович, председатель, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АНТОНЯН Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва);

ГИРЬКО Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ЗАРИПОВ Зарип Саидович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ЛЕБЕДЕВ Семен Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва);

МУЗЮКИН Анатолий Павлович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Рязань);

НАУМОВ Анатолий Валентинович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПЛЕШАКОВ Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОБЕГАЙЛО Эдуард Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва);

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

УШАКОВ Сергей Анатольевич, начальник УФСИН России по Рязанской области (Россия, Рязань);

ШАТАЛОВ Александр Семенович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГРИШКО Александр Яковлевич, главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

РЫЖОВ Роман Сергеевич, заместитель главного редактора, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АКСЕНОВА Галина Ивановна, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

БАРАБАНОВ Николай Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

БЛИНКОВ Олег Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ГАВРИЛОВ Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ИГНАТЕНКО Виктор Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

КАШУБА Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Ростов);

КОРЯЧКО Алексей Вячеславович, кандидат технических наук, доцент (Россия, Рязань);

ЛИТВИШКОВ Владимир Михайлович, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань);

МАКАРОВА Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОЗДНЯКОВ Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОЛИЩУК Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОНИКАРОВ Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

СУХОВ Анатолий Николаевич, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

СЫЧ Константин Антонович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ТЮГАЕВА Нина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

ЧИСТЯКОВ Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ШУРУХНОВ Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ЮНУСОВ Абдулжабар Агабалаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

НЕСТЕРОВ Павел Николаевич, ответственный секретарь (Россия, Рязань).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 7 **КИРИЛЛОВ С. И.** Проблемы личности преступника и социальной структуры общества
- 10 **МАЛИКОВ Б. З.** Выражение и реализация уголовной ответственности в наказании и некарательных мерах уголовно-правового характера
- 17 **РАСТОРОПОВ С. В.** Наказуемость за совершение состава отмыывания по Уголовному кодексу Франции (ст. 324-1)
- 22 **СУМАЧЕВ А. В.** Реализация уголовной ответственности: проблемы согласования правовой теории и законодательной практики
- 27 **ГРИШКО А. Я.** О принципах законности и равенстве осужденных перед законом

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА

- 32 **МЕЛЬНИКОВА Н. А.** Административная деятельность в системе функций исправительного учреждения
- 37 **УПОРОВ А. Г.** Роль принципов права в правовом регулировании и обеспечении служебной дисциплины в уголовно-исполнительной системе
- 41 **ЧИСТОТИНА О. Н.** Проблемы осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 47 **ВАСИЛЬЕВА С. А.** К вопросу о влиянии экономического кризиса в годы гражданской войны в России на развитие уголовно-исполнительной системы (на примере Рязанской губернии)
- 53 **ПАВЛУШКОВ А. Р.** Реализация принципа справедливости наказания в церковном, светском и традиционном праве
- 59 **ТАРАСОВ О. А.** Межведомственная борьба за контроль над местами лишения свободы в советской России в начале 1920-х годов

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 65 **ДОЛИНИН А. Ю., БРЫКОВ Д. А.** Современное состояние и направления совершенствования деловой оценки персонала уголовно-исполнительной системы
- 71 **ГРИШИН Д. А., ЧУДАКОВА С. Н.** Организационные и административно-правовые проблемы текучести кадров (прекращения службы) в учреждениях и органах ФСИН России
- 77 **КУТУКОВ С. А., СМИРНОВ С. Н.** Организационно-правовые проблемы информационного взаимодействия федеральной службы исполнения наказаний с другими правоохранительными органами по противодействию преступности
- 83 **МАРКЕЛОВ С. В.** Виды организационных инноваций в правоохранительных органах России
- 88 **ШИШКАНОВА И. А.** К вопросу о научном обеспечении системы исполнения наказаний
- 91 **ВОДОПОЛОВ А. И.** Критерии эффективности принимаемых управленческих решений в уголовно-исполнительной системе
- 97 **ДАЗМАРОВА Т. Н.** Организация взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами местного самоуправления на современном этапе
- 101 **КРЕМЛЕВ М. В.** К вопросу о понятии информации, используемой в ходе расследования преступлений

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 105 **ВАЛЕЕВ А. Т.** Пересмотр вступивших в силу решений суда в уголовном процессе: некоторые технико-юридические аспекты
- 111 **ЛЕГОСТАЕВ С. В.** Проблемы предупреждения рецидивной преступности: оперативно-розыскной аспект
- 114 **ЛЮТЫНСКИЙ А. М.** Некоторые проблемы апелляционного производства в российском уголовном процессе
- 121 **МИНКОВА Е. А.** Трудовая занятость осужденных в процессе детерминации пенитенциарной преступности

- 126 **НАГОРНЫХ Р. В.** К вопросу о перспективах имплементации процедуры медиации в производство об административных правонарушениях в Российской Федерации
- 132 **НАЗАРКИН Е. В.** О роли судебных экспертиз в деятельности органов расследования преступлений, совершаемых в учреждениях УИС
- 136 **КАШИН О. В.** Подкуп как уголовно-правовой феномен: к постановке проблемы
- 140 **КРАСИЛЬНИКОВА М. С.** Соотношение норм отраслевого законодательства об отсрочке отбывания наказания (ст. 82 УК РФ)
- 145 **ПАНИН И. Ю.** Установление криминальных связей осужденными как дисфункция исполнения наказания в виде лишения свободы
- 150 **ЧЕРНОМОРЕЦ Ю. А.** Суд присяжных вчера, сегодня и завтра

СТРАНИЧКА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

- 157 **БЕЛЯКОВ А. Ю.** Формы взаимодействия исправительных учреждений с региональными омбудсменами по обеспечению прав и законных интересов осужденных

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 162 **МАЛЕНКОВА Л. А.** Совершенствование системы внутреннего контроля ФГУП ФСИН России
- 167 **ФИЛИППОВА Д. Г.** Социально-экономические предпосылки формирования экономической безопасности УИС

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 172 **ГОРНОСТАЕВ С. В.** Служебная лояльность сотрудников уголовно-исполнительной системы
- 177 **ПАНАРИН Д. А.** Основные направления, формы и методы укрепления служебной дисциплины и профилактики правонарушений среди личного состава образовательных организаций ФСИН России (опыт Академии ФСИН России)
- 182 **ПАНИН Ю. И.** Некоторые особенности практико-ориентированной профессиональной подготовки в организации образовательного процесса Псковского филиала Академии ФСИН России
- 187 **МОРОЗОВ А. С.** Участие осужденных в деятельности религиозных организаций как критерий оценки степени их исправления

192 ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

CONTENTS

SCIENTIFIC FORUM

- 7 **KIRILLOV S. I.** Problems of offender and social structure
10 **MALIKOV B. Z.** Expression and realization of criminal liability in punishment and not punitive measures of criminal and legal character
17 **RASTOROPOV S. V.** Punishability for commission structure of washing on Uk of France (Art. 324-1)
22 **SUMACHEV A. V.** Realization of criminal liability: problems of coordination of the legal theory and legislative practice
27 **GRISHKO A. Y.** About the principles of legality and equality condemned before the law

ADMINISTRATIVE PRACTICE

- 32 **MELNIKOVA N. A.** Administrative activity in the functions system of the correctional institution
37 **UPOROV A. G.** The role of law principles in legal regulation and ensuring of service discipline in penal system
41 **CHISTOTINA O. N.** Problems of implementation of the administrative supervision for persons released from prison

TIME LENS

- 47 **VASIL'EVA S. A.** To the question about the impact of the economic crisis during the civil war in Russia on the development of the penal correction system (for example Ryazan province)
53 **PAVLUSHKOV A. R.** The principle of the justice of punishment in the canon, secular and traditional law
59 **TARASOV O. A.** An interdepartmental struggle for control over places of the deprivation of freedom in Soviet Russia in the early 1920 's

MANAGEMENT VECTOR

- 65 **DOLININ A. Y., BRYKOV D. A.** Present state and directions of improvement of business appraisal staff of the penitentiary system
71 **GRISHIN D. A., CHUDAKOVA S. N.** Organizational, administrative and legal problems of staff turnover (separation) in the institutions and bodies of the federal penitentiary service of Russia
77 **KUTUKOV S. A., SMIRNOV S. N.** Organizational and legal problems of the information federal penitentiary service interactions with other law enforcement agencies on counteraction crime
83 **MARKELOV S. V.** Types of organizational innovations in the law-enforcement bodies of Russia
88 **SHISHKANOVA I. A.** To the question of scientific providing systems of execution of punishments
91 **VODOPOLOV A. I.** Criteria of efficiency of management decisions in penal system
97 **DAZMAROVA T. N.** Organization of interaction penal inspections with the local authorities at the present stage
101 **KREMLEV M. V.** On the concept of information used in the investigation of crimes

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 105 **VALEEV A. T.** Review of effective court decisions in criminal proceedings: some legal and technical aspects
111 **LEGOSTAYEV S. V.** Problems of the prevention of recurrent crime: operational search aspect
114 **LJUTYNSKIJ A. M.** Problems of appeal proceeding in Russian criminal procedure law
121 **MINKOVA E. A.** Employment of convicts in the process of penal crime determination
126 **NAGORNYH R. V.** On perspectives of implementation of mediation in cases of administrative offences
132 **NAZARKIN E. V.** The role of legal expertise in the activities of the organs of the investigation of crimes committed in prisons
136 **KASHIN O. V.** Bribery as criminal and legal phenomenon: to statement of the problem
140 **KRASILNIKOVA M. S.** The ratio of the branch conditions for granting a deferment of the serving of the punishment (art. 82 of the criminal code of the Russian Federation)
145 **PANIN I. Yu.** Establishment of criminal communications condemned as dysfunction of an execution of the punishment in the form of imprisonment
150 **CHERNOMORETS Yu. A.** Jury yesterday, today and tomorrow

COLUMN OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS

- 157 **BELYAKOV A. Yu.** Forms of interaction corrective uchrezhdeniys regional ombudsmen on ensuring the rights and legitimate interests condemned

THE COMPETITIVENESS ANALYSIS

- 162 **MALENKOVA L. A.** Improvement of the system of internal control federal state unitary enterprise Russian Federal penitentiary service
- 167 **FILIPPOVA D. G.** Socio-economic preconditions of formation of economic security prison

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 172 **GORNOSTAEV S. V.** Serving loyalty of penal staff
- 177 **PANARIN D. A.** The main directions, forms and methods of strengthening service discipline and prevention of offences among staff of educational institutions of the federal penal service of Russia (experience of the Academy of the FPS of Russia)
- 182 **PANIN Ju. I.** Some features of practical staff training in educational process of the Academy of the Federal penal service of Russia (branch in Pskov)
- 187 **MOROZOV A. S.** Religious behavior condemned, as criterion of an assessment of extent of its correction

192 ARTICLE REQUIREMENTS

УДК 343.97
ББК 67.512
К43

СТАНИСЛАВ ИВАНОВИЧ КИРИЛЛОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминологии
(Московский университет МВД России)
E-mail: kirillov.stanislavivanovich@mail.ru.

ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

Реферат: в статье затрагиваются проблемы личности преступника и социальной структуры общества, подчеркивается связь криминологии и демографии, необходимость демографических знаний при изучении личности преступника, обращается внимание на взаимодействие различных социальных негативных явлений и динамики социальных групп, сословий и т. п., связанных с их деформацией, образом жизни преступников.

При изучении преступности, ее причин и условий, личности преступника, проблем предупреждения преступности криминология всегда стремится установить связь с различными науками. Что касается анализа проблем личности преступника и социальной структуры общества, то здесь интересы криминологии во многом совпадают с решением прежде всего демографических вопросов, ведь преступники – это часть населения.

Для изучения личности преступника необходимо исследование изменений половозрастной структуры населения, динамика которой обусловлена изменениями в уровне рождаемости, смертности и т. д., то есть основными демографическими процессами.

Многие криминологи используют в своих исследованиях данные не только о поле и возрасте, рождаемости и смертности, о семейном положении, разводах и т. д., но и о моральных свойствах личности.

Существует общепреступная, или криминальная, порочность нашего общества. Она распространяется в массы и со временем может вызвать социально преступную катастрофу.

Социальная деформация сопровождается возрастающей динамикой нарушения норм права, приобретающая силу и устойчивость, она проникает в систему причин и условий преступности, влияет на изменение социальной структуры общества, вызывая негативные последствия. Происходит изменение образа жизни, когда не только нормы права, но и нормы морали игнорируются членами общества.

Ключевые слова: криминология, демография, структура личности преступника, половозрастные особенности личности преступника, негативные социальные явления, социальная структура общества, социальная деформация, преступное поведение.

Анализ специальной литературы показывает, что связь криминологии и демографии можно проследить по четырем главным направлениям.

Первое из них касается статистического изучения преступности, анализа ее количественных параметров.

Второе направление связано с изучением проблемы личности преступника. Еще А. А. Герцензон писал, что анализ демографической характеристики личности тех, кто совершает преступление, представляет собой существенный этап решения этой проблемы [1, с. 41]. По мнению Ю. Д. Блувштейна, криминологический демографический анализ личности преступника позволяет сопоставлять структуру преступности с социальной структурой общества и характеризовать преступников и не преступников, сравнивая соответствующие показатели [2, с. 101]. Демографический анализ личности преступника, писал К. Е. Игошев, позволяет глубже проникнуть в

социальную сферу, познавая суть преступного поведения, выделяя социальные типы, типы преступников [3, с. 37]. Аналогичные точки зрения высказаны и другими известными криминологами, в частности Г. А. Аванесовым, В. Н. Кудрявцевым, Н. Ф. Кузнецовой, А. М. Яковлевым [4]. Фундаментальные же исследования в этом плане осуществлены М. М. Бабаевым [5, с. 97–102]. Один из его выводов таков: в процессе анализа личности возникает необходимость сопоставления в различных аспектах демографической модели преступника.

Третье направление связей криминологии и демографии касается изучения причин преступности. Речь идет об общем комплексе социальных детерминант преступности.

Четвертое направление можно обозначить как профилактическое.

Все четыре направления прямо связаны с анализом комплекса явлений, непосредственно входящих в предмет криминологии. Центральной

здесь, на наш взгляд, все же является проблема личности преступника. Именно она в первую очередь связана с социальной структурой общества.

Процесс омоложения или постарения населения сказывается на изменении структуры преступников. Но пол и возраст – инертные показатели, их изменения происходят медленно. Пол и возраст только предпосылка к тому или иному поведению, а реальный результат зависит от влияния тех или иных социальных факторов.

Нельзя не выделить особую категорию лиц – алкоголиков. В социальной структуре общества они занимают свое определенное место, как и наркоманы. Как быть с лицами, страдающими нервно-психическими патологиями, в том числе сексуальными (в рамках вменяемости)? Ведь их удельный вес в социальной структуре общества постоянно увеличивается. Вполне конкретно можно поставить вопрос о месте проституток, бомжей, беспризорных в социальной структуре общества. Все это тесно связано с характеристикой социальных типов личности, что соотносится с типологией преступников.

Укажем наиболее значимые негативные явления, связанные с поведением личности и социальной структурой общества: ухудшение условий быта и досуга, снижение уровня культуры и образования, увеличение числа лиц, страдающих различными нозологическими заболеваниями, а отсюда снижение продолжительности жизни, рождаемости. Имеется множество новых социальных пороков, обусловленных либеральными экономическими реформами: безработица, беспризорность и бродяжничество, попрошайничество, проституция, пьянство и алкоголизм, наркомания, наконец, преступность. Каждому из этих явлений соответствует тип личности. С этим связана и социальная структура общества.

Можно привести множество доказательств, так или иначе связанных с социальной структурой общества и различными формами социально отклоняющегося поведения. Весьма интересно по этому поводу рассуждает И. Ю. Сундиев. Он пишет, что в России сложились компенсаторные механизмы выживания [6, с. 3–6]. Их основой, по его мнению, являются:

- деградация общественной морали, прежде всего утрата общественным сознанием иммунитета к криминальной деятельности;
- резкое сворачивание системы социальных гарантий, которые ранее позволяли практически всем слоям населения надеяться на помощь государства;
- увеличение разрыва в уровне жизни между социальными группами, живущими за гранью бедности, и богатейшими слоями населения.

Суть подобной компенсации социальных катаклизмов (социальной адаптации населения) в

нашей стране заключается в вынужденном вовлечении высвобождаемой части трудоспособного населения, а также значительной части несовершеннолетних в различные виды криминальной деятельности. Их типология выглядит следующим образом:

– паракриминальная деятельность – внешне легитимная, но сопровождающаяся нарушением уголовно-правовых, административно-правовых и иных норм;

– собственно криминальная массовая деятельность – прямое, сознательное нарушение уголовно-правовых норм.

Можно утвердительно сказать, что существует общепреступная, или криминальная, порочность нашего общества. Она все глубже проникает в массы и со временем может вызвать социально преступную катастрофу. Эта порочность проявляется тогда, когда государство и общество не могут активно-наступательно противостоять преступности, а преступность, наоборот, активно противодействует государству и обществу. Этому способствуют негативные последствия социальных противоречий (разрушение семейных отношений, искажение межличностных отношений, ухудшение быта и досуга, деформация представлений о свободном времени и т. д.), различные пороки общества. Сюда же можно добавить низкий уровень образования, культуры, воспитания и процветающие в обществе зависть, месть, алчность, жестокость, агрессивность и т. п. Возникает, таким образом, особый тип поведения, появляется и особый тип личности, характерная черта которого – низкая степень нравственности, ответственности, отсутствие культуры. Следствием всего этого становятся корысть и насилие. Четко прокладывают себе путь процессы маргинализации, а это тесно связано не только с преступностью, но и с социальной деформацией и активным падением нравов населения.

В современном российском обществе социальная деформация укрепила представление о том, что деньги, независимо от путей их приобретения, обеспечивают человеку господство над законом и людьми, и условием такого господства является безразличное отношение к любым преступлениям, причем поощряются корыстные деяния, даже если они сопряжены с насилием над личностью. Жестокость, агрессивность, применение оружия не имеют значения. Совершение преступлений становится образом жизни, а само общество – преступным. Диктат корыстных преступлений превалирует над всеми социальными институтами.

Список литературы

1. Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М., 1965. 227 с.
2. Блувштейн Ю. Д. Понятие личности преступника // Сов. гос-во и право. 1979. № 8. С. 101.
3. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. 167 с.
4. Аванесов Г. А. Преступность и социальные сословия. М., 2010. 80 с.
5. Бабаев М. М. Криминологическая оценка социально-экономических и демографических факторов // Сов. гос-во и право. 1972. № 6. С. 97–102.
6. Сундиев И. Ю. Криминальные компоненты современной социальной динамики России // Бизнес и политика. 1995. № 9. С. 3–6.

STANISLAV IVANOVICH KIRILLOV,
PhD in Law (Doktor Nauk), professor,
professor of the department of criminology
(Moscow University of the Russian Ministry of the Internal Affairs)
E-mail: kirillov.stanislavivanovich@mail.ru.

PROBLEMS OF OFFENDER PERSONALITY AND SOCIAL STRUCTURE

Annotation: the article addresses the problems of the offender individuality and the social structure of society. The connection of Criminology and demographics and the need for knowledge of demographics in the study of offender personality are emphasized. The interaction of various social negative phenomena and dynamics of social groups, classes, etc., connected with their deformation, lifestyle of criminals is shown.

In the study of crime, its causes and conditions, the offender individuality, the problems of crime prevention criminology always strives to establish a connection with the various sciences. As for the analysis of problems of the offender individuality and the social structure of society, the interests of Criminology largely coincide with the solving of, first of all, demographic issues, because the criminals are the part of the population.

To study the personality of the criminal there is urgent investigation of the population demographic structure changes, which dynamics is caused by changes in the level of fertility, mortality, etc., i.e, basic demographic processes.

Many criminologists use in their researches data not only of sex and age, fertility and mortality, marital status, divorces, etc., but also the moral qualities of the individuality.

There is common criminal depravity of our society. It has penetrated deep into the masses and eventually can cause social criminal catastrophe.

The social deformation is accompanied by increasing dynamics of the law breaking. Acquiring strength and stability, it penetrates into the reasons and conditions crime system, affects the change in the social structure of society, causing negative consequences. Lifestyle changing happens, when not only the law, but also the moral standards are ignored by members of society.

Key words: criminology and demographics, structure of the offender individuality, sex and age characteristics of the offender individuality, negative social phenomena and social structure of the society, social deformation, criminal behaviour.

References

1. Gercenzon A. A. Vvedenie v sovetskuyu kriminologiju [Introduction to the Soviet criminology]. Moscow, 1965. 227 p.
2. Bluvshitejn Ju. D. Ponjatie lichnosti prestupnika [The concept of offender]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law, 1979, no. 8, p. 101.
3. Igoshev K. E. Tipologija lichnosti prestupnika i motivacija prestupnogo povedenija [Typology of offender motivation and criminal behavior]. Gorky, 1974, 167 p.
4. Avanesov G. A. Prestupnost' i social'nye soslovija [Crime and social class]. Moscow, 2010. 80 p.
5. Babaev M. M. Kriminologicheskaja ocenka social'no-jekonomicheskikh i demograficheskikh faktorov [Criminological assessment of the socio-economic and demographic factors]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law, 1972, no. 6, p. 97–102.
6. Sundiev I. Ju. Kriminal'nye komponenty sovremennoj social'noj dinamiki Rossii [Criminal components of modern social dynamics]. Biznes i politika – Business and politics, 1995, no. 9, p. 3–6.

УДК 343.24
ББК 67.408.022
М19

БОРИС ЗУФАРОВИЧ МАЛИКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
(Уфимский юридический институт МВД России)
E-mail: malikov_bz@mail.ru.

ВЫРАЖЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НАКАЗАНИИ И НЕКАРАТЕЛЬНЫХ МЕРАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Реферат: уголовная ответственность получает свою реализацию в наказании, в некарательных мерах уголовно-правового характера, в институтах освобождения от уголовной ответственности и наказания, в судимости. Наказание является основной и определяющей формой уголовной ответственности: угрозой, карой, мерилем общественной опасности преступлений в механизме их категоризации, прямо или косвенно проявляется в правовом выражении понятия преступления, посредством отражения их в санкциях позволяют индивидуализировать ответственность.

В механизме наказания государственное принуждение представляет собой силовой компонент воздействия на правонарушителей в форме уголовно-процессуальных и уголовно-правовых карательно-исправительных мер. Такое принуждение является легитимным, так как государство в лице суда наделяется правом применять меры уголовно-процессуального пресечения, наказание и другие меры уголовно-правового характера.

Гуманистическое политико-правовое значение уголовного наказания проявляется в содержании уголовной и уголовно-исполнительной политики государства, направленной на оптимизацию законодательного выражения системы наказаний, отдельных видов наказаний, депенализацию санкций и расширение правовых оснований применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного, смягчение (замена) наказания в виде лишения свободы, более широкое применение вместо наказаний других мер уголовно-правового характера.

Поспешное форсирование курса на декриминализацию и депенализацию, осуществляемое в последние годы, не всегда согласуется с задачами уголовного законодательства и той важной ролью, которую выполняет наказание в механизме уголовной ответственности (ст. 2 УК РФ). Это приводит к размыванию теоретических основ понятия и содержания уголовной ответственности и наказания, логики системности Уголовного кодекса Российской Федерации.

Только в советский период в России уголовная политика начала обретать новое содержание. Наряду с наказаниями к осужденным стали применять условное осуждение, условно-досрочное освобождение, отсрочку исполнения приговора (отбывания наказания).

Заявленная в УК РФ уголовная политика на протяжении почти 20 лет испытывала «кризис» наказания, системы наказаний, применения санкций, исполнения наказаний.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наказание, санкция, лишение свободы, принудительные работы, условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, исправительное учреждение, альтернативы лишению свободы, условное неприменение наказания.

Содержание уголовной ответственности в России определяется различными формами ее реализации: наказанием, некарательными мерами уголовно-правового характера, институтами освобождения от уголовной ответственности и наказания, судимостью.

Безусловно, наказание является основной и определяющей формой реализации уголовной ответственности. Именно посредством наказания – кары в виде применения правовых ограничений в форме государственного принуждения обеспечиваются задачи уголовного законодательства, получают свое выражение сущность и реализация уголовной

ответственности, а также многие категории уголовного права.

Уголовное наказание является категорией социальной и правовой. В качестве социального инструментария уголовное наказание представляет собой известный, исторически сформированный, социально приемлемый, законодательно выраженный способ защиты наиболее важных социальных ценностей, а также реагирования (принуждения) государства на преступные проявления физических лиц, заключающийся в возможности применения определенного объема правовых ограничений (кары) к ним.

В многообразии общественных отношений государство вынуждено выделять в особую группу те из них, которые характеризуются наличием в своем содержании общественной опасности. Такая группа общественных отношений с наличием в них черт социальной вредности признается неприемлемой в жизнедеятельности общества и государства, и, следовательно, в уголовно-правовом формате в целях противодействия таковым устанавливаются запреты на совершение преступлений под страхом наказания, а также иные неблагоприятные последствия за их совершение. Специфическим средством противодействия общественной опасности преступного поведения физических лиц в России выступает государственное принуждение в форме уголовно-процессуального и уголовно-правового воздействия. Такое принуждение осуществляется путем реализации уголовной ответственности. Это легитимная форма принуждения, ибо государство в лице суда наделено правом применять наказание и другие меры уголовно-правового характера. Юридическое значение наказания проявляется в конституционном характере сущности и содержания уголовной ответственности в качестве обязательной формы реагирования государства на преступные проявления (ст. 46, 47, 55, 118 Конституции РФ). Оно выражается в применении уголовно-правовых ограничений с обязательным соблюдением в процедуре уголовной юстиции требований общепризнанных принципов и норм международного права (ст. 15 Конституции РФ, ч. 2 ст. 1 УК РФ). Система наказаний в уголовном законе сформирована исходя из его задач и принципов (ст. 2, 7 УК РФ). Государственное принуждение социально обусловлено и востребовано и как средство защиты наиболее значимых социальных ценностей, и как средство обеспечения социальной справедливости, и как средство кары и предупреждения совершения новых преступлений (ст. 43 УК РФ).

Технология наказания, то есть осуществление государственного принуждения, выражается в применении к осужденным различных по характеру лишений и ограничений прав и свобод: лишение жизни, лишение или ограничение свободы, удаление из мест постоянного проживания, заключение, содержание под надзором (помещение в исправительное учреждение, исправительный центр, арестный дом, гауптвахту, дисциплинарную воинскую часть), принуждение к исправительному труду, ограничение свободного личного времени, удержания из заработка, денежное взыскание, осуществление контроля, применение дисципли-

нарного воздействия, физической силы, специальных средств и оружия (ст. 43–59 УК РФ).

Строгость наказания находит выражение в степени и характере лишений и ограничений, через механизм воздействия на социально значимые для человека блага: жизнь, право на свободу, право на неприкосновенность личности, незыблемость собственности, личную независимость, невмешательство в организацию частной жизни и личного духовного пространства, свобода выбора трудовой деятельности, организации отдыха и досуга. Чем строже наказание, тем радикальнее оно затрагивает права и свободы человека. Вместе с тем наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, не может иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Кара есть сущность наказания и мера уголовной ответственности. Как мера уголовной ответственности наказание имеет принудительно-ограничительный характер и применяется по принципу достаточности для исправления осужденного. Более того, возможность исправления осужденного без реального применения государственного принуждения в форме наказания и иных мер уголовно-правового воздействия позволяет применять процедуры и правовые механизмы воздействия, не прибегая к применению традиционных форм реализации уголовной ответственности. На этот счет законодатель предусмотрел достаточно широкий спектр оснований освобождения от уголовной ответственности (ст. 75–76.1, 78, 90, 126, 205, 206, 208, 210 УК РФ и др.), освобождения от отбывания наказания (ст. 73, 79, 80.1–83), замены наказания другим более мягким видом, назначения наказания по принципу достаточности для исправления более мягкого вида, из предусмотренных санкцией (ч. 1 ст. 60), установления ограничений при определении срока и размера наказания (ст. 62, ч. 1 ст. 65), назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ). Указанные положения уголовного закона свидетельствуют об отсутствии в содержании уголовной политики преобладания репрессивной направленности. Вместе с тем применение к осужденному наказания – это обусловленная требованием уголовного закона вынужденная мера реагирования системы уголовной юстиции на виновное, общественно опасное поведение физического лица, исправление которого возможно лишь путем карательного и исправительного воздействия. Осознание своей вины позволяет осужденному в процедуре исполнения наказания быть не только объектом карательного воздействия, но и активным субъектом правовых отноше-

ний «ресоциализации» – восстановления социальной значимости своей личности и неупречного постпреступного достоинства – отбывтием наказания и правопослушным поведением.

Гуманистическое политико-правовое значение уголовного наказания проявляется в содержании уголовной и уголовно-исполнительной политики государства, направленной на оптимизацию законодательного выражения системы наказаний, отдельных видов наказаний, депенализацию санкций и расширение правовых оснований применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного, смягчение (замена) наказания в виде лишения свободы, более широкое применение вместо наказаний других мер уголовно-правового характера. Более того, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство предусматривает в процедуре исполнения и отбывания наказания возможность его смягчения путем изменения вида исправительного учреждения (ст. 78 УИК РФ), замены его на более мягкий вид либо применения отсрочки его отбывания (ст. 80, 82, 82.1), досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79, 81), амнистии и помилования (ст. 84, 85 УК РФ).

Применение в процессе исполнения наказания элементов прогрессивной системы отбывания наказания, основу которой составляют векторы «экономии репрессии» и способствования ресоциализации осужденного, не позволяет в современных условиях оценивать кару преимущественно как воздаяние за содеянное. Ведь законодательно установлен общий порядок, что при ориентации осужденного на исправление и при отбытии установленной в уголовном законе части наказания либо ему смягчается наказание, либо он освобождается от его отбывания, либо применяется отсрочка отбывания такового. Это является проявлением гуманизма, указывающего на отсутствие в уголовной политике государства стремления причинять излишние страдания осужденному, исправляющемуся в пределах назначенного срока наказания. Ослабление карательного принуждения и освобождение от наказания в целом законодатель поставил в зависимость от стремления осужденного к исправлению. Следовательно, кара за преступление не есть цель причинения боли и страдания осужденному. Она лишь форма ответственности, которая предусматривает принуждение осужденного к претерпеванию правовых ограничений, а также к исправлению, вытекающих из сущности и целей наказания.

Рассматривая проблему наказания, Н. С. Таганцев отмечал: «...наказание представляется двулицым Янусом, призванным и карать, и исправлять

осужденного». Вместе с тем он выделял и другой важный аспект уголовного наказания: «...борьба с преступлением в его проявлении и последствиях с целью охраны правового порядка – вот та задача, которую преследует государство в своей карательной деятельности. При этом если сложно и разнообразно то, с чем борется государство, то также разнообразны и сложны орудия борьбы, начиная с первого момента угрозы закона и кончая последним актом – действительным выполнением наказания». Государство как гарант правопорядка в обществе, в котором неприемлемы уголовно наказуемые проявления, обладает правом поддерживать его и уголовно-правовыми средствами. В этом значении наказание как мера государственного принуждения «...применяется ради его полезности» [1, с. 627, 649, 678, 682].

Таким образом, уголовно-правовой запрет не только отрицает возможность преступного поведения, но и содержит угрозу применения государственного принуждения за его несоблюдение в виде наказания. Это позволяет лицу, совершающему преступление, всегда проецировать на себя невозможную форму уголовной ответственности, а именно – конкретное наказание. Наказание – это уголовно-правовая реальность, которая порождается противоправным деянием конкретного физического лица. Не государство карает преступника, а он сам себя, преступая грань дозволенного. Государство лишь реализует требования об уголовной ответственности на этапе правосудия, осуществляя должное принуждение в форме наказания либо исправительных мер уголовно-правового характера. В процедуре же применения и исполнения наказания государство стремится помочь осужденному «реабилитировать» себя (искупить вину), отбыть наказание либо режим испытания, доказав свое исправление (ст. 43, 73, 74, 79, 82, 82.1 УК РФ, ст. 9 УИК РФ).

Закрепляя в Уголовном кодексе Российской Федерации понятие и цели наказания (ст. 43), их систему (ст. 44) и классификацию (ст. 45), конкретные их виды (выражение их сущности: ст. 46–59), порядок назначения (ст. 60–72), освобождения от наказания (ст. 73, 74, 79–85), особенности применения наказания в отношении несовершеннолетних осужденных (ст. 88, 89, 92–94), санкции составов преступлений Особенной части УК РФ, государство выражает и вполне определенно позиционирует свое стремление прежде всего с помощью наказания защитить наиболее важные социальные ценности от преступных посягательств. На это важнейшее проявление наказания как непоколебимого свойства уголовной ответственности в

последнее время все чаще стали обращать внимание ученые в связи с внесением ряда изменений и дополнений в УК РФ по форсированию курса на декриминализацию и депенализацию. При этом важно отметить, что акцент возражений ориентирован на недопустимость «размывания» теоретических основ понятия и содержания уголовной ответственности и наказания, логики системности Уголовного кодекса РФ, а также не всегда оправданной поспешности внедрения в судебную практику мер некарательного исправления осужденных [2].

Следуя принципу неотвратимости уголовной ответственности, на основе достаточно гибкого правового механизма уголовно-правового принуждения, государство формирует и обеспечивает правосудие с учетом реализации целей наказания, в которых находят воплощение интересы государства, общества, личности, пострадавшей от преступного посягательства, и осужденного (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

В юридическом смысле наказание представляет собой выражение в правовых нормах принципа законности, то есть наличия правовой основы, отражающей содержание, неотвратимость и реальность уголовно-правового принуждения, в форме кары в случае совершения физическим лицом преступления. В уголовном законе сущность и логика наказания отражены как в общем его понятии (ст. 43 УК РФ), в системе наказаний (ст. 44 УК РФ – виды, характер и пределы уголовно-правовой кары), так и в санкциях конкретных видов преступлений (обязательных и исходных для суда параметрах для индивидуализации ответственности и наказания), поэтому сама дефиниция «наказание» отражает предупредительную, карательную и исправительную сущность государственного принуждения как особого вида деятельности. Мы полагаем, что в УК РФ использованы аксиоматический и экстенционально-семантический приемы выражения дефиниции понятия наказания [3].

Применение наказания и его исполнение – это акт правосудия в связи с совершением преступления в интересах обеспечиваемого государством правопорядка, безопасности и спокойствия общества, защиты прав и законных интересов граждан, восстановления социальной справедливости.

Закрепление в уголовном законе конкретных видов наказаний имеет принципиальное значение для отражения правовых основ обеспечения законности, для формирования правового сознания населения страны об уголовной ответственности (основаниях и формах государственного принуждения) и характере правоприменения.

В начале XX в. в России наказание перестало быть доминирующей формой реализации уголовной ответственности, что в перспективе имело важное значение для изменения содержания уголовной политики. В уголовном законодательстве наряду с наказаниями получили выражение и применение исправительные меры уголовно-правового характера. Одной из первых таких мер стало условное осуждение. Оно получило закрепление в Положении о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г., которым судам предоставлялось право выносить приговоры об условном или полном освобождении обвиняемого от всякого наказания (ст. 23).

Условное осуждение в УК РСФСР 1922 г. было включено в систему наказаний и иных мер социальной защиты. Тем самым законодатель относил условное осуждение к иным мерам социальной защиты, применяемым к осужденным к лишению свободы за преступления, совершенные при стечении тяжелых жизненных обстоятельств. В УК РСФСР 1926 г. в шестом разделе получает наиболее полное правовое выражение сущность условного осуждения как специальной формы реализации уголовной ответственности. Применение условного осуждения становится возможным при назначении наказаний в виде лишения свободы и принудительных работ.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. также закреплял положения о применении условного осуждения при назначении судами наказаний в виде исправительных работ и лишения свободы (ст. 44). Советское уголовное законодательство того периода не предусматривало никаких ограничений в применении условного осуждения. Вместе с тем практика его применения не была столь широкой, как в настоящее время. По нашему мнению, «ограничителем» в применении условного осуждения выступали рекомендации Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г. № 1 «О судебной практике по применению условного осуждения». В них предписывалось, как правило, не применять условное осуждение к осужденным за тяжкие преступления. Исключение могли составлять лишь лица, которые в совершении таких преступлений выполняли второстепенные роли, при наличии данных о личности и обстоятельствах дела, свидетельствующих о нецелесообразности изоляции осужденного от общества. Срок условного осуждения мог определяться судом от одного года до пяти лет. Указанный вариант условного осуждения предусматривал передачу осужденного общественной организации или трудовому коллективу на перевоспитание. Возложение судом других обязанностей на осужденного не предусматривалось.

В 1977 г. в УК РСФСР была введена еще одна разновидность условного осуждения. Такой разновидностью условного осуждения стала отсрочка исполнения приговора (ст. 46.1 УК РСФСР), которая могла быть применима к лицу, впервые осуждаемому к лишению свободы на срок до 3 лет. Срок отсрочки мог устанавливаться от одного года до двух лет. Суд в целях исправления осужденного и предупреждения правонарушений имел право возлагать на него обязанности и запреты. Решение об отмене отсрочки по истечении испытательного срока обязательно принималось судом.

Наличие двух разноименных видов условного осуждения позволило включить в Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. ст. 47 «Условное неприменение наказания», которая рекомендовала в республиканских кодексах закреплять виды условного неприменения наказания, не конкретизируя их виды.

Современное уголовное законодательство трансформировало прежнее «советское» условное осуждение (ст. 44 УК РСФСР) и отсрочку исполнения приговора (ст. 46.1 УК РСФСР) в условное осуждение (ст. 73, 74 УК РФ). Наряду с этим, в УК РФ (ст. 82 и 82.1) появился новый вид отсрочки отбывания наказания. Она стала более определенной и универсальной с учетом своей направленности и по основаниям применения, что значительно отличает ее от условного осуждения. Теперь может быть отсрочено отбывание наказания беременной женщине, а также осужденной женщине и мужчине (если он единственный родитель), имеющим малолетних детей, не достигших 14-летнего возраста. Отсрочка не может быть применима только к осужденным к ограничению свободы и к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, к лишению свободы на срок свыше 5 лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности. Суд может отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста.

Кроме того, применение отсрочки отбывания наказания предусмотрено большим наркоманией, которые осуждены к лишению свободы, признанным больными наркоманией, совершившим впервые преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, и изъявившим желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию. Суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и медицинской и социальной реабилитации, но не более чем на пять лет (ст. 82.1 УК РФ).

По истечении срока наказания, достижении ребенком возраста 14 лет суд может принять решение о сокращении срока отсрочки отбывания наказания и об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо заменяет оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания.

В отношении осужденных, завершивших прохождение курса лечения от наркомании, медицинской реабилитации, социальной реабилитации, и при наличии объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой после окончания лечения, медицинской реабилитации, социальной реабилитации составляет не менее двух лет, суд принимает решение об их освобождении от отбывания наказания или оставшейся части наказания.

Институт условного осуждения и отсрочка исполнения наказания – это правовая реальность. Они отражают уровень развития уголовной политики, уголовно-правовых отношений, форм реализации уголовной ответственности, теоретического осмысления данных правовых явлений. Вместе с тем в современном уголовном законодательстве они отражают совершенно разные по сущности, характеру и целям формы реализации уголовной ответственности. Современные черты указанных мер уголовно-правового характера не в полной мере подпадают под признаки «условного неприменения наказания», нормы которого нашли отражение в ст. 47 Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г.

Попытка на уровне диссертационного исследования вновь обосновать необходимость объединить в самостоятельный институт «условного неприменения наказания» условное осуждение и отсрочку отбывания наказания нам представляется не в полной мере обоснованной, ибо не учитываются происшедшие изменения в сущности обеих мер уголовно-правового характера с принятием УК РФ 1996 г. [4, с. 5–6].

С момента введения в действие Уголовного кодекса РФ почти десятилетие «не работали» 3 вида основных «отложенных» наказаний [5]. До настоящего времени не решен до конца вопрос о применении наказаний в виде ареста и принудительных работ (прежнего наказания в виде ограничения свободы). В указанный период вносились изменения в регламент применения штрафа, исправительных и обязательных работ, ограничения свободы, лишения свободы на определенный срок. Вопрос о неприменении смертной казни до сих пор не имеет завершеного правового решения [6].

В настоящее время система наказания по причине изменения сущности и карательного потен-

циала наказания в виде ограничения свободы и специфики принудительных работ в определенной мере утратила свойства «лестницы наказания».

Отмеченные проблемы современной теории наказания, практики применения и исполнения

наказаний, других мер уголовно-правового характера нуждаются в научном переосмыслении и должны получить непротиворечивое отражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве.

Список литературы:

1. Таганцев Н. С. Курс уголовного права. СПб., 1902. 178 с.
2. Кленова Т. В. Правоприменительная форма реализации уголовной политики // Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Саратов, 2007. URL: [http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/klenova\(16-05-07\).htm](http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/klenova(16-05-07).htm). (дата обращения: 10.09.2014).
3. Безверхов А. Г. О законодательном закреплении дефиниции уголовного наказания // Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Саратов, 2010. URL: http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=pub_10.htm (дата обращения: 13.09.2014).
4. Агзамова И. М. Условное неприменение уголовного наказания как комплексный правовой институт : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 58 с.
5. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учебник. М., 2006. 720 с.
6. Быков В. М. Имел ли право Конституционный Суд РФ приостановить действие Конституции Российской Федерации? URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=10&art=814>.

BORIS ZUFAROVICH MALIKOV,

PhD in law (Doktor Nauk), professor, professor of criminal law department
(Ministry of Internal Affairs Ufa legal institute of Russia)

E-mail: malikov_bz@mail.ru.

**EXPRESSION AND REALIZATION OF CRIMINAL LIABILITY IN PUNISHMENT
AND NOT PUNITIVE MEASURES OF CRIMINAL AND LEGAL CHARACTER**

Annotation: criminal liability receives the realization in punishment, not in punitive measures of criminal and legal character, at institutes of release from criminal liability and punishment, in a criminal record. Punishment is the main and defining form of criminal liability. It is a threat, a penalty, a criterion of public danger of crimes in the mechanism of their categorization, it is directly or indirectly shown in legal expression of concept of a crime, by means of reflection them in sanctions allow to individualize responsibility.

In the mechanism of punishment the state coercion is a power component of impact on offenders in the form of criminal procedure and criminal and legal retaliatory remedial measures. Such coercion is legitimate as the state represented by court is allocated with the right to apply measures of criminal procedure suppression, punishment and other measures of criminal and legal character.

Humanistic political and legal value of criminal penalty is shown in the maintenance of the criminal and criminal and executive policy of the state directed on optimization of legislative expression of system of punishments, separate types of punishments, depenalisation of sanctions and expansion of legal grounds of application of the punishments which are not connected with isolation condemned, mitigation (replacement) of punishment in the form of imprisonment, broader application instead of punishments of other measures of criminal and legal character.

The hasty speeding up of a course on decriminalization and depenalisation which is carried out in recent years will not always be coordinated with tasks of the criminal legislation and that important role which carries out punishment in the mechanism of criminal liability (Art. 2 of the criminal code of Russian Federation). It brings to washing out of theoretical bases of concept and the maintenance of criminal liability and punishment, logic of systemacity of the Criminal code of the Russian Federation.

Only during the Soviet period in Russia the criminal policy started finding the new contents. Along with punishments to convict began to apply conditional conviction, a conditional early release, a delay of execution of a sentence (punishment serving).

The criminal policy declared in the criminal code of Russian Federation for nearly 20 years experienced «crisis» of punishment, system of punishments, applications of sanctions, executions of punishments.

Key words: criminal liability, punishment, sanction, imprisonment, forced labor, conditional conviction, punishment serving delay, correctional facility, alternatives to imprisonment, conditional non-use of punishment.

References

1. Tagancev N. S. Kurs ugolovnogo prava [Kurs of criminal law]. Sankt-Peterburg, 1902. 178 p.
2. Klenova T. V. Pravoprimeritel'naja forma realizacii ugolovnoj politiki [Law-enforcement form of realization of criminal policy]. Available at: Saratovskij Centr po issledovaniju problem organizovannoj prestupnosti i korrupcii [The Saratov Center for research of problems of organized crime and corruption]. Saratov, 2007. [http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/klenova\(16-05-07\)](http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/klenova(16-05-07)). (Accessed 10 October 2014).
3. Bezverhov A. G. O zakonodatel'nom zakreplenii definicii ugolovnogo nakazanija [About legislative fixing of a definition of criminal penalty]. Available at: Saratovskij Centr po issledovaniju problem organizovannoj prestupnosti i korrupcii [The Saratov Center for research of problems of organized crime and corruption]. Saratov, 2010. http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=pub_10.htm (Accessed 13 September 2014).
4. Agzamova I. M. Uslovnoe neprimenenie ugolovnogo nakazanija kak kompleksnyj pravovoj institute. Diss. dokt. jurid. nauk abstract [Conditional non-use of criminal penalty as complex legal institute. Dr. jurid. sci. diss. abstract]. Moscow, 2014, p. 5–6.
5. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teorija, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaja praktika konca XIX – nachala XXI veka [Criminal and executive right of Russia: the theory, the legislation, the international standards, domestic practice of the end of XIX – the beginning of the XXI century]. Moscow, 2006, 720 p.
6. Bykov V. M. Imel li pravo Konstitucionnyj Sud RF priostanovit' dejstvie Konstitucii Rossijskoj Federacii? [Whether the Constitutional Court of the Russian Federation had the right to suspend the Constitution of the Russian Federation?]. Available at: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=10&art=814>.

УДК 343.24(44)
ББК 67.408(4фр2)
Р24

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РАСТОРПОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов
в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора
в уголовном судопроизводстве
(Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации)
E-mail: rastoropov_sv@mail.ru.

НАКАЗУЕМОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ СОСТАВА ОТМЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ ФРАНЦИИ (Ст. 324-1)

Реферат: наказуемость за совершение состава отмывания по Уголовному кодексу Российской Федерации представляется достаточно любопытной с точки зрения дифференциации уголовной ответственности и реализации принципа индивидуализации наказания виновному. Все дело в том, что французский законодатель предусматривает меры уголовно-правовой ответственности отдельно в отношении физических лиц, а также юридических лиц, привнося в них довольно широкие границы судейского усмотрения. Это, как представляется, достаточно перспективно в плане выполнения задач, стоящих перед правосудием.

Наказание за отмывание предусмотрено в ст. 324-1 Уголовного кодекса Франции, которая устанавливает наказание в виде лишения свободы на 5 лет и штраф в размере 375 000 евро. При отягчающих обстоятельствах, то есть при совершении преступления с использованием служебного положения или организованной бандой, сроки лишения свободы и штрафа возрастают соответственно до 10 лет и до 750 000 евро (ст. 324-2 УК Франции). При этом и другие статьи Уголовного кодекса Франции предусматривают ответственность за совершение отмывания, первоначальным правонарушением по которому, в частности, являются следующие составы: сутенерство, торговля наркотиками и таможенные правонарушения.

Характерно, что наряду с основными наказаниями физические лица, виновные в совершении преступных деяний, определенных ст. 324-1 и 324-2 УК Франции, могут быть подвергнуты дополнительным наказаниям, предусмотренным ст. 324-7 и 324-8 УК Франции:

запрещение занимать публичную должность или выполнять профессиональную или общественную деятельность, при осуществлении или в связи с осуществлением которой преступное деяние было совершено;

запрещение хранения или ношения сроком не более 5 лет оружия, на которое требуется разрешение;

запрещение сроком не более 5 лет пускать в обращение чеки иные, нежели те, что позволяют получать средства векселедателям в присутствии плательщика по переводному векселю, или те, что удостоверены, и использовать кредитные карточки;

лишение сроком не более 5 лет водительских прав, причем это лишение может быть ограничено вожждением вне рамок профессиональной деятельности;

аннулирование водительских прав с запрещением ходатайствовать о выдаче новых прав в течение не более 5 лет;

конфискация одного или нескольких транспортных средств, принадлежащих осужденному;

конфискация одной или нескольких единиц оружия, принадлежащего осужденному или находящегося в его свободном распоряжении;

конфискация вещи, которая служила или была предназначена для совершения преступного деяния, или вещи, которая получена в результате преступного деяния, за исключением предметов, подлежащих реституции;

запрещение пользоваться политическими, гражданскими и семейными правами;

запрещение местопребывания в порядке ст. 131-31 УК Франции, то есть запрещение появляться в некоторых местах, определенных судом;

запрещение сроком не более 5 лет покидать территорию Франции.

Уголовный кодекс Франции уделяет внимание уголовной ответственности юридических лиц, которой посвящена ст. 324-9. Она предусматривает, что юридические лица могут нести уголовную ответственность за совершение преступных деяний, определенных в ст. 324-1 УК Франции. Наказания, которым подвергаются юридические лица:

штраф по правилам, предусмотренным ст. 131-38 УК Франции;

наказания, установленные в ст. 131-39 УК Франции (прекращение деятельности, запрещение осуществлять определенные виды профессиональной или общественной деятельности, помещение под судебный надзор, бессрочное или срочное исключение из участия в договорах и т. п.).

Ключевые слова: уголовная ответственность, Уголовный кодекс Франции, состав отмывания, уголовное наказание, штраф, лишение свободы, дополнительные наказания, ответственность юридических лиц, дифференциация уголовной ответственности, индивидуализация наказания.

Ответственность физических лиц. По общему правилу наказание за отмывание, то есть «деяние, выразившееся в облегчении любым способом ложного обоснования источника происхождения имущества или доходов исполнителя какого-либо преступления или проступка, обеспечивающего ему прямую или косвенную выгоду... и деяние, выразившееся в оказании содействия какой-либо операции по размещению, сокрытию или конверсии того, что прямо или косвенно получено в результате совершения какого-либо преступления или проступка», предусмотрено в ст. 324-1 УК Франции, которая устанавливает наказание в виде лишения свободы на 5 лет и штраф в размере 375 000 евро.

Отягчающими обстоятельствами являются систематическое совершение преступления, его совершение с использованием служебного положения или организованной бандой. В этом случае в соответствии со ст. 324-2 УК Франции отмывание наказывается лишением свободы до 10 лет и штрафом до 750 000 евро. И в том и в другом случае ст. 324-3 предусмотрено, что размер штрафа может быть увеличен до половины стоимости имущества или денежных средств, относительно которых проводились операции по отмыванию. При этом и другие статьи УК Франции предусматривают ответственность за совершение отмывания, первоначальным правонарушением по которому, в частности, являются следующие составы: сутенерство (а), торговля наркотиками (б) и таможенные правонарушения (в).

а. Ответственность за отмывание, первоначальным правонарушением которого является сводничество (занятие сутенерской деятельностью). Так, в соответствии с п. 2 ст. 225-6 УК Франции «облегчение сутенеру легализации фиктивных источников его доходов» признается деянием, тождественным сводничеству, которое, в свою очередь, наказывается 7 годами лишения свободы и штрафом в размере 150 000 евро.

б. Ответственность за отмывание, первоначальным правонарушением которого является производство, транспортировка, торговля наркотиками. Статья 222-38 предусматривает, что 10 годами лишения свободы и штрафом в размере 750 000 евро наказывается любое «способствование ложной ле-

гализации происхождения доходов или имущества, принадлежащих лицу, совершившему какое-либо из преступных деяний, указанных в статьях с 222-34 по 222-37...», а именно:

б' «руководство группировкой или организация группировки, имеющей целью производство, изготовление, ввоз, вывоз, транспортировку, хранение, предложение, передачу, приобретение или незаконное употребление наркотиков» (ст. 222-34);

б'' «незаконное производство или изготовление наркотиков» (ст. 222-35);

б''' «незаконный ввоз или вывоз наркотиков» (ст. 222-36);

б'''' «незаконная транспортировка, хранение, предложение, передача, приобретение или употребление наркотиков ...облегчение каким бы то ни было способом незаконного употребления наркотиков, добывания наркотиков посредством фиктивных рецептов или попустительства другого лица, либо выдача наркотиков по таким рецептам, если известны их фиктивный характер или то, что они получены по попустительству другого лица» (ст. 222-37)

...или «оказание помощи в любой операции по размещению, сокрытию или обращению полученного в результате какого-либо из вышеуказанных преступных деяний».

Важным является тот факт, что ст. 222-38 не устанавливает предел штрафа по указанному в ней правонарушению, а лишь определяет порядок его исчисления. Так, статья предусматривает, что штраф может быть увеличен вплоть до половины стоимости имущества или капиталов, в отношении которых проводились операции по отмыванию. Таким образом, лицо может быть приговорено и к большему штрафу, чем 750 000 евро. Но и это не предел. Французский законодатель приблизил отмывание к первоначальному преступлению таким образом, что если преступное деяние было направлено на имущество или капиталы от какого-либо из преступлений, указанных в ст. 222-34 – 222-36 (2-й абз.), лицо, его совершившее, карается наказаниями, предусмотренными за преступления, о которых ему было известно.

Более того, когда преступление, первоначальный проступок или преступление наказывается лишением свободы на срок, превышающий срок, предусмотренный ст. 324-1, 324-2, отмывание наказыва-

ется указанными сроками лишения свободы в том случае, если субъект данного правонарушения о них знал. Такой же принцип действует в отношении отягчающих обстоятельств первоначального правонарушения, если опять же он о них знал (ст. 324-4 УК Франции).

К описанным выше «основным наказаниям» физические лица, виновные в совершении преступных деяний, определенных в ст. 324-1 и 324-2 УК Франции, могут быть подвергнуты «дополнительным наказаниям», предусмотренным ст. 324-7 и 324-8 УК Франции, которые странным образом не соответствуют тем, которые применяются к укрытелям краденого.

Вопрос дополнительных наказаний рассматривается в Отделе II УК Франции – «Дополнительные наказания, применимые к физическим лицам, и уголовная ответственность юридических лиц», который предусматривает следующие виды дополнительных наказаний.

Во-первых, запрещение занимать публичную должность или выполнять профессиональную или общественную деятельность, при осуществлении или в связи с осуществлением которой преступное деяние было совершено. Это запрещение является бессрочным в случае, предусмотренном в ст. 324-2 УК Франции, и составляет не более 5 лет – в случае, предусмотренном в ст. 324-1 УК Франции. Поскольку в соответствии с п.1 ст. 324-7 УК Франции данное наказание применяется в порядке ст. 131-27 УК Франции, оно не распространяется на деятельность, связанную с осуществлением выборной должности, и профсоюзную деятельность.

Во-вторых, запрещение хранения или ношения сроком не более 5 лет оружия, на которое требуется разрешение.

В-третьих, запрещение сроком не более 5 лет пускать в обращение чеки иные, нежели те, что позволяют получать средства векселедателям в присутствии плательщика по переводному векселю, или те, что удостоверены, и использовать кредитные карточки.

В-четвертых, лишение сроком не более 5 лет водительских прав, причем это лишение может быть ограничено вождением вне рамок профессиональной деятельности.

В-пятых, аннулирование водительских прав с запрещением ходатайствовать о выдаче новых прав в течение не более 5 лет.

В-шестых, конфискация одного или нескольких транспортных средств, принадлежащих осужденному.

В-седьмых, конфискация одной или нескольких единиц оружия, принадлежащего осужденному или находящегося в его свободном распоряжении.

В-восьмых, конфискация вещи, которая служила или была предназначена для совершения преступного деяния, или вещи, которая получена в результате преступного деяния, за исключением предметов, подлежащих реституции.

В-девятых, запрещение пользоваться политическими, гражданскими и семейными правами. В соответствии с п. 7 ст. 324-7 УК Франции данное наказание применяется в порядке ст. 131-26 УК Франции и, следовательно, распространяется на право избирать, быть избранным, право занимать судебную должность или быть экспертом в суде, представлять или оказывать помощь какой-либо стороне в судебном процессе, право свидетельствовать в суде, за исключением дачи обычных объяснений, права быть опекуном или попечителем. Правда, в части последнего запрещения французский законодатель предусмотрел, что оно не исключает возможности быть опекуном или попечителем своих собственных детей после заключения судьи по опеке и решения совета по вопросам семьи. Кодекс предусмотрел, что запрещение пользоваться политическими, гражданскими и семейными правами не может превышать десяти лет в случае осуждения за преступление и пяти лет в случае осуждения за проступок. Суд может назначить запрещение пользоваться всеми или частью этих прав. Надо добавить, что запрещение пользоваться правом избирать и быть избранным, назначенное во исполнение ст. 131-26, влечет за собой запрещение занимать публичную должность.

В-десятых, запрещение местопребывания в порядке ст. 131-31, которая, в свою очередь, предусматривает, что наказание в виде запрещения местопребывания влечет за собой запрещение появляться в некоторых местах, определенных судом. Помимо этого, оно включает в себя меры надзора и содействия. Перечень запрещенных мест, а также меры надзора и содействия могут быть изменены судьей по исполнению наказаний в порядке, предусмотренном УПК РФ. Запрещение местопребывания не может превышать десяти лет в случае осуждения за преступление и пяти лет в случае осуждения за проступок.

В-одиннадцатых, запрещение сроком не более пяти лет покидать территорию страны.

Наконец, французский законодатель специально предусмотрел в ст. 324-8 УК Франции наказание в виде запрещения пребывать на территории страны в отношении любого иностранца, виновного в совершении какого-либо из преступных деяний, предусмотренных ст. 324-1 и 324-2 УК Франции. Такое запрещение может быть назначено и при условиях, предусмотренных ст. 131-30 УК Франции, в качестве бессрочного наказания либо сроком не более 10 лет.

Статья 131-30 УК Франции определяет, что иностранному лицу может устанавливаться наказание в виде запрещения пребывать на территории Франции бессрочно или сроком не более десяти лет в отношении любого иностранца, виновного в совершении какого-либо преступления или проступка. Запрещение пребывания на французской территории влечет за собой на законных основаниях препровождение осужденного к границе, в случае необходимости – по отбытии им наказания в виде тюремного заключения или уголовного заключения.

Если запрещение пребывания на французской территории сопровождается наказанием в виде лишения свободы без отсрочки, его исполнение откладывается на срок отбывания лишения свободы. Оно приводится в исполнение в течение периода, установленного обвинительным приговором, начиная со дня, когда лишение свободы кончилось. При этом суд может назначить запрещение пребывания на французской территории только специальным решением, мотивированным тяжестью преступного деяния и личным и семейным положением осужденного иностранца, если он является:

а) осужденным иностранцем – отцом или матерью французского ребенка, проживающего во Франции, – при условии, что осужденный или осужденная осуществляют в отношении этого ребенка хотя бы частично родительскую власть или фактически оказывают ему материальную помощь;

б) осужденным иностранцем, состоящим в браке в течение не менее одного года с супругом, имеющим французское гражданство, при условии, что вступление в брак предшествовало совершению деяний, повлекших за собой осуждение, что совместная жизнь не была прекращена и что супруг сохранил французское гражданство;

в) осужденным иностранцем, представившим доказательство тому, что он постоянно проживает на территории Франции с момента достижения им возраста не более десяти лет;

г) осужденным иностранцем, представившим доказательства тому, что он проживает во Франции более пятнадцати лет;

д) осужденным иностранцем, получателем платежей от какой-либо французской организации в связи с несчастным случаем на производстве или

профессиональным заболеванием, если уровень утраты работоспособности равен или превышает 20 %;

е) осужденным иностранцем, постоянно проживающим во Франции, состояние здоровья которого требует медицинской помощи, непредоставление которой повлекло бы для него последствия исключительной тяжести, при условии, что он не может воспользоваться соответствующей помощью в той стране, откуда он происходит.

Ответственность юридических лиц. Уголовный кодекс уделяет внимание уголовной ответственности юридических лиц, которой посвящена ст. 324-9 УК Франции. Она предусматривает, что юридические лица могут нести уголовную ответственность за совершение преступных деяний, определенных в ст. 324-1 и 324-1, при наличии условий, предусмотренных ст. 121-2 УК Франции, которая гласит, что юридические лица, за исключением государства, подлежат уголовной ответственности в соответствии с положениями ст. 121-4–121-7 УК Франции и в случаях, предусмотренных законом или регламентом, за преступное деяние, совершенное в их пользу органами или представителями юридического лица.

Наказания, которым подвергаются юридические лица:

а) штраф по правилам, предусмотренным ст. 131-38 УК Франции;

б) наказания, установленные в ст. 131-39 УК Франции (прекращение деятельности, запрещение осуществлять определенные виды профессиональной или общественной деятельности, помещение под судебный надзор, бессрочное или срочное исключение из участия в договорах и т. п.). При этом запрещение, указанное в п. 2 ст. 131-39 УК Франции, относится к деятельности, при осуществлении или в связи с осуществлением которой преступное деяние было совершено.

Таким образом, французский законодатель наделил судебные органы достаточно внушительным арсеналом уголовно-правовых средств борьбы с составом отмывания, создав возможности дифференцированного подхода к правовой оценке и наказуемости за совершение рассматриваемого деяния, что следует учитывать в плане положительного опыта российскими специалистами.

SERGEY VLADIMIROVICH RASTOROPOV,
PhD in law (doktor nauk), professor,
department of public prosecutor's supervision of law observance
in detective activities and the prosecutor's participation
in criminal legal proceedings,
(Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation)
E-mail: rastoropov_sv@mail.ru.

**PUNISHABILITY FOR COMMISSION THE
STRUCTURE OF WASHING UNDER THE CRIMINAL CODE OF FRANCE (ART. 324-1)**

Annotation: punishability for commission the structure of washing under the Criminal code of the Russian Federation is represented rather curious from the point of view of differentiation of criminal liability and realization of the principle of an individualization of punishment of a guilty. All the matter is that the French legislator provides measures of the criminal and legal responsibility separately concerning natural persons, and also legal entities, introducing in them quite wide borders of a judicial discretion. It is rather perspective in respect of achievement of the tasks facing justice as it is represented.

Punishment for washing is prescribed in Art. 324-1 of the Criminal code of France which establishes punishment in the form of deprivation for 5 years and a penalty of 375 000 euros. Under the aggravating circumstances, that is at commission of crime with use of official position or an organized gang terms imprisonment and a penalty increase respectively till 10 years and to 750 000 euros (Art. 324-2 of the Criminal code of France). Thus the other articles of the Criminal code of France also provide responsibility for washing commission an initial offense on which, in particular, are the following structures: pimping, drug traffic and customs offenses.

It is characteristic that along with the main punishments the natural persons guilty of commission of criminal actions, certain by Art. 324-1 and 324-2 of the Criminal code of France, can be subjected to the additional punishments prescribed by Art. 324-7 and 324-8 of the Criminal code of France:

prohibition to hold a public position or to carry out professional or public work, at implementation or in connection with which implementation the criminal action was made;

prohibition of storage or carrying no more than 5 years the weapon on which permission is required;

to put prohibition no more than 5 years in the circulation checks others, than that means to drawers in the presence of the payer according to the draft allow to receive, or that are certified, and to use credit cards;

deprivation no more than 5 years of the driving license, and this deprivation can be limited to driving outside professional activity;

cancellation of the driving license with prohibition to petition for delivery of the new rights within no more than 5 years.

confiscation of one or several vehicles belonging to the condemned;

confiscation of one or several units of the weapon belonging condemned or being at its free disposal;

confiscation of a thing which served or was intended for commission of criminal action, or a thing which is received as a result of criminal action, except for the subjects which are subject to a restitution;

prohibition to have political, the civil and family rights;

prohibition of a residence as Art. 131-31 of the Criminal code of France, that is prohibition to appear in some places determined by court;

prohibition no more than 5 years to leave the territory of France.

The criminal code of France separately pays attention to criminal liability of legal entities to which separate Art. 324-9 is devoted. It provides that legal entities can bear criminal liability for commission of the criminal actions defined in Art. 324-1 of the Criminal code of France. Punishments to which legal entities are exposed:

penalty by the rules provided by Art. 131-38 of the Criminal code of France;

the punishments specified in Art. 131-39 of the Criminal code of France (the activity termination, prohibition to carry out certain types of professional or public work, the room under judicial supervision, a termless or urgent exception of participation in contracts, etc.).

Key words: criminal liability; Criminal code of France; structure of washing; criminal penalty; penalty; imprisonment; additional punishments; responsibility of legal entities; differentiation of criminal liability; punishment individualization.

УДК 343.21
ББК 67.408.0
С89

АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ СУМАЧЕВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса
(Тюменский государственный университет)
E-mail: alekssumachev@mail.ru.

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ СОГЛАСОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Реферат: в статье предлагается авторский взгляд на динамику уголовной ответственности, раскрываются дефиниции позитивной и негативной уголовной ответственности. Путем доктринального толкования норм уголовного законодательства решается проблема основания уголовной ответственности при неоконченном преступлении – приготовлении к преступлению или покушении на него. Доказывается, что основанием ретроспективной уголовной ответственности при неоконченном преступлении является деяние, содержащее признаки состава приготовления к тяжкому либо особо тяжкому преступлению, либо деяние, содержащее признаки состава покушения.

В основу решения проблемы момента возникновения уголовной ответственности кладется разведение категорий «возникновение» уголовной ответственности и «реализация» таковой. Определяется суть института освобождения от уголовной ответственности, который по смыслу закона предполагает наличие факта применения уголовно-правового принуждения либо факта объективно неизбежной потенциальной возможности применения такого принуждения.

Предлагается классификация форм реализации позитивной и ретроспективной уголовной ответственности, уточняются характерные признаки и правовые последствия всех мер уголовно-правового характера, в которых реализуется уголовная ответственность.

Через призму правового статуса личности решается вопрос оснований прекращения уголовной ответственности. Доказывается, что основанием прекращения позитивной уголовной ответственности является факт совершения лицом преступления либо декриминализация деяния, а также «нетипичное» основание – смерть человека. Прекращение ретроспективной уголовной ответственности предлагается отличать от окончания ее реализации, на основе чего классифицируются юридически значимые обстоятельства, с которыми закон связывает указанные последствия.

В заключение приводится понятие прекращения ретроспективной уголовной ответственности, в основу которого положена категория динамики правового статуса лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: уголовное правоотношение, возникновение уголовной ответственности, основание уголовной ответственности, формы реализации уголовной ответственности, позитивная уголовная ответственность, ретроспективная уголовная ответственность, уголовное наказание, мера уголовно-правового характера, согласованность уголовно-правовых норм, прекращение уголовной ответственности.

Учение об уголовной ответственности является едва ли не центральным в теории уголовного права. Вместе с тем в науке уголовного права не найдется иного учения, которое приковывало бы столь внушительное внимание ученых и отличалось бы поистине огромным многообразием научных идей и концепций в рамках его составляющих вопросов.

Основные проблемы учения об уголовной ответственности можно свести к вопросам о понятии, видах и основаниях уголовной ответственности, моменте ее возникновения и прекращения, а равно формах реализации таковой.

Традиционно в теории уголовного права выделяют два вида уголовной ответственности: позитивную и негативную (ретроспективную).

Под позитивной уголовной ответственностью понимается осознание необходимости лицом своего правомерного (ответственного) поведения, внутренней установка на такое поведение. Основанием возникновения позитивной уголовной ответственности является наличие уголовно-правового запрета, то есть закрепление (отражение) в Особенной части УК РФ конкретного преступления. Моментом возникновения позитивной уголовной ответственности следует признавать момент вступления уголовного закона в законную силу. Именно с этого времени начинает «действовать» уголовно-правовой запрет и для индивида «возникает» новая установка: соотносить свое поведение с требованиями уголовного закона – не нарушать уголовно-правовой запрет.

Вопрос о понятии негативной (ретроспективной) уголовной ответственности до сих пор является дискуссионным. Суммируя сложившиеся в теории подходы к решению этого вопроса, возможно дать следующую дефиницию негативной (ретроспективной) уголовной ответственности – это предусмотренная уголовным законом совокупность правоограничений принудительного характера, применяемых соответствующими органами государства (органами дознания, следствия или судом) к лицу, совершившему преступление, а равно испытывающее виновным страдания нравственного, имущественного или физического свойства, обусловленных лишением или ограничением его прав и свобод.

Вопрос об основании негативной уголовной ответственности особых дискуссий в науке не вызывает. Практически общепризнано, что единственным основанием уголовной ответственности (ретроспективной) является преступление. В уголовном праве это нашло отражение на уровне закона (ст. 8 УК РФ). Анализ указанного положения позволяет ученым выделить два основания ответственности: фактическое и юридическое (А. И. Марцев и др.). К первому из них относят сам поведенческий акт человека, а ко второму – конкретный состав преступления, предусмотренный Уголовным кодексом Российской Федерации.

Особо стоит вопрос об основании уголовной ответственности при неоконченном преступлении (приготовлении к преступлению или покушении на него). Так, буквальное толкование норм уголовного законодательства позволяет сформулировать весьма парадоксальный вывод – привлечение к уголовной ответственности лиц, преступная деятельность которых была пресечена на стадии приготовления либо покушения на преступление, а равно соучастников, которые не являлись соисполнителями преступления, уголовным законом прямо не урегулировано. По нашему мнению, основанием ретроспективной уголовной ответственности при неоконченном преступлении является деяние, содержащее признаки состава приготовления к тяжкому либо особо тяжкому преступлению, либо деяние, содержащее признаки состава покушения. При этом специфика состава приготовления или состава покушения заключается в том, что объективная сторона представляет собой сложное юридическое соединение нормы Общей части (ч. 1 или 3 ст. 30 УК РФ) и конкретной нормы Особенной части УК РФ. Именно этим и объясняется обязательная ссылка при квалификации неоконченного преступления на соответствующую часть ст. 30 УК РФ.

Решение проблемы возникновения негативной (ретроспективной) уголовной ответственности в теории уголовного права также неоднозначно. На наш взгляд, основной «ошибкой» в определении момента возникновения уголовной ответственности является смешение (отождествление) категорий «возникновение» уголовной ответственности и «реализация» таковой. Видимо, поэтому большинство ученых связывают момент возникновения ретроспективной уголовной ответственности либо с применением к лицу меры пресечения (вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого) (Т. А. Костарева, А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков), либо со вступлением в силу обвинительного приговора суда (В. Г. Смирнов, Б. Т. Разгильдеев).

В русском языке термин «возникновение» означает начало, зарождение, а термин «реализация» – осуществление, исполнение. Следовательно, моментом зарождения (возникновения) ретроспективной уголовной ответственности является совершение преступления (Н. А. Огурцов). Так, если факт совершения преступления остался неизвестным правоохранительным органам, мы говорим о том, что «уголовная ответственность осталась нереализованной (была нереализована)» (но не употребляем фразу «уголовная ответственность не возникла»).

В гл. 11 УК РФ указаны основания освобождения от уголовной ответственности. Можно, например, освободить от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием до момента применения к виновному мер уголовно-правового принуждения (на стадии предварительного расследования) (ст. 75 УК РФ). «Освободить» (не путать с термином «не привлечь») означает сделать свободным от чего- (кого-) либо. Освободить *еще* (или *уже*) свободного невозможно. Соответственно освобождение от уголовной ответственности по своей сути предполагает *наличие факта* применения уголовно-правового принуждения либо *факта объективно неизбежной потенциальной возможности* применения такого принуждения, но возможности уже возникшей (потому и реально неизбежной).

Таким образом, моментом возникновения негативной (ретроспективной) уголовной ответственности является совершение преступления, ибо с этого момента появляется реальная объективно неизбежная возможность применения предусмотренных уголовным законом правоограничений принудительного характера.

Под формами реализации уголовной ответственности следует понимать внешние проявления ответственности, характеризующиеся определенными признаками и правовыми последствиями.

Реализация позитивной уголовной ответственности происходит (осуществляется) в правомерном, а в нашем случае уголовно-правомерном поведении личности. Оно выражается в несовершении лицами преступлений и, по сути, характеризует реализацию одной из задач уголовного закона – общее предупреждение преступных деяний. При этом уголовно-правомерное поведение граждан может не являться абсолютно правомерным и быть сопряжено с совершением административных, дисциплинарных и гражданско-правовых деликтов. Основное в реализации позитивной уголовной ответственности – *несовершение преступлений*. Правовые последствия уголовно-ответственного поведения очевидны и основаны на принципе *poena suos tenere debet actors et non alios* (наказание должно применяться к действительным преступникам, а не к другим лицам).

Вопрос о формах реализации негативной уголовной ответственности в теории уголовного права решается неоднозначно. Эти разночтения в большей степени обусловлены различными подходами к пониманию негативной уголовной ответственности как таковой, выраженными в ее определении.

Исходя из понятия ретроспективной уголовной ответственности, приведенного выше, можно выделить следующие формы ее реализации: 1) наказание (ст. 43 УК РФ); 2) условное осуждение (ст. 73); 3) условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79); 4) отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 82); 5) принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90–92); 6) принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания (ч. 2 ст. 99, 104 УК РФ).

В предметно-практическом плане названные меры уголовно-правового характера рассматривать не будем, а остановимся на их общих чертах..

Итак, для всех указанных мер характерно следующее:

– конкретно-видовые правоограничения принудительного характера применяются только к лицу, виновному в совершении преступления (в большинстве случаев этот факт констатируется в обвинительном приговоре суда);

– применять правоограничения (устанавливать определенные обязанности для виновного) имеют право только соответствующие государственные органы (опять же в подавляющем большинстве это суд; применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних возможно по мотивированному решению органов дознания или следствия);

– перечень правоограничений, характерных для каждой из форм реализации ретроспективной уголовной ответственности, предусмотрен уголовным законом (например, ст. 46–59, ч. 5 ст. 73, ч. 2 ст. 79, ч. 2 ст. 82, ст. 90–92, ч. 2 ст. 99 и ст. 104 УК РФ);

– возложение дополнительных обязанностей на лицо есть отрицание его свободы, то есть принуждение, ибо *libertas est potestas faciendi id, quod jure licet* (свобода есть возможность делать то, что позволено по праву);

– любое принуждение, как отмечалось, обусловливает испытывание страданий какого-либо (нравственного, имущественного или физического) свойства.

Таким образом, названные меры уголовно-правового характера обладают всеми признаками, присущими негативной (ретроспективной) уголовной ответственности, и по праву могут быть отнесены к формам ее реализации.

Вопрос об основаниях прекращения уголовной ответственности также является дискуссионным. Основания прекращения уголовной ответственности есть конкретные жизненные обстоятельства (события или факты), с которыми уголовный закон связывает изменения в правовом статусе личности. В праве такие события и факты принято определять как юридические факты, то есть предусмотренные правом (законом) основания возникновения, изменения и прекращения правовых отношений.

Основанием прекращения позитивной уголовной ответственности является факт совершения лицом преступления либо декриминализация деяния (исключение его из разряда преступных). Особым («нетипичным») основанием прекращения позитивной (и вообще любой) уголовной ответственности является смерть человека, ибо *mors omnia solvit* (смерть решает все вопросы).

Определенные споры в теории уголовного права вызывают вопросы, связанные с основаниями и моментом прекращения негативной (ретроспективной) уголовной ответственности. Первоначально стоит заметить, что прекращение ретроспективной уголовной ответственности не следует смешивать с окончанием ее реализации. Соответственно основания прекращения и основания окончания фактической реализации негативной уголовной ответственности, равно как и моменты прекращения и окончания реализации таковой, могут не совпадать друг с другом (а могут быть едиными).

Так, основания окончания фактической реализации ретроспективной уголовной ответственности в форме наказания различны: а) фактическое отбытие назначенного судом наказания; б) условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; в) освобождение от дальнейшего отбывания нака-

зания в связи с изменением обстановки; г) освобождение от дальнейшего отбывания наказания в связи с болезнью; д) применение отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, лицам женского пола, фактически отбывающим наказание; е) освобождение от дальнейшего отбывания наказания в связи с амнистией или помилованием; ж) смерть отбывающего наказание осужденного.

Момент окончания реализации ретроспективной уголовной ответственности в форме наказания соотносится с названными событиями: а) вступление в силу решения суда о применении условно-досрочного освобождения; б) вступление в силу решения суда об освобождении от дальнейшего отбывания наказания в связи с изменением обстановки или в связи с болезнью; в) вступление в силу решения суда о применении отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, к лицам женского пола, фактически отбывающим наказание; г) вступление в законную силу закона об амнистии или акта о помиловании; д) наступление смерти отбывающего наказание осужденного.

Соответственно момент прекращения ретроспективной уголовной ответственности – это: 1) в отношении лиц, условно осужденных, – момент истечения испытательного срока; 2) в отношении лиц, осужденных к более мягким видам наказания, чем лишение свободы, – момент истечения одного года после отбытия или исполнения наказания;

3) в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за преступления небольшой или средней тяжести, – момент истечения трех лет после отбытия наказания; 4) в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за тяжкие преступления, – момент истечения шести лет после отбытия наказания; 5) в отношении лиц, осужденных за особо тяжкие преступления, – момент истечения восьми лет после отбытия наказания; 6) в отношении лиц, с которых судимость снята судом досрочно, – момент вступления решения суда в силу; 7) в отношении лиц, с которых судимость снята актом помилования или законом об амнистии досрочно, – момент вступления акта помилования или закона об амнистии в силу; 8) в отношении несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности или от наказания с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия, – момент фактического исполнения либо истечения сроков применения данных мер; 9) в отношении умершего виновного – момент его смерти.

Следовательно, прекращение негативной (ретроспективной) уголовной ответственности есть изменение правового статуса лица, совершившего преступление, иными словами, полный «выход» такого лица из уголовно-правовой взаимосвязи с государством, обусловленный аннулированием всех правовых последствий, связанных с судимостью, фактическим исполнением несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия либо смертью виновного.

ALEXEY VITALYEVICH SUMACHEV,

doctor of law, professor, professor of the criminal law and process sub-department
(Tyumen state university)
E-mail: alekssumachev@mail.ru.

REALIZATION OF CRIMINAL LIABILITY: PROBLEMS OF COORDINATION OF THE LEGAL THEORY AND LEGISLATIVE PRACTICE

Annotation: the article offers the author's view on the dynamics of criminal responsibility. The concepts of positive and negative criminal liability are offered, their bases are named. On the basis of doctrinal interpretation of the criminal law the problem of the Foundation of criminal responsibility in unfinished crime is solved - the preparation for a crime or attempt to it. It is proved that the basis of retrospective criminal liability for an unfinished crime is an act that contains the element of preparing for a grave or especially grave crime or an act involving the characteristics of the composition of the assassination.

The basis of the solution of the problem of the emergence of criminal responsibility is put on the difference between the categories of «appearance» and «implementation» of criminal responsibility. The essence of the Institute of exemption from criminal liability is defined that, by law, requires an application of criminal coercion or an inevitable fact of potential uses of such coercion.

The task of the concept is solved, the classification of the forms of realization of positive and retrospective criminal responsibility is proposed, the characteristics and legal effects of all measures of criminal-legal character are clarified, in which the criminal liability is implemented.

Through the prism of the legal status of an individual, the question of the grounds for termination of criminal responsibility is solved. It is proved that the ground for termination of a positive criminal responsibility is

the fact that a person commits a crime or the decriminalization of the act, as well as the «atypical» basis, that is the death of a person. The termination of retrospective criminal liability is suggested to distinguish from the end of its implementation. On this basis legally significant circumstances are classified to which the law relates these effects.

Lastly, the concept of termination of retrospective criminal liability is given based on the category of the dynamics of the legal status of the person who committed the crime.

Key words: criminal relationship, the occurrence of criminal liability, the basis for criminal liability, forms of implementation of criminal responsibility, positive criminal liability, retrospective criminal liability, criminal penalties, the measure of a criminal nature, the consistency of the criminal law, the termination of criminal responsibility.

УДК 343.8
ББК 67.409.01
Г85

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ГРИШКО,
доктор юридических наук, профессор,
Уполномоченный по правам человека в Рязанской области
E-mail: ombudsman62@mail.ru.

О ПРИНЦИПАХ ЗАКОННОСТИ И РАВЕНСТВА ОСУЖДЕННЫХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ

Реферат: правовое положение лиц, отбывающих наказание, основывается на конституционном статусе граждан России, поэтому и ограничения прав осужденных должны устанавливаться законом.

Содержание принципа равенства осужденных перед законом представляет собой совокупность трех основных элементов: равенство в законе, равенство перед законом, равная защита законом. Однако реализация данного принципа как в уголовном, так и в уголовно-исполнительном праве нередко не достигает своей цели.

Некоторые авторы выступают против слепого поклонения закону, приводят в доказательство примеры законов, принятие которых имело последствия криминогенного характера. Такие суждения ничего общего не имеют с объективным содержанием принципа законности. Данный принцип выражается в едином правовом положении лиц, отбывающих конкретный вид наказания и находящихся на одном режиме исправительного учреждения и в одних условиях отбывания наказания, независимо от национальной принадлежности, социального происхождения, вероисповедания, места жительства, принадлежности к общественным объединениям и других признаков. Между тем известно, как этот принцип нарушается в реальности, в зависимости от принадлежности осужденного к той или иной стратификационной группе.

Уголовно-исполнительное законодательство содержит нормы, которые устанавливают неравенство осужденных в самом законе. Например, осужденный, не имеющий собственных средств, не может воспользоваться правом выезда за пределы исправительного учреждения в связи с исключительными личными обстоятельствами или оплатить дополнительные лечебно-профилактические услуги.

Ключевые слова: исполнение наказания, принцип законности, принцип равенства осужденных перед законом, целесообразность, осужденные, неравенство, закон, правовое положение осужденных.

Принцип законности нашел, в частности, отражение в ст. 10–15 УИК РФ, определяющих правовое положение осужденных. Социально-правовое значение прав осужденных заключается в укреплении режима законности при исполнении наказания. Правовое положение лиц, отбывающих наказание, основывается на конституционном статусе граждан России, поэтому и ограничения прав осужденных должны устанавливаться законом. Это следует из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в которой указывается, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Из данного положения вытекают требования, которым должен отвечать принцип законности.

Конституционный принцип равенства граждан перед законом отражает положения Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, провозгласивших принцип равенства перед законом в качестве основного принципа, в соответствии с которым «дискриминация по признаку расы,

цвета кожи, пола, языка, религиозных, политических и других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, семейного происхождения или социального положения недопустима» (пр. 6).

Содержание принципа равенства осужденных перед законом представляет собой совокупность трех основных элементов: равенство в законе, равенство перед законом, равная защита законом.

Принцип законности – конституционный принцип. Он закреплен в ряде статей Конституции РФ (ст. 4, 13, 15, 17–19 и др.), а также международных правовых актах. В уголовно-исполнительном праве законность при исполнении наказания закреплена в качестве основополагающего принципа уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. В соответствии с принципом законности только Уголовно-исполнительным кодексом РФ определяются:

основания исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера;
права и обязанности осужденных исходя из порядка и условий отбывания конкретного вида наказания;
порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, применения средств исправления осужденных;

порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания;

порядок участия органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций, общественных объединений, а также граждан в исправлении осужденных;

порядок освобождения от наказания;

порядок оказания помощи освобождаемым лицам;

порядок соотношения уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации с международными правовыми актами;

действие уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в пространстве и во времени.

Укрепление режима законности при исполнении наказания имеет важное значение с точки зрения предупреждения пенитенциарной преступности [1, с. 97]. Правовое положение лиц, отбывающих наказание, основывается на конституционном статусе граждан России, поэтому и ограничения прав осужденных должны устанавливаться законом. Это следует из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в которой указывается, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Из данного положения вытекают следующие требования принципа законности:

1) ограничения правового статуса осужденных не могут устанавливаться подзаконными, в том числе ведомственными, нормативными актами;

2) ограничения не могут определяться законами субъектов Российской Федерации. В соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ уголовно-исполнительное законодательство находится в ведении Российской Федерации, что гарантирует единство законности на всей ее территории;

3) обеспечение приоритета конституционных прав и свобод человека и гражданина перед нормами действующего уголовно-исполнительного законодательства. Это требование обусловлено тем, что впервые в Конституции Российской Федерации закреплён принцип непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина, определяющих смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления (ст. 18). Например, Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из указанного принципа, постановлением от 16 октября 1995 г. признал неконституционными положения ст. 124 Закона от

20 ноября 1990 г. «О государственных пенсиях в Российской Федерации» в части приостановления выплаты трудовых пенсий пенсионерам, отбывающим наказание в виде лишения свободы. Этот судебный прецедент был воспринят Уголовно-исполнительным кодексом РФ, в ч. 7 ст. 12 которого установлено: «Осужденные имеют право на социальное обеспечение, в том числе на получение пенсий и социальных пособий, на общих основаниях в соответствии с законодательством Российской Федерации»;

4) строгое соблюдение заключённых Россией международных договоров, относящихся к исполнению наказаний и обращению с осуждёнными. Например, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984) нашла свое отражение в ч. 1 ст. 3 УИК РФ.

Требование законности несовместимо с аналогией. Если гражданское законодательство допускает возникновение гражданских прав и обязанностей непосредственно из общих начал и смысла гражданского законодательства, то есть исходя из принципов данной отрасли права, то применение уголовного и уголовно-исполнительного законодательства по аналогии не допускается.

Реформирование уголовно-исполнительной системы и соответствующего законодательства неизбежно влечет за собой пробелы в законе, восполнение которых относится к исключительной компетенции законодателя. В других отраслях законодательства (например, в гражданском, семейном, трудовом) средствами восполнения пробелов служат аналогия закона и аналогия права. Нередко законность отождествляется с законопослушанием, с точным и неуклонным исполнением предписаний закона. По этому поводу Л. С. Явич и С. А. Комаров справедливо отмечают, что содержанием законности является не исполнение закона как такового, не деятельность, в которой он находит осуществление, а соответствие этой деятельности закону [2, с. 235–243; 265–274].

Некоторые авторы выступают против слепого поклонения закону, приводят в доказательство примеры законов, принятие которых имело последствия криминогенного характера (запрет производства аборт, ограничение продажи спиртных напитков, установление мнимых преступлений, подобных уклонению от уплаты налогов, и т. п.) [3, с. 69]. В связи с этим вносятся предложения включить в понятие законности так называемых правовых законов и признаки «неправовых законов», отдавать предпочтение целесообразности перед законностью из-за сложных социально-экономических условий в стране. Такие суждения

ничего общего не имеют с объективным содержанием принципа законности. Для законности характерны следующие черты:

а) всеобщность законности, заключающаяся в ее обязательности как для государственных, судебных органов, общественных объединений, так и для осужденных и персонала учреждений и органов, исполняющих наказания;

б) единство законности, состоящее в выполнении ее требований в сфере исполнения наказаний на всей территории России;

в) верховенство Конституции Российской Федерации, Уголовно-исполнительного кодекса РФ и других федеральных законов в области исполнения уголовных наказаний;

г) неотвратимость реализации законности – пресечение любых нарушений уголовно-исполнительного закона, от кого бы они ни исходили. Всякое нарушение установленного порядка отбывания наказания есть одновременно и нарушение законности. Правопорядок в уголовно-исполнительной системе – это реализованная в уголовно-исполнительных правоотношениях законность. Иными словами, правопорядок достигается не иначе как через обеспечение законности;

д) недопустимость противопоставления законности и целесообразности. Необходимо подчеркнуть, что законность и есть высшая целесообразность. Законность предполагает учет целесообразности. В уголовно-исполнительном законодательстве немало норм, имеющих педагогическое содержание, требующих проявления мастерства воспитателя, творческой инициативы, принятия решений по оценке поведения осужденного, а в некоторых нормах прямо заложены схемы управленческих решений (например, ст. 82–105 УИК РФ). Если при этом учесть, что не все основные средства исправления осужденных в полном объеме регулируются нормами уголовно-исполнительного права (воспитательная работа, общественно полезный труд, общественное воздействие, общее образование), то станет ясно, что мы имеем дело с обстоятельствами, которые в определенной мере способствуют примату целесообразности над законностью. Однако в любых случаях соображения целесообразности должны учитываться на основании и в рамках только уголовно-исполнительного закона;

е) неразрывная связь законности и правовой культуры. Обеспечение законности в процессе исполнения наказаний во многом зависит от правовой культуры работников УИС и знаний основ российского законодательства осужденными;

ж) мера государственного принуждения (наказание) не является юридической гарантией закон-

ности, напротив, законность выступает гарантией правомерности применяемого принуждения.

Данный принцип выражается в едином правовом положении лиц, отбывающих конкретный вид наказания и находящихся на одном режиме исправительного учреждения и в одних условиях отбывания наказания, независимо от национальной принадлежности, социального происхождения, вероисповедания, места жительства, принадлежности к общественным объединениям и других признаков. Между тем известно, как этот принцип нарушается в реальности, в зависимости от принадлежности осужденного к той или иной стратификационной группе.

В неравном положении находятся осужденные, которые трудятся, осужденные, уклоняющиеся от работы. По действующему законодательству искивые требования возмещаются только из заработной платы. Лицами же, уклоняющимися от работы, данные требования таким образом не возмещаются, так как удержания из средств, имеющихся на лицевых счетах, не производятся.

Принцип законности сопрягается с другим принципом, проявляющимся в нормах уголовно-исполнительного права, – принципом равенства осужденных перед законом.

Принцип равенства осужденных перед законом конкретизирует общепризнанный принцип, закрепленный в Конституции РФ: «Все равны перед законом...» (ст. 19).

Конституционный принцип равенства граждан перед законом отражает положения Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, провозгласивших принцип равенства перед законом в качестве основного принципа, в соответствии с которым «дискриминация по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религиозных, политических и других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, семейного происхождения или социального положения недопустима» (пр. 6).

Содержание принципа равенства осужденных перед законом представляет собой совокупность трех основных элементов: равенство в законе, равенство перед законом, равная защита законом.

Нормы Уголовно-исполнительного кодекса РФ не устанавливают каких-либо преимуществ для осужденных в зависимости от указанных выше признаков. Вместе с тем равенство осужденных перед законом не означает равенства условий отбывания наказания. Они дифференцируются в зависимости от возраста, состояния здоровья, пола, вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения. Так, для несовершенно-

нолетних, беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей, для инвалидов уголовно-исполнительный закон предусматривает льготные условия отбывания наказания. В данном случае принцип равенства осужденных перед законом корректируется реализацией принципов дифференциации и индивидуализации исполнения наказания.

Однако реализация анализируемого принципа как в уголовном, так и в уголовно-исполнительном праве нередко не достигает своей цели. В уголовном праве, например, имущественное неравенство значительно влияет на назначение наказания. В УК РСФСР 1960 г. существовал прямой запрет на замену штрафа лишением свободы, и наоборот (ст. 30).

Действующий УК РФ такого ограничения не имеет, напротив, значительное количество санкций Особенной части УК РФ содержат их альтернативу. В частности, за такие преступления в сфере экономики, как кража, мошенничество, присвоение или растрата, предусматриваются штраф, обязательные работы, исправительные работы либо лишение свободы (ст. 158–160 УК РФ). Таким образом, за одно и то же преступление состоятельные преступники приговариваются к штрафу, а

неимущие жертвуют личной свободой. В связи с этим отметим: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ установил, что в случае злостного уклонения от уплаты штрафов он заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы (ч. 5 ст. 46).

Уголовно-исполнительное законодательство содержит нормы, которые устанавливают неравенство осужденных в самом законе. Так, общая норма, определяющая, что осужденные к лишению свободы, кроме указанных в ч. 4 ст. 73 УИК РФ, отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. Осужденные женщины, несовершеннолетние осужденные направляются для отбывания наказания по месту нахождения соответствующих исправительных учреждений (ч. 3 ст. 73 УИК РФ), что, несомненно, увеличивает объем карательного воздействия. Осужденный, не имеющий собственных средств, не может, например, воспользоваться правом выезда за пределы исправительного учреждения в связи с исключительными личными обстоятельствами или оплатить дополнительные лечебно-профилактические услуги.

Список литературы

1. Артемьев Н. С. Соблюдение законности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы – необходимое условие эффективности борьбы с рецидивной и профессиональной преступностью // Человек : преступление и наказание. 2013. № 3. С. 97.
2. Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. 298 с.
3. Шестаков Д. А. Криминология на рубеже двух тысячелетий // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 1999. № 2. С. 69.

ALEXANDER YAKOVLEVICH GRISHKO,

doctor of jurisprudence, professor,
the Commissioner for Human Rights in the Ryazan region.
E-mail: ombudsman62@mail.ru.

ABOUT THE PRINCIPLES OF LEGALITY AND EQUALITY CONDEMNED BEFORE THE LAW

Annotation: the legal status of inmates, is based on constitutional status of the citizens of Russia, and therefore disabling of convicts must be prescribed by law.

The content of the principle of equality before the law is a combination of three main elements: equality in the law, equality before the law, equal protection of the law. However, implementation of this principle both in the criminal and criminal-executive law often does not reach its goal. The legitimacy is often identified with law-abiding, with precise and steady fulfillment of law's provision.

Some authors oppose the blind worship of the law and refer to for proof examples of laws, the adoption of which had consequences of criminal nature. Such judgments have nothing to do with the objective content of the principle of legality. This principle is expressed in the same legal status of persons serving a particular form of punishment and are on the same mode of the correctional institution in some circumstances punishment, regardless of nationality, social origin, religion, place of residence, membership of voluntary associations and other features. Yet we know how this principle is violated in reality, according to which the convicted person to a particular group stratification.

Penal legislation contains provisions that establish the inequality of convicts in the law itself. For example convicts, without its own means, can not use the right to leave the prison due to exceptional personal circumstances or to pay additional medical and preventive services.

Key words: principle of legality, equality before the law, expediency, convicts, inequality, law.

References

1. Artem'ev N. S. Sobljudenie zakonnosti v uchrezhdenijah i organah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy – neobhodimoe uslovie jeffektivnosti bor'by s recidivnoj i professional'noj prestupnost'ju [Respecting the rule of law in institutions and bodies of criminal and executive system – a necessary condition of efficiency of fight against recurrent and professional crime]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: Crime and Punishment, 2013, no. 3, p. 97.
2. Javich L. C. Obshhaja teorija prava [The general theory is right]. Leningrad, 1976. 298 p.
3. Shestakov D. A. Kriminologija na rubezhe dvuh tysjacheletij [Kriminologiya at a turn of two millennia]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Ministry of Internal Affairs St. Petersburg university of Russia, 1999, no. 2, p. 69.

УДК 35.07
ББК 67.401.031.2
М48

НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА МЕЛЬНИКОВА,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административно-правовых дисциплин
(Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
E-mail: melnatale@mail.ru.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Реферат: исправительные учреждения как субъекты исполнительной власти являются активными участниками административных правоотношений. В свою очередь, административная деятельность соответствующих субъектов исполнительной власти отличается реализуемыми ими административными функциями. В статье рассмотрены вопросы соотношения административной деятельности исправительного учреждения с понятием функции, проведен анализ существующих задач и функций исправительных учреждений. Задачи исправительного учреждения выступают производными от задач уголовно-исполнительной системы (УИС). В настоящее время задачи системы не нашли закрепления на законодательном уровне, что является существенным упущением в определении правового статуса уголовно-исполнительной системы. Данный недостаток должен быть устранен путем внесения соответствующих изменений в Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» или при разработке нового федерального закона «Об уголовно-исполнительной системе Российской Федерации». Сделан вывод о том, что административная деятельность исправительного учреждения может быть рассмотрена в качестве самостоятельной функции исправительного учреждения, а также сама административная деятельность предполагает осуществление целого ряда соответствующих функций (например, рассмотрение обращений граждан, производство по делам об административных правонарушениях, дисциплинарное и поощрительное производство в отношении сотрудников исправительного учреждения, взаимодействие с государственными и негосударственными организациями). Подчеркивается, что административная деятельность исправительных учреждений охватывает как часть внешнего управления – основные функции исправительных учреждений, так и внутрисистемное управление – обеспечивающие и штабные функции.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительное учреждение, административная деятельность, задачи уголовно-исполнительной системы, функции исправительных учреждений, обеспечивающие функции, внутрисистемное управление, внешнее управление.

Исправительные учреждения, выполняя возложенные на них функции, являются участниками различных правоотношений. Будучи элементом исполнительной системы государства, они вступают и в административные правоотношения, причем могут быть и объектом, и субъектом воздействия. Например, исправительное учреждение по отношению к территориальному органу является объектом управления, а к отделам и службам, входящим в структуру учреждения, – субъектом, что предопределяет особенности механизма функционирования уголовно-исполнительной системы [1, с. 14–17].

К общим (универсальным) признакам административной деятельности любых субъектов исполнительной власти, в том числе исправительных учреждений, можно отнести: исполнительно-распорядительный характер, применение в административно-правовых формах и с помощью административно-правовых средств, регулирование нормами административного права. В свою очередь, перечень административных функций для

каждого субъекта индивидуален, поэтому для установления особенностей административной деятельности исправительных учреждений более внимательного изучения требуют их соответствующие функции. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть административную деятельность в соотношении с понятием функции.

Функции – это определенные направления деятельности [2, с. 42] или сущностные характеристики самой деятельности [3, с. 17]. Вследствие этого административная деятельность исправительного учреждения может быть рассмотрена в качестве самостоятельной функции учреждения, а сама административная деятельность предполагает осуществление целого ряда соответствующих функций.

Обратимся к анализу функций исправительных учреждений. Следует отметить, что функции являются производными от задач, поставленных перед учреждениями.

Задачи УИС, в том числе конкретных исправительных учреждений, отражают социальный заказ, то есть потребности общества в исполнении уго-

ловных наказаний [4, с. 44–47]. По своей сути задачи определяют существование самой уголовно-исполнительной системы. В русском языке синонимом для рассматриваемого типа задач является слово «назначение». Данные задачи раскрывают социальное назначение системы. Как справедливо отмечается в научной литературе, задачи являются важным элементом административно-правового статуса УИС [5, с. 122–124]. Перечень задач УИС не получил законодательного закрепления, что является существенным упущением в определении правового статуса системы. Данный недостаток должен быть устранен путем внесения соответствующих изменений в Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» или при разработке нового федерального закона «Об уголовно-исполнительной системе Российской Федерации».

В настоящее время задачи ФСИН России перечислены в Указе Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» [6]. Анализ данного перечня позволяет выделить внутренние и внешние задачи.

Внешние задачи определяют социальное назначение УИС, ее место среди других правоохранительных органов; предполагают осуществление деятельности в отношении объектов внешнего управления: осужденных и их коллективов, граждан, находящихся на территории исправительного учреждения или обращающихся в учреждения по различным вопросам. Реализуемые при этом функции являются основными. К таковым из перечня относятся: исполнение уголовных наказаний, содержание под стражей лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых; контроль за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания; охрана и конвоирование осужденных и лиц, содержащихся под стражей, по установленным маршрутам конвоирования, конвоирование граждан Российской Федерации и лиц без гражданства на территорию Российской Федерации, а также иностранных граждан и лиц без гражданства в случае их экстрадиции; охрана психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию, обеспечение безопасности находящихся на их территориях лиц, сопровождение и охрана лиц, которым назначено принудительное лечение в указанных больницах (стационарах), при переводе их в другие аналогичные больницы (стационары), а также в

случае направления их в иные учреждения здравоохранения для оказания медицинской помощи.

Следует отметить, что к внешним задачам исправительных учреждений также относится предупреждение, пресечение противоправных деяний, в том числе производство по делам об административных правонарушениях, что, к сожалению, не нашло прямого закрепления в Указе Президента РФ № 1314. Однако данная функция реализуется исправительными учреждениями в соответствии с КоАП РФ [7].

Кроме внешних, существуют задачи внутренние, характеризующие внутрисистемное управление. Внутреннее управление направлено на сотрудников, рабочих и служащих, их коллективы. Реализуемые при этом функции выступают обеспечивающими (ресурсными), то есть создающими необходимые условия для реализации основных функций. Отнести функции к таковым помогают используемые формулировки: «обеспечение...», «создание условий...», «организация...», что непосредственно характеризует внутрисистемную деятельность субъекта.

Наряду с основными и обеспечивающими функциями в научной литературе выделяют штабные функции, которые предназначены для упорядочения деятельности системы [8, с. 60]. Содержание данных функций предполагает подготовку управленческих решений руководством исправительного учреждения, контроль за качеством и своевременностью их исполнения. По своему характеру они соотносятся с внутренними задачами.

Если внутреннее функционирование позволяет рассмотреть систему саму по себе, изолированно, то внешнее обязательно предполагает рассмотрение последней в качестве относительно самостоятельной, автономной единицы в рамках более широкого и сложного образования [9, с. 37]. Так, Федеральная служба исполнения наказаний, являясь единой системой, состоит из соответствующих элементов (органов и учреждений), которые также можно рассматривать как самостоятельные образования, находящиеся в особых взаимоотношениях. Специфика внутрисистемных отношений заключается в том, что соответствующие органы и учреждения относительно друг друга находятся в положении подчинения (вертикальные отношения) или равенства (горизонтальные отношения). Функции, закрепленные за ними, также различны. Органы управления (то есть федеральное и территориальное звенья системы) выполняют обеспечивающие и штабные функции. На исправительные учреждения, в свою очередь, возложены и обеспечивающие, и штабные, и основные функции. В данном случае обеспечивающие функции осущест-

ствляют начальники учреждений, их заместители, а также руководители всех подразделений как субъекты управления в отношении подчиненных сотрудников. Основные же функции реализуют начальники учреждений и уполномоченные на то сотрудники.

Важно подчеркнуть, что функции исправительного учреждения отражают конкретные виды деятельности. Так, деятельность субъектов управления по реализации обеспечивающих функций в силу своего содержания и предназначения является административной.

Для осуществления основных функций должны быть созданы необходимые условия внутрисистемного характера, в частности, решены вопросы подбора и расстановки кадров, информационного обеспечения, материально-технического обеспечения, организации взаимодействия между сотрудниками разных подразделений и служб. При этом внутрисистемное обеспечение необходимо осуществлять отношении не только конкретных внешних функций, но и самого учреждения. Как отмечал М. И. Еропкин, административная деятельность внутри аппарата имеет своим содержанием как организацию работы органа в целом, так и организацию выполнения конкретных функций. От эффективности административной деятельности внутри органов (от их структуры, организации работы с кадрами, распределения компетенции между структурными подразделениями и т. д.) зависит во многом успех практического решения возложенных на данный орган задач [10, с. 8–9, 19].

Благодаря внутрисистемной работе как составной части административной деятельности

исправительного учреждения объединяются усилия всех подразделений и служб, а также обеспечивается единство руководства системой и правильное использование имеющихся у нее сил и средств.

Деятельность по реализации основных функций более разнообразна. К ней можно отнести охранительную, надзорную, оперативно-розыскную, воспитательную, производственную, уголовно-процессуальную, административную, каждая из которых регулируется соответствующими отраслями права. Важно отметить, что среди внешних функций административная деятельность занимает особое положение. Она регулируется нормами административного права и проявляется, в частности, в форме рассмотрения обращений граждан, производства по делам об административных правонарушениях, взаимодействия с государственными и негосударственными организациями.

Анализ функций исправительного учреждения позволяет утверждать, что административная деятельность исправительного учреждения охватывает как часть внешнего управления, основных функций исправительного учреждения, так и внутрисистемное управление, то есть обеспечивающие и штабные функции. Безусловно, в большей степени управленческая природа присуща именно внутренней административной деятельности. Внешняя административная деятельность рассматривается в рамках разграничения с такими специфическими видами деятельности учреждения, как воспитательная, надзорная, охранительная, оперативно-розыскная и т. п.

Список литературы

1. Лебедев А. В. Особенности механизма функционирования УИС России // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 14–17.
2. Свидерский В. И., Зобов Р. А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. М., 1970. 128 с.
3. Аверьянов В. Б. Функции и организационная структура органа государственного управления. Киев, 1979. 150 с.
4. Цымбалюк Н. И. О совершенствовании законодательного обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1. С. 44–47.
5. Витина М. Д. О понятии и содержании основных элементов административно-правового статуса Федеральной службы исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1. С. 122–124.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 42. Ст. 4109.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.
8. Афанасьев Д. В., Хазанов Е. Н. Административно-правовая деятельность штабных подразделений органов внутренних дел : монография. М., 2008. 160 с.
9. Каган М. С. О системном подходе к системному подходу // Философские науки. 1973. № 6. С. 37.
10. Еропкин М. И. Административно-правовые проблемы охраны общественного порядка в советском государстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967. 32 с.

ADMINISTRATIVE ACTIVITY IN THE SYSTEM
OF FUNCTIONS OF THE CORRECTIONAL INSTITUTION

Annotation: penal institutions as subjects of the executive power are active participants of administrative legal relations. In turn, administrative activities of the corresponding subjects of the executive power differ by the administrative functions they implement. The article considers the relation of the penal institution administration with the concept of function, existing tasks and functions of correctional institutions are analyzed in the article. Tasks correctional institutions are derived from the objectives of the criminal executive system. At present the aims of the system do not have securing on the legislative level, which is a significant omission in the definition of the legal status of the penitentiary system. This drawback should be excluded by appropriate amendments in the Law of the Russian Federation of July 21, 1993 № 5473-1 «On establishments and bodies executing penal punishments in the form of imprisonment» or the development of the new Federal law «On criminal Executive system of the Russian Federation». The conclusion is that the administrative activities of the correctional facility may be considered as a separate function of a correctional institution, as well as administrative work involves the implementation of a number of corresponding functions (for example, consideration of citizens' references, execution on affairs of administrative offences, disciplinary and incentive proceedings in relation to employees of correctional institutions, interaction with governmental and non-governmental organizations). It's also stressed that the administrative activity of penal institution embraces both the basic functions of correctional institutions and in-system management – providing and staff functions.

Key words: penal system, penal institutions, administrative activity, tasks of the penal system, function, the functions of penal institutions, providing functions, management, system management, external control.

References

1. Lebedev A.V. Osobennosti mekhanizma funktsionirovaniya UIS Rossii [Features of the mechanism of functioning of the criminal executive system of Russia]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law, 2012, no. 2, pp. 14–17.
2. Sviderskii V. I., Zobov R. A. Novye filosofskie aspekty elementarno-strukturnykh otnoshenii [New philosophical aspects elementary-structural relations]. Moscow, 1970, 128 p.
3. Aver'ianov V. B. Funktsii i organizatsionnaia struktura organa gosudarstvennogo upravleniia [Functions and organizational structure of the state authority]. Kiev, 1979, 150 p.
4. Tsymbalyuk N. I. O sovershenstvovanii zakonodatelnogo obespecheniya penal sistemy [On improvement of legislative support of activity of criminal-Executive system]. Chelovek : prestuplenie i nakazanie – Man: Crime and Punishment, 2014, no. 1, pp. 44–47.
5. Vitina M. D. O ponyatii i soderzhanii osnovnykh elementov administrativno-pravovogo statusa Federalnoy sluzhby ispolneniya nakazanii [About the notion and content of basic elements of administrative-legal status of the Federal Penal Service of Russia]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man : Crime and Punishment, 2014, no. 1, pp. 122–124.
6. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii – Collection of legislation of the Russian Federation, 2004, no. 42, art. 4109.
7. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniiakh ot 30 December 2001 № 195-FL [The Russian Federation code of administrative offences from December, 30th, 2001, № 195-FL]. Sobranie zakonodatel'stva RF – Collection of legislation of the Russian Federation, 2002, no. 1, part 1, st. 1.
8. Afanas'ev D. V., Khazanov E. N. Administrativno-pravovaia deiatel'nost' shtabnykh podrazdelenii organov vnutrennikh del: monografiia [Administrative-legal activities HQ units of internal Affairs bodies: monograph]. Moscow, 2008, 160 p.

9. Kagan M. S. O sistemnom podkhode k sistemnomu podkhodu [About the system approach to a system approach]. *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences*, 1973, no. 6, pp. 37.

10. Erokin M. I. Administrativno-pravovye problemy okhrany obshchestvennogo poriadka v sovetskom gosudarstve : avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk [Administrative-legal problems of the protection of public order in the Soviet state. Dr. leg. sci. diss. abstract]. Moscow, 1967, 32 p.

УДК 343.83
ББК 67.409.022
У67

АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ УПОРОВ,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
(Кузбасский институт ФСИН России)
E-mail: uporov65@mail.ru.

**РОЛЬ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
И ОБЕСПЕЧЕНИИ СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ**

Реферат: соблюдение сотрудниками уголовно-исполнительной системы (УИС) служебной дисциплины является важным средством, обеспечивающим законность и эффективность в сфере исполнения уголовных наказаний. Предметом исследования выступают нормативные правовые акты, в которых закрепляются и раскрываются принципы обеспечения служебной дисциплины в УИС. Цель статьи – разработка предложений, направленных на оптимизацию норм, в которых закрепляются и обосновываются принципы обеспечения служебной дисциплины в уголовно-исполнительной системе.

Приходится констатировать, что институту служебной дисциплины в УИС в его существующем виде присущи серьезные недостатки. Подтверждением тому служит устойчивая тенденция роста числа служебных проступков среди личного состава УИС. Так, по данным управления кадров ФСИН России, нарушение служебной дисциплины сотрудниками различных служб в 2013 г. в сравнении с 2012 г. выглядит следующим образом: безопасность (режим) – 15 835 (+ 38 %), охрана – 7339 (+ 52 %), воспитательная работа с осужденными – 4274 (+ 15 %), оперативная – 3354 (+ 14 %) человека. Существующая нормативная основа института служебной дисциплины сотрудников УИС во многом устарела и не во всем отражает специфику службы в органах и учреждениях, исполняющих уголовные наказания. К тому же нормы, регулирующие служебную дисциплину в УИС, разрознены. Это вызывает необходимость совершенствования данного института и нормативного закрепления системы принципов служебной дисциплины в Дисциплинарном уставе учреждений и органов УИС России, утверждаемом Президентом Российской Федерации.

Формирование института служебной дисциплины во многом зависит от четкого определения системы, содержания и реализации его принципов. Построение целостной концепции принципов служебной дисциплины позволит определить направление развития данного института, обеспечить единство правового регулирования правоотношений, складывающихся в ходе служебной деятельности сотрудников УИС, и в силу этого может способствовать предупреждению деликтного поведения сотрудников УИС, а также совершенствованию практики применения норм по обеспечению служебной дисциплины в учреждениях и органах УИС.

Ключевые слова: институт служебной дисциплины, порядок прохождения службы сотрудниками уголовно-исполнительной системы, применение мер поощрения и дисциплинарных взысканий, принцип сочетания стимулирующих мер поощрения и наказания, принцип сочетания материальных стимулов с моральными, принцип справедливости, принцип целесообразности, принцип своевременности, принцип информативности, принцип неотвратимости ответственности, принцип недопустимости удвоения ответственности, принцип виновной ответственности, Дисциплинарный устав учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Правовую основу службы в учреждениях и органах УИС составляют Конституция Российской Федерации, законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, в том числе нормативные правовые акты Министерства юстиции Российской Федерации (Минюст России).

Порядок прохождения службы сотрудниками УИС и деятельность должностных лиц по вопросам, отнесенным к компетенции Минюста России,

регламентирует Положение о службе в органах внутренних дел (далее – Положение 1992 г. о службе в ОВД) в объеме, установленном Инструкцией о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел РФ в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

В соответствии со ст. 34 Положения 1992 г. о службе в ОВД служебная дисциплина в органах внутренних дел означает соблюдение сотрудниками установленных законодательством РФ, Прися-

гой, Дисциплинарным уставом органов внутренних дел РФ, утвержденным Президентом РФ, контрактом о службе, а также приказами министра внутренних дел РФ, прямых начальников порядка и правил при выполнении возложенных на них обязанностей и осуществлении имеющихся у них правомочий.

Служебная дисциплина в органах внутренних дел должна регулироваться Дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, утверждаемым Президентом РФ. Указание на это было включено в ч. 1 ст. 34 Положения 1992 г. о службе в ОВД Федеральным законом от 22 июля 2010 г. № 156-ФЗ, но такой документ до настоящего времени не издан, что позволяет говорить о значительной бессистемности правового регулирования служебной дисциплины не только в ОВД, но и в других правоохранительных органах, на которые распространяется действие Положения 1992 г. о службе в ОВД.

В целях обеспечения и укрепления служебной дисциплины к сотрудникам УИС могут применяться меры поощрения и налагаться дисциплинарные взыскания, указанные в ст. 36, 38 Положения 1992 г. о службе в ОВД. Важно отметить, что применение к сотрудникам УИС мер поощрения и наложения на них дисциплинарных взысканий должно строиться на принципах права в целом (общеправовые) и принципах института служебной дисциплины.

В литературе принципы понимаются как первоначала, руководящие идеи, основные, исходные положения [1, с. 142]. Принципы обеспечения служебной дисциплины, как и принципы права в целом, должны образовывать единую упорядоченную систему регуляторов. Для того чтобы усилить регулятивную функцию принципов, необходимо придать им статус правовых норм, законодательно закрепить существующую систему принципов.

На наш взгляд, текстуальное закрепление в нормах права принципов будет правильнее существующего смыслового закрепления. Это позволит правоприменительно избежать существующих при привлечении сотрудников к дисциплинарной ответственности и применении к ним мер поощрения сложностей, достичь объективности и соблюдения прав и законных интересов сотрудников, так как станет очевидным, какие основополагающие идеи, общие начала, по мнению законодателя, свойственны институту служебной дисциплины.

Целесообразно выделить следующие принципы обеспечения служебной дисциплины в УИС: сочетание мер поощрения и наказания, сочетание материальных стимулов с моральными, справедливость, целесообразность, своевременность, информатив-

ность. Применительно к дисциплинарной ответственности можно выделить дополнительные принципы: неотвратимость ответственности, недопустимость удвоения ответственности, а также принцип виновной ответственности.

Принцип сочетания мер поощрения и наказания предполагает наличие взвешенной системы стимулирования служебной деятельности, гармонично совмещающей и меры поощрения, и меры взыскания. Такая система позволит сотрудникам эффективнее выполнять служебные обязанности, поскольку перед ними поставлены сразу два условия: добросовестное выполнение служебных обязанностей ведет к поощрению, а их невыполнение – к дисциплинарной ответственности.

Принцип сочетания материальных стимулов с моральными также является значимым, так как использование только материальных стимулов не в силах будет активизировать служебную деятельность, поскольку именно моральное стимулирование способно вызвать определенные переживания, сформировать нравственное отношение к своему труду.

Принцип справедливости подразумевает индивидуализацию и дифференциацию стимулирующего воздействия. Система стимулирования должна учитывать профессиональные и личностные особенности сотрудника. Каждый сотрудник должен быть уверен в объективной оценке своей служебной деятельности.

Принцип целесообразности подразумевает соответствие меры наказания целям ответственности и соответствие меры взыскания достижениям в служебной деятельности. Так, если цели ответственности могут быть достигнуты без ее реализации, закон должен допускать освобождение от наказания. При этом целесообразность должна основываться на законах и быть разумной, обоснованной с точки зрения других принципов ответственности.

Принцип своевременности заключается в необходимости привлечения правонарушителя к ответственности в максимально короткие сроки, не позднее срока давности, так как эффективность наказания находится в прямой зависимости от близости во времени совершенного правонарушения. Принцип своевременности также проявляется в применении к сотруднику мер поощрения в сроки, совпадающие со сроками ожидания сотрудника, потому что своевременное поощрение сотрудника активизирует его, повышает личную заинтересованность в добросовестном выполнении служебных обязанностей. В. И. Шкатулла отмечает, что иногда работник узнает о том, что его поощрили, спустя полгода и даже год после того события, что сводит действие поощрения

к нулю. Любое поощрение поднимает престиж работника, а ведь престиж, уважение нередко ценятся людьми значительно выше, чем материальное обеспечение [2, с. 455].

Принцип информативности, или, по-другому, принцип гласности, предполагает необходимость информирования коллектива о том, за что и почему поощрен или привлечен к ответственности тот или иной сотрудник. Принцип информативности показывает достоинства и недостатки сотрудника, позволяя ему правильно сориентировать свое поведение.

Принцип неотвратимости ответственности означает, что ни одно правонарушение не должно оставаться незамеченным, нераскрытым; каждый правонарушитель независимо от своего служебного или материального положения, иных обстоятельств подлежит заслуженному наказанию за совершенное им правонарушение.

Принцип виновной ответственности предполагает, что лицо за совершенный проступок может быть привлечено к ответственности только при установлении его вины. Данный принцип присущ наказательным видам юридической ответственности, в числе которых и дисциплинарная ответственность, так как институт дисциплинарной ответственности сотрудников УИС находится в сфере публичного

права. Таким образом, при привлечении сотрудников УИС к дисциплинарной ответственности должна действовать презумпция невиновности.

Принцип недопустимости удвоения ответственности, то есть совмещение дисциплинарной и других видов ответственности, является спорным. Некоторые ученые (Д. Н. Бахрах, Ю. А. Жукова) выступают за возможность такого совмещения [3, с. 258], другие (В. В. Лазарев, Ю. С. Адушкин) – считают это неприемлемым [4, с. 32]. Мы полагаем допустимым только комбинирование дисциплинарной и материальной ответственности.

Таким образом, в целях обеспечения и укрепления служебной дисциплины к сотруднику могут применяться меры поощрения и на него могут налагаться дисциплинарные взыскания. Применение мер поощрения и дисциплинарных взысканий должно строиться на принципах сочетания стимулирующих мер поощрения и наказания, сочетания материальных стимулов с моральными, справедливости, целесообразности, своевременности, информативности, неотвратимости ответственности, недопустимости удвоения ответственности, а также на принципе виновной ответственности. Для придания данным принципам статуса норм-принципов необходимо их текстуальное закрепление в Дисциплинарном уставе учреждений и органов УИС России.

Список литературы

1. Марченко М. Н. Теория государства и права. М., 2001. 658 с.
2. Шкатулла В. И. Настольная книга менеджера по кадрам. М., 2003. 560 с.
3. Бахрах Д. Н. Административное право России. М., 2000. 640 с.
4. Адушкин Ю. С. Дисциплинарное производство в СССР. Саратов, 1986. 128 с.

ALEXANDER GENNADYEVICH UPOROV,

PhD in law, associate professor of the state and law disciplines sub-department
(Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia)

E-mail: uporov65@mail.ru.

THE ROLE OF LAW PRINCIPLES IN LEGAL REGULATION AND ENSURING OF SERVICE DISCIPLINE IN PENAL SYSTEM

Annotation: the compliance by the penal system staff of discipline is an important means of ensuring the legality and efficiency in the execution of criminal penalties. The author studies normative legal acts, which are fixed and disclosed principles provide a service discipline in the penal system. The aim of this work is to develop proposals aimed at improving the standards, which are fixed and settled principles of discipline in the penal system. It must be noted that the Institute of discipline in the penal system in its present form inherits severe disadvantages. This is confirmed by a steady growth of official misconduct among the personnel of the penal system. Thus, according to the penal service breach of discipline by members of the various services in 2013 y. compared with 2012 y. is as follows: security (mode) – 15 835 (+38 %), security – 7339 (+52 %), educational work with convicts – 4274 (+15 %), operational – 3354 (+14 %) people. The existing legal basis of the Institute of discipline employees of the penal system is largely outdated and do not necessarily represent the specifics of the service in bodies and institutions executing criminal punishment. In addition, the rules governing the service

discipline in the penal system are separated. This calls for the improvement of the Institute, and special attention on the need to fix the normative principles of discipline the Disciplinary regulations of the institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation approved by the President of the Russian Federation. Theoretical and practical significance of the research lies in the fact that the formation of the Institute of discipline depends on a clear definition of the system, content and implementation of its principles. Building a holistic conception of the principles of discipline will allow us to determine the direction of this institution. It is designed to ensure the unity of the legal regulation of relations arising in the course of their official activities employees of penitentiary system. It can contribute to the warning of delinquent behavior of the employees of the penitentiary system, as well as to improve the practice of application of the rules on military discipline in the institutions and bodies of the penal system.

Key words: the institute of discipline, the order of service of the employees of the penitentiary system, the use of incentives and disciplinary sanctions, the principle of combination of incentives reward and punishment, the principle of combining financial incentives with moral , principle of justice, the principle of expediency, the principle of timeliness, the principle of responsibility, the principle of the inadmissibility of double liability, the principle of guilty responsibility, The disciplinary regulations of the institutions and bodies of the penal system.

References

1. Marchenko M. N. Teorija gosudarstva i prava [The theory of the state and the law]. Moscow, 2001, 658 p.
2. Shkstulla V. I. Nastol'naja kniga menedzhera po kadram [Table-top book manager of personnel]. Moscow, 2003, 560 p.
3. Bahrah D. N. Administrativnoe pravo Rossii [Administrative law of Russia]. Moscow, 2000, 640 p.
4. Adushkin U. S. Disciplinarnoe proizvodstvo v SSSR [Disciplinary proceedings in the USSR]. Saratov, 1986, 128 p.

УДК 351.95
ББК 67.401.133.12
Ч-68

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ЧИСТОТИНА,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
(Рязанский филиал Московского университета МВД России)
E-mail: chistotina@yandex.ru.

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Реферат: мерой социального контроля, исторически доказавшей свою эффективность в предупреждении рецидивной преступности, является административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Реализация норм административного надзора – важный инструмент в профилактике рецидивной преступности, но регламентация административного надзора в настоящее время не обошлась без шероховатостей.

Статья посвящена анализу недостатков правового регулирования административного надзора и практики его применения, в ней предпринята попытка рассмотреть лишь ряд проблем, которые возникают при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие проблемы: присутствие конкуренции между институтом административного надзора и уголовным наказанием в виде ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания; отсутствие положения об использовании в отношении поднадзорных лиц аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, использование которых серьезным образом упростило бы получение необходимой информации о поведении данной категории; низкая эффективность норм с так называемой административной преюдицией, направленной на общую превенцию преступлений; слабая степень корреляции между поведением осужденного в исправительном учреждении и содержанием административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре; отсутствие налаженной системы межведомственного взаимодействия, в том числе специального программного обеспечения, между территориальными органами ФСИН России, МВД России и ФМС России при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; недостаточная эффективность норм действующего законодательства, направленного на оказание индивидуального профилактического воздействия на граждан, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную либо неснятую судимость, подпадающих под действие Федерального закона об административном надзоре, в целях защиты государственных и общественных интересов и ряд других проблем.

Устранение обозначенных и других возникающих трудностей при реализации данного института позволит положительно повлиять на процесс создания эффективного механизма надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и на криминогенную обстановку в целом.

Ключевые слова: рецидивная преступность, судимость, административный надзор, контроль, воспитательное воздействие, наблюдение за лицом, освобожденным из мест лишения свободы, взаимодействие, органы внутренних дел, исправительные учреждения, уголовно-исполнительные инспекции.

Современная уголовная политика России все увереннее ориентируется на требования международных стандартов, берет курс на активную перестройку уголовного законодательства в соответствии с передовыми достижениями развитых европейских стран. На государственном уровне и в средствах массовой информации широко обсуждаются вопросы кардинального изменения в подходе к содержанию преступников в условиях изоляции от общества, расширения спектра мер уголовно-правового характера, не связанных с наказанием, поиска допустимых средств сокращения числа осужденных к лишению свободы.

Серьезную озабоченность вызывает уровень рецидивной преступности, который в зависимости от региона России колеблется от 25 до 40 %. Обобщенные данные о том, что в 85 % случаев она допускается в течение первых трех лет после освобождения, – явное свидетельство наличия серьезных проблем профилактики. Безусловно, не следует сбрасывать со счетов и происходящее в последнее время качественное ухудшение характеристик личности осужденных к лишению свободы, 80 % которых отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. В отношении значительной части не удается достичь целей наказания,

и они продолжают сохранять высокую степень общественной опасности после освобождения из исправительного учреждения [1, с. 54].

Мерой социального контроля, исторически доказавшей свою эффективность в предупреждении рецидивной преступности, является административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Задачи и действенность административного надзора апробированы исторически. Следует помнить, что до 90-х годов XX в. в нашей стране существовала четко продуманная система предупреждения совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Наряду с надзором данная система включала в себя меры социальной реабилитации ранее судимых лиц. В предупреждении были задействованы различные государственные органы, службы, подразделения, начиная с учреждений и органов, исполняющих уголовное наказание, и заканчивая социальными службами, которые решали вопросы бытового и трудового устройства освобождаемых [2, с. 36]. Проблема предупреждения рецидива преступлений со стороны лиц, отбывших наказание, рассматривалась на самом высоком государственном уровне. Немаловажная роль в этой работе отводилась трудовым коллективам, общественным формированиям, представителям общественности [3, с. 11]. В результате, по оценке различных ученых, рост уровня рецидивной преступности в обществе был достаточно сдерживаемым правоохранительными органами, а его уровень среди лиц, состоящих под административным надзором, колебался в пределах 10 % [4, с. 40].

В конце прошлого века отлаженная система предупреждения рецидивной преступности в обществе была полностью разрушена. Практически ликвидированы были все ее составляющие. Вот почему такое значение приобрело принятие Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ, который определил основания и условия индивидуальной работы с лицами, нуждающимися в усиленном профилактическом воздействии со стороны правоохранительных органов, а также степень их ответственности за уклонение от соблюдения ограничений, устанавливаемых в судебном порядке.

По смыслу Закона об административном надзоре цель такого надзора – снижение уровня рецидивной преступности путем систематического наблюдения за ранее судимыми лицами и оказания на них индивидуального профилактического воздействия со стороны должностных лиц органов внутренних дел, воспрепятствования возобновлению и установлению преступных и иных антиобщественных связей.

Возрождение института административного надзора потребовало не только внесения измене-

ний и дополнений в федеральное законодательство, но и разработки ведомственного нормативного акта в рассматриваемой сфере.

Соответствующий приказ МВД России установил порядок наблюдения за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных судом административных ограничений их прав и свобод, а также за выполнением ими обязанностей, предусмотренных указанным федеральным законом [5].

В то же время анализ практики реализации положений действующего законодательства об административном надзоре свидетельствует о некоторых промахах законодателя, которые, в свою очередь, препятствуют решению поставленных задач. В статье предпринята попытка проанализировать лишь ряд проблем, которые возникают при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Во-первых, существует конкуренция между институтом административного надзора и уголовным наказанием в виде ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания.

Уголовное наказание в виде ограничения свободы было введено в действие Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377 [6]. Этим Законом была существенно изменена карательная сущность данного наказания, и законодатель предусмотрел его применение в качестве не только основного (как было предусмотрено изначально), но и дополнительного наказания. Такая новелла отчасти была оправдана тем обстоятельством, что этим же Законом был ликвидирован институт административного надзора (отменено Положение 1966 г.). Но с возрождением в 2011 г. института административного надзора применение ограничения свободы в качестве дополнительного наказания создало неоправданную конкуренцию. Оба института регулируют поведение освобожденного из мест лишения свободы (поднадзорного). Ограничения, применяемые судом при назначении ограничения свободы и административного надзора, аналогичные (ст. 4 Федерального закона № 64-2011 и ч. 1 ст. 53 УК РФ).

К слову, ограничение свободы в качестве основного наказания конкурирует с условным осуждением. Данный вывод подтверждают результаты проведенного опроса сотрудников правоохранительных органов. Так, на вопрос «В чем состоит различие условного осуждения и ограничения свободы?» – 68 % респондентов ответили, что принципиальной разницы нет [7, с. 18].

Следует отметить, что в Федеральном законе об административном надзоре отсутствуют положения об использовании в отношении поднадзорных лиц, особенно совершивших преступления против

половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также при опасном или особо опасном рецидиве преступлений, аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, перечень которых определяется Правительством России. Использование технических средств серьезным образом упростило бы получение необходимой информации о поведении данной категории.

Во-вторых, в ходе реализации административного надзора территориальными органами МВД России вызывает трудности его установление в отношении граждан, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную либо неснятую судимость, подпадающих под действие Федерального закона об административном надзоре, не имеющих регистрации и постоянного места жительства. В отношении указанных лиц также не представляется возможным установить такие ограничения, как запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица в определенное время суток (п. 3 ч. 1 ст. 4 Федерального закона об административном надзоре).

Кроме того, возникают проблемы с процессуальными сроками установления и продления административного надзора. Так, с момента подачи органами внутренних дел в суд заявления по делу об административном надзоре и его разрешением по существу, проходит в среднем полтора–два месяца (ст. 154 ГПК РФ), а в случае обжалования судебного решения процессуальные сроки увеличиваются еще до двух месяцев (ст. 327.2 ГПК РФ). При этом проводить в полном объеме профилактическую работу с гражданами, подлежащими административному надзору при наличии условий, предусмотренных Федеральным законом об административном надзоре, органы внутренних дел не вправе.

Острота вопроса заключается и в том, что согласно требованиям ст. 261.7 ГПК РФ дело об административном надзоре рассматривается и разрешается судьей единолично с обязательным участием лица, в отношении которого подано заявление. При этом обязать это лицо явиться в суд никто не имеет права. Здесь отчетливо проявляется отсутствие нормативно закрепленного механизма, обязывающего его явкой в суд. В связи с этим судебное заседание откладывается и, как правило, переносится по причине неявки лица на другой срок, что ведет к затягиванию производства.

В-третьих, обращает на себя внимание низкая эффективность норм с так называемой административной преюдицией, направленной на общую превенцию преступлений. В настоящее время привлечь к уголовной ответственности возможно

только за уклонение от административного надзора, а за несоблюдение ограничений суда и обязанностей, предусмотренных законом, возможна только административная ответственность.

Как показывает практика, применение штрафных санкций в отношении поднадзорных лиц за несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре (ст. 19.24 КоАП РФ), не всегда оказывает должное индивидуально-профилактическое воздействие, направленное на защиту государственных и общественных интересов. Одним из способов решения этой проблемы является изучение и возможное использование опыта реализации превентивного надзора других стран. Так, в Республике Беларусь за несоблюдение требований административного надзора без уважительных причин установлена административная ответственность (ст. 24.12 КоАП РБ), а в случаях совершения дважды в течение года таких же административных правонарушений предусмотрена уголовная ответственность с санкцией – арест на срок до шести месяцев или лишение свободы на срок до одного года (ст. 421 УК РБ).

Вызывает критику слабая степень корреляции между поведением осужденного в исправительном учреждении и содержанием административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре. Единственным уголовно-исполнительным фактором, влияющим на установление административного надзора, выступает признание лица в период отбывания наказания в местах лишения свободы злым нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Как представляется, такой подход законодателя не будет способствовать индивидуализации административных ограничений, которые должны не только обладать общим для всех лиц, подвергаемых административному надзору, характером, но и выступать логическим продолжением процесса правового воздействия на лиц, совершивших преступление. Критика административного надзора, применяемого однотипно ко всем поднадзорным, была и в 80-х годах, когда попытки повысить эффективность обсуждаемой меры не увенчались успехом. Так, указывалось, что практика применения одних и тех же немногочисленных административных ограничений к осужденным, в отношении которых устанавливался административный надзор, «ведет к нарушению требований закона об индивидуальном подходе к поднадзорным... Такой подход исключает возможности индивидуализации средств административного надзора в процессе его осуществления» [8, с. 211]. Подобные проблемы реализации административного надзора возникают и в современных условиях.

Остановимся на проблемных вопросах взаимодействия различных ведомств в процессе осуществления административного надзора.

Часть 2 ст. 8 Федерального закона об административном надзоре предоставляет полномочия федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функцию по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел по установлению порядка осуществления органами внутренних дел административного надзора. Вполне понятно, что законодательный акт не может подробно регулировать все вопросы, которые могут возникнуть в связи с его реализацией. Однако в целях более полного регламентирования реализации положений Закона необходимо более подробно урегулировать вопросы не только осуществления надзора, но и его установления, прекращения, взаимодействия органов, участвующих в реализации Закона об административном надзоре.

Осуществление территориальными органами МВД России контроля за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с федеральным законом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей возможно лишь при межведомственном взаимодействии, так как именно совместная, должным образом организованная на федеральном, региональном и местном уровнях деятельность всех заинтересованных субъектов предупреждения поднадзорными лицами преступлений и других правонарушений позволит добиться максимального эффекта от оказания на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов.

Административные регламенты по предоставлению ФМС России государственных услуг по регистрационному учету граждан РФ по месту пребывания и по месту жительства в пределах РФ (приказ ФМС России от 11 сентября 2012 г. № 288) и по выдаче, замене и учету паспортов гражданина РФ, удостоверяющих личность гражданина РФ на территории РФ (приказ ФМС России от 30 ноября 2012 г. № 391), не предусматривают предоставления органам внутренних дел информации о гражданах, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную судимость, подпадающих под действие Федерального закона об административном надзоре, а также в отношении лиц, которым судом установлен административный надзор.

Следует отметить, что согласно Уголовно-исполнительному кодексу РФ в исправлении осу-

жденных принимают участие не только учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы, но и уголовно-исполнительные инспекции, которые по своему статусу также являются учреждениями. Однако в соответствии с изменениями, внесенными в ст. 54 Уголовно-исполнительного кодекса РФ 6 апреля 2011 г., уголовно-исполнительные инспекции лишь информируют орган внутренних дел по месту жительства или пребывания осужденного, в отношении которого может быть установлен надзор, о том, что истекает срок отбывания наказания в виде ограничения свободы, то есть они лишены права обращаться с заявлениями об установлении административного надзора, хотя вполне логично они могли быть наделены таким правом. Каким образом уголовно-исполнительные инспекции будут информировать органы внутренних дел, законодатель, к сожалению, не конкретизировал. Это необходимо будет сделать путем принятия подзаконного акта. Ввиду того что МВД России не имеет полномочий регулировать статус уголовно-исполнительных инспекций, вероятно, это будет сделано приказом Минюста России.

Таким образом, к основным проблемам исполнения законодательства об административном надзоре следует отнести: отсутствие налаженной системы межведомственного взаимодействия, в том числе специального программного обеспечения между территориальными органами МВД России и территориальными органами УФСИН России и ФМС России, при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; недостаточная эффективность норм действующего законодательства, направленного на оказание индивидуального профилактического воздействия на граждан, освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную либо неснятую судимость, подпадающих под действие Федерального закона об административном надзоре, в целях защиты государственных и общественных интересов.

В заключение следует отметить, что реализация норм административного надзора является важным инструментом в профилактике рецидивной преступности, но регламентация административного надзора в настоящее время не обошлась без шероховатостей. Разрешение обозначенных и других возникающих практических проблем реализации данного института позволит положительно повлиять на процесс создания эффективного механизма надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и на криминогенную обстановку в целом.

Список литературы

1. Фильченко А. П. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: правовая природа и перспективы законодательного регулирования // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 54.
2. Разаренов Ф. С. Административный надзор – способ предотвращения правонарушений. М., 1973. 56 с.
3. Гуськов В. И., Иванов А. П. Роль административного надзора в профилактике рецидива преступлений : учеб. пособие. Рязань, 1982. 62 с.
4. Векленко В. В., Бекетов О. И. Административный надзор милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: аргументы в пользу восстановления // Полицейское право. 2006. № 1. С. 40.
5. О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : приказ Министерства внутренних дел Рос. Федерации от 8 июля 2011 г. № 818 // Рос. газ. 2012. 8 авг.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : федер. закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ // Рос. газ. 2009. 30 дек.
7. Борисова Н. Ф. Соотношение ограничения свободы с условным осуждением // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 2. С. 18.
8. Уткин В. А. Применение дополнительных ограничений при административном надзоре и некоторые вопросы его совершенствования // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе : сб. ст. / отв. ред. В. Ф. Волович. Томск, 1985. С. 211.

OLGA NIKOLAEVNA CHISTOTINA,
PhD in pedagogics,
senior lecturer of the department of criminal law and criminology
(Ryazan branch of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia)
E-mail: chistotina@yandex.ru.

**PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE ADMINISTRATIVE
SUPERVISION FOR PERSONS RELEASED FROM PRISON**

Annotation: a measure of social control, historically proven to be effective in preventing recidivism, is the administrative supervision for persons released from prison. The implementation of rules of administrative supervision is an important tool in the prevention of recidivism, but the regulation of administrative supervision has some disadvantages. This article analyzes the shortcomings of the legal regulation of administrative supervision and practice, it has a shot to consider some problems arising in the course of the implementation of the administrative supervision for persons released from prison.

The study identified the following problems: presence of competition between the institution of administrative supervision and criminal sentences in the form of «restriction of liberty» designated as an additional punishment; lack of the regulation use of audiovisual, electronic and other technical devices of supervision and control, the use of which seriously would simplify the process of getting the necessary information about the behavior of supervised persons; low efficiency of standards with the so-called administrative prejudice aimed to the general prevention of crime; weak correlation degree between the behavior of the convicted person in a prison and content of administrative restrictions imposed under an administrative supervision; lack of an established system of interagency cooperation, including a special software between territorial authorities of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Migration Service of Russia in the course of the administrative supervision for persons released from prison; lack of effectiveness of the current legislation aimed at providing of an individual preventive effect on citizens, released from prison and having uncleared or unexpunged conviction, falling within the purview of the Federal Law on Administrative Supervision in order to protect the public and state interests and some other problems.

Elimination of designated and other evolving problems upon the realization of the institution will have a positive impact on the process of creating of an effective mechanism of supervision for persons released from prison, and the criminogenic situation in general.

Key words: recidivism; conviction; administrative supervision; control; post-penitentiary impact; superintendence on a person released from prison; cooperation; internal affairs bodies; correctional institutions; probation departments.

References

1. Fil'chenko A. P. Administrativnyy nadzor za litsami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody: pravovaya priroda i perspektivy zakonodatel'nogo regulirovaniya [Administrative supervision for persons released from prison: the legal nature and prospects of legislative regulation]. *Administrativnoe pravo i protses – Administrative Law and Procedure*, 2012, no. 2, p. 54.
2. Razarenov F. S. Administrativnyy nadzor – sposob predotvrascheniya pravonarusheniy [Administrative supervision – a way of crime prevention]. Moscow, 1973. 56 p.
3. Gus'kov V. P., Ivanov A. P. Rol' administrativnogo nadzora v profilaktike retsidiva prestupleniy [Administrative supervision role in the prevention of recidivism]. Ryazan, 1982, 62 p.
4. Veklenko V. V., Beketov O. I. Administrativnyy nadzor militsii za litsami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody: argumenty v pol'zu vosstanovleniya [Administrative supervision of the militia for persons released from prison: evidence for recovery]. *Politseyskoe pravo – Police law*, 2006, no. 1, p. 40.
5. Prikaz Ministerstva Vnutrennih Del Rossiyskoy Federatsii ot 8 iyulay 2011 g. № 818 «O poryadke osushchestvleniya administrativnogo nadzora za litsami, osvobozhdennymi iz mest lisheniya svobody» [The Order of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation from July, 8th, 2011, № 818 «On exercise of administrative supervision for persons released from prison»]. *Rossiyskaya gazeta – Russian newspaper*, 2012, 8 August.
6. Federal'nyy zakon ot 27 dekabria 2009 g. № 377-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii o nakazanii v vide ogranicheniya svobody» [The Federal of the law Russian Federation from December, 27th, 2009, № 377-FL «On the amendments to the legislative acts of the Russian Federation in connection with coming into effect of the provisions of the Criminal Code and the Penal Code of the Russian Federation on the punishment in the form of restriction of liberty»]. *Rossiyskaya gazeta – Russian newspaper*, 2009, 30 December.
7. Borisova N. F. Sootnoshenie ogranicheniya svobody c uslovnym osuzhdeniem [Correlation between restriction of liberty to probation]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Penal system: law, economy and administration*, 2012, no. 2, p. 18.
8. Utkin V. A. Primenenie dopolnitel'nyh ogranicheniy pri administrativnom nadzore i nekotorye voprosy ego sovershenstvovaniya [Application of additional restrictions under administrative supervision and some problems of its improvement]. *Aktual'nye problemy gosudatstva i prava na sovremennom etape. Sbornik statej. Sbornik statej. Otvetstvennyj redaktor V. F. Volovich [Actual problems of state and law at the present time: a collection of articles. The collection of articles. Executive editor]*. Tomsk, 1985, p. 211.

УДК 343.8
ББК 67.409-1
В19

СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА ВАСИЛЬЕВА,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры философии и истории
(Академия ФСИН России)
E-mail: vasi-svetlana@yandex.ru.

**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ
НА РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
(НА ПРИМЕРЕ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Реферат: в статье рассматривается проблема влияния экономических факторов, и прежде всего экономического кризиса, вызванного событиями гражданской войны, на процесс зарождения и развития советской пенитенциарной системы на региональном уровне. В качестве материала для анализа и описания в статье использованы ранее не публиковавшиеся архивные данные местных и центральных архивов, касающиеся Рязанской губернии, являвшейся одной из типичных территорий центральной России, на которые опиралась советская власть в гражданской войне.

Кризис уголовно-исполнительной системы, вызванный тяжелыми последствиями мировой войны, проявился прежде всего в сокращении числа опытных работников, призванных в армию, в падении объемов финансирования, когда все средства были брошены на фронт, в прекращении какого бы то ни было развития и как следствие этого в материальном и моральном развале всей системы. После февраля 1917 г. в хаосе революционных событий это положение лишь усугубилось.

Приведены примеры и документальные свидетельства тому, как экономические трудности, галопирующая инфляция, сокращение финансирования привели к резкому ухудшению материального положения персонала пенитенциарных учреждений на местах и как следствие к их увольнению со службы.

Освещена и другая экономическая проблема, порожденная трудностями военного времени и серьезным образом повлиявшая на состояние и развитие системы мест лишения свободы, – продовольственный кризис. В статье подробно описаны размеры продовольственных пайков, наборы продуктов, в них входящих, и проблемы с их получением для рязанских тюрем и лагеря принудительных работ. Приведены документальные примеры бедственного положения заключенных в уездных тюрьмах, чреватых голодом и эпидемиями.

В статье сделаны выводы о том, что в годы гражданской войны, в условиях разрухи советская власть не имела серьезных финансово-экономических возможностей для развития уголовно-исполнительной системы, и тюремная администрация повсеместно вынуждена была решать задачу обеспечения элементарного выживания заключенных.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и правительства Рязанской области, проект № 13-11-62002.

Ключевые слова: Рязанская губерния, гражданская война в России, история уголовно-исполнительной системы, губернский карательный отдел, губернский отдел принудительных работ, места лишения свободы, Рязанская губернская тюрьма, Рязанский губернский лагерь принудительных работ, материальное положение сотрудников уголовно-исполнительной системы, продовольствие и содержание заключенных, санитарное состояние мест лишения свободы.

Целью статьи является попытка рассмотреть влияние экономических факторов, и прежде всего жесточайшего экономического кризиса, вызванного событиями гражданской войны, на процесс зарождения и развития советской пенитенциарной системы на региональном уровне.

В годы гражданской войны территория некогда единой и неделимой Российской империи, по выражению некоторых исследователей, напоминала лоскутное одеяло, на котором существовало и противостояло друг другу несколько центров власти,

различных «правительств», ни одно из которых «не обходилось без тюремных учреждений, и везде в их деятельности появлялась собственная специфика» [1, с. 36]. Рязанская губерния, наряду с другими губерниями Центральной России, в годы гражданской войны стала опорой советской власти. Используя человеческие и материальные ресурсы именно этого исторического ядра Российского государства, большевики смогли восстановить политическое единство страны в уже новой – советской форме [2, с. 162]. Особенности созидания на территории Рязанской губернии новых го-

сударственных структур, в том числе отвечающих за исполнение уголовных наказаний, во многом отражают общую ситуацию, сложившуюся и в других центральных районах страны.

Состояние «тюремного наследия Российской империи» – царской пенитенциарной системы, которая оказалась в распоряжении сначала Временного правительства, а затем Совета Народных Комиссаров, уже характеризовалось как критическое. Кризис уголовно-исполнительной системы, вызванный тяжелыми последствиями мировой войны, проявился прежде всего в сокращении числа опытных работников, призванных в армию, в падении объемов финансирования, когда все средства были брошены на фронт, в прекращении какого бы то ни было развития и как следствие этого в материальном и моральном «обветшании» всей системы. После февраля 1917 г. в хаосе революционных событий это положение лишь усугубилось, что довольно часто оценивалось современниками уже как проявление полной деградации, приводившей к тому, что повсеместно из практически неохранных тюрем не бежали только ленивые.

Действительно, экономические трудности, галопирующая инфляция, сокращение финансирования привели к резкому ухудшению материального положения персонала пенитенциарных учреждений на местах и как следствие к их увольнению со службы. Весна и лето 1917 г. для них прошли в ожидании скорейшего решения Главным управлением местами заключения вопроса о повышении окладов чинам тюремного надзора. Размеры окладов, не считая процентов надбавок, «установленных по случаю вызванного войной вздорожания жизни», предполагалось довести до 720 руб. для старших надзирателей и от 480 до 540 руб. для младших надзирателей. Кроме того, планировалось присвоить всем чинам стражи право на служебную квартиру, а при невозможности предоставления таковой – на квартирные деньги в размере 1/4 основного оклада содержания [3, л. 2].

В июне 1917 г. Рязанский губернский комиссар Временного правительства и губернский тюремный инспектор сообщили в Главное управление местами заключения (ГУМЗ), что они довели до сведения личного состава планирующееся улучшение материального положения чинов стражи мест заключения «в целях поддержания в нем духа бодрости и усердия к службе, невзирая на переносимое им в буквальном смысле слова полуголодное существование». Они также настоятельно просили «принять положительные меры к скорейшему разрешению этого вопроса. Пока же в качестве экстренной меры местное руководство ходатайствовало перед центром о разрешении выдавать из

специальных средств надзирателям ежемесячно по 10–15 рублей в счет грядущего повышения окладов, «так как среди детей у семейных надзирателей уже наблюдаются случаи голодного тифа» [3, л. 3]. Действительно, только за первую половину 1917 г. цены на продукты питания в России выросли в 16–18 раз по сравнению с 1913 довоенным годом и в 5–6 раз по сравнению с предыдущим 1916 г. [4, с. 345], а оклады государственным служащим выросли не более чем в 3–4 раза.

Еще одним ярким свидетельством бедственного положения тюремного персонала в уездных тюрьмах летом 1917 г. является прошение надзирателей Скопинской тюрьмы к ее начальнику, представленное рязанскими властями в ГУМЗ: «Господин начальник! Как к отцу родному, заступнику наших интересов прибегаем к Вам с покорнейшей просьбой, обратите внимание на наше непомерно тяжелое положение. Жизнь в г. Скопине стала невозможной. Семьи наши по три дня голодают. Ждем от Вас помощи и видим из поступающих к Вам бумаг о ничтожной скорой прибавке, но ее нет. Везде и во всех учреждениях стали получать колоссальные оклады, а нам, забытым, видимо, Богом людям, ничего нет. Куска хлеба не получаем... Заступник наших интересов, помогите нам!» [3, л. 7].

В ответ на этот крик о помощи центр лишь еще раз сообщил о срочной разработке вопроса об улучшении материального положения тюремного персонала. В конце концов «твердые» оклады были установлены с 1 января 1918 г., и с этого же срока были отменены всевозможные «денежные выдачи по обстоятельствам военного времени» – суточные, процентные надбавки, квартирные деньги и т. п. Однако размеры окладов тюремных надзирателей в Рязанской губернии варьировали в январе 1918 г. от 225 до 275 руб. [3, л. 24–25], то есть были заметно меньше по сравнению с запланированными. И уже с 1 сентября 1918 г. ввиду стремительного роста денежной эмиссии и обесценивания рубля эти оклады были практически утроены.

Решить задачу обеспечения достойного материального положения сотрудников на протяжении всего периода гражданской войны так и не удалось. Констатируя в конце 1922 г. неудовлетворительное состояние личного состава в местах лишения свободы [5, с. 6], руководство уголовно-исполнительной системой Советской России называло негативные последствия сохранения низких тарифных ставок для сотрудников пенитенциарных учреждений. Среди них: массовый уход служащих в другие учреждения, недостаток надзора (в среднем 75 % от штатной численности) и невозможность на существующие низкие оклады найти лиц, желающих занять эти должности. В качестве компенсации не-

достатка кадров расширялась практика привлечения к исполнению служебных обязанностей канцелярских работников, служащих рабочей и учебно-воспитательной частей и даже надзора самих заключенных «из числа образцовых, пользующихся доверием администрации» [1, л. 66 об].

Другой серьезной экономической проблемой, которую в 1918–1922 гг. повсеместно пыталась решать советская власть, являлся порожденный трудностями военного времени продовольственный кризис. Перебои с хлебом в Рязанской губернии начались еще летом 1917 г., когда по резолюции губернского продовольственного съезда была установлена хлебная монополия, приняты меры для запрета вывоза хлеба из губернии и уничтожения самогоноварения. За 10 дней до Октябрьского вооруженного переворота председатель бюро Союза городов Рязанской губернии докладывал министру продовольствия: «Города переживают мучительный продовольственный кризис. Касимов, Егорьевск, Скопин буквально голодают... Положение трудовых и малоимущих классов воистину трагически мучительное. Создается особая психология людей голодных, готовых на все...» [2, с. 144]. Суточная норма ржаной муки по губернии в 1917–1918 гг. снизилась с 1 до 1/8 фунта, пшеничная мука отпускалась только больным по рецептам врачей.

Раскладка продовольствия для арестантов губернии в годы гражданской войны в основном состояла из таких продуктов, как хлеб, соль, сахар, сало, пшено. Ежедневная норма хлебного пайка в 1920 г. как работающих, так и неработающих арестантов мест заключения, подведомственных Народному комиссариату юстиции, составляла 1 фунт [7, л. 24; 8, л. 106], что было практически равно норме обычного горожанина. В 1921 г. для работающих заключенных эта норма была доведена до 1½ фунта [9, л. 34 об].

В местах лишения свободы, контролируемых НКВД, размеры пайка практически не отличались от принятых в НКЮ. Так, судя по отчету коменданта Рязанского лагеря принудительных работ, за период с августа 1919 г. по июль 1920 г. паек заключенных состоял из 1 фунта хлеба, 3 золотников соли, 3 золотников сахара, 1 золотника чая и 32 золотников крупы, «часть которой заменяется капустными листьями и луком». Особенностью распределения хлебного пайка в лагере являлась установившаяся практика выдачи его не каждому заключенному, а по корпусам, где лишённые свободы за неимением весов делили хлеб на глаз, что постоянно порождало «недоразумения и склоки». При этом администрация губернского лагеря считала существующую пайковую норму явно недостаточ-

ной, так как заключенные, «особенно старики, быстро от истощения приходят в полное состояние инвалидности» [10, л. 9 об].

Однако подобный эффект объяснялся не только низкими нормами пайкового довольствия. По оценкам специалистов, свободные граждане по нормам и карточкам получали только около 1/3 необходимого продовольствия. Остальные продукты обеспечивали так называемые «мешочники» на «вольном рынке». В свою очередь, арестанты не только не имели возможности получать продукты сверх продовольственного пайка – в определенные периоды даже минимальное снабжение по установленным раскладкам осуществлялось с перебоями и перерывами.

Докладывая в начале 1920 г. Рязанскому губисполкому об итогах первого полугодия существования своего учреждения, комендант губернского лагеря принудительных работ обращал внимание на тот факт, что концентрационный лагерь «до некоторой степени поставил в затруднительное положение связывающиеся с ним местные отделы, а именно: органы продовольствия – Губпродком, Губпродукт, Горисполком и Губплембеж, которые с трудом снабжают лагерь продовольствием и всеми другими необходимыми вещами» [11, л. 1 об]. Позднее для исправления положения средствами лагеря был оборудован огород, разнообразивший рацион овощами – капустой, картофелем, огурцами, томатами, свеклой и брюквой [10, л. 10]. Однако и летом 1920 г. комиссия рабоче-крестьянской инспекции, проводившая ревизию губернского лагеря, отметила все те же недостатки и пришла к выводу о том, что «дело с продовольствием находится не в завидном положении, а главное в добычании самих продуктов: для этой цели администрации лагеря необходимо было бы войти в тесный контакт с продорганами... тогда бы не было необходимости зав. хозяйства... разъезжать по городу и просить у того или другого продоргана те или иные продукты» [7, л. 23, 24].

Тем не менее если в губернском центре состояние взаимоотношений с органами исполнительной власти позволяло проявлять гибкость и мобильность в продовольственном снабжении губернских мест заключения, то в уездах ситуация складывалась катастрофическая.

Так, комендант отделения Рязского уездного лагеря принудительных работ докладывал осенью 1920 г., что со дня организации отделения паек для заключенных получали не полностью: за апрель, май и июнь получили хлеб, соль, сахар и пшено, после чего получали только муку и соль. На почве голода постоянно совершались побегі, комендант даже вынужден был «ввиду тяжелого продовольственного по-

ложения» отпускать заключенных за продуктами в ближайшие села [10, л. 2, 3], за что ему был сделан выговор. В сентябре 1920 г. в отделение прибыла партия из 120 военнопленных. По резолюции губернского продовольственного комитета уездные власти должны были отпускать продукты по раскладке концентрационного лагеря, расположенного в губернском центре, но Рязанский уездный продовольственный комитет не принял установленные нормы, отказав отделению в мясе, сахаре, табаке и спичках, руководствуясь самостоятельно установленной нормой [10, л. 3].

В 1922 г., судя по данным уездных комиссий для проверки гигиенического состояния мест заключения, картина продовольственного снабжения уездных мест заключения была угнетающая. Данковский арестный дом: «...положение ардома катастрофическое, вследствие запоздания с присылкой пайков и их недостаточности, так как количество заключенных не менее 40 человек, пайков же высылают 15. Январский паек до сего времени не получен» [12, л. 21]. Скопинский арестный дом и арестное помещение при милиции: «Продовольствие заключенные не получают совершенно, так как на Ардом и данное помещение имеется 15 пайков, а заключенных в среднем менее 50 человек не бывает. Довольствуются провизией, приносимой родственниками. Ввиду того что подвоз провизии таким путем не всегда регулярный, а у некоторых арестованных нет поблизости родных, – они голодают, причем бывают случаи полного истощения» [12, л. 31]. Спасский арестный дом: «Пищевое довольствие происходит из собственных средств самих заключенных, ввиду неполучения наряда по госплановому снабжению за январь и февраль месяцы, и изготовляется самими заключенными каждый для себя лично в печах, приспособленных для обогрева камер заключенных. Общий котел для приготовления пищи имеется, но таковой не функционирует за неимением продуктов на февраль

месяц» [12, л. 34 об]. Раненбургский арестный дом: «Казенное содержание из 51 арестованного получают только 15 по $\frac{3}{4}$ фунта хлеба и больше ничего» [12, л. 81].

Ситуация, когда количество заключенных в разы превышало кредиты, выданные на пропитание, систематически повторялась повсеместно. Это было вызвано в первую очередь интенсивным движением арестантов между различными местами заключения – переводами, командированием на внешние работы, постоянным притоком военнопленных гражданской войны. Нередко в течение одного месяца количество заключенных удваивалось [10, л. 12], а пайковая норма на следующий месяц рассчитывалась помесячно в губернских и уездных продорганах исходя из количества заключенных за предшествующий месяц, и изменению в последующем не подлежала. Такая практика сложилась в годы гражданской войны повсеместно, и Рязанская губерния не была исключением.

Недостаточное питание влекло за собой болезни. В Рязанской губернии в 1918–1920 гг. свирепствовали эпидемии испанки и брюшного тифа, которые унесли больше жизней, чем военные действия, белый и красный террор, вместе взятые. Уже в апреле 1918 г. у губернских властей возникли серьезные опасения по поводу возможного распространения среди заключенных таких заболеваний, как тиф и холера.

Таким образом, в годы гражданской войны, в условиях разрухи советская власть не имела серьезных финансово-экономических возможностей для развития уголовно-исполнительной системы. По официальному признанию руководства, вплоть до 1921 г. «из-за отсутствия достаточного количества денежных средств места заключения были в тяжелом положении» [5, С. 2], и тюремная администрация повсеместно вынуждена была решать задачу обеспечения элементарного выживания заключенных.

Список литературы

1. Реент Ю. А., Жигалев А. В. Становление исправительно-трудовой системы Советской России в 20-е годы XX века // Человек : преступление и наказание. 2009. № 2. С. 36.
2. История Рязанского края. 1778–2007 / под ред. П. В. Акульшина. Рязань, 2007. 448 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 122. Оп. 11. Д. 405.
4. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. 487 с.
5. Пенитенциарное дело в 1922 г. : отчет Народного Комиссариата внутренних дел по главному управлению местами заключения X-му Съезду Советов Р., Кр., и К. Д. М., 1922. 48 с.
6. Государственный архив Российской Федерации Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 8.
7. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-2639. Оп. 1. Д. 1580.
8. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-2114. Оп. 1. Д. 21.
9. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 1021.
10. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-2817. Оп. 1. Д. 28.
11. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 544.

12. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 1108.

SVETLANA ANATOLIEVNA VASIL'EVA,
candidate of historical sciences, associate professor,
deputy head of the philosophy and history sub-department
(Academy of the FPS of Russia)
E-mail: vasi-svetlana@yandex.ru.

**TO THE QUESTION ABOUT THE IMPACT OF THE ECONOMIC CRISIS DURING THE CIVIL
WAR IN RUSSIA ON THE DEVELOPMENT OF THE PENAL CORRECTION SYSTEM
(FOR EXAMPLE RYAZAN PROVINCE)**

Annotation: the article deals with the problem of the influence of economic factors, and particularly the economic crisis caused by the events of the civil war, the origin and development of the Soviet prison system at the regional level. As a material for analysis and description of the article used previously unpublished archives of local and central archives relating to the Ryazan province, which was one of the most common areas of Central Russia, which built the Soviet power in the civil war.

The crisis of the penal system, caused by the severe consequences of World War II, manifested primarily in a reduction in the number of experienced workers, drafted in the fall in funding, when all the money had been thrown to the front, to stop any development and, as a consequence, the material and moral collapse of all the systems. Immediately after the February 1917 in the chaos of revolutionary events, this situation only exacerbated.

Provides examples and documentary evidence of how economic hardship, rampant inflation, funding cuts have led to a sharp deterioration in the economic situation of prison staff in the field and as a consequence to their dismissal from service. Lit and another economic problem caused by the difficulties of the war, and seriously affected by state and development of places of deprivation of liberty-food crisis. The article describes in detail, the size of the rations, sets the incoming products and problems with them getting to prisons and forced labor camp of Ryazan. The documentary shows examples of the plight of prisoners in County jails, with famine and epidemics.

The article concluded that years of civil war, in the face of devastation, the Soviets did not have serious financial and economic opportunities for the development of the penal correction system, and prison authorities everywhere had to face the challenge of ensuring basic survival of prisoners. Article prepared with the financial support of the Russian humanitarian scientific foundation and the Government of the Ryazan region, project № 13-11-62002.

Key words: Ryazan province, the civil war in Russia, history of criminally-Executive system, the Provincial Division, provincial division punitive forced labor, detention centers, the Ryazan province prison, the Ryazan province forced labor camp, the material situation of prison personnel, food and sanitary conditions of the prisoners to places of deprivation of liberty.

References

1. Reent Ju. A., Zhigalev A. V. Stanovlenie ispravitel'no-trudovoj sistemy Sovetskoj Rossii v 20-e gody XX veka [Formation of the correctional working system of Soviet Russia in the 20's of the XX century]. Chelovek : prestuplenie i nakazanie – Man : Crime and Punishment, 2009, no. 2, p. 36.
2. Istorija Rjazanskogo kraja. 1778–2007 [History of the Ryazan region. 1778–2007]. Ryazan, 2007, 448 p.
3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. 122. Op. 11. D. 405 [The Public Archive of the Russian Federation. Fund 122. Inventory 11. Case 405]. Unpublished.
4. Kondrat'ev N. D. Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremja vojny i revoljucii [Market for grain crops and its regulation during the war and the revolution]. Moscow, 1991, 487 p.
5. Penitenciarное дело v 1922 godu: otchet Narodnogo Komissariata Vnutrennih Del po Glavnomu Upravleniju Mestami Zakljucheniya X-mu S'ezdu Sovetov R., Kr., i K. D. [Penitentiary matter in 1922. Report of the People's commissariat of internal affairs for main administration of the prisons for the Xth congress of councils]. Moscow, 1922, 48 p.
6. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. Fond P-4042. Opis 2. Delo 8. [The Public Archive of the Russian Federation. Fund P-4042. Inventory 2. Case 8]. Unpublished.

7. Gosudarstvennyy arhiv Ryazanskoy oblasti. F. R-2639. Op. 1. D. 1580 [State Archives of the Ryazan region. Fund P-2639. Inventory 1. Case 1580]. Unpublished.
8. Gosudarstvennyy arhiv Ryazanskoy oblasti. Fond R-2114. Opis 1. Delo 21 [State Archives of the Ryazan region. Fund P-2114. Inventory 1. Case 21]. Unpublished.
9. Gosudarstvennyy arhiv Ryazanskoy oblasti. F. R-49. Op. 1. D. 1021 [State Archives of the Ryazan region. Fund P-49. Inventory 1. Case 1021]. Unpublished.
10. Gosudarstvennyy arhiv Ryazanskoy oblasti. F. R-2817. Op. 1. D. 28 [State Archives of the Ryazan region. Fund P-2817. Inventory 1. Case 28]. Unpublished.
11. Gosudarstvennyy arhiv Ryazanskoy oblasti. F. R-49. Op. 1. D. 544 [State Archives of the Ryazan region. Fund P-49. Inventory 1. Case 544]. Unpublished.
12. Gosudarstvennyy arhiv Ryazanskoy oblasti. F. R-49. Op. 1. D. 1108 [State Archives of the Ryazan region. Fund P-49. Inventory 1. Case 1108]. Unpublished.

УДК 348
ББК 67.022.155
П12

АЛЕКСАНДР РУДОЛЬФОВИЧ ПАВЛУШКОВ,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории
(Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
E-mail: apavlushkov@yandex.ru.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ НАКАЗАНИЯ В ЦЕРКОВНОМ, СВЕТСКОМ И ТРАДИЦИОННОМ ПРАВЕ

Реферат: конструкция правовой системы в России состояла из разнородных институциональных образований: светского, церковного и традиционного права. Каждый из них опирался на собственную исторически сложившуюся почву. Эта конструкция держалась на общих принципах развития, которые придавали ей устойчивость и относительную стабильность. Одним из фундаментальных был принцип справедливости. Однако представления о справедливости в российском общественном сознании были различными и в итоге сформировали мозаичную философию наказания.

Религиозная догматика опиралась на восточно-христианские идеалы и нормы Священного писания, вселенских, поместных и церковных соборов. Справедливость имела ярко выраженную нравственную природу, что выразилось в создании учения о христианской (православной) этике. Идея справедливости пронизывала все христианское учение и связывала человека с Богом. Направленная в сознание человека, она ставила индивида перед нравственным выбором не совершать поступки, которые противоречили бы библейским заповедям. Справедливость в христианстве пронизана идеей любви к Богу и ближнему. В силу этого церковное наказание пропитано идеей милосердия. Буквально это означало, что человек сам должен признать собственную вину и сделать добровольный выбор в несении всех тягот исполнения наказания.

Народные представления о справедливости базировались на языческих и общинных традициях, где отношения внутри социума были значительно табутированы и подчинены природе самосохранения. Справедливым считалось все то, что помогало общине выжить, соответственно несправедливым – все действия, идущие в разрез коллективным интересам. Водораздел между справедливостью и несправедливостью носил в этом случае более приземленный и конкретный характер, с присущими атрибутами бытовой жестокости, выражавшейся в пресечении всех попыток нарушить исконные запреты. Суровость наказания нарушителей рассматривалась как естественное состояние общества, благодаря чему оно и выживало, поэтому справедливость ассоциировалась с интересами коллектива и допускала самые суровые формы наказаний.

Государственная доктрина воспринимала справедливость с позиции закона и прогресса. Государство значительно быстрее реагировало на происходящие общественные изменения, пытаясь законодательно закреплять новые модели социальных отношений. Восприятие справедливости в данном случае значительно деформировалось расстановкой политических и классовых сил в обществе. При формальном признании христианских добродетелей государство в лице политической элиты на практике формировало собственное понимание справедливости, отражавшей уже интересы не всего социума, а только ее отдельных слоев. Соответственно при назначении наказания учитывались и сословная принадлежность, и общественный статус виновного.

Таким образом, три структуры (религиозная, традиционная и государственная) имели собственные представления о справедливости, что в итоге предопределило разное понимание преступления и наказания. Конфликт и столкновения между ними были неизбежны. Первоначально церковь вступила в конфликт с язычеством, затем государство с церковью. Далеко не все то, что государство признавало преступлением, также соотносилось с народным сознанием. Народное восприятие могло свободно оправдывать и даже поощрять действия своих односельчан, тогда как закон расценивал их как преступление.

Противоречия в понимании и реализации справедливости можно легко обнаружить и в современной российской правовой культуре, несмотря на то что государство стало более цивилизованным и старается не допускать социальных столкновений. Материалы статьи можно использовать при разработке правовых спецкурсов, подготовке материалов для лекций по истории государства и права, теории государства и права, пенологии.

Ключевые слова: правовая многополярность, правовые противоречия, воздаяние, народное сознание, поведенческая культура населения, самосуд, правовой нигилизм, внесудебная расправа, деформация общественного сознания, двойная форма наказания, традиционное право, светское право, церковное право, церковное покаяние, генезис правовой системы.

Наказание является составной частью сложившейся правовой модели, которая, в свою очередь, функционирует на основе принципов, подчиненных общей идее. Принципы как основные императивы носят устойчивый и взаимообусловленный характер, заставляя все элементы системы действовать синхронно. В условиях правовой многополярности содержательное наполнение базовых принципов наказания в России имело различную историческую и философскую природу, а трактовка их существенно отличалась друг от друга. Наиболее ярко это проявилось в понимании принципа справедливости наказания.

Идея справедливости неразрывно связана с поиском оптимальных форм наказания, соразмерных тяжести совершенного деяния и виновности правонарушителя. Проблема заключается в том, что требование справедливости отчасти носит характер лозунга, и на практике судье очень сложно принять взвешенное решение, которое устраивало бы все стороны. Одна из них в большинстве случаев будет оценивать его как несправедливое, что выразится в попытке опротестовать решение в вышестоящей инстанции. Даже если не последует никаких действий от обвинения или защиты, это совсем не значит, что наказанием все остались довольны. По сути, это означает, что на практике реализовать принцип справедливости в полной мере невозможно. Однако судья должен попытаться выработать наиболее сбалансированное решение с учетом всех обстоятельств дела.

Другая трудность заключается в том, что историческое представление о справедливости постепенно менялось, то есть его современное звучание весьма отличается от его значения в XVIII или XIX вв. Если в настоящее время принцип справедливости соотнобразуется с принципом гуманизма правового государства и технически конкретизируется в некоторых установлениях (например, в запрете наказывать дважды за одно и то же преступление), то в имперскую эпоху принцип справедливости был привязан к сословным привилегиям, а его звучание имело более обобщенный характер и приближалось по смыслу к неотвратимости наказания. Быть справедливым фактически означало воздать по заслугам и сводилось к элементарному мщению за совершенное зло.

Представления о справедливости, созвучные современному пониманию, стали формироваться в эпоху просвещения, выдвинувшую новые требования к государственному и политическому устройству. Ценность справедливости все больше увязывается с правами человека и более социально ориентированной организацией общественного устройства.

В XIX в. предпринимаются серьезные попытки усовершенствования национально-правовых систем путем конституционного закрепления естественных прав человека. Философско-политическая антропология второй половины XIX столетия переосмыслила знания о сущности и назначении человека, наполнив представления о справедливости требованиями государственной ответственности перед обществом, что нашло отражение в развитии института адвокатуры, гуманизации наказания, проведении судебной и тюремной реформ в общеевропейских масштабах. Принцип справедливости стал иметь более широкое толкование, в основе которого лежал императив о первоценности человека, а не государства и монархии, что нашло отражение в создании теорий социального государства [1, с. 89–93].

Еще одна трудность в понимании справедливости наказания была связана с господством в России нескольких правовых моделей, каждая из которых руководствовалась собственной философией. Две из них были официально признаны и разграничены церковной и государственной юрисдикцией. Третья модель традиционного права формально не признавалась ни государством, ни церковью, но фактически существовала всегда. Коренной трансформации подверглась прежде всего светская система права, а каноническое и традиционное право были более консервативными и устойчивыми к социальным вызовам.

Существование такого сложного образования порождало множество внутренних противоречий и вызывало совершенно разную реакцию у населения на правонарушения, приводя к конфликтным ситуациям. Например, супружеская измена и даже многоженство, когда супруг, официально не разведясь, вступал в сожитительство с другим партнером, в традиционном сознании населения отдельных северных территорий воспринималось как вполне допустимое поведение, продиктованное демографическими и социально-экономическими факторами [2]. Государство в оценке супружеской измены постепенно все более руководствуется моральным осуждением, подвергая определенным ограничениям лиц, имевших незаконнорожденных детей. Церковь рассматривала прелюбодеяние как преступление, требующее наказания в форме публичного покаяния в храме или закрытого в монастыре, сводимого к изоляции осужденного, поэтому оценки некоторых социальных явлений могли не только отличаться друг от друга, но и быть взаимоисключающими. Требование справедливости наказания также принимало совершенно разные толкования признанными социальными институтами. Рассмотрим некоторые из них.

Религиозная доктрина имперского периода была подчинена каноническим установлениям, отражающим ценности восточно-христианской церкви. Они отталкивались от догматов, выработанных основателями христианского учения, и в дальнейшем существенно не подвергались обновлению. Присутствие поместных церквей не изменило сути православного учения. Оно оставалось незыблемым в толковании основных канонов, а последующее развитие церковного права постоянно поддерживало связь с древней традицией, апеллируя к решениям Вселенских соборов. На эту связь указывают не только основные документы Русской православной церкви (например, решения церковных соборов XVI–XVII вв., Духовный регламент, Устав духовных консисторий), но и большинство постановлений Синода уже более позднего (имперского) периода [3, № 1, 250]. Большинство частных правовых решений Синода и епархиального суда содержало ссылки на канонические установления, подчеркивая постоянство права церкви, данного от Бога. При этом назвать христианское учение схоластичным или односторонне догматичным нельзя, так как, по справедливому замечанию В. Н. Тростникова, именно идеи «раннего христианства оказались мощным средством воздействия на мир... изменившие облик Европы» [4]. Выдающиеся религиозные мыслители развивали важнейшие теоретические положения христианского учения, вносили в них живое философское дыхание, объясняя современные им происходящие процессы церковно-каноническим языком. Некоторых из них, например митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), государство в 1860-е годы даже привлекало в качестве эксперта проводимой судебной реформы при составлении новых судебных уставов; других, например Феофана Прокоповича, политическая власть использовала при создании обновленной государственной идеологии.

Источником христианской трактовки справедливости является Священное писание, которое устанавливает основные заповеди поведения человека: не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не произноси ложного свидетельства на ближнего своего и др. Следование им – это правило и добро, нарушение их – грех и зло. Следовательно, справедливость – это возвращение из состояния греха к добродетели и правде. Принципиальным моментом является органическое единство справедливости с такими категориями, как «любовь» и «милосердие», поэтому принцип возмездия, характерный для светской правовой доктрины, в христианстве называется воздаянием и получает совершенно другой смысл: как возвращение человека к Богу. Справедливым будет не

само наказание как карательная мера, а очищение человека от греха через покаяние. Не случайно поэтому церковное наказание именуется врачеванием человеческой души. Наказать справедливо – значит максимально оценить не только степень греха виновного, но и степень его раскаяния и внутреннюю готовность к покаянию [5, с. 3–11]. В связи с этим задачей церковного суда будет максимально правильно подобрать форму церковного покаяния, сопровождающуюся определенными дисциплинарными обязанностями: поклонами, усиленным постом, различными ограничениями, а также беседы с духовником и общение с Богом через молитву. Собственно понятия любви и милосердия в христианстве ставятся выше справедливости в том смысле, что справедливое наказание невозможно без любви к Богу. Церковь должна прощать, а не карать – подчеркивал патриарх Киевский митрополит Филарет.

Известно и другое понимание воздаяния, употребляемое в более широком смысле: как Божий суд. Воздаяние по смыслу сливается с понятием справедливости и предусматривает ответственность человека перед Богом. Сделав внутренний выбор, виновный или спасает себя, или обрекает на духовную смерть, внутренние муки. Задача духовника помочь человеку сделать правильный выбор.

Народное сознание сформировало иной взгляд на понятие справедливости, в основе которого лежали исторический опыт общинного существования и взаимная целесообразность. Они в большей степени учитывали локально-территориальные особенности поведенческой культуры населения. Народное понимание справедливости апеллирует к традиции, но традиции языческой, которая не признавалась ни церковью, ни государством. Не случайно народная мудрость гласила: «На Бога надейся, а сам не оплошай». Взаимное столкновение интересов все же не привело к конфликту, а приняло форму примирения или приспособления. Внешней формой этого компромисса являлось сохранение общинных судов, которые формально существовали в рамках закона (вспомним хотя бы деятельность волостных судов). Скрытой формой примирения являлось невмешательство власти или пассивное воздействие ее на некоторые нарушения закона, который у населения ассоциировался с властью и внушал скорее страх, чем справедливость.

Принцип справедливости в традиционном сознании имел противоречивый характер. В нем сочетались одновременно языческие представления о возмездии как реализации естественного права на защиту собственных интересов и компенсации в случае их ущемления, а также о власти, которая не

бывает справедливой, поэтому отношение к государственному суду у крестьян всегда было настроенным и проникнутым недоверием, что выливалось в различные формы протеста. Публичной формой протеста являлись крестьянские самосуды над преступниками, что вполне отвечало крестьянскому пониманию справедливости. Они происходили не только в порыве ярости, но и как реакция на бездействие власти на совершенное преступление. Народные самосуды, несмотря на официальные запреты, существовали повсеместно, свидетельством чему являются факты внесудебных расправ над насильниками или посягателями на общественную (но не государственную) собственность. Они отражали представление о справедливом наказании виновных, когда власть была бессильна что-либо сделать.

Одиночным проявлением самосуда были тайные поджоги барских усадеб, убийства помещиков и чиновников, порча господского имущества. Такие факты носили массовый характер и хорошо описаны в исторической и художественной литературе. Государство жестко пресекало их, используя весь арсенал уголовных репрессий, но они продолжались, воплощая народное представление о справедливости наказания. Идея народной справедливости общественного устройства получила воплощение в теориях разночинской интеллигенции XIX в.: народничестве, политическом экстремизме. Примером оправдания собственного права на суд является и литературный персонаж Р. Раскольникова из произведения Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Народное представление о справедливости основывалось на уязвимости интересов простого человека, его незащитности от притязаний власти, страхе перед существующей политической системой, что в итоге приводило к деформации общественного сознания в сторону негативных оценок и оправдания насилия. Злорадство по отношению к власти, скрытое сопротивление закону, массовое асоциальное поведение, правовой нигилизм – это черты общественного сознания, присущие прошлой и современной эпохе. Они обусловлены социальными причинами и отчасти являются проекцией собственного выражения справедливости. Опасность таких воззрений заключается в непредсказуемости поведения человека по причине того, что притуплено индивидуальное чувство ответственности. В глобальном масштабе массовое асоциальное поведение может обрушить всю политическую и правовую систему [6, с. 133–136].

Государственное представление о справедливости было подчинено интересам светской власти.

Государство постепенно превратилось в силу, обладавшую правом карать и казнить. Длительное время государственная доктрина наказания строилась на принципах устрашения и материального возмещения. Преимущество этой модели заключалось в простоте, очевидности и тяготении к внутреннему единству. Она предполагала концентрацию общественных усилий вокруг политического центра. Власть не может быть несправедливой, так как она от Бога. Принцип справедливости выражался не только в праве наказывать по «заслугам», но и в привилегии миловать. Коронация императоров сопровождалась именными указами об освобождении заключенных от наказания.

Современное толкование принципа справедливости в уголовно-исполнительном праве более конкретизируется и фактически означает применение к виновному уголовных мер в соответствии с общественной опасностью преступления и личности виновного [7]. В условиях сословного деления имперского периода этот принцип естественным образом нарушался. Например, в XIX в. дворяне и духовенство в отличие от других сословий не подвергались телесному наказанию. Нарушение принципа справедливости государство закрепило законодательно, когда за одно и то же преступление накладывались две формы наказания, относящиеся к церковной и светской юрисдикции, например, тюремное заключение вместе с церковным покаянием. Нарушением принципа справедливости можно считать и квалифицированные (сложные) наказания, сочетающие в себе несколько репрессивных форм, например, телесное наказание и ссылка на каторгу, или сочетание позорящих наказаний (клеймение, бритье половины головы) с репрессивными.

Таким образом, справедливость как базовый принцип наказания имел весьма широкое содержание в существующих моделях национального права. Подробное изучение реализации этого принципа дает возможность объяснить многие социальные и правовые феномены. Наложение различных представлений о справедливости порождало негативную общественную реакцию, так как каждый субъект (общество, церковь, государство) руководствовался собственными оценками, которые весьма отличались друг от друга. Понимание «противоправного» во многом зависело от выбора системы правовых координат. По крайней мере, многие специфические черты российского общества, такие как правовой нигилизм, массовый абсентеизм, низкий уровень правовой культуры, вполне вписываются в присутствие различных правовых моделей.

Список литературы

1. Оботурова Н. С. Трансформация марксистской теории государства в современной европейской социально-гуманитарной мысли // Вестник института : преступление, наказание, исправление. 2013. № 4. С. 89–93.
2. Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1871. 706 с.
3. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1879. Т. 1.
4. Тростников В. Н. Православная цивилизация. 2004. URL: <http://www.webslivki.com/u62.html> (дата обращения: 04.03.2014).
5. Павлушков А. Р. Соотношение церковно-канонического и государственно-юридического представления о наказании в истории русского общества // Уголовно-исполнительная политика в контексте трансформации российского общества : сб. материалов науч. семинара (Вологда, 28 марта 2012 г.). Вологда, 2013. С. 3–11.
6. Аносов Д. А. Причины правового нигилизма в реализации права граждан на местное самоуправление // Право и политика: теоретические и практические проблемы : сб. материалов 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 4 нояб. 2013 г.). Рязань, 2013. Вып. 2. С. 133–136.
7. Игнатов А. Н. Уголовное право России : в 2 т. М., 1997. Т. 1 : Принципы уголовного права. URL: <http://www.bibliotekar.ru/ugolovnoe-pravo-4/4.htm> (дата обращения: 25.03.2014).

ALEXANDER RUDOL'FOVICH PAVLUSHKOV,
PhD in History (Kandidat Nauk), associate professor,
department of philosophy and history
(Vologda Institute of law and economics of the FPS of Russia)
E-mail: apavlushkov@yandex.ru.

**THE PRINCIPLE OF THE JUSTICE OF PUNISHMENT
IN THE CANON, SECULAR AND TRADITIONAL LAW**

Annotation: the constriction of the legal system in Russia consisted of diverse institutional arrangements: canon, secular and traditional law. Each of them relied on their own historically developed soil. This construction is kept on the general principles of development that gave it stability and relative stability. One of the fundamental principles was the principle of justice. However, the ideas of justice in the Russian public consciousness were different and eventually formed a mosaic philosophy of punishment.

Religious dogmatism was based on the Eastern Christian ideals and norms of Scripture, ecumenical, and local church councils. Justice had moral nature, which resulted in the establishment of the doctrine of Christian (Orthodox) ethics. The idea of justice permeated all Christian doctrine and bound man with God. Turned to the human consciousness, it put the individual before the moral choice not to do things that would be contrary to the biblical commandments. Justice in Christianity is infused with love for God and neighbor. Therefore, the idea of canon punishment steeped in mercy. Literally, it meant that a person had to admit his own guilt and make a voluntary choice in bearing all the burdens of enforcement.

People's perceptions of justice based on pagan traditions and community, where relationships within the society were much taboo and are subject to the nature of self-preservation. They just believed everything that helped communities to survive were just, all acts that are counter to the collective interest were considered unjust. The dividing line between justice and injustice carried in this case had a more mundane and concrete character, with its inherent attributes of household violence, expressed in hard combat all attempts to break the age-old taboos. The severity of the punishment of violators considered as a natural state of society, so that it survived. Therefore the justice war associated with the interests of the society and allowed the most severe forms of punishment.

State doctrine perceived justice from the perspective of law and progress. State much more quickly reacted to social changes, trying to legislate a new model of social relations. Perception of justice in this case is significantly deformed arrangement of political and class forces in society. With formal recognition of the Christian virtues state represented by the political elite in practice to build their own sense of justice, which reflected the interests of the already not just society, but only its individual layers. Accordingly, when sentencing was taken into account and class accessory and social status of the perpetrator.

Thus, the three structures (religious, traditional and state) had their own ideas of justice, which eventually determined the different understanding of crime and punishment. Conflict and clashes between them were inevitable. Originally the church came into conflict with paganism, then the state with the church. Not all that the state has recognized as the crime is also related to the national consciousness. People's perception could freely justify and even encourage the actions of their fellow villagers, while the law regarded them as a crime.

Contradictions in the understanding and implementation of justice can be easily detected in the modern Russian legal culture despite the fact that the modern state has become more civilized and tries to avoid social conflicts. Article submissions may be used in the special legal courses, preparation of materials for lectures on the history of state and law, theory of law, penology.

Key words: legal multipolarity, legal contradictions, retribution, national consciousness, behavioral culture of the population, lynching, legal nihilism, extrajudicial punishment, deformation public consciousness, the dual form of punishment, traditional law, secular law, Canon law, Church repentance, the Genesis of the legal system.

References

1. Oboturova N. S. Transformatsia marksistskoi teorii gosudarstva v sovremennoi evropeiskoi sotsialno-gumanitarnoi mysli [The transformation of the Marxist theory of the state in modern European social and humanitarian thoughts]. Vestnik instituta: prestyplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction, 2013, no. 4, pp. 89–93.
2. Maksimov S. V. God na Severe [Year in the North]. St. Petersburg, 1871, 706 p.
3. Polnoe sobranie postanovlenii i rasporyajenii po vedomstvy Pravoslavnogo veroispovedania Rossiiskoi imperii [Full collection of decisions and orders by the office of the Orthodox religion of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1879, vol. 1.
4. Trostnikov V. N. Pravoslavnaia tsivilizatsia [Orthodox civilization]. 2004. Available at : <http://www.webslivki.com/u62.html> (Accessed 4 March 2014).
5. Pavlyshkov A. R. Sootnoshenie tserkovno-kanonicheskogo i gosudarstvenno-iuridicheskogo predstavlenia o nakazanii v istorii rysskogo obshchestva [The ratio of the Church-canonical and state-legal submissions on sentence in the history of Russian society]. Materialy naychnogo seminara «Ygolovno-ispolnitelnaia politika v kontekste transformatsii Rossiiskogo obshchestva» [Proc. the science seminar «Penal policy in the context of transformation of the Russian society»]. Vologda, 28 March, 2012, pp. 3–11.
6. Anosov D. A. Prichiny pravovogo nigelizma v realizatsii prava grajdan na mestnoe samoypravlenie [Causes of legal nihilism in the realization of the right of citizens to local self-government]. Materialy 2 mejdynarodnoi naychno-prakticheskoy konferencii «Pravo i politika: Teoreticheskie I prakticheskie problem» [Proc. the 2d International scientific-practical conference «Law and politics: theoretical and practical issues»]. Ryazan, 4 November, 2013, vol. 2, pp. 133–136.
7. Ignatov A. N. Ygolovnoe pravo Rossii [Criminal law of Romsey]. Moscow, 1997, vol. 1 : Princhihy ygolovnogo prava [Principles of criminal law]. Available at : <http://www.bibliotekar.ru/ugolovnoe-pravo-4/4.htm> (Accessed 25 March 2014).

УДК 343.8
ББК 67.409-1
Т19

ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТАРАСОВ,
кандидат исторических наук, доцент,
начальник кафедры философии и истории
(Академия ФСИН России)
E-mail: socratia@yandex.ru.

МЕЖВЕДОМСТВЕННАЯ БОРЬБА ЗА КОНТРОЛЬ НАД МЕСТАМИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

Реферат: в статье на основе ранее не опубликованных архивных источников рассматривается проблема межведомственной борьбы за сосредоточение всех мест лишения свободы в одном ведомстве, развернувшейся в начале 1920-х годов между руководством Народного комиссариата юстиции РСФСР и Народного комиссариата внутренних дел РСФСР. Подчеркивается уникальность ситуации начала 1920-х годов, которая заключалась в том, что оба ведомства уже обладали параллельно существовавшими системами мест лишения свободы. Одна находилась в подчинении Центрального исправительно-трудового отдела (бывшего Центрального карательного отдела) Народного комиссариата юстиции, а другая – Главного управления принудительных работ Народного комиссариата внутренних дел. В связи с этим вопрос о сосредоточении всех мест лишения свободы под единым управлением трактуется как определяющий для дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы РСФСР. Факт существования у двух ведомств конкурирующих систем, а также представленные в статье наборы аргументов в споре за их объединение переводили проблему из плоскости выбора формально-ведомственной принадлежности в плоскость выбора одной из моделей дальнейшего развития исправительно-трудовой политики. Анализ исторических документальных источников позволяет сделать вывод о том, что государство довольно долго не могло сделать этот выбор, что только обостряло межведомственную борьбу.

В статье подробно рассматриваются положения двух альтернативных проектов о сосредоточении мест заключения в одном ведомстве, подготовленных в НКЮ и НКВД и представленных на рассмотрение Совета Народных Комиссаров, которое 25 июля 1922 г. своим Постановлением решило спор в пользу НКВД. Однако в статье не рассматривается это решение как полное поражение НКЮ, приводятся доказательства тому, что последующая реализация Постановления СНК от 25 июля 1922 г. не завершила активной межведомственной борьбы, в ходе которой аппарат бывшего Центрального исправительно-трудового отдела НКЮ, по сути, «раздавил» руководство и организационную структуру Главного управления принудительных работ НКВД, став ядром нового органа – Главного управления местами заключения НКВД.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Рязанской области, проект № 13-11-62002.

Ключевые слова: история уголовно-исполнительной системы, пенитенциарная система, места лишения свободы, пенитенциарные учреждения, исправительно-трудовые учреждения, тюрьмы, лагеря принудительных работ, Народный комиссариат юстиции РСФСР, Народный комиссариат внутренних дел РСФСР, Центральный карательный отдел НКЮ, Главное управление принудительных работ НКВД, Главное управление местами заключения НКВД.

Начало 20-х годов в истории уголовно-исполнительной системы стало временем очередных реорганизаций и ознаменовалось появлением нового центрального органа управления УИС – Главного управления местами заключения, перестройкой системы подчиненных ему управленческих структур на местах, с одновременной передачей всех мест лишения свободы и органов управления ими в ведение Народного комиссариата внутренних дел. Эти события в большей или меньшей степени привлекали внимание исследователей истории уголовно-исполнительной системы Советской России [1, с. 65–69; 2, с. 35–41; 3, с. 655–661]. В основном они трактуют-

ся не только как очередная передача УИС из одного ведомства в другое, но и как результат борьбы за сосредоточение под единым управлением параллельно существовавших систем мест лишения свободы, подчиненных Центральному исправительно-трудовому отделу Народного комиссариата юстиции и Главному управлению принудительных работ Народного комиссариата внутренних дел [4; 5, с. 193–198].

Действительно, формально этот процесс выглядел как одна из многих подобных смен ведомственной принадлежности, неоднократно происходивших по ходу развития УИС. Однако, несмотря на то что каждая передача происходила в конкретной историче-

ской ситуации, события 1922 г. имеют свои принципиальные отличия. Факт существования у двух ведомств конкурирующих систем мест лишения свободы переводил проблему решения вопроса об их формально-ведомственной принадлежности в плоскость выбора одной из моделей дальнейшего развития исправительно-трудовой политики.

Наличие разногласий по сути этой политики к началу 20-х годов проявилось вполне определенно. Если в НКЮ при реализации исправительно-трудовой политики делали акцент на исправлении, то в НКВД – на трудовом компоненте, и решение вопроса о сосредоточении всех мест заключения должно было выявить, чей подход перспективнее.

К лету 1922 г. межведомственная борьба достигла высшей точки. К тому моменту обе стороны уже окончательно сформировали свои позиции, системы аргументации и заручились поддержкой в центральных органах власти. Заинтересованным сторонам было поручено подготовить и представить Совету Народных Комиссаров РСФСР свои проекты по вопросу сосредоточения всех мест лишения свободы в одном ведомстве.

Проект постановления СНК, подготовленный со стороны НКЮ и нашедший поддержку в ВСНХ [6, л. 3] был в целом направлен на свертывание не совсем легитимной, с точки зрения НКЮ, системы лагерей принудительных работ и дальнейшее развитие системы общих и специальных мест лишения свободы, предусмотренной действующим Уголовным кодексом РСФСР. В частности, проект предполагал, во-первых, полную отмену как меры наказания по суду заключения в лагеря принудительных работ. Все осужденные судебными учреждениями к лишению свободы должны были содержаться в существующих уже местах заключения, подведомственных НКЮ. Система таких учреждений включала в себя исправительно-трудовые дома, трудовые сельскохозяйственные колонии, переходные исправительные дома, изоляционные тюрьмы и трудовые дома для несовершеннолетних. Подследственные заключенные всех ведомств, включая народные суды, ревтрибуналы и органы ГПУ, должны были быть сосредоточены в домах предварительного заключения, также подведомственных НКЮ, а там, где таких домов не существовало, – в общих местах заключения; во-вторых, все помещения оставшихся лагерей принудительных работ из ведения НКВД должны были быть переданы НКЮ для последующего устройства в них общих и специальных мест заключения. Передаче также подлежали и бывшие арестные дома, в которых содержались и подследственные, и лица отбывающие наказание; в-третьих, в ведении НКВД предлагалось оставить арестные

помещения, куда должны были помещаться лица, задержанные органами милиции и уголовного розыска в порядке дознания, а также отбывающие наказание по постановлениям административных органов. Кроме того, в случае отсутствия мест в учреждениях системы НКЮ в арестные помещения НКВД могли бы помещаться следственные заключенные, которые в этом случае должны были бы содержаться за счет НКЮ [7, л. 190].

В НКВД был подготовлен альтернативный проект, получивший поддержку в Малом СНК и предполагавший более масштабные мероприятия с целью отмены «существующих узаконений о разделенной подведомственности карательных учреждений» [6, л. 2]. Этот проект предполагал «сосредоточить все карательные учреждения» различных видов в ведении Главного управления принудительных работ НКВД и его местных органов с одновременным переименованием их «соответственно назначению» и действующему УК РСФСР.

За Центральным исправительно-трудовым отделом НКЮ и его органами на местах оставалось право осуществления функций надзора и руководства по исполнению приговоров к лишению свободы и принудительным работам посредством губернских распределительных комиссий, бюро принудительных работ и наблюдательных комиссий при отдельных исправительных заведениях.

НКЮ поручалось в месячный срок осуществить передачу НКВД всех карательных заведений, находившихся в управлении ЦИТО и его местных отделов, «со всем служебным персоналом, делами и заключенными, зданиями, мастерскими, инвентарем, конвойной стражей, пересыльными средствами, а также с наличными материалами, транспортом и денежными ресурсами, считая в том числе текущие сметные ассигнования и экономические суммы» [7, л. 178]. Кроме того, НКВД поручалось в трехмесячный срок пересмотреть и разработать новые правила о содержащихся под стражей в местах лишения свободы, согласовав их с НКЮ.

Оба проекта были представлены на рассмотрение СНК, которое из-за активного лоббирования заинтересованных сторон постоянно откладывалось и, наконец, состоялось 25 июля 1922 г. Постановлением СНК все места заключения передавались в ведомство НКВД [8, л. 164], но считать это решение полным поражением НКЮ не следует. Последующая реализация Постановления СНК от 25 июля 1922 г. свидетельствует о продолжении активной межведомственной борьбы, в ходе которой аппарат бывшего ЦИТО НКЮ, вливаясь в НКВД, по сути, «раздавил» руководство и организационную структуру ГУПР НКВД.

На заседании межведомственной комиссии по вопросу о сосредоточении всех мест лишения свободы в ведомстве НКВД, состоявшемся 30 сентября 1922 г., были приняты решения, уже свидетельствовавшие об усилении позиций руководства ЦИТО НКЮ [9, л. 15].

Общий посыл не изменился, и члены комиссии признавали необходимость оформления в законодательном порядке решения о сосредоточении всех мест лишения свободы в НКВД, внесением соответствующих поправок в Уголовный кодекс, в Положения НКЮ и НКВД.

Комиссия признала необходимым организовать при НКВД новый орган – Главное управление всеми местами лишения свободы и «в него влить со всем аппаратом» ЦИТО НКЮ и ГУПР НКВД. При этом в решении было особо оговорено, что в основу нового органа управления должен быть положен аппарат именно ЦИТО, а ГУПР предполагалось реорганизовать в подотдел Главного управления местами лишения свободы, тем самым поставив его в подчиненное положение.

Присутствовавшие на заседании комиссии заведующий ГУПР НКВД С. О. Роднянский и член Президиума ВЧК-ГПУ В. Д. Фельдман не могли уже, судя по всему, ничего противопоставить находящемуся в меньшинстве руководителю ЦИТО НКЮ Е. Г. Ширвиндту. Видимо, само решение было принято раньше на более высоком уровне, и С. О. Роднянский смог лишь остаться при особом мнении по данному пункту решения, предложив упразднить ГУПР полностью, «постепенно вливая его части в Главное управление местами заключения» [9, л. 17].

Однако выбор был уже сделан, НКВД предписывалось «немедленно назначить» заведующего Главным управлением, который и должен будет осуществить «слияние центрального и местных аппаратов, разработку положений, инструкций и т. п.». Эту должность также занял руководитель ЦИТО НКЮ Е. Г. Ширвиндт. И уже через две недели, 12 октября 1922 г., он в статусе начальника Главного управления местами заключения принял участие в подготовке и подписании совместного постановления народных комиссаров юстиции (Д. И. Курский) и внутренних дел (А. Г. Белобородов), поставившего точку в переходном периоде [7, л. 233]. В соответствии с этим документом во исполнение постановления Совета Народных Комиссаров от 25 июля 1922 г. все места заключения и управления ими передавались из ведения Народного комиссариата юстиции в ведение Народного комиссариата внутренних дел. За органами НКЮ сохранялись все права прокурорского надзора по соблюдению за законностью содержания арестованных во всех местах заключения «в полном объеме,

предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом и Положением о прокуратуре».

И наконец, в целях установления единства в управлении всеми местами заключения и в применении пенитенциарных мероприятий ЦИТО НКЮ и его местные отделы реорганизовывались в Главное и местные управления местами заключения НКВД и его губернских отделов, а ГУПР НКВД и его местные отделы упразднялись с передачей их функций и подведомственных им учреждений ГУМЗ.

На следующий день Е. Г. Ширвиндт на правах руководителя сообщил в ГУПР о необходимости прибытия его представителей в помещение ГУМЗ на совещание «по вопросу о формах передачи Главного Управления Принудработ Главному управлению местами заключения» [9, л. 10].

Впоследствии, подводя итоги развитию пенитенциарного дела в 1922 г., в отчете X Съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов руководство ГУМЗ НКВД подтверждало, что с 12 октября ЦИТО НКЮ, «приняв все функции ликвидированного с того же числа» ГУПР, вошел в состав НКВД как Главное управление местами заключения.

Правовая база ГУМЗ «в интересах единообразия практики» также основывалась на документах, ранее изданных ЦИТО. Циркулярными письмами начальника ГУМЗ от 17 октября и 20 ноября 1922 г. губернским и областным управлениям местами заключения сообщалось, что Положения об общих и специальных местах заключения и действовавшие до последнего времени циркуляры ЦИТО «впредь до их пересмотра и изменений должны оставаться в силе» [10, л. 150], а Положение о лагерях принудработ, инструкции и циркуляры ГУПР, за редким исключением, «считаются утраченными силу» [10, л. 163]. Более того, Временное положение о ГУМЗ РСФСР и его местных органов, утвержденное 3 ноября 1922 г. [9, л. 22], было подготовлено Е. Г. Ширвиндтом также на основе проекта Положения о Центральном и местном управлении местами заключения, разработанного еще в ведомстве ЦИТО НКЮ [9, л. 18–19 об].

Все это вынудило бывшего руководителя ГУПР С. О. Роднянского обратиться 2 ноября 1922 г. к народному комиссару внутренних дел А. Г. Белобородову с докладной запиской, в которой он обращал внимание на то, что при проведении в жизнь постановления СНК от 25 июля 1922 г. «выставленные ранее соображения как бы отодвинуты в сторону и на первый план выступила совершенно иная тенденция... ЦИТО реорганизуется в Главное Управление Местами заключения, а ГУПР и его местные органы упраздняются». Такие

итоги, по мнению С. О. Роднянского, «сильнейшим образом заслоняют выработанные на опыте в НКВД приемы управления местами заключения на началах самоокупаемости, а то обстоятельство, что вместе с самим аппаратом ЦИТО переходит и личный персонал последнего, усвоивший иные методы работы, естественно приводит к перенесению в НКВД традиций НКЮ, вместо того, чтобы, наоборот, перестроить аппарат ЦИТО в соответствии с взглядами того нового ведомства, в которое он ныне вливается» [7, л. 236–236 об]. Однако эта попытка ни к чему не привела. В личном плане конкурентная борьба между двумя руководителями закончилась победой Е. Г. Ширвиндта, закрепившегося на посту начальника ГУМЗ, а С. О. Роднянский занял подчиненную ему должность: председателя правления Куста производственных предприятий мест заключения (ПРИНКУСТ).

На местах ситуация практически везде была аналогичной. Например, в Рязанской губернии в декабре 1922 г. Рязанский губернский карательный подотдел, переименованный к тому времени в исправительно-трудовой подотдел, был реорганизован в Рязанское губернское управление местами

заключения. Губернский подотдел принудительных работ был ликвидирован, а Рязанский губернский лагерь принудительных работ был передан в ведение новой структуры, сосредоточившей в своих руках управление всеми местами заключения Рязанской губернии [11, л. 5 об].

Таким образом, в начале 1920-х годов межведомственная борьба за контроль над местами лишения свободы завершилась компромиссом. Передав управление уголовно-исполнительной системой в НКВД и сохранив при этом аппарат и кадровый состав ЦИТО НКЮ, руководство страны в тот момент сделало выбор в пользу модели реализации исправительно-трудовой политики, сформированной в ведомстве НКЮ, более адекватной реалиям послевоенного времени. Однако еще одним компромиссом стало сохранение системы специальных мест заключения, подведомственных ГПУ, что, по сути, свидетельствовало о том, что на тот момент задекларированного сосредоточения всех мест заключения под одним управлением так и не состоялось. Проблема борьбы двух альтернатив не была окончательно снята, а лишь перенесена на дальнейшую перспективу.

Список литературы

1. Реент Ю. А. Пенитенциарная система в составе Министерства юстиции России // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2. С. 65–69.
2. Реент Ю. А., Жигалев А. В. Становление исправительно-трудовой системы Советской России в 20-е годы XX века // Человек: преступление и наказание. 2009. № 2. С. 35–41.
3. Тарасов О. А., Васильева С. А. Межведомственная конкуренция Наркомата юстиции и НКВД как фактор становления советской пенитенциарной системы в годы гражданской войны и «военного коммунизма» // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы XIII Междунар. науч. конф. в 2 ч. (Иваново, 12–13 марта 2014 г.). Иваново, 2014. Ч. 2. С. 655–661.
4. Джекобсон М., Смирнов М. Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 гг. URL: <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/articles/Chapter1.htm> (дата обращения: 26.05.2014).
5. Олейник И. И., Олейник О. Ю. Проблема подведомственности пенитенциарной системы советской России в условиях перехода к новой экономической политике // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 2. С. 193–198.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-130. Оп. 27. Д. 29.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 1.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 331.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 8.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 36.
11. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 1298.

OLEG ALEXANDROVICH TARASOV,
PhD in historical sciences, associate professor,
head of the philosophy and history sub-department
(Academy of the FPS of Russia)
E-mail: socratia@yandex.ru.

**AN INTERDEPARTMENTAL STRUGGLE FOR CONTROL OVER PLACES
OF THE DEPRIVATION OF LIBERTY IN SOVIET RUSSIA IN THE EARLY 1920 'S**

Annotation: in the article on the basis of previously unpublished archival sources the subject of interdepartmental competition for all places of deprivation of liberty in one department is considered, that began in the early 1920 's, between the leadership of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR and the People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR. The uniqueness of the situation in the early 1920 's is emphasized, which was that the two agencies already had in parallel the existing systems of places of deprivation of liberty. One was subordinated to the Central Penitentiary Division (former Central Punitive Department) of the people's Commissariat of Justice, and the other General Administration of Forced Labor the people's Commissariat of internal affairs. In this connection, the question of concentration of all places of detention under a single office is treated as a decisive for the further development of the penal correction system of the RSFSR. The existence of the two departments of the competing systems, as well as the sets of arguments in the dispute over their Union transferred the problem of the choice of formal affiliation into choosing one model for further development of labour policy. Based on historical documentary sources, the author concludes that State for a long time could not make this choice that only exacerbated the interdepartmental struggle.

The article examines in detail the provisions of the two alternative projects to focus on places of imprisonment in one Department, the People's Commissariat of Justice and PCIA and submitted for the consideration of the Council of People's Commissars, held July 25, 1922, by Decree, decided the dispute in favor of the PCIA. However, the author does not consider this decision as a complete defeat of the People's Commissariat of Justice. The article provides evidence that the subsequent implementation of CPC on July 25, 1922 had not completed an interdepartmental struggle, during which the apparatus of the former Central Correctional Labour Department of the People's Commissariat of Justice, indeed, "squashed" leadership and organizational structure of the General Directorate of the Forced Labour, becoming the nucleus of a new body - the General Directorate of Imprisonment Places of the People's Commissariat of Internal Affairs.

Article prepared with the financial support of the Russian humanitarian scientific foundation and the Government of the Ryazan region, project № 13-11-62002.

Key words: history of criminally-executive system, penitentiary system, imprisonment places, penal institutions; corrective labour institutions, prisons, forced labor camps, the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, the People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR, the Central Punitive Department of the People's Commissariat of Justice, the General Directorate of Labour Directorate of the People's Commissariat of Internal Affairs, the General Directorate of Imprisonment Places of the People's Commissariat of Internal Affairs.

References

1. Reent J. A. Penitenciarnaja sistema v sostave Ministerstva justicii Rossii [Penitentiary system in the composition of the Ministry of Justice of Russia]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law, 2013, no. 2, pp. 65–69.
2. Reent J. A., Zhigalev A. V. Stanovlenie ispravitel'no-trudovoj sistemy Sovetskoj Rossii v 20-e gody XX veka [Formation of the correctional- working system of Soviet Russia in the 20's of the XX century]. Chelovek : prestuplenie i nakazanie – Man: Crime and the Punishment, 2009, no 2, pp. 35–41.
3. Tarasov O. A., Vasil'eva S. A. Mezhvedomstvennaja konkurencija Narkomata Justicii i NKVD kak faktor stanovlenija sovetsoj penitenciarnoj sistemy v gody grazhdanskoj vojny i «voennogo kommunizma» [Interdepartmental competition and the People's Commissariat of Justice of the NKVD as a factor of the Soviet penal system during the Civil War and the «war communism»]. Materialy XIII Mezhdunar. nauch. konf. «Gosudarstvo, obshhestvo, cerkov' v istorii Rossii XX veka» [Proc. XIII International Scientific Conference «State, society, the church in the history of Russia XX–XXI centuries»]. Ivanovo, 2014, part 2. pp. 655–661.
4. Dzhekobson M., Smirnov M. System of prisons in the RSFSR and the USSR. 1917-1930 yr. Available at: <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/articles/Chapter1.htm> (Accessed 26 May 2014).

5. Olejnik I. I., Olejnik O. Ju. Problema podvedomstvennosti penitenciarnoj sistemy sovetskoj Rossii v uslovijah perehoda k novej jekonomicheskoj politike [Problem of the subordination of the penitentiary system of Soviet Russia under the conditions for passage to the new economic policy]. Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta – Herald of the Vladimir juridical institute, 2012, no. 2, pp. 193–198.
6. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-130. Op. 27. D. 29 [The Public Archive of the Russian Federation. Fund R-130. Inventory 27. Case 29]. (Unpublished).
7. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-4042. Op. 2. D. 1. [The Public Archive of the Russian Federation. Fund R-4042. Inventory 2. Case 1]. (Unpublished).
8. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. Fond A-353. Opis 5. Delo 331. [The Public Archive of the Russian Federation. Fund A-353. Inventory 5. Case 331]. (Unpublished).
9. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-4042. Op. 2. D. 8. [The Public Archive of the Russian Federation. Fund R-4042. Inventory 2. Case 8]. (Unpublished).
10. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-4042. Op. 2. D. 36. [The Public Archive of the Russian Federation. Fund R-4042. Inventory 2. Case 36]. (Unpublished).
11. Gosudarstvennyj arhiv Rjazanskoj oblasti. F. R-49. Op. 1. D. 1298. [State Archives of the Ryazan region. Fund R-49. Inventory 1. Case 1298]. (Unpublished).

УДК 343.83
ББК 67.409.022
Д64

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ДОЛИНИН,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры управления и организации деятельности УИС
E-mail: Aleksander.Dolinin@yandex.ru;
ДЕНИС АНАТОЛЬЕВИЧ БРЫКОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры управления и организации деятельности УИС
(Академия ФСИН России)
E-mail: tornaden@rambler.ru.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЛОВОЙ ОЦЕНКИ ПЕРСОНАЛА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реферат: предмет статьи составляют правовые, организационные и практические проблемы совершенствования деловой оценки персонала уголовно-исполнительной системы, цель – предложить нормативные и организационно-методические меры, направленные на повышение эффективности системы деловой оценки персонала уголовно-исполнительной системы (УИС).

Деловая оценка сотрудника УИС осуществляется на протяжении всей его служебной деятельности, при реализации всех касающихся его кадровых процедур, носит преимущественно формализованный характер и предусматривает анализ личных и деловых качеств, а также служебного поведения персонала. Выделено семь видов оценки персонала уголовно-исполнительной системы: 1) оценка кандидатов на службу в уголовно-исполнительную систему; 2) оценка кандидатов в процессе проведения конкурса на замещение вакантных должностей; 3) служебная аттестация; 4) оценка качеств и способностей (потенциала) сотрудников, необходимых для выполнения ими руководящей работы; 5) оценка уровня профессиональной и служебно-боевой подготовленности сотрудников; 6) оценка служебного поведения сотрудников; 7) повседневная оценка профессиональной деятельности сотрудников.

Осуществление деловой оценки персонала УИС сталкивается с определенными проблемами: имеется тенденция к снижению форм деловой оценки персонала; оценка сотрудников осуществляется преимущественно в форме аттестации, при которой рассматривается незначительный круг вопросов деловой оценки; не в полном объеме реализуется оценка кандидатов в рамках проведения конкурса на замещение должностей; не регламентируется повседневная оценка профессиональной деятельности сотрудников; отсутствуют однозначные и четкие критерии для оценки различных категорий сотрудников в различных ситуациях.

Предлагается комплекс нормативно-правовых и организационно-практических мероприятий по совершенствованию деловой оценки персонала уголовно-исполнительной системы, который необходимо реализовать на уровне ФСИН России (разработка обоснованных критериев деловой оценки различных категорий сотрудников, базирующихся на дифференцированных квалификационных требованиях; четкая регламентация и императивное закрепление системы конкурсного отбора кандидатов на службу; совершенствование форм и критериев деловой оценки персонала), территориальных органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (реализация конкурсного отбора и оценки кандидатов на замещение должностей сотрудников; разработка организационно-правовой базы для текущей оценки сотрудников; организация и проведение процедур текущей оценки сотрудников; объективная реализация результатов текущей оценки сотрудников) для создания эффективной системы управления персоналом.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, работа с кадрами, персонал уголовно-исполнительной системы, кандидат, прохождение службы, служебное поведение, деловая оценка персонала, аттестация, конкурсный отбор.

Решение проблемы повышения эффективности формирования стабильного, высокопрофессионального, оптимально сбалансированного кадрового состава учреждений и органов уголовно-исполнительной системы является долгосрочной политикой Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН Рос-

сии) и стратегической задачей УИС в современных условиях.

Вместе с тем многие проблемы работы с кадрами учреждений и органов УИС не решены до сих пор, что негативно отражается на деятельности учреждений и органов ФСИН России. Так, на фоне увеличения денежного содержания сотрудников и

сокращения численности персонала значительно увеличилась нагрузка на сотрудников УИС, особенно на персонал исправительных учреждений.

Текучесть кадров УИС в последние годы снижается незначительно и составила в 2012 г. – 4,32 %, 2013 г. – 3,48 %. Количество вакантных должностей в 2012 г. составило 5,46 %, в 2013 г. – 4,3 %. Наличествуют явные проблемы с уровнем дисциплины и законности в УИС. Число нарушений служебной дисциплины персоналом УИС в расчете на 1000 человек в 2013 г. составило – 296,9 (2012 г. – 210,25). Количество случаев нарушения законности среди сотрудников УИС в расчете на 1000 человек составило в 2012 г. – 1,43, 2013 г. – 2,09. Количество преступлений среди сотрудников УИС в расчете на 1000 человек составило в 2012 г. – 0,45, 2013 г. – 0,57. Несмотря на принимаемые на федеральном и ведомственном уровне меры по искоренению коррупции и должностных злоупотреблений среди сотрудников УИС, их уровень в последние годы не снижается и продолжает расти. По материалам подразделений собственной безопасности ФСИН России в 2013 г. возбуждено 371 уголовное дело коррупционной направленности в отношении сотрудников УИС (2012 г. – 288) [1, с. 73–75; 2, с. 17, 65, 75–76]. Кроме того, законодательное определение системы социальных гарантий, в том числе выделения жилья работникам, не позволило существенно повысить социальный статус и престиж службы в УИС, который до сих пор остается невысоким.

Поставленные Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года задачи в части кадрового обеспечения могут быть решены внедрением в деятельность учреждений и органов УИС эффективных механизмов деловой оценки персонала.

В современных условиях оценка эффективности деятельности сотрудников учреждений и органов УИС приобретает первостепенное значение. Она необходима для принятия объективных кадровых и управленческих решений, понимания перспектив развития персонала УИС, формирования кадрового резерва, осуществления ротации кадров, при проведении аттестации, приеме на службу, при направлении сотрудников на обучение и повышение квалификации, назначении на должность и др.

Оценка кадров считается одной из самых освещенных тем в области управления персоналом. По этой проблеме опубликованы статьи и изданы книги многих отечественных и зарубежных авторов, в которых освещены различные методы оценки персонала, даны примеры осуществления оценочных процедур. В теории и практике управления персоналом сложилось устоявшееся определение понятия деловой

оценки персонала, под которой понимают кадровую процедуру, проводимую с целью выявления степени соответствия личных качеств работника, количественных и качественных результатов его деятельности определенным требованиям.

В наиболее общем виде оценка работы персонала призвана содействовать лучшему использованию человеческих ресурсов организации за счет тесной увязки задач, решаемых в ходе оценки, с другими направлениями работы с персоналом [3, с. 49–56].

УИС как составная часть системы государственного управления объективно нуждается в четком нормативно-правовом регулировании функционирования, включая целенаправленную деятельность по деловой оценке персонала учреждений и органов УИС.

Анализ нормативно-правового и организационного обеспечения деловой оценки сотрудников УИС показывает, что в подразделениях ФСИН России предусмотрена оценка как деловых, так и личных качеств сотрудников, а также оценка результатов их оперативно-служебной деятельности. В настоящее время можно выделить семь основных видов оценки персонала.

1. Оценка кандидатов на службу в УИС, которая реализуется в рамках профессионального отбора по медицинским, физическим, психологическим, критериям, а также образовательному уровню.

2. Оценка кандидатов в процессе проведения конкурса на замещение вакантных должностей. Конкурс на замещение должностей объявляется в учреждении или органе УИС при наличии вакантной должности и отсутствии резерва для ее замещения. Но в практике деятельности учреждений и органов УИС (за исключением образовательных учреждений ФСИН России) конкурсный отбор в настоящее время реализуется не в полном объеме. При этом перечень должностей, подлежащих замещению на конкурсной основе в учреждениях и органах УИС, включает в себя ограниченное число должностей. Кроме того, квалификационные требования к должностям сотрудников УИС нормативными актами ведомственного уровня не закреплены.

3. Периодическая оценка сотрудников проводится в форме служебной аттестации в целях определения служебного соответствия сотрудника предъявляемым требованиям. Специалисты по работе с кадрами в УИС отмечают, что материалы, полученные по итогам аттестации, являются основным источником информации о профессионально-квалификационном составе персонала, его качественных характеристиках, направлениях и содержании работы по совершенствованию персонала – проведения политики его развития [4, с. 134–137].

4. Оценка качеств и способностей (потенциала) сотрудников, необходимых для выполнения ими руководящей работы, которая реализуется при формировании резерва руководящих кадров в учреждениях и органах УИС. Отбор кандидатов для зачисления в резерв производится на основе изучения и оценки результатов оперативно-служебной деятельности, личных и деловых качеств сотрудников.

5. Оценка уровня профессиональной и служебно-боевой подготовленности сотрудников УИС осуществляется в рамках профессиональной подготовки с целью определения степени успешности выполнения ими возложенных оперативно-служебных задач. Этот вид оценки персонала УИС регламентирован Наставлением по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы, утвержденным приказом Минюста России от 27 августа 2012 г. № 169, в котором определяются виды и порядок организации профессиональной подготовки лиц рядового и начальствующего состава учреждений и органов УИС. Профессиональная подготовка включает в себя несколько видов обучения. В соответствии с целями рассматриваемого вида деловой оценки персонала УИС речь в первую очередь идет о таком виде профессиональной подготовки, как обучение в процессе служебной деятельности, которое включает в себя служебно-боевую и общественно-государственную подготовку.

6. Оценка служебного поведения сотрудников осуществляется на протяжении всей службы и направлена на обеспечение условий для добросовестного и эффективного исполнения сотрудниками УИС должностных обязанностей, превенцию возможных злоупотреблений и коррупции, недопущения конфликта интересов.

7. Повседневная оценка профессиональной деятельности сотрудников, производимая ежедневно руководителями структурных подразделений, вышестоящими начальниками. Традиционно считается, что главным действующим лицом в оценке персонала – линейный руководитель, который отвечает за объективность и полноту информационной базы, необходимой для текущей периодической оценки. Мнение непосредственного руководителя также является определяющим при проведении оценки кандидатов на вакантную должность. Однако в настоящее время этот вид оценки ведомственными нормативными актами не регламентирован.

Необходимо обратить внимание на применение в последние годы на различных этапах работы с кадрами УИС нестандартных методов оценки персонала. Так, в соответствии с действующими нормативными актами, регламентирующими порядок поступления на службу и прохождение службы в

УИС в целях совершенствования психолого-профессионального отбора при приеме кандидатов на службу (учебу) в УИС, приказом Минюста России от 25 мая 2011 г. № 165 утверждена Инструкция об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в УИС, которая регламентирует порядок проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа.

В целом система деловой оценки персонала УИС представляется достаточно эффективной. Вместе с тем анализ ее регламентации и реализации в учреждениях и органах ФСИН России выявил следующие основные проблемы:

- на фоне увеличения числа критериев деятельности учреждений и органов УИС наблюдается тенденция к снижению форм деловой оценки персонала (например, квалификационные звания сотрудникам присваиваются без их оценки);

- оценка сотрудников УИС осуществляется преимущественно в форме аттестации, однако аттестационные комиссии рассматривают незначительный круг вопросов деловой оценки персонала;

- не в полном объеме реализуется оценка кандидатов в рамках проведения конкурса на замещение должностей;

- не регламентируется повседневная оценка профессиональной деятельности сотрудников;

- отсутствуют однозначные и четкие критерии для оценки различных категорий персонала УИС в различных ситуациях, что способствует субъективизму в оценке, который, в свою очередь, не исключает возможный протекционизм, проявления коррупции и другие негативные факты.

Эти данные свидетельствуют о недостаточной реализации возможностей деловой оценки сотрудников УИС и возможности повышения ее эффективности путем внедрения иных форм оценки.

Необходимо обратить внимание на предпринимаемые ФСИН России попытки упорядочить отдельные аспекты оценки персонала УИС. Так, распоряжением ФСИН России от 20 декабря 2013 г. № 228-р в целях совершенствования организации и повышения эффективности контроля служебной деятельности в УИС до принятия соответствующего нормативного акта утверждена Временная методика оценки служебной деятельности в уголовно-исполнительной системе. Основными показателями, используемыми для оценки служебной деятельности работников УИС за отчетный период, являются:

- результаты служебной деятельности работников УИС, которые характеризуются наличием (отсутствием) у них дисциплинарных взысканий и упущений по службе, связанных только с исполнением должностных обязанностей (учитываются

наложенные за отчетный период дисциплинарные взыскания и имеющиеся упущения по службе);

– результаты служебно-боевой подготовки (за исключением начальников и заместителей начальников структурных подразделений ФСИН России, учреждений и органов УИС).

Актуальность принятия рассматриваемого документа не вызывает сомнений. Вместе с тем приходится констатировать, что при оценке служебной деятельности сотрудников также реализуется формальный подход, при котором не удается избежать субъективизма. Кроме того, Временной методикой оценки служебной деятельности в УИС не определено, каким образом должны использоваться результаты служебной деятельности работников УИС, что снижает управленческий эффект оценочных процедур.

Учитывая изложенное, совершенствование деловой оценки персонала УИС должно осуществляться на уровне как ФСИН России, так и территориальных органов и учреждений УИС. Повышению эффективности системы деловой оценки персонала учреждений и органов УИС должно способствовать совершенствование нормативно-правового регулирования деловой оценки персонала УИС, которое должно быть реализовано на уровне не только ФСИН России в виде издания соответствующих нормативных актов, но и локального нормотворчества в виде соответствующих документов территориальных органов и учреждений УИС.

На уровне ФСИН России основными направлениями совершенствования нормативно-правового регулирования деловой оценки персонала УИС являются:

– разработка обоснованных критериев деловой оценки различных категорий сотрудников УИС, базирующихся на дифференцированных квалификационных требованиях;

– четкая регламентация и императивное закрепление системы конкурсного отбора кандидатов на службу в УИС, которое должно расширить перечень должностей, подлежащих конкурсному замещению, уточнить условия и порядок проведения конкурса и реализации его результатов;

– совершенствование форм и критериев деловой оценки персонала УИС, которые должны отвечать требованиям адекватности и системности.

Ключевым элементом системы управления персоналом учреждений и органов УИС должна выступать индивидуальная оценка деятельности сотрудников. Основная роль в реализации организационно-практических мероприятий по повышению эффективности деловой оценки персонала УИС

отводится учреждениям и органам УИС. В связи с этим в практику управления персоналом учреждений и органов УИС целесообразно внедрить механизм текущей оценки деятельности сотрудников, прикладными задачами которой являются:

– получение исходной информации по каждому сотруднику, необходимой руководителю для принятия оперативных кадровых решений (оперативный уровень управления);

– накопление информации по каждому сотруднику, необходимой для принятия объективных решений при проведении аттестации и решении других кадровых вопросов (тактический и стратегический уровень управления).

На уровне территориальных органов и учреждений УИС основными направлениями совершенствования деловой оценки персонала УИС являются:

– реализация конкурсного отбора и оценки кандидатов на замещение должностей сотрудников УИС;

– разработка организационно-правовой базы для текущей оценки сотрудников учреждения (органа) УИС;

– организация и проведение процедур текущей оценки сотрудников на основе объективного и комплексного анализа результатов их служебной деятельности и личностных качеств;

– объективная реализация результатов текущей оценки сотрудников.

На уровне территориального органа или учреждения УИС создание эффективной системы деловой оценки может быть реализовано путем подготовки и утверждения локального нормативного правового акта, регламентирующего деловую оценку сотрудников. Инструментами для оценки могут выступить разработанные кадровой службой учреждения или органа УИС с участием руководителей структурных подразделений и наиболее подготовленных сотрудников оценочные формы, учитывающие не только типовые квалификационные требования к должностям сотрудников УИС, но и специфические требования к конкретной должности, включающие в себя оценку личностных качеств сотрудника.

Объективная оценка кадрового потенциала и результатов оперативно-служебной деятельности сотрудников УИС, разработка научно обоснованных критериев оценки применительно к замещаемым должностям являются одними из важнейших задач кадрового обеспечения УИС. Представляется, что комплексная реализация всех предлагаемых выше направлений совершенствования деловой оценки сотрудников обеспечит создание эффективной системы управления персоналом УИС.

Список литературы

1. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний : материалы коллегии ФСИН России. М., 2013. 96 с.
2. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний : материалы коллегии ФСИН России. М., 2014. 84 с.
3. Магура М., Курбатова М. Оценочное собеседование // Управление персоналом. 2007. № 22. С. 49–56.
4. Огородников В. И., Долинин А. Ю. Правовые основы проведения аттестации персонала // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 134–137.

ALEXANDER YURYEVICH DOLININ,

PhD in Law (Kandidat Nauk), associate professor,
head of management and organization of the penal system sub-department

E-mail: Aleksander.Dolinin@yandex.ru;

DENIS ANATOLYEVICH BRYKOV,

candidate of jurisprudence, associate professor,
associate professor of the department of management
and organization of the penal system
(Academy of the FPS of Russia)

E-mail: tornaden@rambler.ru.

**PRESENT STATE AND DIRECTIONS OF IMPROVEMENT
OF BUSINESS APPRAISAL STAFF OF THE PENITENTIARY SYSTEM**

Annotation: the subject of the article is legal, institutional and practical problems of improving the business staff estimate of the penitentiary system. The aim – to offer regulatory and organizational and methodological measures aimed at increasing the efficiency of business personnel evaluation of the penitentiary system.

Business valuation officer of the penitentiary system is carried throughout his performance, carried out in the implementation of all related to its personnel procedures is primarily formal and involves the analysis of personal and business skills, as well as the service staff behavior. There are seven types of evaluation staff of the penitentiary system: 1) evaluating the candidates to serve in the penal system; 2) evaluation of candidates in the process of competition for vacant positions; 3) performance appraisal; 4) assessment of skills and abilities (potential) of employees needed to carry out administrative work; 5) evaluation of the level of professional and service and combat readiness of employees; 6) evaluation of official conduct of employees; 7) daily assessment of professional work of employees.

Implementation of business personnel evaluation penal system faces some problems: 1) a tendency to decrease the forms of business estimation staff; 2) evaluation of employees is carried out mainly in the form of certification, in which a minor is considered a business assessment of issues; 3) not fully implemented evaluation of candidates as part of the competition for the position; 4) the assessment of professional work of employees is not daily regulated; 5) simple and clear criteria for evaluation of different categories of employees in different situations have not been established

The complex legal and organizational and practical measures to improve the business staff estimates of the penal system must be implemented at the level of the Federal Penitentiary Service of Russia (1. Development of business based criteria evaluation of different categories of employees, based on differentiated qualifications 2. Clear regulation and mandatory binding system of competitive selection of candidates for service 3. Improvement of the forms and business personnel evaluation criteria), territorial authorities and institutions of the penitentiary system (1. implementation of competitive selection and evaluation of candidates for positions of employees 2. development of legal and institutional framework for ongoing assessment of staff 3. organization and conduct ongoing assessment procedures employees 4. objective implementation of the results of the current assessment of employees) to create an effective personnel management system.

Key words: penitentiary system, work with the staff, penitentiary system staff, the candidate, passing service, service behavior, business estimation staff, certification, competitive selection, efficiency.

References

1. Doklad o rezul'tatah i osnovnyh napravlenija dejatel'nosti Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij: materialy kollegii FSIN Rossii [Report on the results and main activities of the Federal Penitentiary Service: Materials college FSIN of Russia]. Moscow, 2013, 96 p.
2. Doklad o rezul'tatah i osnovnyh napravlenija dejatel'nosti Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij: materialy kollegii FSIN Rossii [Report on the results and main activities of the Federal Penitentiary Service: Materials college FPS of Russia]. Moscow, 2014, 84 p.
3. Magura M., Kurbatova M. Ocenочноe sobesedovanie [Estimated interview]. Upravlenie personalom – Personnel Management, 2007, no. 22, pp. 49–56.
4. Ogorodnikov V. I., Dolinin A. Ju. Pravovye osnovy provedenija attestacii personala [Legal basis for certification of personnel]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology, 2009, no. 3, pp. 134–137.

УДК 343.83
ББК 67.409.022
Г85

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИШИН,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры административного и финансового права
E-mail: dagr1979@rambler.ru;

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ЧУДАКОВА,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России)
E-mail: svetachudakova@rambler.ru.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕКУЧЕСТИ КАДРОВ (ПРЕКРАЩЕНИЯ СЛУЖБЫ) В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Реферат: в статье рассматриваются проблемы текучести кадров в уголовно-исполнительной системе, связанные с учетом мотивации и стимулированием служебной деятельности. Для более детального и глубокого исследования в статье даны такие понятия, как: «текучесть кадров», «увольнение», «мотив трудовой деятельности», «потребность». Обращено внимание на то, что система прохождения службы в уголовно-исполнительной системе создает условия и возможность для использования любым гражданином Российской Федерации своего конституционного права на равный доступ к государственной службе (п. 4 ст. 32 Конституции РФ), но при соблюдении требований, запретов и ограничений, предусмотренных законодательством РФ. Представители кадровых подразделений, в свою очередь, обязаны четко следовать соблюдению законности при решении проблемы текучести кадров. Отмечено, что в последние годы произошло снижение престижа службы в УИС, наблюдается слабая заинтересованность большого количества личного состава в результатах своей служебной деятельности.

Дается анализ основных положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, в которой предполагается обеспечение высокого социального статуса и престижа труда работника УИС, законодательное определение системы социальных гарантий, в том числе выделение жилья. Кроме того, планируется широкое применение практики морального и материального стимулирования работников уголовно-исполнительной системы. С помощью пирамиды американского психолога А. Маслоу отражены потребности сотрудника уголовно-исполнительной системы. Предложены варианты удовлетворения потребностей сотрудника, одними из которых являются уважение коллег и общества, материальные вознаграждения, назначение на вышестоящую должность и т. д.

В заключение предлагается административно-правовое закрепление совершенствования системы стимулирования личного состава с целью повышения престижа службы в учреждениях и органах ФСИН России, выражается надежда на реализацию запланированных планов в ближайшее время, а также минимизацию текучести кадров в учреждениях и органах ФСИН России и оптимизацию ее деятельности. Статья может представлять интерес как для практических сотрудников кадровых подразделений УИС, так и для лиц, занимающихся этой проблематикой.

Ключевые слова: государственная служба, правоохранительная служба, уголовно-исполнительная система, кадры, текучесть кадров, увольнение, причины увольнения, престиж службы, мотивация трудовой деятельности, потребности, профессиональная деятельность, отток кадров.

Государственная служба была, есть и будет одним из главных институтов государства, поэтому знания ее построения, функционирования, истории возникновения и развития, а также грядущих в ближайшем будущем перемен необходимы нашему обществу.

Государственная служба – это исторически сложившийся институт, который чаще всего связывают с эпохой великого реформатора в истории России – Петром I.

Существует мнение, что начало государственной службы в России следует считать со дня принятия петровского Табеля о рангах от 24 января 1722 г., который разделил службу на гражданскую и военную.

Действующий Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» также разделяет государственную службу на такие виды, как: государственная гражданская служба, военная служба и правоохранительная служба [1, ст. 2].

Уголовно-исполнительная система, являющаяся составной частью правоохранительных органов России, представляет собой совокупность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, а также обеспечивающих содержание под стражей обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений.

Согласно п. 4 ст. 32 Конституции РФ каждый гражданин Российской Федерации имеет равный доступ к государственной службе, но, учитывая, что государственная служба является публичной службой, требования (ограничения и запреты) к государственным служащим предъявляются достаточно высокие. Не исключение и уголовно-исполнительная система, сотрудники которой обязаны соблюдать ограничения и запреты, предусмотренные законодательством, а в случае их нарушения сотрудник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности либо уволен из учреждений и органов ФСИН России.

Сотрудники уголовно-исполнительной системы – это организованная совокупность государственных служащих, иначе называемых кадрами, которые заняты повседневной работой по осуществлению возложенных на них задач в области исполнения наказаний.

Как известно, одной из успешных и эффективных работ любой организации является стабильный кадровый состав, то есть постоянный состав сотрудников учреждения и минимум увольнений персонала.

Учреждения и органы ФСИН России практически каждый день сталкиваются с проблемой текучести кадров. Эта проблема на сегодняшний день является одной из самых актуальных и трудно разрешаемых для уголовно-исполнительной системы.

Хотелось бы отметить, что основное назначение деятельности кадровых аппаратов в решении проблемы текучести кадров – это, безусловно, соблюдение законности в осуществлении данного вида деятельности. Несмотря на то что вопросам обеспечения законности в УИС в юридической литературе уделялось большое внимание [2, с. 81–84], данные вопросы требуют дополнительного научного осмысления. Мы же в данной статье ограничимся проблемами текучести кадров в УИС.

Понятие текучести кадров в УИС напрямую связано и по своей сути является производным от терминов «кадровый состав» и «кадровая политика» в УИС, рассмотрение которых становилось предметом самостоятельных научных исследований таких авторов, как: В. И. Огородников [3, с. 149–152], А. Ю. Долинин [4, с. 22–25], Н. У. Шогенова [5, с. 26–28].

Проведение любого научного исследования предполагает уточнение его основных понятий. Так, понятие текучести кадров в различных словарях трактуется по-разному, например, в Большом экономическом словаре текучесть кадров следует понимать как показатель, фиксирующий уровень изменения состава работников предприятия вследствие увольнения и перехода на другую работу по личным мотивам [6].

В Энциклопедическом словаре под редакцией А. Я. Кибанова отмечается, что текучесть кадров – это движение рабочей силы, обусловленное неудовлетворенностью работника рабочим местом (условиями труда, быта) и неудовлетворенностью организации данным работником (его недисциплинированностью, систематическим невыполнением обязанностей без уважительных причин и т. д.) [7].

Таким образом, в практической деятельности к текучести кадров целесообразно относить увольнение по различным основаниям.

Термин «увольнение» означает приостановление или прекращение занятости работников.

По мнению Б. Б. Казака и Н. В. Заводчикова, увольнение из уголовно-исполнительной системы – это способ прекращения трудовых (служебных) правоотношений между сотрудником и учреждением или органом уголовно-исполнительной системы [8, с. 17].

Безусловно, стабильность кадров, минимизация текучести личного состава в учреждениях и органах ФСИН России – важнейшие условия качественного функционирования этой системы.

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в рамках кадрового обеспечения работников УИС предполагается обеспечение высокого социального статуса и престижа труда работника УИС, законодательное определение системы социальных гарантий, в том числе выделение жилья. Данные направления являются достаточно значимыми как для системы в целом, так и для каждого сотрудника в частности.

В последние годы стало заметным явлением снижение престижа службы в УИС, наблюдается безразличие, безынициативность, слабая заинтересованность значительного числа сотрудников в результатах своей служебной деятельности по причине как невысокой заработной платы, так и неопределенности в будущем, непрочности служебного положения.

Нам представляется, что постоянство кадрового состава в УИС зависит также от мотивации трудовой деятельности, под которой следует понимать процесс удовлетворения сотрудниками своих потребностей и ожиданий в выбранной ими работе.

Следует отметить, что мотив – это побуждение к деятельности, связанной с удовлетворением потребностей субъекта [9]. Исходя из этого можно сказать, что мотив трудовой деятельности – это непосредственное побуждение сотрудника к какой-либо работе, связанной с получением материальных средств, способствующих удовлетворению его актуальных потребностей.

В свою очередь, потребность – это состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития, и выступающее источником его активности [9].

Удовлетворить потребности сотрудника можно, дав ему то, что он считает для себя ценным и необходимым. Для многих это будет интересная работа, уважение коллег и общества, материальные вознаграждения, получение специальных званий (в том числе досрочно или на ступень выше предусмотренного по занимаемой штатной должности), назначение на вышестоящую должность и т. д.

В научной литературе мотивы и потребности трудовой деятельности изучались и разрабатывались многими учеными-психологами, такими как С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. Маслоу, А. А. Русалинова и др.

На наш взгляд, более конструктивную, с точки зрения трудовой деятельности, теорию формирования мотивационно-потребностной сферы предложил американский психолог А. Маслоу. Им разработана концепция «иерархической теории потребностей».

Попробуем отразить потребности сотрудника уголовно-исполнительной системы с помощью пирамиды потребностей А. Маслоу [10].

Согласно А. Маслоу все человеческие потребности можно разделить на первичные и вторичные и расположить в виде строгой иерархической структуры (пирамиды).

Потребности 1-й группы, физиологические, являются необходимыми для жизни и существования и включают в себя потребности в еде, питье, убежище, отдыхе и др. С точки зрения мотивации труда мы рассматриваем их как материальные, к которым следует относить потребность в стабильной заработной плате, а также других денежных вознаграждениях. Представляется, что удовлетворение потребностей данной группы возможно методами материального стимулирования сотрудников УИС.

2-я группа – потребности в безопасности и защите (считаем, что в нашем случае и потребность уверенности в будущем). Это потребности в защите от физических и психологических опасностей со стороны окружающего мира (в том числе спецкон-

тингента) и уверенность в том, что физиологические (материальные) потребности будут удовлетворены в будущем. Следует полагать, что эта уверенность базируется на гарантиях социального и пенсионного обеспечения, которые может предоставить хорошая надежная работа, социальные гарантии, например, возможность приобретения сотрудниками жилья на льготных условиях, а также различные виды социального страхования (медицинское, пенсионное и др.).

3-я группа – потребности в принадлежности и любви (в случае описания мотивации трудовой деятельности их называют социальными потребностями). Данные потребности могут выражаться в многолетней привычке сотрудников УИС работать и служить в определенном коллективе, в дружеских отношениях с коллегами по работе. Часто бывает, что даже при недостаточной оплате труда сотрудники не покидают своего места работы в поисках лучшего, именно в силу хорошего удовлетворения социальных потребностей.

4-я группа – потребности в признании (уважении) – включает в себя потребности в самоуважении, личных достижений, компетентности, уважении со стороны других людей, в том числе руководства ФСИН России.

5-я группа – потребности в самоактуализации (самовыражении), которые подразумевают потребности в реализации своих потенциальных возможностей и росте человека как личности, повышении своего профессионального мастерства, спортивных достижений, других различных видов учебы и интересов.

Согласно А. Маслоу одним из основных источников, так сказать, вершиной человеческой деятельности, человеческого поведения, поступков, является непрерывное стремление человека к самовыражению.

Таким образом, удовлетворение потребностей, получение желаемых благ так или иначе связаны с трудовой деятельностью. Очень важно, чтобы выполняемая работа обеспечивала сотрудникам внутреннее удовлетворение, так как это мощный мотивационный фактор, стимулирующий добросовестное исполнение служебных обязанностей. Исходя из этого можно сказать, что в УИС мотивационный процесс может быть представлен в виде следующих стадий: осознание сотрудником своих актуальных потребностей как системы предпочтений; получение благ, которые могут удовлетворить ту или иную потребность; осуществление определенных действий, необходимых для получения этого блага (благ); удовлетворение желаемой потребности (ей).

Учитывая изложенное, можно отметить, что причины увольнения из учреждений и органов ФСИН России – это неудовлетворение тех или иных потребностей в период служебной деятельности. Полагаем, что к мотивам текучести кадров можно отнести и неудовлетворение условиями труда, и режимом работы, и существующей на сегодняшний день служебной нагрузкой, и заработной платой, и жилищно-бытовыми условиями, медицинским обслуживанием, мотивами личного характера, например, чрезмерное психологическое напряжение, существующий риск для жизни и здоровья сотрудников, а также непрестижность службы в УИС для многих молодых людей.

Престиж службы в УИС – это отражение в сознании людей значимости и эффективности Федеральной службы исполнения наказаний.

Таким образом, признание обществом и государством значимости уголовно-исполнительной системы, ее места и роли в борьбе с преступностью является одной из главных задач в поисках форм и методов успешного функционирования этой системы.

Очевидно, что служба в учреждениях и органах ФСИН России осуществляется в интересах общества и направлена на защиту граждан от преступных посягательств. Рост уровня преступности представляет для граждан большую опасность стать жертвой преступления, поэтому общество должно признавать деятельность пенитенциарной системы социально значимой. Это может быть одной из основ повышения престижности профессии. Кроме того, служба в УИС должна быть материально перспективна, для того чтобы поддерживался высокий уровень удовлетворенности личного состава служебной деятельностью, в ходе которой росло стремление к образцовому исполнению служебного долга, неподкупности, преданности интересам службы, общества и государства.

Важно учитывать, что профессиональная деятельность сотрудников непосредственно связана с преступниками, и на этой основе необходимо разрабатывать систему профилактики профессиональной деформации сотрудников, развития и восстановления их физических, интеллектуальных и профессиональных сил и возможностей.

С учетом того что служба в учреждениях и органах ФСИН России является сложной социальной системой и деятельность сотрудников в них связана с постоянным риском для жизни и здоровья, государством в большей степени должны приниматься меры по созданию правовых гарантий социальной защищенности сотрудников УИС.

Опрос сотрудников УИС и личный опыт работы в кадровых подразделениях показал, что существенными факторами, влияющими на текучесть кадров, являются: сверхурочный график работы, повышенные интеллектуальные и эмоциональные нагрузки, которые сочетаются с высокой ответственностью за принимаемые решения. Ежемесячные надбавки, дополнительные отпуска, по мнению сотрудников, не компенсируют в полном объеме затраты их труда как в моральном, так и в материальном смысле, поскольку сами должностные оклады относительно невысоки.

Все это требует разработки новых теоретико-правовых основ, а также совершенствования системы стимулирования личного состава УИС с целью повышения ее эффективности и престижа службы в учреждениях и органах ФСИН России.

В настоящее время разработан проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а именно в Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», согласно которому выслуга лет для ухода на пенсию будет составлять не 20 лет (как это есть сейчас), а 25 лет.

Таким образом, мы склонны полагать, что в случае принятия данного проекта грядущие изменения могут отрицательно сказаться на укомплектованности личного состава, так как отток кадров из УИС, сотрудников, имеющих выслугу лет, дающую право на пенсию, вероятнее всего, увеличится. Представляется, что это могут быть наиболее опытные, обладающие высокой профессиональной квалификацией сотрудники.

В гл. 7 Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года предполагается широкое применение практики морального и материального стимулирования работников УИС, а также повышение качества службы и условий труда сотрудников УИС, соответствующих уровню условий труда работников пенитенциарных учреждений развитых европейских стран. Хочется верить, что эти планы в ближайшее время будут реализованы и отток кадров из учреждений и органов ФСИН России будет снижен до минимума.

Список литературы

1. О системе государственной службы Российской Федерации : федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063.
2. Поникарова Т. В., Гришин Д. А., Проценко С. И. Об обеспечении законности при реализации административно-деликтных производств в пенитенциарной системе Российской Федерации // Человек : преступление и наказание. 2013. № 2. С. 81–84.
3. Огородников В. И., Мельникова Ю. А. Проблемы, состояние и предложения по совершенствованию кадровой политики // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 149–152.
4. Долинин А. Ю. Сущность организационно-правового обеспечения труда персонала УИС // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 22–25.
5. Шогенова Н. У. К вопросу о понятии формирования кадрового состава уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 26–28.
6. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. М., 2010. 725 с.
7. Управление персоналом : энцикл. слов. / под ред. А. Я. Кибанова. М., 1998. 378 с.
8. Казак Б. Б., Заводчиков Н. В. Прекращение службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (организационно-правовой аспект) : монография. Псков, 2008. 170 с.
9. Психология : словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990. 287 с.
10. Кибанов А. Я. Основы управления персоналом : учебник. М., 2013. 333 с.

DMITRY ALEXANDROVICH GRISHIN,

PhD in law, associate professor,
head of the department of administrative and financial law

E-mail: dagr1979@rambler.ru;

SVETLANA NIKOLAEVNA CHUDAKOVA,

adjunct faculty training scientific-pedagogical personnel
(Academy of the FPS of Russia)

E-mail: svetachudakova@rambler.ru.

**ORGANIZATIONAL, ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROBLEMS
OF STAFF TURNOVER (SEPARATION) IN THE INSTITUTIONS
AND AGENCIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA**

Annotation: this article describes the problem of staff turnover in the penal system, associated with the motivation and incentives of an employment activity. For a more detailed and in-depth research better understanding in the article the following concepts as «turnover of staff», «dismissal», «motif of employment», «need» and others are used. The attention is paid to the fact that the system of service in the penal system creates the conditions and opportunities for the use of any citizen of the Russian Federation of his constitutional right to equal access to state service (paragraph 4 of Article 32 of the Constitution), but under the conditions and restrictions as provided for in the legislation of the Russian Federation. The representatives of the personnel subunits are required to follow strictly the rule of law in solving the problem of staff turnover. Let's state that in recent years the decrease of the prestige of service in the penal system has happened including the weak interest of a large number of personnel in the results of their service. The analysis of the basic concepts of development of the Russian penitentiary system until 2020, in the context of the studied question, supposing the guarantee of a high social status and prestige of the penal system employee, as well as a legal definition of a social safety system, including the problem of housing is given. Besides that, it's planned a wide use of moral and material incentives of the penal system personnel. The pyramid of American psychologist Abraham Maslow reflects well needs of the penal system employee. In this article the author proposes variants of satisfaction of the personnel needs. And one of which is the respect of colleagues and society, material remuneration, appointment to a higher position etc. In conclusion, it's offered the administrative and legal establishment for the purpose of improvement of the personnel stimulating system, in order to increase the prestige of service in the institutions and agencies of the Federal Penitentiary Service of Russia. The author hopes for the achievement of future plans, as well as for minimizing of turnover staff in the institutions and agencies of the Federal Penitentiary Service of Russia and for the optimization of its activity. This article represents a wide interest both for current penal system staff and for others who is interested in this problem.

Key words: state service. law enforcement service. the penal system. staff, personnel. Turnover. Dismissal. the reasons for dismissal. the prestige of the service. Work motivation. Needs. professional activity. the runoff of personnel.

References

1. Federal'nyj zakon «O sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii» ot 27 maja 2003 g. № 58-FZ [The federal law of the Russian Federation from May, 27th, 2003, № 58-FZ «On the Public Service of the Russian Federation Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Russian Federation Code, 2003, no. 22, art. 2063.

2. Ponikarova T. V., Grishin D. A., Procenko S. I. Ob obespechenii zakonnosti pri realizacii administrativno-deliktnyh proizvodstv v penitenciarnoj sisteme Rossijskoj Federacii [On ensuring the rule of law in the implementation of administrative tort productions in the penitentiary system of the Russian Federation]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: Crime and Punishment, 2013, no. 2, pp. 81–84.

3. Ogorodnikov V. I., Mel'nikova Ju. A. Problemy, sostojanie i predlozhenija po sovershenstvovaniju kadrovoj politiki [Problems, the state and proposals for improvement of the personnel policy]. Prikladnaja juridičeskaja psihologija – Applied legal psychology, 2010, no. 1, pp. 149–152.

4. Dolinin A. Ju. Sushhnost' organizacionno-pravovogo obespečenija truda personala UIS [The essence of the organizational and legal support personnel labor MIS]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law, 2012, no. 2, pp. 22–25.

5. Shogenova N. U. K voprosu o ponjatii formirovanija kadrovogo sostava ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [On the concept of formation of the staff of the penal system]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law, 2012, no. 2, pp. 26–28.

6. Borisov A. B. Bol'shoj jekonomičeskij slovar' [Big Dictionary of Economics]. Moscow, 2010, 725 p.

7. Upravlenie personalom: jenciklopedičeskij slovar' [Human Resource Management. Encyclopedic dictionary]. Under the editorship of A. Ya. Kibanov. Moscow, 1998, 378 p.

8. Kazak B. B., Zavodchikov N. V. Prekrashhenie sluzhby v uchrezhdenijah i organah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy (organizacionno-pravovoj aspekt) [Termination of service in institutions and in the penal system (the legal aspect)]. Pskov, 2008, 170 p.

9. Psihologija. Slovar' [Psychology. Dictionary]. Under the editorship of A. V. Petrovsky, M. G. Yaroshevsky. Moscow, 1990, 287 p.

10. Kibanov A. Ja. Osnovy upravlenija personalom [Fundamentals of human resource management]. Moscow, 2013, 333 p.

УДК 343.8
ББК 67.409.021
К95

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУТУКОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности;
СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ СМIRНОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности
(Академия ФСИН России)
E-mail: Smirnov_Sergey77@mail.ru.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
С ДРУГИМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ**

Реферат: в статье рассматриваются актуальные вопросы и проблемы взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с другими правоохранительными органами для выполнения задач борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка, а также наиболее эффективные пути их решения.

Анализ научных источников, статистических данных и результатов практической деятельности позволяет сделать следующие выводы:

1) информационное взаимодействие по противодействию преступности представляет собой непрерывный, совместный или согласованный процесс сбора, анализа, передачи, обработки, хранения и использования информации, необходимой для создания функционально-организационного механизма в данной сфере правоохранительной деятельности;

2) в сфере информационного взаимодействия правоохранительных органов по противодействию преступности существует ряд проблем организационно-правового характера:

– отсутствие четкой правовой регламентации механизма противодействия преступности, в том числе вопросов взаимодействия различных субъектов этой деятельности;

– регулирование вопросов взаимодействия, включая информационное, между различными субъектами либо отсутствует вообще, либо рассредоточено в многочисленных ведомственных нормативно-правовых актах, которые доступны для ознакомления только одному из субъектов и регулирование данных вопросов имеет односторонний, узконаправленный характер;

– отсутствие или неэффективность правового регулирования работы с информационными ресурсами правоохранительных органов, в том числе вопросов доступа к ведомственным локальным информационным системам других субъектов правоохранительной деятельности;

– отсутствие единой информационной базы правоохранительных органов;

– структурно-функциональная неопределенность в правоохранительной сфере;

– внутриведомственная замкнутость и разобщенность;

– неэффективность управленческой деятельности.

Выявленные и исследованные в статье проблемы и предложенные пути их решения могут быть использованы как в научной деятельности студентов, адъюнктов, профессорско-преподавательского состава, так и для повышения эффективности управленческой деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: информационное взаимодействие, преступность, базы данных, координация, информационное обеспечение, аналитическая работа, профилактика, организационная структура, правоохранительные органы, информационное пространство.

Проблема противодействия преступности в Российской Федерации является актуальной и остро стоит перед правоохранительной системой, государством и обществом в целом.

С ростом темпов и масштабов данного явления получили свое развитие теоретические, правовые, организационные, уголовно-правовые, криминоло-

гические и иные аспекты борьбы с преступностью. Государство пытается нацелить на противодействие преступности все свои институты, а также активно привлекать для этого общественные и религиозные объединения, выстроить единую организационно-функциональную и правовую систему борьбы с данной угрозой. Однако, как показывает практика, а также многочисленные научные иссле-

дования, проводимые в данной области, эффективность деятельности правоохранительных органов является недостаточно эффективной, еще далеко не все имеющиеся ресурсы и резервы используются в этой сфере [1, с. 7]. Представляется, что одним из направлений повышения эффективности деятельности правоохранительной системы по противодействию преступности в России является организация взаимодействия и координации, одной из наиболее важных частей и элементов которой выступает информационное взаимодействие.

Информационное взаимодействие по противодействию преступности представляет собой непрерывный, совместный или согласованный процесс сбора, анализа, передачи, обработки, хранения и использования информации, необходимой для создания функционально-организационного механизма в данной сфере правоохранительной деятельности. Информационное взаимодействие по своей природе достаточно емко и многогранно и может включать в себя как все элементы информационно-аналитической работы, так и отдельные его этапы, например сбор информации либо ее передачу.

На сегодняшний день в сфере информационного взаимодействия правоохранительных органов по противодействию преступности существует ряд проблем организационно-правового характера. Среди них необходимо выделить следующие:

1) отсутствие четкой правовой регламентации механизма противодействия преступности, в том числе вопросов взаимодействия различных субъектов этой деятельности. В связи с этим многие субъекты, которые обладают необходимыми силами и средствами для противодействия преступности, необоснованно отстраняются от этой деятельности либо решают их в рамках только ведомственных целей и задач, без взаимодействия с другими субъектами;

2) регулирование вопросов взаимодействия, в том числе информационного, между различными субъектами либо отсутствует вообще, либо рассредоточено в многочисленных ведомственных нормативно-правовых актах, которые доступны для ознакомления только одному из субъектов, и регулирование данных вопросов имеет односторонний, узконаправленный характер. Помимо этого, практика организации взаимодействия между различными субъектами правоохранительной системы, в том числе между ФСИН России и другими правоохранительными органами, идет по пути подписания двухсторонних соглашений и договоров о взаимопомощи, однако, хотя данное направление правового закрепления вопросов взаимодействия и имеет положительное действие, в целом она не решает проблему организации взаимодействия в рамках всей системы. Кроме того, часто

указанные формы правового закрепления имеют лишь региональный характер, а не общероссийский;

3) отсутствие или неэффективность правового регулирования работы с информационными ресурсами правоохранительных органов, в том числе вопросов доступа к ведомственным локальным информационным системам других субъектов правоохранительной деятельности.

Среди организационных проблем информационного взаимодействия субъектов противодействия преступности следует выделить следующие.

1. Отсутствие единой информационной базы правоохранительных органов. Важным шагом по повышению эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности является использование новых, современных подходов к организации их информационного взаимодействия, таких как создание единого информационного пространства правоохранительных органов. Это позволит обеспечить правоохранительные органы Российской Федерации комплексной информацией о состоянии и динамике развития криминогенной ситуации в регионе, стране, а также сделать краткосрочные и долгосрочные прогнозы и планировать работу различных субъектов исходя из реальных показателей, имеющихся сил и средств [2, с. 14–16]. Помимо этого, создание единого информационного пространства правоохранительных органов позволит наладить эффективное информационное взаимодействие правоохранительных органов Российской Федерации по координации усилий в борьбе с преступностью; реализацию всех базовых функций стратегического и текущего управления (анализ и прогноз ситуаций, обмен информацией, планирование и координация деятельности, контроль за выполнением принятых решений и т. п.); использование взаимного доступа к определенным разрезам информационных массивов в качестве действенного средства борьбы с преступностью.

Единое информационное пространство как сложный информационный комплекс должно создаваться с учетом существующих межведомственных соглашений по информационному обмену, а также информационно-технологической совместимости создаваемых в рамках единого информационного пространства информационных систем и банков данных.

Наши исследования показали, что информационное пространство правоохранительных органов России является набором информационных систем (ведомственных, региональных), которые в силу различных причин слабо связаны между собой и малодоступны заинтересованным пользователям [3, с. 33–35]. Существующее положение дел при-

водит к дублированию работ, к избыточности в сборе первичной информации, к удорожанию разработок и эксплуатации систем. Кроме того, ведомственная разобщенность создает затруднения в обмене информацией и доступе к ней. Вместе с тем за последние годы наметился определенный прогресс в создании отечественной информационной инфраструктуры взаимодействия в правоохранительной сфере. Работы по улучшению информационного обеспечения правоохранительных структур в последнее десятилетие сосредоточивались, главным образом, на создании соответствующих автоматизированных систем и сетей, предназначенных для передачи и обработки информации. При этом предполагалось наличие необходимой информации и ставился вопрос о возможности ее оперативного и целенаправленного использования с помощью современных средств обработки данных. Однако, несмотря на определенное продвижение работ по автоматизации информационных процессов, при информационном взаимодействии в подразделениях правоохранительных органов нужной информации по-прежнему не хватает, а созданные автоматизированные информационные системы и средства передачи сведений не удовлетворяют потребностей в эффективном противодействии преступности.

2. Структурно-функциональная неопределенность в правоохранительной сфере, которая выражается:

- в отсутствии четкой государственной политики как в правоохранительной деятельности в целом, так и в сфере исполнения уголовных наказаний в частности. Это прежде всего выражается в постоянном изменении структуры правоохранительной системы – ликвидация и создание различных правоохранительных органов, реорганизация существующих, передача функций от одного правоохранительного органа другому, часто данные функции передаются без учета специфики его основной деятельности и т. д. Несомненно, что структурные и функциональные преобразования, проводимые в правоохранительной системе, не могут не сказываться на механизме взаимодействия, несмотря на то что они могут иметь как положительное, так и отрицательное воздействие на эффективность деятельности системы в целом, налаженные межведомственные связи, безусловно, разрушаются;

- проведении структурно-функциональной перестройки правоохранительной системы без учета научной, нормативно-правовой базы, экономических и кадровых резервов.

3. Внутриведомственная замкнутость и разобщенность. Проблемы такого рода в первую очередь

связаны с противопоставлением частных целей и задач, стоящих перед конкретным правоохранительным органом [4, с. 16]. Помимо этого, к замкнутости и разобщенности различных субъектов правоохранительной системы приводят слабое внутриведомственное взаимодействие и координация, различия в методах и средствах обработки информации, оценке эффективности, в том числе в рейтинговых и отчетных показателях, неосведомленность о целях и задачах деятельности друг друга.

4. Неэффективность управленческой деятельности. Среди факторов, влияющих на эффективность управленческой деятельности по созданию системы информационного взаимодействия правоохранительных органов, следует выделить такие, как: неэффективность координации на различных уровнях управления; принятие управленческих решений без комплексного анализа деятельности всех субъектов; отсутствие контроля и оценки деятельности всей системы в целом, а не каждого субъекта в отдельности, стиль руководства внутри того или иного правоохранительного органа [5, с. 42–45].

Основой информационного взаимодействия ФСИН России с другими правоохранительными органами должно стать создание автоматизированных баз данных. Создание таких баз представляет собой комплекс мероприятий по поэтапному созданию и внедрению программного комплекса для информационного обеспечения уголовно-исполнительной деятельности с учетом необходимого нормативно-правового, технического, финансового, кадрового и иного ресурсного обеспечения для ее практической реализации.

Система обеспечения органов и учреждений уголовно-исполнительной системы информацией строится на предоставлении статистических данных, которые не соответствуют требованиям новой нормативной базы и создают предпосылки для принятия нередко недейственных управленческих решений. Некоторые показатели дублируются, в то время как другие, необходимые, отсутствуют, практически не поступает информация с первичных уровней управления (исправительные учреждения). Существующая информация не позволяет произвести комплексную оценку оперативной обстановки и своевременно отреагировать на возникающие нештатные ситуации [6, с. 25].

Целями создания автоматизированной системы информационного взаимодействия являются:

- автоматизация работы сотрудников;
- аналитическая работа в деятельности структурных подразделений, которая заключается в оптимизации работы сотрудников, с использованием

методов информационного поиска, оперативного распознавания, аналитической разведки;

– обеспечение координации деятельности различных министерств и ведомств, их территориальных органов по формированию и эффективному использованию информационных ресурсов, разработке и внедрению автоматизированных систем контроля, сбора, обработки, хранения и предоставления для использования ведомственной информации с учетом обеспечения установленных требований защиты информации;

– повышение производительности труда сотрудников и создание условий для перехода на современные технологии, сокращение документооборота;

– предоставление возможности комплексного использования методов и способов сбора, обобщения и обмена информационными ресурсами (телефония, передача данных, видеоконференцсвязь);

– снижение трудоемкости процедур сбора, накопления и обработки информации за счет их автоматизации на основе унификации требований к источникам первичной информации и оптимизации ведомственных информационных ресурсов;

– выполнение требований действующего законодательства и нормативно-правовых актов Российской Федерации по организации деятельности правоохранительных органов.

Задачами автоматизированной системы информационного обеспечения при взаимодействии ФСИН России с другими правоохранительными органами являются:

– получение достоверной информации о состоянии оперативной обстановки на подведомственных участках работы с целью оперативности принятия решений и повышение эффективности служебной деятельности;

– быстрое получение персонифицированной и статистической информации;

– быстрое установление места нахождения нужной пользователю информации и ее оперативное получение;

– предоставление пользователю полной и достоверной информации об интересующих объектах учета;

– возможность анализа сущности и создания условий для постоянной актуализации информационной базы аналитической работы и ее отдельных элементов;

– возможность изучения процессов, динамики и тенденций, происходящих в криминогенной среде,

с целью предупреждения преступлений и иных противоправных действий;

– выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений в СИЗО и ИУ (задача решается путем взаимного обмена информацией между правоохранительными органами и оперативными аппаратами УИС) для планирования совместных оперативно-розыскных мероприятий;

– возможность планирования и проведения ОРМ в отношении лиц, разрабатываемых в рамках дел оперативного учета;

– возможность организации ОРМ в отношении осужденных, состоящих на профилактических учетах;

– надежная защита информации от несанкционированного доступа в процессе получения, обработки и передачи данных.

Основными объектами информационного обмена между ФСИН России и другими правоохранительными органами при противодействии преступности могли бы являться: «смотрящие» за учреждением; «воры в законе»; лидеры, «авторитеты» организованных преступных группировок (на свободе и в учреждениях), а также лица, влияющие на состояние оперативной обстановки в исправительном учреждении; участники организованных преступных группировок, отбывающие наказание в исправительных учреждениях; лица, состоящие в оперативном подразделении на особом контроле, а также лица, состоящие на профилактическом учете с разбивкой по категориям; степень влияния организованных преступных группировок на состояние оперативной обстановки в исправительном учреждении и регионе; финансовая поддержка лидеров отрицательной направленности со свободы с разбивкой, посредством предоставления гуманитарной помощи; состояние преступности в исправительных учреждениях; нераскрытые преступления на территории исправительного учреждения; статистические показатели; оперативная информация; персональный учет осужденных и иных физических лиц.

Организация информационного взаимодействия ФСИН России с другими правоохранительными органами по противодействию преступности должна быть направлена на изыскание в существующей структуре скрытых организационно-управленческих и правовых резервов борьбы с преступностью в Российской Федерации.

Список литературы

1. Бажанов С. А., Горяинов К. К., Исиченко А. П. Оперативно-розыскная деятельность в уголовно-исполнительной системе: расширенный комментарий к ст. 84 УИК РФ. М., 2011. 54 с.

2. Смирнова И. Н., Щербаков А. В. Совершенствование организационного обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1. С. 14–16.

3. Князева Е. Г. Координационная деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Рос. следователь. 2009. № 6. С. 33–35.
4. Терехин В. И., Харюшин Д. В. О системной оценке результативности и эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. С. 15–18.
5. Киселев А. М. О психологической готовности сотрудников и подразделений уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 42–45.
6. Барабанов Н. П., Журавлев А. Н. Теоретические и организационные основы анализа и оценки оперативной обстановки в исправительных учреждениях : лекция. Рязань, 2006. 40 с.

SERGEY ALEKSANDROVICH KUTUKOV,
PhD in law (Kandidat Nauk), associate professor,
associate professor of the organization of criminal investigation department;
SERGEY NIKOLAYEVICH SMIRNOV,
PhD in law (Kandidat Nauk), associate professor,
associate professor of the organization of criminal investigation department
(Academy of the FPS of Russia)
E-mail: Smirnov_Sergey77@mail.ru.

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF THE INFORMATION FEDERAL
PENITENTIARY SERVICE INTERACTIONS WITH OTHER LAW ENFORCEMENT AGENCIES
ON COUNTERACTION CRIME**

Annotation: in this article topical issues and problems of interaction of institutions and bodies of criminal and executive system with other law enforcement agencies for the solution of problems of fighting against crime and providing order, and also finding the most effective ways of their decision are considered.

For preparation of this article and identification of existing problems in the considered sphere the method of the comparative analysis of activity of various subjects of law-enforcement activity was used.

The carried-out analysis of scientific sources, statistics and results of practical activities allows to draw the following conclusions:

1) information exchange on counteraction of crime represents the continuous, joint or coordinated process of collecting, the analysis, transfer, processing, storage and use of information necessary for creation of the functional and organizational mechanism in this sphere of law-enforcement activity;

2) in the sphere of information exchange of law enforcement agencies on counteraction of crime there is a number of problems of organizational and legal character:

– lack of an accurate legal regulation of the mechanism of counteraction of crime, including questions of interaction of various subjects of this activity;

– regulation of questions of interaction including information, between various subjects, either is absent in general, or is dispersed in numerous departmental normative legal acts which are available to acquaintance only to one of subjects and regulation of the matters has unilateral, narrowly targeted character;

– absence or inefficiency of legal regulation of work with information resources of law enforcement agencies, including questions of access to departmental local information systems of other subjects of law-enforcement activity;

– absence of united information base of law enforcement agencies;

– structurally functional uncertainty in the law-enforcement sphere;

– interdepartmental isolation and dissociation;

– inefficiency of administrative activity.

The problems revealed and investigated in the article and their proposed solutions can be used as in scientific activity of students, the graduated in a military academy, the faculty, and for increase of efficiency of administrative activity of law enforcement agencies.

Key words: information exchange, crime, databases, coordination, information support, analytical work, prevention, organizational structure, law enforcement agencies, information space.

References

1. Bazhanov S. A., Goryainov K. K., Isichenko A. P. Operativno-rozysknaya deyatelnost v ugovno-ispolnitelnoy sisteme: rasshirenny kommenta-riy k st. 84 UIK RF [Operational search activity in criminal and executive system: the expanded comment to article 84 WICK the Russian Federation]. Moscow, 2011, 54 p.
2. Smirnova I. N., Shcherbakov A. V. Sovershenstvovaniye organizatsion-nogo obespecheniya bezopasnosti ugovno-ispolnitelnoy sistemy [Improvement of the organizational security penitentiary system]. Ugovno-ispolnitelnoye pravo – Penal law, 2014, no. 1, pp. 14–16.
3. Knyazeva Ye. G. Koordinatsionnaya deyatelnost pravookhranitelnykh organov po borbe s prestupnostyu [Coordination activities of law enforcement agencies for fight against crime]. Rossiyskiy sledovatel – Russian investigator, 2009, no. 6, pp. 33–35.
4. Terekhin V. I., Kharyushin D. V. O sistemnoy otsenke rezultativnosti i effektivnosti funktsionirovaniya ugovno-ispolnitelnoy sistemy [About a system assessment of productivity and efficiency of functioning of criminal and executive system]. Chelovek: prestupleniye i nakazaniye – Man: Crime and Punishment, 2013, no. 1, pp. 15–18.
5. Kiselev A. M. O psikhologicheskoy gotovnosti sotrudnikov i podraz-deleniy ugovno-ispolnitelnoy sistemy k deystviyam v ekstremalnykh situatsiyakh [Psychological readiness of employees and departments of the penitentiary system to act in extreme situations]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied legal psychology, 2014, no. 1, pp. 42–45.
6. Barabanov N. P. Zhuravlev A. N. Teoreticheskiye i organizatsionnyye osnovy analiza i otsenki operativnoy obstanovki v ispravitelnykh uchrezh-deniakh [Theoretical and organizational bases of the analysis and assessment of an operational situation in correctional facilities]. Ryazan, 2006, 40 p.

УДК 343.8
ББК 67.409.022
М27

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МАРКЕЛОВ,
кандидат юридических наук,
начальник факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России)
E-mail: fsin-1@ya.ru.

ВИДЫ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИННОВАЦИЙ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РОССИИ

Реферат: в последние годы правоохранительные органы Российской Федерации подвергаются значительному реформированию. Государством было признано, что их структура не соответствует новым политическим и экономическим условиям функционирования страны. Правоохранительные органы выполняют множество избыточных функций, отдельные полномочия дублируются службами, осуществляющими контрольные функции. Все это приводит, с одной стороны, к созданию дополнительных административных барьеров в экономике, а с другой – к значительным бюджетным расходам. Одним из выходов из сложившейся ситуации является внедрение организационных инноваций и определение стратегии их реализации.

По нашему мнению, отличительной особенностью организационных инноваций от прочих организационных изменений в конкретной организации является внедрение какого-либо метода (в деловую практику, в организацию рабочих мест или во внешние связи), ранее не использовавшегося предприятием и являющегося результатом реализации стратегических решений руководства. На примерах существующего опыта использования указанных инноваций в правоохранительных органах России подробно анализируются их виды. Рассматривается несколько стратегий нововведения в зависимости от степени их объективной обоснованности, соответствия объективной логике инновационных закономерностей: директивная, состязательная, «самодостаточная», альтернативная, «косметическая» и «рациональная», или «проблемная».

Перечисленные стратегии являются взаимоисключающими, и в современных условиях функционирования правоохранительных органов особое внимание и предпочтение должно быть уделено «рациональной» стратегии. Однако при этом немаловажно учитывать основания группировки, предусматривающие в большей степени взаимное дополнение инновационных стратегий, чем их взаимоисключение. Различают две «стратегии вторжения» новшества в среду: программированное внедрение (реципиент приспособляется к новшеству) и адаптивное внедрение (меняется новшество в соответствии с условиями реципиента). В научной литературе выделяются и рассматриваются также взаимно дополняющие инновационные стратегии организаций (предприятий).

Ключевые слова: инновационная деятельность, организационные инновации, инновационные стратегии, директивная стратегия, состязательная стратегия, «самодостаточная» стратегия, альтернативная стратегия, «косметическая» стратегия, «рациональная» стратегия, уголовно-исполнительная система, ФСИН России, МВД России.

В последние годы правоохранительные органы Российской Федерации подвергаются значительному реформированию. Государством было признано, что их структура не соответствует новым политическим и экономическим условиям функционирования страны. Правоохранительные органы выполняют множество избыточных функций, отдельные полномочия дублируются службами, осуществляющими контрольные функции. Все это приводит, с одной стороны, к созданию дополнительных административных барьеров в экономике, а с другой – к значительным бюджетным расходам. Одним из выходов из сложившейся ситуации является внедрение организа-

ционных инноваций и определение стратегии их реализации.

Организационная инновация – это внедрение нового организационного метода в деловую практику предприятия, в организацию рабочих мест или внешних связей [1, с. 25]. Организационные инновации могут быть направлены на повышение эффективности организации – посредством сокращения административных расходов или оперативных затрат, повышения удовлетворенности сотрудниками состоянием своих рабочих мест (и тем самым производительности труда), расширения доступа к нетоварным активам (таким как неcodифицированные знания из внешних источников)

или уменьшения затрат на снабжение. Отличительной особенностью организационной инновации от прочих организационных изменений в данной организации является внедрение какого-либо метода (в деловую практику, в организацию рабочих мест или во внешние связи), ранее не использовавшегося предприятием и являющегося результатом реализации стратегических решений руководства.

Можно выделить несколько стратегий нововведения в зависимости от степени их объективной обоснованности, соответствия объективной логике инновационных закономерностей: директивную, состязательную, «самодостаточную», альтернативную, «косметическую» и «рациональную», или «проблемную».

Директивная стратегия основана на том, что нововведения инициируются вышестоящими управленческими инстанциями и задаются нижестоящим в виде директивы, подлежащей обязательному исполнению. Эта инновационная стратегия была широко распространена при административно-командной системе управления и активно применяется сейчас. Учреждения и организации получают «сверху» задания, какие новшества внедрить, в какие сроки и с каким ожидаемым эффектом. Исполнители ориентируются при этом не на само новшество, его инновационный потенциал, а на вышестоящую инстанцию, чтобы своевременно выполнить ее задание. Важнее всего – отчитаться о том, что с заданием справились.

Состязательная стратегия ориентирует инноваторов на взаимные результаты, успехи и побуждает их к тому, чтобы сделать «лучше других» или, по крайней мере, «не хуже других» [2, 3, 4]. При этом если правоохранные органы России ориентируются на средние показатели по стране, то аналогичные органы западных стран за образец берут лучшие показатели по направлению. На наш взгляд, секрет успешной работы западных правоохранительных органов кроется в умелом использовании различных подходов, синтезе концепций, в том числе заимствованных из управления реальным сектором экономики (менеджмента, маркетинга) и специально адаптированных для деятельности правоохранительных органов. Одной из управленческих концепций, которая получает широкое распространение в США и странах Западной Европы, является социально ориентированная концепция тотального управления качеством (Total Quality Management – TQM). Ставя цели улучшения тех или иных аспектов и направлений деятельности правоохранительных органов, руководство обязано ориентироваться на показатели не ниже

верхнего квартиля от наилучшего значения по данному направлению. Почему выбирается в качестве базы для сравнения максимальный уровень, а, например, не средний уровень, вполне понятно: по всей видимости, средний уровень не соответствует амбициозности поставленной задачи – непрерывному совершенствованию качества деятельности правоохранительных органов.

При «самодостаточной» стратегии новшества вводятся ради новшеств. Нововведение выступает самоцелью. Хорошо все то, что ново – таков девиз сторонников этой инновационной стратегии. Например, МРУИИ № 1 УФСИН России по Камчатскому краю предлагает новый опыт взаимодействия УФСИН России по Камчатскому краю с Краевым государственным учреждением социального обслуживания в воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными к мерам наказания без изоляции от общества [5, с. 22, 13]. Хотя, считаем, не всякое новое – лучше старого.

Альтернативная стратегия направлена на введение таких новшеств, которые непременно должны отличаться от того, что делалось в прошлом, или того, что делают другие. Эта стратегия нововведения характерна для многих революционных движений.

Альтернативный подход отличают маятниковые колебания из одной крайней точки или позиции к противоположной. Так, в 2009 г. руководством страны была объявлена необходимость проведения серьезного реформирования отечественной системы исполнения наказаний в сторону применения видов наказания, не связанных с лишением свободы. Всю систему исправительно-трудовых учреждений России в ее нынешнем виде предлагалось ликвидировать и заменить колониями-поселениями с гораздо более мягким режимом для тех, кто совершил менее опасные для общества преступления, и, наоборот, тюрьмами с более жестким контролем для опасных преступников.

«Косметическая» стратегия выражает установку на мелкие, незначительные нововведения при сохранении традиционного существа дела. Если иметь в виду при этом организации, то меняются только их вывески и другая внешняя атрибутика, а существо остается прежним. Например, в 1998 г. Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин подписал указ № 711 [6]. После президентского росчерка привычная ГАИ превратилась в ГИБДД. В конце 2009 г. Президент РФ Д. А. Медведев объявил о широкомасштабной реформе МВД, в рамках которой милиция была переименована в полицию [7].

«Рациональная», или «проблемная», стратегия отличается от предыдущей тем, что она ориентируется на решение возникающих проблем. Нововведение – не самоцель, а средство решения проблемы и условие обеспечения эффективного функционирования системы (личности, организации, общества) [8, с. 81–86]. Например, согласно официальной статистике, среди бывших осужденных отмечается высокий уровень рецидивов – они совершают каждое пятое преступление. В целях борьбы с рецидивной преступностью с марта 2013 г. Федеральная служба исполнения наказаний приступила к реализации совместного с МВД России масштабного проекта по созданию генетической базы всех российских осужденных. Или другая проблема: в настоящее время в учреждениях уголовно-исполнительной системы выпускается более 100 тысяч наименований товаров, среди которых сувениры, одежда, мебель, автоприцепы и многие другие товары. Единый центр, через который проходили бы все финансовые потоки от продажи товаров, отсутствует, что приводит к коррупционным правонарушениям и другим преступлениям. Кроме того, назрел вопрос об изменении системы государст-

венных закупок во ФСИН России. В связи с этим принято решение о создании торгового дома [9]. Основываясь на потребности в тех или иных товарах, данная структура будет осуществлять координацию и регулирование поставок продукции, производимой учреждениями и предприятиями УИС России. Если традиционные методы гарантируют эффективность, то надобности в инновациях не возникает.

Рассмотренные инновационные стратегии являются взаимоисключающими, и мы отдаем, естественно, предпочтение «рациональной» стратегии. Но есть еще одно основание группировки стратегий нововведения, когда они больше дополняют, нежели исключают друг друга. Различают две «стратегии вторжения» новшества в среду: программированное внедрение (реципиент приспособляется к новшеству) и адаптивное внедрение (меняется новшество в соответствии с условиями реципиента).

Завершая характеристику стратегий организационных инноваций, отметим, что в научной литературе выделяются и рассматриваются также взаимно дополняющие инновационные стратегии организаций (предприятий).

Список литературы

1. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. 3-е изд. / Совместная публикация ОЭСР и Евростата. М., 2010.
2. Об установлении оценки деятельности территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний при инспектировании : приказ ФСИН России от 14 июня 2012 г. № 325.
3. Об утверждении Порядка по обеспечению особого контроля в уголовно-исполнительной системе : приказ ФСИН России от 16 апреля 2010 г. № 161.
4. Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77.
5. Аннотированный сборник материалов передового опыта Федеральной службы исполнения наказаний за 2009 г. / сост. Ю. Ю. Железная. М., 2010.
6. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения: указ Президента Рос. Федерации от 15 июня 1998 г. № 711 (ред. от 4 апр. 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 25. Ст. 2897.
7. О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 21 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
8. Суслов Ю. Е. Инновации в уголовно-исполнительной системе в рамках психолого-акмеологического исследования // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 81–86.
9. ФСИН России и Сбербанк России создают торговый дом для реализации товаров из колоний. URL: <http://www.interfax.ru/russia/358278>.

SERGEJ VLADIMIROVICH MARKELOV,

PhD in law,

chief of the faculty of science and teacher training,

(Academy of the FPS of Russia)

E-mail: fsin-1@ya.ru.

**TYPES OF ORGANIZATIONAL INNOVATIONS
IN THE LAW-ENFORCEMENT BODIES OF RUSSIA**

Annotation: in recent years the Russian law-enforcement bodies are exposed to serious reforming. The state recognized that their structure doesn't correspond to new political and economic conditions of the country. The law-enforcement bodies carry out a set of excess functions, certain powers are duplicated by services having control functions. All these result on the one hand in creation of additional administrative barriers in economy, on the other – big expenses in budget. One solution of current situation may be implementation of organizational innovations and determination of strategy of their realization.

In author's opinion, differential peculiarities of organizational innovations are introductions of some organizational methods (in business practice, organization of workspaces or in external relations) not used by enterprises earlier and being a result of implementation of strategic decisions of administration. In the article the author closely analyzes the types of innovations on examples of existing experience on use of the specified innovations in the Russian law-enforcement bodies. The author considers some innovative strategies depending on a degree of their objective validity, conformity to objective logic of innovative regularities: directive, competitive, «self-sufficient», alternative, «cosmetic» and «rational» or «problem».

The mentioned strategies are mutually exclusive, and in author's opinion in modern conditions the special attention has to be paid to «rational» strategy. At the same time the author notes that it is important to take into account foundations of grouping which provide more the mutual additions of innovative strategies than their mutual exclusion. Two strategies of innovative invasion in environment are distinguished: the programmed implementation (the recipient adapts to innovation) and adaptive implementation (the innovation changes according to recipient conditions). Finishing the characteristics of organizational innovations strategies it is noted that in scientific literature also mutually supplementing innovative strategies of organizations (enterprises) are also considered.

Key words: innovative activity, organizational innovations, innovative strategies, directive strategy, competitive strategy, self-sufficient strategy, alternative strategy, «cosmetic» strategy, «rational» strategy, penal system, the Federal Penal Service, the Ministry of Internal Affairs.

References

1. Rukovodstvo Oslo. Rekomendatsii po sboru i analizu dannykh po innovatsiyam. Tret'e izdanie [Oslo Manual. Recommendations for the collection and analysis of data on innovation. Third Edition]. A joint publication of OECD and Eurostat. Moscow, 2010.
2. Prikaz FSIN Rossii ot 14 iyunya 2012 g. № 325 «Ob ustanovlenii otsenki deyatel'nosti territorial'nykh organov Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy pri inspektirovaniyakh» [The order of the Federal Penal Service of Russia from June, 14th, 2012, № 325 «On establishing the evaluation of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service for inspection»]. (Unpublished).
3. Prikaz FSIN Rossii ot 16 aprelya 2010 g. № 161 «Ob utverzhdenii Poryadka po obespecheniyu osobogo kontrolya v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme» [The order of the Federal Penal Service of Russia from April, 16th, 2010, № 161 «On Approval of the Procedure to provide special control in the penal system»]. (Unpublished).
4. Prikaz MVD Rossii ot 3 fevralya 2012 g. № 77 «Ob osnovakh organizatsii vedomstvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu organov vnutrennikh del Rossijskoj Federatsii» [The order of the Russian Interior Ministry from February, 3d, 2012, № 77«On the Principles of the organization of institutional control over the activities of the Interior of the Russian Federation»]. (Unpublished).
5. Annotirovannyj sbornik materialov peredovogo opyta Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy za 2009 god [Annotated sourcebook excellence of the Federal Penitentiary Service for the year 2009]. Moscow, 2010, pp. 22.
6. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 15 iyunya 1998 g. № 711 «O dopolnitel'nykh merakh po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnoho dvizheniya» [The decree of the President of Russian Federation from June,

15th, 1998, № 711 «On additional measures on road safety»). *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii – Collection of Legislative Acts of Russian Federation*, 1998, no. 25, art. 2897.

7. Federal'nyi zakon ot 7 fevralya 2011 № 3-FZ «O politsii» [The federal law from of Russian Federation from February, 7th, 2011, № 3-FL «On Police»]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii – Collection of Legislative Acts of Russian Federation*, 2011, no. 7, art. 900.

8. Suslov Yu. E. Innovatsii v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme v ramkakh psikhologo-akmeologicheskogo issledovaniya [Innovations in the penal system under psycho-akmeologicheskogo research]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied legal psychology*, 2013, no. 4. pp. 81–86.

9. FSIN i Sberbank sozdayut Torgovyj dom dlya realizatsii tovarov iz kolonij [The Federal Penal Service of Russia and Sberbank established trading house for the sale of goods from the colonies]. Available at : <http://www.interfax.ru/russia/358278>.

УДК 378.2:343.8
ББК 67.409р4
Ш65

ИНЕССА АЛЕКСЕЕВНА ШИШКАНОВА,
директор департамента
(Департамент аттестации научных и научно-педагогических работников
Министерства образования и науки Российской Федерации)
E-mail: editor62@yandex.ru.

К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Реферат: реформа уголовно-исполнительной системы предполагает подготовку профессиональных специалистов высшей квалификации. В связи с этим перед ведомственными образовательными организациями уголовно-исполнительной системы стоит ряд первостепенных задач. В деле подготовки специалистов высшей категории особое место занимают диссертационные советы. Они являются главным звеном государственной аттестации научных и научно-педагогических работников.

С 2010 по 2013 год в стране действовало соответственно 3294, 3377, 337, 3386 диссертационных советов, из них: докторских – 2814, 2879, 2893, 2981; докторских объединенных – 403, 419, 45, 329; кандидатских – 61, 62, 61, 59; кандидатских объединенных – 16, 17, 17, 17. Следует отметить, что довольно значительная доля диссертационных советов строят свою работу не на должном качественном уровне. В 2013 г. 1511 докторских диссертационных советов не провели ни одной защиты докторской диссертации, 392 докторских и 11 кандидатских диссертационных советов не проводили кандидатских защит. Можно также отметить, что два докторских совета провели в указанном году 46 защит кандидатских диссертаций, 9 диссертационных советов провели 40 и более защит, а один из них – 50 защит.

В этих условиях повышается требовательность к качеству диссертационных исследований и работе диссертационных советов. Представляется целесообразным создание объединенного совета на базе ведущих вузов уголовно-исполнительной системы. Это явилось бы серьезным шагом к повышению качества научных исследований, концентрации научного потенциала образовательных организаций ФСИН России на разработку более фундаментальных проблем исполнения наказаний.

Ключевые слова: научный потенциал, научно-исследовательская работа, образовательные организации, послевузовское профессиональное образование, адъюнктура, аспирантура, докторантура, диссертационный совет, специалисты высшей квалификации, уголовно-исполнительная система, интеграция науки и образования.

Уголовно-исполнительная политика как составляющая взятого руководством страны курса на преобразование России находится в постоянном развитии. Свидетельством тому стало рассмотрение вопроса о совершенствовании деятельности уголовно-исполнительной системы на оперативном совещании Совета безопасности Российской Федерации при рассмотрении вопроса о мерах по предупреждению рецидивной преступности в Российской Федерации 28 января 2011 г.

В уголовно-исполнительной системе идет процесс преобразований, цель которых – создание достойных условий для содержания лиц, временно находящихся под стражей или отбывающих наказания в местах лишения свободы; обеспечение дифференциации при исполнении наказаний; развитие системы органов, исполняющих наказания, не связанные с лишением свободы; повышение престижа службы в органах уголовно-исполнительной системы.

Реформа уголовно-исполнительной системы предполагает подготовку профессиональных спе-

циалистов высшей квалификации. В связи с этим перед ведомственными образовательными организациями уголовно-исполнительной системы стоят задачи разработки научно обоснованных нормативов штатной численности учреждений и органов УИС; изменения структуры обучения сотрудников УИС в плане расширения возможностей для организации обучения персонала реорганизуемых учреждений по программам дополнительного профессионального образования – профессиональной переподготовки и повышения квалификации; специализации учебных заведений; разработки новой и переработки действующей нормативно-методической и учебно-методической документации по организации учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования ФСИН России; обеспечения повышения социального статуса сотрудников УИС.

Решение указанных вопросов требует внедрения в деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания, научных разработок по уголовно-исполнительному праву, пенитенциарной

педагогике и психологии, пенитенциарной криминологии. Интеграция науки и образования включает в себя: постепенное вовлечение курсантов, студентов и слушателей в научно-исследовательскую работу (далее – НИР) под руководством наиболее опытных преподавателей; плановое осуществление НИР профессорско-преподавательским составом по общеузовской и кафедральной тематике, рассчитанное на широкое внедрение ее результатов в деятельность правоохранительных органов, законодотворчество и учебный процесс; дифференциацию НИР по формам, видам и уровням обучения (адъюнктура, докторантура и т. д.); издание монографий, учебников, учебных, методических и научно-практических пособий; подготовку, переподготовку и повышение профессионального мастерства преподавателей.

Образовательные организации ФСИН России располагают достаточным жизненным потенциалом. В ведущих вузах работает профессорско-преподавательский состав, более 70 % которого имеют ученые степени.

К научно-исследовательской работе привлекаются ученые из других образовательных и научно-исследовательских учреждений. Активное участие в научной жизни принимают представители органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации. Регулярно проводятся научные мероприятия с участием ведущих ученых-юристов, практических работников, профессорско-преподавательского состава, докторантов, адъюнктов, соискателей, курсантов и слушателей вузов ФСИН России, где обсуждаются актуальные проблемы деятельности уголовно-исполнительной системы.

Уникальность данных мероприятий заключается в том, что курсанты и слушатели напрямую, как говорится, от первых лиц, могут узнать о новшествах в сфере исполнения наказаний в России и зарубежных странах, обсудить интересующие их вопросы с практическими работниками пенитенциарных служб; научные коллективы, коллективы вузов принимают участие в международных проектах и программах сотрудничества, в рамках которых проходит взаимный обмен сотрудниками и учащимися ведомственных учебных заведений (Финляндия, Норвегия, Беларусь). Благодаря международным проектам курсанты и слушатели смогли познакомиться с особенностями организации исполнения уголовных наказаний в зарубежных странах. Результатом такого сотрудничества является и подготовка специалистов для пенитенциарной системы зарубежных стран, имеющих ученые степени кандидата юридических наук. Такие специалисты подготовлены для республик Вьетнам, Йемен, Казахстан, Беларусь.

Основными формами подготовки научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования служат адъюнктура и докторантура. Научное руководство адъюнктами и соискателями осуществляют доктора наук, известные своими научными школами.

Подготовка диссертационных исследований докторантами, адъюнктами и соискателями ведется с учетом специфики деятельности уголовно-исполнительной системы. Представляемые к рассмотрению и утверждению на ученом совете темы диссертационных исследований отражают практическую значимость для уголовно-исполнительной системы.

Профессорско-преподавательский состав, научные сотрудники ФСИН России активно участвуют в законодотворческой деятельности по реализации предложений Президента, министра юстиции и директора ФСИН России по реформированию уголовно-исполнительной системы. В частности, созданной в этих целях группой специалистов Минюста России, Академии ФСИН России и НИИ ФСИН России подготовлен ряд предложений по совершенствованию системы учреждений и органов, исполняющих наказания, и внесению в связи с этим необходимых изменений и предложений в уголовное, уголовно-исполнительное, административное законодательство.

Наличие хорошей базы для проведения научных исследований, широкий выбор современных методов и методик, разнообразный исследовательский инструментарий, большое число исследователей и их помощников на всех формах обучения позволяет своевременно реагировать на новые явления в сфере борьбы с преступностью, исполнения уголовных наказаний, прогнозировать и вносить соответствующие корректировки в тематику научных исследований, содержание и организацию учебного процесса. Вместе с тем достаточно высокий уровень научного потенциала образовательных организаций ФСИН России позволяет поставить перед ними фундаментальные задачи, решение которых будет способствовать развитию уголовно-исполнительной системы на более высоком уровне.

В деле подготовки специалистов высшей категории особое место занимают диссертационные советы. Они являются главным звеном государственной аттестации научных и научно-педагогических работников.

С 2010 по 2013 год в стране действовало соответственно 3294, 3377, 337, 3386 диссертационных советов, из них: докторских – 2814, 2879, 2893, 2981; докторских объединенных – 403, 419, 45, 329; кандидатских – 61, 62, 61, 59; кандидатских объединенных – 16, 17, 17, 17. Следует отметить, что довольно значительная доля диссертационных советов строят свою работу

не на должном качественном уровне. В 2013 г. 1511 докторских диссертационных советов не провели ни одной защиты докторской диссертации, 392 докторских и 11 кандидатских диссертационных советов не проводили кандидатских защит. Можно также отметить, что два докторских совета провели в указанном году 46 защит кандидатских диссертаций, 9 диссертационных советов провели 40 и более защит, а один из них – 50 защит.

В этих условиях повышается требовательность к качеству диссертационных исследова-

ний и работе диссертационных советов. Представляется целесообразным создание объединенного совета на базе ведущих вузов уголовно-исполнительной системы. Это, на наш взгляд, явилось бы серьезным шагом к повышению качества научных исследований, концентрации научного потенциала образовательных организаций ФСИН России на разработку более фундаментальных проблем исполнения наказаний.

INESSA ALEKSEEVNA SHISHKANOVA,
department director

(Department of certification of scientific and scientific and pedagogical employees
of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation)

E-mail: editor62@yandex.ru.

TO THE QUESTION OF SCIENTIFIC PROVIDING SYSTEMS OF EXECUTION OF PUNISHMENTS

Annotation: reform of criminal and executive system assumes training of professional experts of the top skills. In this regard the departmental educational organizations of criminal and executive system are faced by a number of paramount tasks. In training of specialists of the highest category the special place is taken by dissertation councils. They are the main link of the state certification of scientific and scientific and pedagogical workers.

From 2010 to 2013 in the country respectively 3294, 3377, 337, 3386 dissertation councils, from them worked: the doctor's – 2814, 2879, 2893, 2981; the doctor's united – 403, 419, 45, 329; the candidate – 61, 62, 61, 59; the candidate united – 16, 17, 17, 17. It should be noted that quite considerable share of dissertation councils build the work not at the due qualitative level. In 2013 1511 doctor's dissertation councils did not carry out any protection of the doctoral dissertation, 392 doctor's and 11 candidate dissertation councils did not carry out candidate protection. It is also possible to note that two doctor's councils carried out in the specified year of 46 protection of master's theses, 9 dissertation councils carried out 40 and more protection, and one of them – 50 protection.

In these conditions insistence to quality of dissertation researches and work of dissertation councils increases. Creation of the joint council on the basis of the leading higher education institutions of criminal and executive system is advisable. It would be a serious step to improvement of quality of scientific researches, concentration of scientific capacity of the educational organizations of FSIN of Russia on development of more fundamental problems of execution of punishments.

Key words: scientific potential, research work, educational organizations, postgraduate professional education, graduate military course, postgraduate study, doctoral studies, dissertation council, experts of the top skills, criminal and executive system, integration of science and education.

УДК 343.8
ББК 67.409.02
В62

АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ ВОДОПОЛОВ,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
(Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
E-mail: a-vodopolov@mail.ru.

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИНИМАЕМЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Реферат: в статье рассматриваются управленческие решения как вариант деятельности, направленной на достижение поставленных перед субъектом управления целей, устанавливается наличие факторов, влияющих на результаты, полученные при реализации управленческого решения: характеристики самого решения и условия его реализации, при этом отмечается более высокая значимость соответствующих характеристик собственно управленческого решения. Приводится классификация решений в зависимости от степени прогнозируемой эффективности: неэффективные, рациональные и оптимальные. Обосновывается необходимость выработки системы критериев оценки вариантов управленческих решений для осуществления правильного выбора. Рассматриваются понятия «критерий» и «показатель», устанавливается разница между ними. Отмечается, что критерий отражает качественные характеристики эффективности, тогда как показатели содержат количественную меру выполнения того или иного критерия.

На основании изучения признаков понятия «критерий» в статье сформулировано его определение, приведены различные классификации критериев:

- критерии предполагаемой эффективности управленческого решения и критерии действительной эффективности управленческого решения (в зависимости от времени оценки);
- внутренние, внешние и общие критерии эффективности управленческих решений.

С точки зрения обязательности при разработке простых управленческих решений критерии классифицируются на обязательные и учитываемые, при разработке сложных решений – на критерии-требования, оценочные критерии и учитываемые критерии.

В качестве критериев предполагаемой эффективности управленческих решений в статье рассматриваются научная обоснованность, законность, конкретность, своевременность, логичность и непротиворечивость, личностные характеристики руководителя, согласованность с заинтересованными службами и подразделениями, ответственными исполнителями. Отмечается, что выбор критериев следует осуществлять в зависимости от конкретных условий решений.

В качестве критериев действительной эффективности управленческого решения в статье указываются: решение проблемы в установленные сроки, экономичность реализованного решения, динамика корректируемых показателей и т. п.

В статье также рассматриваются факторы, влияющие на процесс принятия управленческих решений в УИС, приводится их классификация на внутренние и внешние, субъективные и объективные.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, критерии эффективности управленческих решений, управленческое решение, факторы и условия принятия управленческих решений, эффективное управленческое решение.

Управленческие решения представляют собой вариант деятельности, направленной на достижение поставленных перед субъектом управления целей; средство приведения управляемой системы в требуемое состояние, обеспечивающее ее наибольшую эффективность.

Очевидным является то обстоятельство, что в силу различных факторов результаты, полученные после реализации управленческого решения, могут отличаться от предполагаемых. Такие факторы можно условно разделить на две большие группы: характеристики самого решения и условия его реализации. Разумеется, и те и другие факторы пред-

ставляются весьма важными для достижения желаемого результата, в то же время необходимо отметить более высокую значимость соответствующих характеристик собственно управленческого решения. Это обусловлено тем, что механизм преодоления возможных отклонений от намеченного сценария решения проблемы можно и нужно предусмотреть на стадии его разработки, тогда как некачественное решение даже при наличии стабильной внешней ситуации заведомо не принесет требуемого результата.

В зависимости от степени прогнозируемой эффективности выделяют неэффективные (не позво-

ляющие решить проблему), рациональные (позволяющие решить проблему) и оптимальные (позволяющие решить проблему наиболее эффективно, то есть в определенный период с наименьшими затратами ресурсов [1, с. 40]) управленческие решения. При этом подчеркивается, что если неэффективных и рациональных решений может быть несколько, то оптимальное всегда одно [2, с. 48].

Таким образом, следует констатировать возможность и важность выбора наиболее эффективного для достижения цели управленческого решения, что, в свою очередь, обуславливает необходимость выработки системы критериев оценки вариантов управленческих решений для осуществления правильного выбора.

Некоторыми авторами критерий рассматривается как правило выбора предпочтительного варианта решения из ряда альтернатив [2, с. 48]. Однако такая трактовка интересующего нас понятия представляется не совсем верной, поскольку в соответствии с толковыми словарями термин «правило» определяется как постановление, предписание, устанавливающее порядок чего-нибудь; положение, в котором отражена закономерность, постоянное соотношение каких-нибудь явлений [3, с. 514], то есть правило выбора управленческого решения, – это порядок оценки вариантов решения.

В толковых словарях значение понятия «критерий» определяется как мерило оценки [3, с. 263], признак, на основании которого производится сравнение альтернатив [4]. В свою очередь, признак является показателем, по которому можно узнать, определить что-нибудь [3, с. 515].

Некоторые авторы при оценке эффективности деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания, указывают на различия в понятиях «критерий» и «показатель». Критерии отражают качественные характеристики эффективности, требования, которые предъявляются к результатам деятельности. Показатели содержат количественную меру выполнения того или иного критерия [5, с. 518].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в качестве критериев эффективности управленческого решения следует рассматривать такие его характеристики, наличие которых позволяет определить решение как наиболее приемлемое в складывающейся ситуации.

Какие же характеристики необходимо выделить в качестве критериев эффективности управленческого решения в УИС? Для ответа на этот вопрос необходимо изучить факторы, оказывающие влияние на процесс принятия управленческого решения. В связи с этим представляет интерес исследование факторов, влияющих на деятельность территориальных органов уголовно-исполнительной

системы в целом, проведенное С. О. Гуриным. Сформулированная им классификация таких факторов на внешние и внутренние может быть применима к процессу принятия управленческих решений в УИС.

Внешние факторы могут быть объединены в три блока: факторы объективных условий деятельности органа или учреждения УИС; факторы, обусловленные контрольно-надзорной деятельностью по отношению к органу или учреждению УИС; факторы взаимодействия органа или учреждения УИС с другими органами, организациями и гражданами. Внутренние факторы также условно разделены на три блока: факторы, обусловленные наличием субординационных связей органа или учреждения УИС с центральным органом управления УИС; факторы, обусловленные наличием субординационных связей органа или учреждения УИС с нижестоящими или структурными подразделениями; внутренние по отношению к самим территориальным органам или учреждениям УИС факторы [6, с. 235–236].

Более детальное рассмотрение системы условий, влияющих на процесс принятия решения, позволяет в качестве внешних факторов обозначить: состояние криминогенной ситуации в районе расположения учреждения (проникновение в учреждение запрещенных предметов, скоординированные действия преступных элементов за пределами и внутри учреждения и др.), климатические условия, развитость социально-экономических инфраструктур, наличие (или отсутствие) общественных институтов, научных центров, способных оказывать помощь в организации исправления осужденных, в трудовом и бытовом устройстве освобожденных и др. [7, с. 32–46]

В качестве примера внутренних факторов следует отметить: организационно-управленческую структуру всей системы и каждого учреждения в отдельности, режим отбывания наказания, процесс исправительного воздействия, все материально-производственные предпосылки и людские ресурсы исполнения наказания [8, с. 34–35], некоторые авторы приводят более конкретные примеры: характеристику объекта управления (состав и численность осужденных, общая морально-психологическая обстановка, наличие укоренившихся в органе или учреждении традиций), личностные характеристики руководителя [7, с. 34–35].

Кроме перечисленной классификации необходимо отметить подразделение факторов принятия управленческого решения на объективные и субъективные факторы [9, с. 39].

По нашему мнению, наиболее важными условиями, влияющими на принятие управленческого

решения, являются субъективные факторы. Объективные условия в большей степени устанавливают пределы и возможности реализации задач, тогда как именно личностные характеристики руководителя, его знания, навыки, опыт позволяют учесть объективные условия при разработке управленческого решения, а также определяют его содержание. Как справедливо отмечает П. В. Голодов, «...личность руководителя с его сознанием и волей – то центральное звено, которое связывает причину с порождаемыми ею в сфере руководящей деятельности явлениями и процессами. От руководителя, в конечном счете, зависит выбор методов управления, выработка и принятие управленческих решений и др...» [9, с. 35].

Как следует из практики деятельности, перечисленные факторы могут оказывать не только положительное, но и отрицательное влияние на качество управленческого решения. В связи с этим в качестве критериев оценки следует, по нашему мнению, определить такие признаки управленческого решения, которые свидетельствуют о преодолении или, по крайней мере, минимизации негативного влияния различных факторов в процессе его принятия. При этом наличие таких критериев должно выступать своеобразной гарантией качества управленческого решения.

Разнообразие критериев позволяет выделить ряд оснований для их классификации. В зависимости от времени оценки критерии можно подразделить на критерии предполагаемой эффективности управленческого решения (те, которые оцениваются на стадии выбора вариантов решения) и критерии действительной эффективности управленческого решения, характеризующие степень и качество реализации поставленных управленческим решением целей. Первые применяются для принятия управленческого решения и наиболее эффективного достижения цели, последние – для оценки результативности ранее принятого решения.

Некоторые авторы применительно к предпринимательским структурам выделяют внутренние, внешние и общие критерии эффективности управленческих решений. С известной степенью условности указанную классификацию можно применить и к управленческим решениям в уголовно-исполнительной системе.

Под внутренними критериями следует понимать те показатели управленческого решения, которые соответствуют целям и подцелям, стоящим перед органом, учреждением УИС или их подразделениями.

К внешним критериям управленческого решения следует отнести показатели его соответствия параметрам внешней среды. Применительно к

УИС в качестве таких могут выступать уголовно-исполнительная политика государства, нормативная правовая база, внешние по отношению к органу, учреждению или конкретному подразделению управленческие решения.

Общими критериями являются: время, качество решения, степень участия исполнителей в процессе принятия управленческого решения, воспитательная ценность решения.

С точки зрения обязательности при разработке простых управленческих решений критерии классифицируются на обязательные и учитываемые, при разработке сложных решений – на критерии-требования, оценочные критерии и учитываемые критерии.

Однако с позиции практической значимости представляет интерес более детальная классификация критериев эффективности управленческих решений.

В качестве критериев эффективности управленческого решения в УИС, на наш взгляд, можно рассматривать требования, предъявляемые к управленческому решению в органах внутренних дел, среди которых выделяют: научную обоснованность, законность, конкретность, своевременность, логичность и непротиворечивость. Отдельным критерием некоторые авторы выделяют профессиональную подготовленность субъекта управления [5, с. 412], хотя, на наш взгляд, правильнее было бы говорить о личностных характеристиках руководителя, одной из которых как раз и выступает его профессиональная подготовленность.

Представляется, однако, что даже такая классификация критериев нуждается в конкретизации. Так, критерий законности предполагает наличие целой совокупности характеристик управленческих решений: соответствие Конституции РФ, законодательству и подзаконным нормативным правовым актам, управленческим решениям, принятым вышестоящим субъектом управления; принятие компетентным субъектом; соблюдение процедуры принятия решения, установленной формы и структуры управленческого решения; наличие согласования, если решение принимается в форме нормативного правового акта, с подразделениями правового обеспечения. Таким образом, речь идет о целой группе частных критериев, которая характеризует управленческое решение как соответствующее критерию законности.

Аналогично могут быть конкретизированы и некоторые другие критерии эффективности управленческих решений. Например, вывод о научной обоснованности управленческого решения позволяют сделать такие его характеристики, как учет имеющихся ресурсов, использование качественной

информации, наличие прогноза развития ситуации, учет мнения экспертов и т. п.

Соответствие управленческого решения критерию конкретности определяется по таким параметрам его содержания, как конкретность целей решения, планируемых действий, сроков, исполнителей, предполагаемых результатов, исключение возможности неоднозначного толкования управленческого решения.

Логичность и непротиворечивость управленческого решения следуют из его соответствия ранее принятым решениям или решениям вышестоящего субъекта управления, с одной стороны, а с другой – внутренней логики содержания решения (последовательность действий и их соответствие целям, сбалансированность прав и обязанностей исполнителей).

Критерий своевременности решения конкретизировать необходимости нет. Принятое своевременно решение предполагает его более глубокую и полную проработанность, содержит такой вариант решения проблемы, который наиболее отвечает периоду возникновения проблемной ситуации.

Личностные характеристики руководителя, принимающего управленческое решение, включают в себя уровень и профиль образования, практический опыт как в сфере управления, так и по направлению деятельности, морально-деловые качества.

На наш взгляд, в качестве критерия эффективности управленческого решения необходимо указать также его согласованность с заинтересованными службами и подразделениями, ответственными исполнителями. Обсуждение и получение одобрения сотрудников и соответствующих служб и подразделений, исполнителей не только обогащает решение, но и создает благоприятные предпосылки для его успешной реализации, поскольку сотрудники органа, принимавшие участие в разработке решения, становятся его сторонниками и пропагандистами.

При применении указанных критериев необходимо понимать, что они не являются постоянными или обязательными при выборе различных управленческих решений. Так, чем выше уровень субъекта управления, тем менее конкретными будут являться планируемые мероприятия, что обусловлено необходимостью предоставить исполнителям возможность усмотрения для более рационального учета местных особенностей, чем выше степень сложности решения, тем желательнее его согласованность с заинтересованными службами, подразделениями и ответственными исполнителями.

Список литературы

1. Хаустов В. В. Анализ методов оценки эффективности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Человек : преступление и наказание. 2014. № 1. С. 40.

Следует отметить, что критерии должны оцениваться только в совокупности с другими критериями. В качестве примера можно привести недостаточность для оценки управленческого решения только критерия законности. Как отмечает Л. М. Колодкин, «...понятие законности нельзя сводить только к соблюдению закона. Некоторые законы не отличаются с позиции здравого смысла достаточной степенью разумности. Их строгое исполнение влечет за собой только негативные последствия...» [10, с. 45]. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что российское законодательство существенно отстает от складывающихся общественных отношений. Таким образом, становится очевидным, что при оценке эффективности управленческого решения необходимо учитывать также критерии научной обоснованности, согласованности решения с другими заинтересованными субъектами и др.

При оценке управленческих решений в каждом конкретном случае важно принимать во внимание, что совокупность критериев может быть различна. Возможно формулирование дополнительных критериев, например минимизация материальных затрат, предполагаемые сроки достижения желаемого результата.

Перечисленные критерии характеризуют предполагаемую эффективность решения и могут быть использованы на стадии выбора управленческого решения. Вывод о действительной эффективности решения может быть сделан только после его реализации. В этом случае в качестве критериев эффективности следует рассматривать такие характеристики решаемой проблемы, которые указывают на степень соответствия полученных результатов предполагаемым. Важно понимать, что своеобразие каждой конкретной ситуации предопределяет и своеобразие критериев эффективности того или иного управленческого решения, поэтому совокупность критериев и показателей, которым должен соответствовать результат, зависит от уровня, на котором принимается решение, направленности и характера деятельности подразделения или службы, решаемой проблемы.

В качестве критериев действительной эффективности управленческого решения могут быть использованы: решение проблемы в установленные сроки, экономичность реализованного решения, динамика корректируемых показателей и т. п.

2. Лукичева Л. И., Егорычев Д. Н. Управленческие решения : учеб. по специальности «Менеджмент организации» / под ред. Ю. П. Анискина. М., 2009. 383 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1985. 750 с.
4. Критерий: словарная статья. URL.: <http://slovari.yandex.ru/~D0%B9/>. (дата обращения: 06.03.2014).
5. Организация управления в уголовно-исполнительной системе: учебник : в 3 т. / под общ. ред. Ю. Я. Чайки; науч. ред. В. М. Анисимков, А. А. Аксенов, Б. Б. Казак, Н. П. Барабанов. Рязань, 2002. Т. 1.
6. Гурин С. О. Организационно-правовые основы деятельности территориальных органов уголовно-исполнительной системы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 286 с.
7. Рамазанов Г. Ш. Управленческая деятельность начальника исправительно-трудовой колонии (организационно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 181 с.
8. Астемиров З. А. Соотношение внутренних и внешних факторов функционирования ИУ и их влияния на эффективность исполнения наказания // Проблемы совершенствования исполнения уголовных наказаний. Рязань, 1983.
9. Голодов П. В. Правовое регулирование и организация деятельности руководителя учреждения уголовно-исполнительной системы : монография. Вологда, 2007. 184 с.
10. Колодкин Л. М. Режим законности и принцип разумности в сфере исполнения наказаний и способы их обеспечения // Вестник института : преступление, наказание, исправление. 2012. № 18. С. 45.

ALEKSANDR IGOREVICH VODOPOLOV,
lecturer of the department of state and legal disciplines,
(Vologda institute of law and economics of the federal penal service of Russia)
E-mail: a-vodopolov@mail.ru.

CRITERIA OF EFFICIENCY OF MANAGEMENT DECISIONS IN PENAL SYSTEM

Annotation: The article deals with management decisions as a variant of activities aimed at achieving the objectives of the subject control, establishment of the presence of factors that affect the results obtained with the implementation of the administrative decision: characteristics of the solutions and the conditions for its implementation, while noting the importance of administrative decision characteristics itself.

The article presents the classification of solutions depending on the projected efficiency: inefficient, rational and optimal. It explains the need for a system of criteria for evaluating options for management decisions for the right choice.

The article discusses the concept of "criterion" and "indicator", makes a distinction between them. It is noted that the criterion reflects the quality performance characteristics, while indicators provide a quantitative measure of any given criterion. Based on the study of the characteristics of the concept of «criteria» it's definition and different classifications are formulated in the article:

- depending on the time of the assessment criteria are divided into criteria of intended effectiveness of management decisions and the criteria of the actual effectiveness of management decisions,
- internal, external and common criteria for the effectiveness of management decisions.

From the point of view of the obligation at developing simple management decision criteria are classified into mandatory and taken into account in the development of complex solutions – to the criteria requirements, evaluation criteria and the criteria taken into account.

The author of the article considers the scientific validity, legality, specificity, timeliness, consistency and consistency, the personal characteristics of the head, the consistency with the concerned departments and divisions, responsible for implementation. It is noted that the selection criteria should be implemented depending on the specific conditions of the solutions. The criteria for the actual efficiency of the administrative decision are specified: the problem in a timely, cost-effectiveness of the implemented solutions, the dynamics of the corrected figures, and so on. The article also discusses the factors influencing the process of decision-making in the FPS, provides their classification on the inner and outer, subjective and objective.

Keywords: correctional system, the criteria for the effectiveness of management decisions, administrative decision, factors and conditions of managerial decision-making, effective management decisions.

References

1. Haustov V. V. Analiz metodov ocenki jeffektivnosti uchrezhdenij i organov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Analysis of methods of assessing the effectiveness of the penal institutions]. *Chelovek : prestuplenie i nakazanie – Man : Crime and Punishment*, 2014, no. 1.
2. Lukichjova L. I., Egorychev D. N. Upravlencheskie reshenija: uchebnik po special'nosti «Menedzhment organizacii» [Management decisions: a textbook on speciality «Management of organizations»]. Edited by Ju. P. Aniskina. Moscow, 2009. 383 p.
3. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. Edited by N. Ju. Shvedovoj. Moscow, 1985. 750 p.
4. Kriterij: slovarnaja stat'ja. Available at: <http://slovari.yandex.ru/~D0%B9/> (Accessed 6 March 2014).
5. Organizacija upravljenija v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme [Organization of management in the penitentiary system]. Edited by Ju. Ja. Chajki, V. M. Anisimkov, A. A. Aksjonov, B. B. Kazak, N. P. Barabanov. Rjazan, 2002, vol. 1.
6. Gurin S. O. Organizacionno-pravovye osnovy dejatel'nosti territorial'nyh organov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Legal bases of activity of the territorial bodies of the penal system. Cand. jurid. sci. diss. abstract]. Moscow, 2003. 286 p.
7. Ramazanov G. Sh. Upravlencheskaja dejatel'nost' nachal'nika ispravitel'notrudovoj kolonii (organizacionno-pravovoj aspekt) : dis. ... kand. jurid. nauk [Administrative activity of the head of correctional labor camp (legal aspect). Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1993. 184 p.
8. Astemirov Z. A. Sootnoshenie vnutrennih i vneshnih faktorov funkcionirovanija IU i ih vlijanija na jeffektivnost' ispolnenija nakazanija [The Ratio of internal and external factors of the functioning of penal institutions and their influence on the efficiency of the execution of the sentence]. *Problemy sovershenstvovanija ispolnenija ugolovnyh nakazanij* [Problems better-tation of execution of criminal punishments]. Rjazan, 1983, p. 138.
9. Golodov P. V. Pravovoe regulirovanie i organizacija dejatel'nosti rukovoditelja uchrezhdenija ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Legal regulation and organization of activity of the head of the penitentiary system]. *Vologda*, 2007. 184 p.
10. Kolodkin L. M. Rezhim zakonnosti i princip razumnosti v sfere ispolnenija nakazanij i sposoby ih obespechenija [Mode of legality and the principle of reasonableness in the field of execution of punishments and their ways of providing]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute : crime, punishment, correction*, 2012, no. 2.

УДК 343.847
ББК 67.409.021
Д14

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ДАЗМАРОВА,
старший преподаватель кафедры административного
и финансового права юридического факультета
(Академия ФСИН России)
E-mail: dazmar@yandex.ru.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Реферат: в статье рассматриваются проблемы взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) с органами местного самоуправления при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Для более детального и глубокого исследования в статье даны такие понятия, как «социальный институт», «институт взаимодействия», «процесс взаимодействия», «направления взаимодействия», «организация». Взаимодействие УИИ с органами местного самоуправления по вопросу укрепления законности реализуется с учетом возложенных на них функций и полномочий соответствующих должностных лиц. Отмечается, что многофункциональная деятельность УИИ, а также органов местного самоуправления во многом совпадает по целям и задачам. Более того, наличие достаточного количества точек соприкосновения этих органов создает благоприятную базу для успешного их взаимодействия по осуществлению правозащитной деятельности. Объединение усилий уголовно-исполнительных инспекций с органами местного самоуправления в процессе их взаимодействия, концентрированное и эффективное использование их информационного, организационного, правового, интеллектуального и иного потенциала играет немаловажную роль в деле укрепления законности. В статье отражены основные направления взаимодействия органов местного самоуправления с УИИ: в рамках координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью; по вопросам правотворчества, а также в процессе профилактики правонарушений; проанализирован процесс взаимодействия УИИ и органов местного самоуправления при исполнении такого вида наказания, как обязательные работы, обоснованы положительные результаты этого взаимодействия.

Ключевые слова: взаимодействие, организация взаимодействия, уголовно-исполнительная система, уголовно-исполнительная инспекция, органы местного самоуправления, наказания, не связанные с изоляцией от общества, обязательные работы, исправительные работы, эффективность применения наказания, профилактика рецидива.

Институт взаимодействия подпадает под категорию «социальный институт», представляющий собой совокупность не только лиц, организаций и учреждений, но и материальных средств, обосновывающих определенную общественную потребность посредством функционирования системы взаимосогласованных стандартов поведения.

Институт взаимодействия как один из социальных институтов внешне есть совокупность лиц, а содержательно – совокупность стандартизованных образцов поведения правомочных лиц, обеспечивающих правозащитную функцию государства. Указанные стандарты поведения воплощаются в социальных ролях, характерных для системы органов власти (роль прокурора, судьи, депутата и т. д.).

Правовой основой деятельности УИИ являются УИК РФ, Положение об уголовно-исполнительных инспекциях и Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. Они исполняют наказания в виде обязательных и исправительных

работ, ограничения свободы, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Взаимодействие УИИ с органами местного самоуправления по вопросу укрепления законности реализуется с учетом возложенных на них функций и полномочий соответствующих должностных лиц и направлено на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, законности, правопорядка, общественной безопасности. В свою очередь, органы местного самоуправления, обеспечивая на своих территориях соблюдение прав и свобод граждан, охрану муниципальной собственности, общественного порядка, принимая меры по предупреждению преступлений и правонарушений, самостоятельно решают вопросы местного значения в пределах своей компетенции. Следовательно, многофункциональная деятельность УИИ, органов местного самоуправления во многом совпадает по целям и задачам. Более того, наличие достаточного количества точек соприкосновения вышеуказанных органов создает благоприятную

базу для успешного их взаимодействия по осуществлению правозащитной деятельности. В связи с этим можно сделать вывод о том, что у органов местного самоуправления и уголовно-исполнительных инспекций просматривается общий вектор взаимодействия – это укрепление законности в стране, защита прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства.

Проблема взаимодействия УИИ с государственными органами, органами местного самоуправления, а также с институтами гражданского общества при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества, явилась предметом самостоятельных научных исследований таких авторов, как О. Н. Уваров [1, с. 36–39], Д. Н. Костарев [2, с. 47–49], Я. С. Васильева [3, с. 91–98], А. Д. Денисов [4, с. 48–50], В. Шидловский [5, с. 16–19].

Объединение усилий УИИ и органов местного самоуправления в процессе их взаимодействия, концентрированное и эффективное использование их информационного, организационного, правового, интеллектуального и иного потенциала играет немаловажную роль в деле укрепления законности в стране.

Основными направлениями взаимодействия указанных органов являются:

- 1) взаимодействие в рамках согласованной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;
- 2) взаимодействие по вопросам правотворчества;
- 3) взаимодействие в процессе профилактики правонарушений;
- 4) процессуальное взаимодействие в судопроизводстве.

Взаимодействие названных органов также осуществляется в процессе:

- совместного участия в совещаниях, собраниях, коллегиях и других форумах;
- совместного участия в предупредительных мероприятиях (повышение правовой культуры населения, пропаганда правовых знаний с привлечением СМИ);
- проведения совместной учебы работников уголовно-исполнительных инспекций и органов местного самоуправления (лекции, семинары, круглые столы, деловые игры).

Уголовно-правовая политика на современном этапе последовательно развивается по пути более широкого применения наказаний, не связанных с лишением свободы, за совершение преступлений небольшой и средней тяжести.

В числе приоритетных задач ФСИН России в рамках реализации Концепции развития Уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года – расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы (разд. II Концепции).

По официальным данным ФСИН России, по состоянию на второй квартал 2014 г. в УИС функционирует 2489 УИИ, в которых состоит на учете 428,3 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы [6].

Хотелось бы остановиться на исполнении такого вида наказания, как обязательные работы.

Территориальные органы УИС по согласованию с органами местного самоуправления муниципальных районов либо органами местного самоуправления городских округов определяют границы территорий, прилегающих к подведомственным учреждениям, на которых устанавливаются режимные требования.

Таким образом, УИИ согласовывают с органами местного самоуправления объекты для отбывания обязательных работ осужденными.

Введение в действие наказания в виде обязательных работ сопряжено с преодолением многих трудностей. На международных семинарах по данной проблеме отмечалось, что мировой опыт применения альтернативных наказаний свидетельствует о проблемах, с которыми приходится сталкиваться на практике. Судьи в ряде случаев не применяют обязательные работы, поскольку не уверены в наличии возможности реализации такого наказания в полном объеме. Общественность часто не знает о его преимуществах, так как отсутствует должная пропаганда эффективности этого наказания.

Карательное содержание действия этого вида наказания выражается в следующих основных лишениях и ограничениях, претерпеваемых осужденным в процессе его исполнения: увеличение продолжительности рабочего дня за счет сокращения времени отдыха; непрерывность исполнения наказания даже во время очередного отпуска по основному месту работы; безвозмездность труда; его неквалифицированный характер, а также психологический дискомфорт, связанный с судимостью.

Вместе с тем осужденный не только не лишается свободы, но она даже не ограничивается. Наказание не содержит набора чрезмерно жестких карательных элементов, исполняется в течение относительно короткого промежутка времени, позволяет осужденному сохранить основную работу или продолжить учебу.

Для благоприятного психологического восприятия данного наказания необходимо четкое установление взаимодействия УИИ с органами местного самоуправления и организациями, в которых осужденные отбывают обязательные работы, поскольку их эффективность как раз и определит в итоге возможность массового использования обязательных работ в качестве альтернативы лишению

свободы. При этом следует подчеркнуть, что определение объектов труда (создание рабочих мест) и организация работы осужденных являются одними из основных вопросов, решение которых позволит эффективно применять наказание в виде обязательных работ.

Перечень объектов, на которых возможно исполнение данного вида наказания, определяется администрациями органов местного самоуправления с учетом общественных потребностей конкретного муниципального образования (муниципальный район, городской округ) в озеленении и благоустройстве территории, ремонтных работах, в сфере коммунального хозяйства и др.

В настоящее время роль уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, возрастает, а основной целью их применения является сокращение численности осужденных, отбывающих наказания в виде лишения свободы, в исправительных учреждениях.

Если целью обязательных работ является исправление осужденного без изоляции от общества, то инструмент исправления данного лица есть труд. Осуществляя трудовую деятельность, лицо, осужденное к обязательным работам, осознает

свой социальный статус и соответственно чувствует себя неотъемлемой частью общества.

В свою очередь, государство с экономической точки зрения не затрачивает на содержание осужденного материальные средства, поскольку лицо, отбывающее обязательные работы, содержится за свой счет.

Сущность обязательных работ заключается в использовании бесплатного рабочего труда. Как показывает практика, лица, осужденные к обязательным работам, выполняют функции далеко не престижных работ.

Таким образом, УИИ, обеспечивая исполнение наказания в виде обязательных работ, в процессе взаимодействия с органами местного самоуправления выполняют задачи государственного масштаба по борьбе с преступностью, осуществляют функции профилактики рецидива в масштабе муниципального образования, а также косвенно задействованы в процессе социализации и ресоциализации осужденных за счет применения труда, а органы местного самоуправления, сотрудничая с УИИ, получают рабочую силу в виде лиц, осужденных к обязательным работам, на рабочие места с низким уровнем престижности и заработной платы.

Список литературы

1. Уваров О. Н. Взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с институтами гражданского общества при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 5. С. 36–39.
2. Костарев Д. Н. Взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел по вопросу профилактики повторных преступлений среди осужденных без изоляции от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 5. С. 47–49.
3. Васильева Я. С. Социальные и психологические факторы ресоциализации условно осужденных // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 91–98.
4. Денисов А. Д. О необходимости совершенствования законодательства, регламентирующего вопросы ресоциализации осужденных // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1. С. 48–50.
5. Шидловский В. Взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций Краснодарского края с органами местного самоуправления при исполнении наказаний в виде исправительных и обязательных работ // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2009. № 7. С. 16–19.
6. <http://pda.fsin.rf> (дата обращения: 07.10.2014 г.).

TATIANA NIKOLAEVNA DAZMAROVA,

senior lecturer, department of administrative and financial law, faculty of law
(Academy of the FPS of Russia)
E-mail: dazmar@yandex.ru.

ORGANIZATION OF INTERACTION PENAL INSPECTIONS WITH THE LOCAL AUTHORITIES AT THE PRESENT STAGE

Annotation: this article describes the problems of interaction between penal inspections and local authorities in the execution of sentences, not connected with isolation from society. For a more detailed and in-depth research such concepts as «social institution», «Institute of Interaction», «process of interaction», «areas of interaction», «organization» and others are given in the article. The interaction between penal inspections and local authorities on consolidation of legality is implemented considering their functions and powers of the officials. Noted that the multi-

purpose activity of penal inspections and local government is much the same on the goals and objectives. Combining the efforts of penal inspections and local authorities in their interaction, concentrated and effective use of their information, organizational, legal, intellectual capacities plays an important role in consolidation of legality. The main directions of local governments and penal inspections interaction are reflected: interaction within the coordination of law enforcement agencies against crime, cooperation on lawmaking, as well as cooperation on the of crime prevention. In conclusion the interaction and the positive results in the execution of such punishment as obligatory work is analyzed.

Key words: interaction, the correctional system, penal inspection, local authorities, the punishment not related to isolation from society, obligatory work, the effectiveness of punishment, prevention of relapse.

References

1. Uvarov O. N. Vzaimodejstvie ugovovno-ispolnitel'nyh inspekcij s institutami grazhdanskogo obshhestva pri ispolnenii nakazaniy, ne svyazannyh s izoljaciej ot obshhestva [Interaction penal inspections with civil society in the enforcement of sentences, not related to isolation from society]. Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy – Sheets of the penal system, 2014, no. 5, pp. 36–39.
2. Kostarev D. N. Vzaimodejstvie ugovovno-ispolnitel'nyh inspekcij s organami vnutrennih del po voprosu profilaktiki povtornyh prestuplenij sredi osuzhdennyh bez izoljatsii ot obshhestva [Interaction penal inspections with the police on the prevention of re-offending among prisoners without isolation from society]. Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy – Sheets of the penal system, 2014, no. 5, pp. 47–49.
3. Vasilyeva Y. S. Social'nye i psihologicheskie faktory resocializatsii uslovno osuzhdennyh [Social and psychological factors resocialization probation]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology, 2011, no. 1, pp. 91–98.
4. Denisov A. D. O neobhodimosti sovershenstvovaniya zakonodatel'stva, reglamentirujushhego voprosy resocializatsii osuzhdennyh [On the need to improve legislation on the resocialization of convicts]. Chelovek : prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2014, no. 1, pp. 48–50.
5. Shidlovskii V. Vzaimodejstvie ugovovno-ispolnitel'nyh inspekcij Krasnodarskogo kraja s organami mestnogo samoupravleniya pri ispolnenii nakazaniy v vide ispravitel'nyh i objazatel'nyh rabot [Interaction penal inspections of Krasnodar Region with local authorities in the execution of sentences of correctional and compulsory work]. Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy – Sheets of the penal system, 2009. no. 7, pp. 16–19.
6. <http://pda.fsin.rf>.

УДК 343.985
ББК 67.522.0
К79

МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ КРЕМЛЕВ,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики
(Кузбасский институт ФСИИ России)
E-mail: mvkremlev@mail.ru.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИНФОРМАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМОЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Реферат: с целью формирования теоретических основ информационного обеспечения расследования преступлений в статье предпринята попытка установления сущности и природы информации, а также ее интерпретации в соответствующем контексте. Для этого был проведен анализ понятия «информация», данного в толковых словарях русского языка, используемого в действующих нормативных документах, а также в некоторых теоретических основах различных отраслей знаний. В частности, обращено внимание на философские концепции: коммуникативную (информация как сфера общения и сфера общенаучной рефлексии), функциональную (информация как атрибут материи) и атрибутивную (информация как передача сигналов в управляющих системах). Каждая из них отражает определенный аспект информации, и поэтому их можно использовать в единстве.

Приведенные выше акценты относительно рассматриваемого вопроса также присутствуют в информатике, теории управления, оперативно-розыскной деятельности. Не является исключением и криминалистика.

На основе полученных сведений было предложено использовать в дефиниции понятия «информация» определяющее слово «данные». В свою очередь, такие термины, как «сведения» или «изменения», для аналогичной цели в контексте расследования преступлений недопустимы, поскольку в первом случае следует говорить о его тождественности по отношению к информации, а во втором – информация не всегда предопределяется наличием изменений.

Считается также, что информацией можно называть только те данные, которые были правильно раскодированы и максимально достоверно интерпретированы адресатом. Из этого следует, что рассматриваемое нематериальное сущее подвержено субъективному воздействию независимо от волеизъявления его получателя – следователя, осуществляющего производство по уголовному делу. Кроме того, в качестве основного свойства информации выступает ее способность снимать имеющуюся неопределенность.

На основе изложенного предлагается следующее определение информации, используемой в ходе расследования преступлений: данные в виде сигналов, преобразованных мыслительной деятельностью следователя и преломленных субъективными факторами, снимающие неопределенность.

Ключевые слова: информация, снятая неопределенность, свойства информации, расшифровка информации, интерпретация информации, субъективные факторы, преломление информации, расследование преступлений.

Любая современная наука, преследуя цели формирования своих теоретических основ, ставит перед собой задачи по выработке собственного понятийного аппарата. Как показывает научная практика, точно подобранная дефиниция – весомая составляющая любого успешного исследования. Она позволяет проводить более глубокий, всесторонний анализ экспертируемых объектов, и, как следствие, результаты такой деятельности способны нести ярко выраженный прикладной характер.

Порой смысловая составляющая применяемой терминологии в контексте определенного научного познания на первый взгляд видится очевидной, но при более глубоком анализе исследователь начинает задаваться вопросом о корректности использования тех или иных слов и их сочетаний. Напри-

мер, в криминалистической теории такое ограничительное обозначение, как «информация», может присутствовать многократно. При этом оно не выступает собственнонаучным продуктом, а является оправданным заимствованием из иных отраслей знаний.

Хотя указанный термин прост и понятен, однако критический взгляд на его применение формирует у пользователя неоднозначную картину. Причина тому – дифференцированный подход к пониманию сущности информации.

Слова «информация» в русском языке определяется как: «1. Сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством. 2. Сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-нибудь» [1, с. 245]. Исходя из этого

само понятие не является объектом материальной природы, а лишь выступает результатом мыслительной деятельности человека.

В Большом энциклопедическом словаре рассматриваемое слово трактуется как сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т. д.); с середины XX века – общенаучное понятие, включающее в себя обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; передачу признаков от клетки к клетке, от организма к организму [2].

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет дефиницию информации как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Говоря о научной интерпретации, по нашему мнению, наиболее широкое толкование информации приводится в философии, при этом, несмотря на очевидность указанного понятия, его глубина, форма и содержание постоянно изменяются в зависимости от развития научных познаний.

В философских учениях находят свое отражение три концепции сущности информации, а именно коммуникативная, функциональная и атрибутивная. Коммуникативная концепция рассматривает информацию как сферу общения и сферу общенаучной рефлексии. Атрибутивная концепция трактует информацию как свойство всех материальных объектов, то есть как атрибут материи. Функциональная концепция, напротив, связывает информацию лишь с функционированием самоорганизующихся систем, иными словами, приводит к пониманию информации как передачи сигналов в управляющих системах [3, с. 10]. Каждая из этих концепций отражает определенный аспект информации, и поэтому их можно рассматривать в единстве.

С точки зрения информатики информация рассматривается как продукт взаимодействия данных и методов в контексте этого взаимодействия [4, с. 21]. Авторами было отмечено, что форма представления данных может быть абсолютно любой [4, с. 21–22].

В теории управления информация понимается как некоторое отражение в сознании индивида свойств окружающего мира, зафиксированное на различного рода носителях, осмысленные и расшифрованные данные, использующиеся для принятия управленческого решения [5, с. 331].

А. С. Овчинский интерпретирует информацию как «то содержание сообщений, те составляющие сведений, те компоненты знаний, те комбинации сигналов, которые, с одной стороны, интерпретиру-

ваны исходя из возможностей, интересов, преследуемых целей и стоящих задач и, с другой стороны, оказывают воздействие как на сознание, так и на подсознание людей, оставляя следы в их памяти, могут накапливаться и в результате открывают возможность и создают механизмы управления социальными системами и процессами» [6, с. 27].

В теории криминалистики анализируемое понятие также подвергалось изучению и толкованию в соответствующем контексте.

Так, Н. С. Полевой формулирует информацию как отображение результата взаимодействующих объектов [7, с. 61–64]. Аналогичной позиции придерживается Р. А. Усманов [3, с. 14].

А. Ф. Вольнский и Е. Р. Россинская под информацией понимают фактические данные или сведения, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления и характеризующие способ его совершения, лиц, его совершивших, предметы преступного посягательства, орудия преступления и тому подобные обстоятельства [8, с. 3].

М. В. Салтаевский сформулировал изучаемое понятие как «данные о теоретических основах возникновения следов преступления, практических методах и средствах использования их для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [9, с. 23]

А. М. Ишин говорит об информации как о динамическом объекте, не способном существовать самостоятельно и являющемся продуктом взаимодействия данных и методов в контексте такого взаимодействия [10, с. 40].

Я. А. Посков определяет информацию как «наличие любых данных о событиях, происходящих в объективной действительности, то есть изменениях, происходящих в среде. ...Применительно к уголовно-процессуальным доказательствам понятия «фактические данные» и «информация» можно считать и использовать как тождественные» [11, с. 4].

Поскольку приведенное выше многообразие дефиниций анализируемого понятия характеризует последнее как нечто многостороннее и глубоко содержательное, то считаем необходимым, консолидируя и экстраполируя, а также выделив, на наш взгляд, лишь основные черты изучаемого явления, применительно к процессу расследования, обобщить знания об информации, ее сущности и природе.

Во-первых, родовым понятием, определяющим сущность термина, следует считать слово «данные» (свойства, способности, качества как условия или основания для чего-нибудь) [1, с. 97], поскольку оно является по отношению к понятию «информация» более широким. Именно из данных в дальнейшем происходит выделение информаци-

онной составляющей. При этом не можем согласиться с мнением авторов, использующих для указанной цели понятия «изменения» и «сведения». В последнем случае, соглашаясь с Р. А. Усмановым, нельзя определять «информацию» через «сведения», поскольку между ними ставится знак тождества [3, с. 15–18].

Применительно к термину «изменения» считаем необходимым обосновать свою позицию тем, что в процессе совершения преступления отсутствие изменений, связанных с преступным деянием, также несет в себе информацию. Например, преступник проник в квартиру на девятом этаже многоэтажного дома через окно. Прибывшие на место происшествия сотрудники правоохранительных органов установили целостность запорных устройств входной двери, а значит, не обнаружили никаких изменений. Отсутствие последних направляет следователя на формулирование версии о возможности проникновения в помещение, в том числе через окно, то есть информация для выдвижения версии не явилась производной от изменений.

Во-вторых, информацией можно называть только те данные, которые были правильно раскодированы и максимально достоверно интерпретированы адресатом.

Данные, сказанные осужденным на уголовном жаргоне следователю, им не владеющему, для последнего останутся таковыми (данными) без трансформации в информативную составляющую.

Как справедливо заметил А. М. Ишин, содержательная часть информации может зависеть не только от сигналов, зарегистрированных при образовании данных, но и от применяемых для их расшифровки методов, а иногда и от совокупности последних [10, с. 32]. Из этого следует, что рассматриваемое нематериальное сущее подвержено субъективному воздействию независимо от волеизъявления его получателя – следователя, осуществляющего производство по уголовному делу.

В-третьих, основным, ключевым свойством информации выступает ее способность снимать имеющуюся неопределенность в деятельности по расследованию преступлений. И здесь мы согласимся с С. С. Овчинским, который подчеркивал, что поступающие данные, трансформируясь и преломляясь мыслительной деятельностью субъекта расследования, позволяют последнему выдвигать новые версии, а также проверять их, тем самым устранять одну неопределенность за другой, до тех пор пока не снимется общее состояние неопределенности [12, с. 23].

Анализируя и оценивая изложенное, мы приходим к следующему определению информации, используемой в ходе расследования преступлений. Под таковой следует понимать данные в виде сигналов, преобразованных мыслительной деятельностью следователя и преломленных субъективными факторами, снимающие неопределенность.

Список литературы

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1978. 846 с.
2. Большой энциклопедический словарь. URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/24156>. (дата обращения: 05.09.2014).
3. Усманов Р. А. Информационные основы предварительного расследования / под ред. А. А. Белякова. М., 2006. 208 с.
4. Симонович С. В. Информатика для юристов и экономистов. СПб., 2001. 688 с.
5. Огарков А. А. Управление организацией. М., 2006. 512 с.
6. Овчинский А. С. Информация и оперативно-розыскная деятельность : монография / под ред. В. И. Попова. М., 2002. 178 с.
7. Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика. М., 1989. 328 с.
8. Волынский А. Ф., Россинская Е. Р. Криминалистическая регистрация. М., 1992. 35 с.
9. Салтевский М. В. Собрание криминалистической информации техническими средствами на предварительном следствии: учеб. пособие. Киев, 1980. 112 с.
10. Ишин А. М. Теоретические аспекты информационного обеспечения органов предварительного следствия в ходе расследования преступлений. монография. Калининград, 2003. 194 с.
11. Посков Я. А. Основы информационного обеспечения производства следственных и иных процессуальных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2009. 13 с.
12. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. М., 2000. 367 с.

MAKSIM VLADIMIROVICH KREMLEV,
senior lecturer of criminal procedure and criminology department
(Kuzbass institute of FPS of Russia)
E-mail: mvkremlev@mail.ru.

ON THE CONCEPT OF INFORMATION USED IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Annotation: in this article, in order to form the theoretical foundations of information support of crime investigation, there is an attempt to establish the origin of information, and its interpretation in context. For this, an analysis of the concept of «information» was made, using in the dictionaries of Russian, the normative documents, as well as some theoretical foundations of various branches of knowledge.

In particular, attention is drawn to the philosophical concepts: communicative (information and communication sphere as the sphere of general scientific reflection), functional (information as an attribute of matter) and attributive (information as the transmission of signals in the control system). Each of them represents a particular aspect of information and can therefore be considered as one.

The above emphases regarding the matter under consideration are also present in computer science, control theory, criminal investigation. And Criminalistics isn't an exception.

On the basis of the information received, it was proposed to use in the definition of the considered naming defines the word «data». In turn, the terms such as «information» or «changes» for a similar purpose in the context of the investigation of crimes will not be tolerated, because in the first case, we should talk about its identity in relation to information, and in the second – the information is not always predetermined by the presence of changes.

It is also believed that the information can be called only the data that have been correctly decoded and interpreted by the most reliable destination. Thus the considered immaterial is exposed by the subjective pressure regardless of the will of its recipient – the investigator conducting the criminal proceedings. In addition, the main characteristics of information are its ability to remove the existing uncertainty.

Based on the above, the following definition of the information used in the investigation of crimes is proposed: us such data we should understand signals converted by the mental activities of the investigator and refracted by subjective factors, eliminating uncertainty.

Key words: information; eliminated uncertainty; characteristics of information; decoding of information; interpretation of information; subjective factors; refraction information.

References

1. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka [Russian dictionary]. Moscow, 1978, 846 p.
2. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar' [Great encyclopedic dictionary]. Available at: <http://schs.sch.vedu.ru/bigentsdits/24156>. (Accessed 5 September 2014).
3. Usmanov R. A. Informacionnye osnovy predvaritel'nogo rassledovaniya [Information bases of the preliminary investigation]. Moscow, 2006, 208 p.
4. Simonovich S. V. Informatika dlja juristov i jekonomistov [Informatics for lawyers and economists]. St. Petersburg, 2001, 688 p.
5. Ogarkov A. A. Upravlenie organizaciej [Management of the organization]. Moscow, 2006, 512 p.
6. Ovchinskij A. S. Informacija i operativno-rozysknaja dejatel'nost' [Information and operational-search activity]. Moscow, 2002, 178 p.
7. Polevoj N. S. Kriminalisticheskaja kibernetika [Forensic cybernetics]. Moscow, 1989, 328 p.
8. Volynskij A. F., Rossinskaja E. R. Kriminalisticheskaja registracija [Forensic registration]. Moscow, 1992, 35 p.
9. Saltevsckij M. V. Sobiranje kriminalisticheskoy informacii tehničeskimi sredstvami na predvaritel'nom sledstvii [The gathering of forensic information by technical means during the preliminary investigation]. Kiev, 1980, 112 p.
10. Ishin A. M. Teoreticheskie aspekty informacionnogo obespečenija organov predvaritel'nogo sledstvija v hode rassledovaniya prestuplenij [Theoretical aspects of information support of the preliminary investigation in the investigation of crimes]. Kaliningrad, 2003, 194 p.
11. Poskov Ja. A. Osnovy informacionnogo obespečenija proizvodstva sledstvennyh i inyh processual'nyh dejstvij. Avtoref. diss. cand. jurid. nauk. [Fundamentals of information support of investigative and other procedures. Cand. jurid. sci. diss. abstract]: Ljubercy, 2009, 13 p.
12. Ovchinskij S. S. Operativno-rozysknaja informacija [The operatively-search Information]. Moscow, 2000, 367 p.

УДК 343.157
ББК 67.410.216
В15

АРТЕМ ТАХИРОВИЧ ВАЛЕЕВ,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
(Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного
университета имени О. Е. Кутафина
E-mail: art35404@gmail.com.

ПЕРЕСМОТР ВСТУПИВШИХ В СИЛУ РЕШЕНИЙ СУДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НЕКОТОРЫЕ ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Реферат: в статье анализируются изменения законодательства России, касающиеся правил пересмотра вступивших в законную силу решений суда, отмечаются некоторые противоречия и неточности в регламентации производства в суде кассационной и надзорной инстанции.

Нормы, ограничивающие участие судьи в повторном рассмотрении дела, не учитывают новый порядок пересмотра судебных решений. В некоторых нормах, посвященных определению порядка обжалования судебных решений, вступивших в законную силу, отсутствуют указания о возможном применении кассационного порядка обжалования.

Рассматривается предмет судебного разбирательства в кассационном и надзорном порядке – законность приговоров, определений или постановлений суда, вступивших в законную силу, анализируется термин «законность судебного решения», сложность его разделения с другими свойствами приговора: обоснованностью и справедливостью. Несправедливый и необоснованный приговор не может быть признан законным.

Формулировка предмета кассационного обжалования требует замены термина «законность приговора» более точным: «правильность применения норм уголовного и норм уголовно-процессуального права».

Рассматривается проблема ухудшения положения осужденного (оправданного) в кассационном или надзорном порядке. В законе отсутствует норма, устанавливающая такую возможность только по инициативе стороны обвинения. Закон необходимо привести в соответствие с принципами судопроизводства с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Анализируется термин «нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения». Поддерживается позиция о его неоднозначности для судебной практики.

Обосновывается необходимость уточнения закона, регламентирующего возможности обжалования отказа в передаче кассационных жалобы (представления) для рассмотрения в судебном заседании в разных звеньях судебной системы. Необходимо уравнивание процедур, касающихся указанных решений судей областных и равных им судов и аналогичных решений судей Верховного Суда РФ, и уточнение возможностей подачи повторной жалобы.

Вопросы процедуры рассмотрения дела в судебном заседании суда кассационной инстанции и надзорной необходимо регламентировать одинаково подробно.

Ключевые слова: кассация в уголовном процессе, пересмотр вступивших в законную силу судебных решений, совершенствование уголовно-процессуального законодательства, свойства приговора, законность приговора, основания отмены приговора, полномочия суда кассационной инстанции.

Вступившие в силу с начала 2013 г. изменения уголовно-процессуального законодательства РФ требуют тщательного научного анализа. В рамках статьи хотелось бы сосредоточиться на имеющихся, по нашему мнению, недочетах и противоречиях в тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ, содержащего значительное количество технических ошибок в правовой регламентации производства в суде кассационной и надзорной инстанции.

УПК РФ, регламентируя недопустимость повторного участия судьи в рассмотрении уголовно-

го дела, устанавливает, что судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, не может участвовать в рассмотрении данного уголовного дела в суде второй инстанции или в порядке надзора, а равно участвовать в новом рассмотрении уголовного дела в суде первой или второй инстанции либо в порядке надзора в случае отмены вынесенных с его участием приговора, а также определения, постановления о прекращении уголовного дела. Судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде второй инстанции, не может участвовать в

рассмотрении этого уголовного дела в суде первой инстанции или в порядке надзора, а равно в новом рассмотрении того же дела в суде второй инстанции после отмены приговора, определения, постановления, вынесенного с его участием. Судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в порядке надзора, не может участвовать в рассмотрении того же уголовного дела в суде первой или второй инстанции (ст. 63 УПК РФ). При этом кассационная инстанция, которая с 1 января 2013 г. не является судом второй инстанции, в статье, регулирующей основания для отвода судьи, вообще не упоминается. Буквальное прочтение данной статьи позволяет сделать вывод о том, что она не распространяется на данную инстанцию, что, безусловно, является ошибкой.

Некорректно содержание и ч. 2 ст. 127 УПК РФ, в соответствии с которой жалобы и представления на судебные решения, вступившие в законную силу, приносятся в порядке, установленном гл. 48.1 (Производство в суде надзорной инстанции) и 49 (Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств) УПК РФ. Отсутствие в данной части указания на гл. 47.1 (Производство в суде кассационной инстанции) вызывает недоумение. Упоминание о кассационном порядке обжалования отсутствует и в некоторых других статьях УПК РФ, например в ст. 444. Данные технические ошибки, вероятно, вызваны тем, что законодатель при внесении существенных изменений в систему обжалования судебных решений по уголовным делам не уделил достаточного внимания анализу норм УПК РФ на предмет их соответствия данным изменениям.

Статья 401.1 и ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ определяют предмет судебного разбирательства в кассационном и надзорном порядке достаточно узко. Это только законность приговоров, определений или постановлений суда, вступивших в законную силу. Сразу после принятия этих норм в юридической литературе возникла дискуссия о значении данного положения. Многие авторы указывали, что, несмотря на отсутствие указаний на обоснованность и справедливость судебного решения, рассматриваемого в кассационной инстанции, эти свойства также являются предметом кассационного и надзорного обжалования. Например, Н. А. Колоколов указывал, что если проанализировать полномочия суда кассационной инстанции, то нетрудно убедиться в том, что в предмет кассации входят также обоснованность и справедливость обжалуемого судебного решения [1]; Л. Т. Ульянова отмечала, что указание закона на право этих судебных инстанций проверять производство по уголовному

делу в полном объеме позволяет утверждать, что в предмет проверки включается не только законность, но и обоснованность решений [2]. Л. А. Воскобитова, напротив, указывала, что эти инстанции, по логике законодателя, не должны будут проверять правильность решения дела по существу, а сосредоточатся на проверке лишь соответствия его букве закона [3, с. 978].

Точку в данном вопросе поставило постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», п. 10 которого разъясняет судам, что при рассмотрении кассационных жалобы, представления суд (судья) кассационной инстанции проверяет только законность судебных решений, то есть правильность применения норм уголовного и уголовно-процессуального права.

С учетом данного ограничения доводы кассационных жалобы, представления, если в них оспаривается правильность установления судом фактических обстоятельств дела (вопросы факта), проверке не подлежат. Вместе с тем, если в кассационных жалобе, представлении содержится указание на допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств (например, обоснование приговора недопустимыми доказательствами), повлиявшие на правильность установления судом фактических обстоятельств дела и приведшие к судебной ошибке, такие доводы не должны быть оставлены без проверки.

Жалобы, представления на несправедливость приговора, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, или по которому судом назначено несправедливое наказание вследствие его чрезмерной мягкости либо чрезмерной суровости, подлежат проверке судом кассационной инстанции в случае, если такое решение суда явилось следствием неправильного применения норм Общей части УК РФ.

На наш взгляд, содержательно законность неотрывно связана с обоснованностью и справедливостью приговора и практически часто разделить эти свойства невозможно.

В соответствии с указанным постановлением Пленума Верховного Суда РФ если кассационные жалоба, представление, наряду с другими, содержат доводы, не относящиеся в силу закона к предмету проверки суда кассационной инстанции, то в этой части суд (судья) оставляет их без проверки, на что указывает в постановлении (определении).

Представляется, что формулировка предмета кассационного обжалования, изложенная в УПК

РФ, не совсем корректна. На наш взгляд, свойство законности приговора не может быть отделено от его справедливости и обоснованности, а выделение таких свойств в УПК РФ носит условный характер. Как гласит ст. 297 УПК РФ, приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона. Прямое логическое толкование данной нормы позволяет говорить о справедливости и обоснованности как об одном из аспектов законности приговора.

Несправедливый и необоснованный приговор не может быть признан законным. В связи с этим мы полагаем, что законодатель в качестве предмета кассационного обжалования должен был определить не «законность» судебного решения, а непосредственно «правильность применения норм уголовного и норм уголовно-процессуального права» при его вынесении.

Нельзя не отметить, что позиция законодателя и Верховного Суда РФ, исключившего вопросы факта из предмета кассационного обжалования, в большей степени соответствует позиции Европейского Суда по правам человека. «Такая конструкция системы проверки и системы оснований отмены и изменения судебных актов приводит российское уголовное судопроизводство к признанию идеи «окончательного» судебного решения по делу и потребует практического воплощения этой идеи» [3, с. 978]. Л. В. Головкин указывает, что по европейской традиции стороны имеют право на две инстанции при рассмотрении дела. После рассмотрения дела судами первой и апелляционной инстанций приговор становится окончательным с точки зрения установления фактических обстоятельств дела. В дальнейшем проверка может касаться только вопросов права, но не пересмотра выводов суда о фактах. Пересмотр вопросов правильности установления судом фактических обстоятельств дела в последующем становится экстраординарной ситуацией и осуществляется только в порядке производства ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств [4, с. 796–798].

Статья 401.6 и ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ определяют возможность поворота к худшему положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено при пересмотре судебного решения в кассационном или надзорном порядке. Такой пересмотр допускается только в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного ре-

шения как акта правосудия. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на следующее. В статьях, регламентирующих возможность поворота к худшему, отсутствует указание на то, что такой поворот возможен только по кассационному или надзорному представлению прокурора или кассационной или надзорной жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их представителей, как это сделано в соответствующей статье, регламентирующей порядок апелляционного производства. Вправе ли суд кассационной или надзорной инстанции принять такое решение по собственной инициативе? Каким образом это соотносится с важнейшими принципами правосудия, ролью судебной власти и принципом состязательности?

Пленум Верховного Суда в очередной раз восполняет пробел, допущенный в Кодексе, и разъясняет, что при пересмотре судебного решения в кассационном порядке суд вправе вынести постановление (определение), влекущее за собой ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, дело в отношении которого прекращено, лишь по тому правовому основанию и по тем доводам, которые указаны в кассационном представлении прокурора, кассационной жалобе потерпевшего, его законного представителя или представителя.

Важный вопрос связан с толкованием такого термина, как «нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения». Законодатель отказался от ранее существовавшего термина «фундаментальные нарушения», который подвергался существенной критике.

Разрешение поворота к худшему в надзорной инстанции при наличии фундаментальных нарушений закона было введено Федеральным законом от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в статьи 404 и 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Наиболее обоснованной и точной нам представляется реакция на введение подобной нормы, которую сформулировал Н. А. Колоколов: «В государстве появилась практика обхода ст. 405 УПК РФ. Ее позитивность у специалистов вызывает большие сомнения, поскольку пока нет необходимой совокупности precedентов для того, чтобы раскрыть, что судам следует понимать под понятием «существенные (фундаментальные) правонарушения». Отсутствие общепризнанной расшифровки данного понятия (фундаментальные нарушения) неизбежно ведет к подмене законности произволом, поскольку в одном субъекте Российской Федерации, оказывается, уже «знают», что такое «фундаментальное нарушение», а в других даже не догадываются» [5]. В связи с этим отказ от понятия «фундаменталь-

ные нарушения», видимо, является обоснованным. Однако следует отметить, что такая формулировка, как «нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения» также неоднозначна. Некоторые авторы справедливо указывают, что правоприменителям будет трудно уразуметь, какие нарушения искажают суть правосудия [2].

Содержание ст. 401.8 УПК РФ, регламентирующей порядок рассмотрения кассационных жалобы, представления судьей соответствующего суда, также вызывает ряд вопросов. В частности, положение, что «председатель Верховного Суда РФ, его заместитель вправе не согласиться с постановлением судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании», говорит только о решениях судей Верховного Суда РФ (ст. 401.8 УПК РФ). Решения судей нижестоящих судов здесь не указаны. Следовательно, поскольку председатели судов субъектов РФ и соответствующих военных судов аналогичным полномочием в отношении судей их судов данной статьей не наделяются, решения судей субъектов и соответствующих военных судов являются окончательными. В связи с этим А. Н. Разинкина отмечает, что согласно названным положениям закона постановление судьи областного и равного ему по компетенции суда об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции является окончательным и не подлежащим дальнейшему обжалованию председателю того же суда или в вышестоящий суд. Ни судья Верховного Суда РФ, ни председатель Верховного Суда РФ, ни его заместитель неправомочны рассматривать жалобы на такие решения. На основании указанного автор приходит к выводу, согласно которому, учитывая, что в соответствии со ст. 401.3 УПК РФ вступившие в законную силу судебные решения могут быть обжалованы в Верховный Суд РФ только в том случае, если они были предметом рассмотрения президиума областного или равного ему по компетенции суда, постановлению судьи суда субъекта Федерации придается большая юридическая сила и значимость (как фактически окончательному решению по уголовному делу), чем постановлению президиума (коллегиального органа) суда того же уровня либо решению судьи Верховного Суда РФ [6].

Полагаем, что данная точка зрения не совсем верна. Вынесение судьей суда субъекта РФ постановления об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции не пре-

пятствует дальнейшему обжалованию решения суда первой или апелляционной инстанции в Верховный Суд РФ. Хотя, безусловно, тот факт, что решения судей Верховного Суда РФ могут быть отменены, а решения судей нижестоящих судов – нет, вызывает недоумение.

Кроме того, содержание данной статьи входит в прямое противоречие с ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ, в соответствии с которой «если кассационные жалоба, представление были переданы на рассмотрение суда кассационной инстанции постановлением Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя, в течение 10 дней с момента принятия решения суд кассационной инстанции направляет копию этого решения Председателю Верховного Суда РФ или его заместителю, который своим постановлением вправе передать кассационные жалобу, представление, если они были оставлены без удовлетворения или удовлетворены частично, для рассмотрения в вышестоящий суд кассационной инстанции либо в Президиум Верховного Суда РФ».

Если полномочие председателя Верховного Суда РФ или его заместителя по отмене постановления об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции распространяется только на судей Верховного Суда РФ, то о каком вышестоящем суде кассационной инстанции говорится в данной части? Такого просто не существует.

Представляется, что законодателем была допущена техническая ошибка. Возможно, первоначально полномочия Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя по отмене постановления об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции планировалось распространить как на судей Верховного Суда РФ, так и на судей нижестоящих судов, но в процессе законотворческого процесса данное положение было изменено. Еще одним возможным вариантом представляется, что полномочиями по отмене решений судей судов субъектов и соответствующих военных судов об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции первоначально планировалось наделять председателей соответствующих судов или их заместителей, как это было до 2013 г. при производстве в суде надзорной инстанции.

Еще одной взаимосвязанной проблемой, которая возникает в случае отказа в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной, является разрешение следующего вопроса: имеет ли право

лицо, в отношении кассационной жалобы которого судьей вынесено постановление об отказе в передаче для рассмотрения в судебном заседании, на подачу повторной жалобы в этот же суд?

Формулировка ст. 401.17 УПК РФ в этой части не может быть названа корректной. В соответствии с ней «не допускается внесение повторных или новых кассационных жалобы, представления по тем же или иным правовым основаниям, теми же или иными лицами в тот же суд кассационной инстанции, если ранее эти жалоба или представление в отношении одного и того же лица рассматривались этим судом в судебном заседании либо были оставлены без удовлетворения постановлением судьи». Что означает формулировка, имеющаяся в данной статье, «были оставлены без удовлетворения постановлением судьи»? Статьи 401.8, 401.10 УПК РФ предусматривают вынесение судьей постановления об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, а не об оставлении жалобы без удовлетворения.

Считаем необходимым отметить, что уголовно-процессуальное законодательство должно иметь значительную степень формализации, в частности, единообразие процессуальной терминологии. Представляется недопустимым в разных статьях УПК РФ называть различными названиями один и тот же процессуальный документ. Безусловно, что в данном случае необходимо говорить о еще одной технической ошибке, допущенной при принятии соответствующих норм.

Регламентация процедуры рассмотрения дела в судебном заседании суда кассационной инстанции сделана более подробно, чем процедуры рассмотрения дела в судебном заседании суда надзорной инстанции. В частности, в отношении суда касса-

ционной инстанции указано, что «председательствующий открывает судебное заседание и выясняет, имеются ли у участников судебного разбирательства отводы и ходатайства. После разрешения отводов и ходатайств уголовное дело докладывается одним из судей, ранее не участвовавших в рассмотрении данного уголовного дела». При описании процедуры рассмотрения дела в судебном заседании суда надзорной инстанции данные положения отсутствуют. Означает ли это, что эти действия не должны осуществляться в судебном заседании в суде надзорной инстанции, то есть председательствующий не обязан открывать судебное заседание и выяснять у участников судебного разбирательства отводы и ходатайства? Думается, что такое толкование неприемлемо, но оно вытекает из текста статьи.

Вызывает некоторое недоумение также тот факт, что в статье, посвященной порядку рассмотрения дела в судебном заседании суда надзорной инстанции, указание на председательствующего и его функции сделано лишь применительно к полномочию председательствующего рассматривать замечания по содержанию протокола, принесенные сторонами.

Таким образом, можно резюмировать, что существующие институты кассационного и надзорного пересмотра судебных решений имеют ряд юридико-технических и логических ошибок, в том числе во взаимосвязи между собой и некоторыми важнейшими общими положениями уголовно-процессуального права. При этом разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не могут разрешить все противоречия, связанные с текстом закона. Необходимо внесение ряда технических, но, тем не менее, важных изменений в отдельные нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Список литературы

1. Колоколов Н. А. Уплотнение нынче в моде. Комментарий к изменениям, внесенным в уголовно-процессуальное законодательство РФ // Юрид. газ. 2011. № 7.
2. Ульянова Л. Т. Новеллы УПК РФ // Законодательство. 2012. № 6.
3. Воскобитова Л. А. Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // Lex Russica. 2012. № 5. С. 978.
4. Головкин Л. Формы проверки судебных решений в связи с изменениями в УПК РФ // Lex Russica. 2011. № 4. С. 796–798.
5. Колоколов Н. А. Демократия сроком в пять лет. URL: <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=128>.
6. Разинкина А. Н. Проблемы правовой регламентации процедур пересмотра судебных актов в апелляционном и кассационном порядке // Законность. 2013. № 9.

ARTEM TAHIROVICH VALEEV,
candidate of Law, associate professor,
head of the criminal procedural law and criminalistics sub-department,
The Northwest institute (branch) of Moscow State University
of O. E. Kutafin (MGYuA)
E-mail: art35404@gmail.com.

**REVIEW OF EFFECTIVE COURT DECISIONS IN CRIMINAL
PROCEEDINGS: SOME LEGAL AND TECHNICAL ASPECTS**

Annotation: the article analyzes the changes in the Russian legislation, concerning the rules of review of court decisions which have entered into legal force, some contradictions and inaccuracies in jurisprudence regulations of cassation and supervisory instances:

1. The rules that limit the participation of a judge in retrial, do not take into account the new order of the court decisions review. There is no indication of possible use of cassation appeal in some rules determining the order of appeal against court decisions which came into force.

2. The article studies the judicial matter in cassation and supervisory procedures – the legality of courts' verdicts, rulings and orders, came into force. The term 'legality of judgment is analyzed, the difficultness of its distinguishing from other properties of sentence such as reasonableness and equity is showed. An unfair and unreasonable verdict cannot be considered legitimate. The wording of the cassation subject requires replacement of the term «legality» of verdict with the more precise: the correct application of rules and norms of criminal law and criminal procedure.

3. The problem of aggravation of the position of a convicted (acquitted) person in cassation or supervision order. There is no relevant rule of law that establishes this possibility basing exclusively on the prosecutor's initiative. The law needs to be brought in line with the principles of justice taking into account the explanations of the Plenum of the Supreme Court of Russia.

4. The term «violation of law, distorting the essentials of justice and the sense of judgment» is analyzed. The idea of its ambiguity in court practice is supported.

5. The necessity to amend the regulations on appeal against the refusal to transfer the cassation petition (representation) for hearing in different instances of the court system is grounded. The equalization of the procedures relating to the mentioned above decisions of regional and equal courts and of similar decisions of the Supreme Court judges is needed. As well as the clarification of the possibility of filing a repeated appeal. 6. The hearing procedures of cassation and supervisory instances should be regulated equally in detail.

Key words: cassation in criminal proceedings, review of court decisions entered into legal force, the improvement of the criminal procedure law, properties of sentence, the legality of the sentence, grounds for cancellation of the sentence, powers of cassation authority.

References

1. Kolokolov N. A. Uplotnenie nynche v mode. Kommentarij k izmeneniyam, vnesennym v ugovolno-protsessual'noe zakonodatel'stvo RF [Sealing is popularly now. Commentary on the changes of Russian criminal procedure law]. Yuridicheskaya gazeta – Legal newspaper, 2011, no. 7.

2. Ul'yanova L.T. Novelly UPK RF [Novels of the criminal procedure code of Russian Federation]. Zakonodatel'stvo – Legislation, 2012, no. 6.

3. Voskobitova L. A. Osnovaniya otmeny ili izmeneniya prigovora v apellyatsionnoj instantsii [Grounds for cancellation or change of sentence on appeal instance]. Russkij zakon – Lex Russica, 2012, no. 5, p. 978.

4. Golovko L. Formy proverki sudebnykh reshenij v svyazi s izmeneniyami v UPK RF [Forms validation judicial decisions in connection with changes in the Criminal procedure code of Russian Federation]. Russkij zakon – Lex Russica, 2011, no. 4, p. 798.

5. Kolokolov N. A. Demokratiya srokom v pyat' let [Democracy for a period of five years]. Available at: <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=128>.

6. Razinkina A. N. Problemy pravovoj reglamentatsii protsedur peresmotra sudebnykh aktov v apellyatsionnom i kassatsionnom poryadke [Problems of legal regulation procedure for review court's decisions (appeal and cassation order)]. Zakonnost' – Legality, 2013, no. 9.

УДК 343.13
ББК 67.410.212
ЛЗ8

СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ЛЕГОСТАЕВ,
кандидат юридических наук,
прокурор Рязанской области
(Прокуратура Рязанской области)
E-mail: editor62@yandex.ru.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ АСПЕКТ

Реферат: в статье рассматриваются проблемы межведомственного взаимодействия по вопросу предупреждения рецидивной преступности.

Проведенные в текущем году в исправительных колониях и следственных изоляторах прокурорские проверки показали, что совершение преступлений стало возможным в том числе из-за ненадлежащего исполнения законодательства об оперативно-розыскной деятельности, недостаточного взаимодействия оперативных, режимных и воспитательных подразделений уголовно-исполнительной системы. По фактам дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, уголовные дела были возбуждены в 36 субъектах Российской Федерации.

Несмотря на принятые меры, по-прежнему остается нерешенной проблема проникновения наркотиков в исправительные колонии и следственные изоляторы, куда они доставляются путем перебрасывания через ограждения, сокрытия в продуктовых и вещевых передачах и даже через сотрудников учреждений, после чего распространяются в среде осужденных.

Сложность и динамика оперативной обстановки требуют кардинальных изменений в организации взаимодействия оперативных служб органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы по предупреждению рецидивной преступности. Серьезной проблемой является снижение эффективности такого взаимодействия. Причиной тому послужила несогласованность нормативно-правовой базы, призванной обеспечить организацию и осуществление данного вида взаимодействия между двумя системами. В имеющемся состоянии она не позволяет выстроить организационные, управленческие, экономические и иные схемы взаимодействия указанных органов в новых условиях.

В настоящее время возникает необходимость коренных изменений в правовом регулировании взаимодействия оперативных аппаратов органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы. Существующие проблемы могут быть решены путем подготовки и издания совместного правового акта, регулирующего оперативно-розыскную деятельность, а также расширения функций оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний в вопросах оперативно-розыскной профилактики рецидивной преступности.

Ключевые слова: предупреждение преступности, рецидив, взаимодействие, правовое регулирование, оперативно-розыскная деятельность, оперативные подразделения.

Современное состояние преступности в России в целом нестабильно. Несмотря на то что в 54 субъектах в январе–августе 2014 г. наблюдалось некоторое снижение числа зарегистрированных преступлений, общероссийская статистика пока не дает повода для оптимистического взгляда на проблему. Не достигнуто серьезных положительных результатов в вопросах предупреждения рецидивной преступности. В указанном периоде остались нераскрытыми почти 585 тыс. преступлений. Из них тяжких и особо тяжких – 25,2 %.

Анализ статистических данных и результаты прокурорских проверок свидетельствуют об отсутствии кардинального изменения оперативной обстановки и в сфере борьбы с преступностью в учреждениях и органах УИС. Так, при снижении численности контингента в целом по России на 1,6 %

уровень преступности в среде осужденных и подследственных снизился незначительно (с 406 до 386 преступлений).

В местах лишения свободы продолжают совершаться убийства, причиняться телесные повреждения различной степени тяжести, кражи и другие преступления.

За 6 месяцев 2014 г. в учреждениях УИС зарегистрировано 10 преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ (АППГ – 6), 17 (24) – ст. 111 УК РФ, 9 (10) – ст. 112 УК РФ, 7(9) – ст. 158 УК РФ. Только в 18 субъектах Российской Федерации в первом полугодии 2014 г. в учреждениях УИС не совершено ни одного преступления.

Проведенные в текущем году в исправительных колониях и следственных изоляторах проверки показали, что совершение преступлений стало

возможным в том числе из-за ненадлежащего исполнения законодательства об оперативно-розыскной деятельности (ОРД), недостаточного взаимодействия оперативных, режимных и воспитательных подразделений УИС. По фактам дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, уголовные дела по ст. 321 УК РФ были возбуждены в 36 субъектах Российской Федерации.

Несмотря на принятые меры, по-прежнему остается нерешенной проблема проникновения наркотиков в колонии и следственные изоляторы, куда они доставляются путем перебрасывания через ограждения, сокрытия в продуктовых и вещевых передачах и даже через сотрудников учреждений, после чего распространяются в среде осужденных.

Сложность и динамика оперативной обстановки требуют кардинальных изменений в организации взаимодействия оперативных служб органов внутренних дел и УИС по предупреждению рецидивной преступности. Об этом свидетельствуют и проанализированные экспертные заключения, научные и другие публикации ученых и научно-исследовательских структур МВД России и ФСИН России.

Серьезной проблемой является снижение эффективности такого взаимодействия. Причиной тому послужила прежде всего несогласованность нормативно-правовой базы, призванной обеспечить организацию и осуществление данного вида взаимодействия между двумя системами. В имеющемся состоянии она не позволяет выстроить организационные, управленческие, экономические и иные схемы взаимодействия указанных органов в новых условиях [1, с. 55–58].

Действующие ведомственные правовые акты, относящиеся к деятельности специально уполномоченных на то органов [2], регламентирующие такое взаимодействие, определяют лишь его порядок, а не содержание. Оперативные аппараты органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы осуществляют свою деятельность, руководствуясь приказами, указаниями своих ведомств, которые часто не согласованы между собой. В условиях реформирования МВД России и ФСИН России необходимо взаимосогласованное нормативное правовое обеспечение оперативно-розыскной профилактики рецидивной преступно-

сти. Оно позволит выработать пути решения существующих проблем взаимодействия и соответственно повысить его эффективность.

Для того чтобы совместная деятельность оперативных подразделений УМВД России и УФСИН России по регионам по предупреждению рецидива преступлений была направлена на достижение единой цели, на наш взгляд, необходимы и единые критерии оценки результатов взаимодействия. Нужно согласиться с мнением ведущих ученых, разрабатывающих данную проблему, о том, что уклонение от взаимодействия может принять ободный и активный характер, причинами которого являются отсутствие критериев оценки полученных результатов, слабые стимулы к этой работе, неподготовленность к ее проведению и другие причины [3, с. 52].

Анализ, например, критериев оценки деятельности подразделений УФСИН России показывает, что работа по взаимодействию с ОВД по раскрытию преступлений (в том числе повторных) учитывается по следующим направлениям: раскрыто по заданиям, направлено сообщений в ОВД, раскрыто по сообщениям. В то же время нет такого важного критерия деятельности, как «раскрыто совместно с органами внутренних дел». Полагаем, что введение в оценку работы этого критерия не только повысит эффективность деятельности самих оперативных аппаратов УИС, но и самым положительным образом повлияет на решение проблемы взаимодействия.

Статья 84 УИК РФ среди задач оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях формулирует лишь содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершаемых осужденными до прибытия в исправительное учреждение. Как свидетельствуют статистические данные, оперативными аппаратами исправительных учреждений ежегодно пресекается и предотвращается около 100 тыс. преступлений, замышляемых осужденными. Думается, что в условиях нестабильной криминогенной обстановки, роста уровня рецидивной преступности и преступности в УИС оперативным аппаратам учреждений нужно также активно участвовать и в решении общерегиональных проблем предупреждения преступности, главным образом рецидивной.

Список литературы

1. Иванов А. А. Вопросы организации взаимодействия оперативных аппаратов УИС и ОВД // Проблемы ОВД и безопасности в УИС : сб. ст. М., 2007. С. 55–58.
2. Артемьев Н. С. Правовые основы профилактической деятельности оперативных аппаратов ИУ. Пенитенциарная профилактика. Рязань, 2009. 208 с.
3. Аксенов А. А. Организация взаимодействия в системе исправительно-трудовых учреждений. Рязань, 1979.

SERGEY VALENTINOVICH LEGOSTAYEV,

PhD in law (Kandidat Nauk), prosecutor of the Ryazan region

(Prosecutor's office of the Ryazan region)

E-mail: editor62@yandex.ru.

PROBLEMS OF THE PREVENTION OF RECURRENT CRIME: OPERATIONAL SEARCH ASPECT

Annotation: in article problems of interdepartmental interaction concerning the prevention of recurrent crime are considered.

The public prosecutor's checks which are carried out in the current year in corrective labor colonies and pre-trial detention centers showed that commission of crimes became possible, including, because of inadequate performance of the legislation on operational search activity, insufficient interaction of operational, regime and educational divisions of criminal and executive system. On the facts of disorganization of activity of the establishments providing isolation from society, criminal cases were brought in 36 subjects of the Russian Federation.

Despite the taken measures, still there is unresolved a problem of penetration of drugs into corrective labor colonies and pre-trial detention centers where they are delivered by throwing through protections, concealment in grocery and ware transfers and even through the staff of institutions then extend in the environment of the condemned.

Complexity and dynamics of an operational situation demand cardinal changes in the organization of interaction of field services of law-enforcement bodies and criminal and executive system according to the prevention of recurrent crime. A serious problem is decreasing in efficiency of such interaction. The reason for that was inconsistency of the standard and legal base urged to provide the organization and implementation of this type of interaction between two systems. In the state which is available today it does not allow to build organizational, administrative, economic, and other schemes of interaction of the specified bodies in new conditions.

Now there is a need of basic changes for legal regulation of interaction of operational offices of law-enforcement bodies and criminal and executive system. The existing problems can be solved by preparation and the publication of the joint right act regulating operational search activity, and also expansions of functions of operational divisions of Federal Penitentiary Service in questions of operational search prevention of recurrent crime.

Key words: prevention of crime; recurrence; interaction; legal regulation; operational search activity; operational divisions.

References

1. Ivanov A. A. Voprosy organizacii vzaimodejstvija operativnyh apparatov UIS i OVD [Questions of the organization of interaction of operational offices of criminal and executive system and law-enforcement bodies]. Problemy OVD i bezopasnosti v UIS [Problems of law-enforcement bodies and safety in criminal and executive system]. Moscow, 2007, p. 55–58.

2. Artem'ev N. S. Pravovye osnovy profilakticheskoj dejatel'nosti operativnyh apparatov IU. Penitencijnaja profilaktika. [Legal bases of preventive activity of operational offices of correctional facilities. Penitentiary prevention]. Rjazan, 2009.

3. Aksenov A. A. Organizacija vzaimodejstvija v sisteme ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenij [Organization of interaction in system of correctional institutions]. Rjazan, 1979.

УДК 343.156
ББК 67.410.215
Л96

АНТОН МЕЧИСЛАВОВИЧ ЛЮТЫНСКИЙ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного
университета имени О. Е. Кутафина
E-mail: anton040677@gmail.com.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Реферат: новый порядок российской апелляции обеспечивает более надежные гарантии правильности итоговых судебных решений. Суд апелляционной инстанции обязан на основе своего убеждения самостоятельно исправить все ошибки или недостатки обжалованного судебного акта, постановив в итоге новое судебное решение. Важная особенность – то, что институт апелляции в современном российском уголовном процессе не является апелляцией в ее классическом понимании, так как суд апелляционной инстанции может при определенных условиях ограничиться исследованием лишь письменных материалов дела. При этом суд не связан доводами апелляционной жалобы (представления). Порядок апелляционного производства в России является смешанным.

Среди отмечаемых в научных публикациях проблем регулирования апелляционного производства могут быть выделены следующие.

1. Определение субъекта апелляционного обжалования. Перечень лиц, указанных в законе, является открытым, что может породить противоречия в судебной практике.

2. Участие государственного обвинителя и (или) прокурора. Указано на неясность нормы (альтернативы «и (или)») и проблему ее применения на практике. Формулировка в этой части требует уточнения.

3. Обоснование приемлемости назначения судом защитника в случае отказа подсудимого от защитника и рассмотрения уголовного дела без участия осужденного (оправданного). Поддержана идея об обязательном участии в заседании суда апелляционной инстанции осужденного (оправданного), положение которого может быть ухудшено.

4. Соотношение звена судебной системы и апелляционной инстанции. Законодатель для одних решений предусмотрел девальютивный порядок проверки (пересмотр судом вышестоящей инстанции), а для других – недевальютивный, при котором пересмотр решений производится судьями того же суда, что может снизить гарантии независимости судей апелляционной инстанции.

5. Регулирование пересмотра промежуточных судебных решений из-за некорректного определения апелляционной инстанции и предмета апелляционного рассмотрения. Процедура рассмотрения апелляционной жалобы не подходит к пересмотру промежуточных решений.

Ключевые слова: апелляция в уголовном процессе, участники апелляционного разбирательства, новый порядок апелляции, итоговые судебные решения, современный российский уголовный процесс, субъект апелляционного обжалования, апелляционная инстанция, девальютивный и недевальютивный порядок проверки, промежуточные судебные решения.

С 1 января 2013 г. вступили в силу изменения уголовно-процессуального законодательства РФ, распространяющие апелляционный порядок пересмотра судебных решений на все судебные решения, а не только на решения мировых судей.

В качестве несомненного достоинства «новой» апелляции исследователями указывается на то, что этот порядок судебной проверки обеспечивает более надежные гарантии правильности (истинности) итоговых судебных решений, которые обеспечиваются тем, что пересмотр уголовного дела и приговора в данном процессуальном порядке осуществляется а priori более опытным и компетентным (вышестоя-

щим) судом, что уже само по себе является достаточной процессуальной гарантией постановки именно правосудного итогового решения по делу; проверка законности, обоснованности и справедливости обжалованных судебных решений осуществляется данным судом не по близким материалам уголовного дела, а непосредственно и по существу. Кроме того, суд апелляционной инстанции обязан на основе своего убеждения самостоятельно исправить все ошибки или недостатки обжалованного судебного акта, постановив в итоге новое судебное решение, совершенно заменяющее собой обжалованное сторонами и являющееся предметом судебной проверки решение суда первой инстанции.

В научной литературе отмечают наличие множества различных проблем как общего, так и частного характера пересмотра судебных решений суда первой инстанции с их анализом [1, с. 85]. Не пытаясь охватить все аспекты и проблемные вопросы нового института, мы хотели бы проанализировать некоторые, на наш взгляд, важные аспекты апелляционного пересмотра решений по уголовным делам.

Засуживает внимания проблема субъекта апелляционного обжалования. В соответствии со ст. 389.1 УПК РФ право апелляционного обжалования судебного решения принадлежит осужденному, оправданному, их защитникам и законным представителям, государственному обвинителю и (или) вышестоящему прокурору, потерпевшему, частному обвинителю, их законным представителям и представителям, иным лицам в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы. Гражданский истец, гражданский ответчик или их законные представители и представители вправе обжаловать судебное решение в части, касающейся гражданского иска. В указанной статье имеется формулировка «иные лица в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы». Как отмечает Н. А. Колоколов, это означает, что правом подачи апелляционной жалобы наделены фактически все лица, чьи права и законные интересы нарушает обжалуемое судебное решение, что позволяет полностью реализовать принцип свободы обжалования [2].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» устанавливает более дифференцированный перечень участников уголовного процесса, обладающих правом апелляционного обжалования, относя к ним подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, лицо, уголовное дело в отношении которого прекращено, лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера, лицо, в отношении которого принято решение о выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора (п. 2 постановления).

К дискуссионным вопросам апелляции относится проблема соотношения звена судебной системы и апелляционной инстанции. Инстанциями рассмотрения апелляционных жалоб и представлений являются, например: на приговор или иное решение мирового судьи – районный суд; на промежуточное решение верховного суда республики,

краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда – судебная коллегия по уголовным делам соответствующего суда. Как видно из данного перечня, законодатель для одних решений предусмотрел деволютивный порядок проверки (пересмотр судом вышестоящей инстанции), а для других недеволютивный, при котором пересмотр решений производится судьями того же суда.

Нельзя не отметить, что ситуация, когда судьи равного уровня, одного и того же органа судебной власти (судебного учреждения) проверяют результаты работы друг друга, может явиться основой для необъективного отношения и даже взаимного покровительства.

Согласно другой точке зрения применительно к проверке промежуточных решений районного (городского) суда законодатель был также обязан установить недеволютивный порядок проверки. Например, В. А. Лазарева отмечает, что в определении апелляционных инстанций для рассмотрения жалоб на промежуточные судебные решения прослеживается определенная алогичность. Жалобы и представление не только на приговор, но и на иное решение районного суда подаются в судебную коллегию по уголовным делам суда субъекта Федерации, то есть в тот орган, который является апелляционной инстанцией для промежуточных решений областного суда. В. А. Лазарева и ряд других авторов предполагают, что, возможно, было бы логичнее в качестве апелляционной инстанции для промежуточных решений районного суда предусмотреть коллегию из трех судей того же звена судебной системы [3, с. 16–17].

Преимуществами такого порядка проверки, по их мнению, являются: во-первых, существенное сокращение сроков пересылки апелляционных отзывов в суд, правомочный к их рассмотрению; такой порядок проверки позволит освободить суды субъектов Российской Федерации от перегрузки судебно-контрольными материалами, которые надо рассмотреть в кратчайшие сроки; и то и другое, как утверждается, позволит более эффективно обеспечить право заинтересованных лиц на судебную защиту нарушенных интересов и прав.

Позволим себе возразить против этой идеи, несмотря на указанные положительные аргументы. Данное предложение является трудно выполнимым в организационном плане, поскольку значительная часть районных судов РФ просто не имеет в своем составе достаточное количество судей для рассмотрения таких жалоб.

Статья 389.12 УПК РФ устанавливает обязательное участие в судебном заседании государст-

венного обвинителя и (или) прокурора, за исключением уголовных дел частного обвинения (кроме случаев, когда уголовное дело было возбуждено следователем или дознавателем с согласия прокурора).

Из текста нормы не совсем ясно, какой практический смысл в этой альтернативе «и (или)» и как ее применять на практике? Чье участие в апелляционной процедуре обязательно? Полагаем, что формулировка данной статьи УПК РФ в этой части требует уточнения. Это уточнение связано с правильным наименованием представителя прокуратуры в апелляционном производстве. Можно поддержать точку зрения А. Н. Разинкиной, согласно которой если апелляционное производство связано с разрешением вопросов, в частности, об экстрадиции, исполнении приговора, при рассмотрении материалов в порядке досудебного производства (то есть при пересмотре промежуточных решений) в этих случаях участвующий в суде второй инстанции сотрудник прокуратуры может именоваться прокурором. Если суд апелляционной инстанции рассматривает уголовное дело, которое судом первой инстанции было разрешено по существу (когда пересмотру подлежит итоговое судебное решение), тогда участвует государственный обвинитель, так как в этом случае суд вправе исследовать новые доказательства, выносить новое решение, в том числе новый обвинительный приговор [4].

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 389.12 УПК РФ участие защитника в судебном заседании суда апелляционной инстанции обязательно в случаях, указанных в ч. 1 ст. 51 УПК РФ. В ряде случаев для выполнения этого требования суд назначает защитника и принимает меры по обеспечению его участия в суде. Подсудимый может заявить нежелание пользоваться услугами защитника и отказаться от него. При обсуждении отказа от помощи защитника суды апелляционной инстанции должны иметь в виду, что в соответствии со ст. 52 УПК РФ такой отказ не обязателен для суда и не может быть принят, если он является вынужденным.

Участие осужденного (оправданного) в разбирательстве суда апелляционной инстанции не всегда является обязательным. Позиция российского законодателя по вопросу об участии осужденного (оправданного) в рассмотрении дела в апелляционной инстанции не противоречит международным стандартам. Так, Европейский суд по правам человека в своих решениях неоднократно отмечал, что хотя личное участие и рассматривается как элемент понятия справедливого судебного разбирательства, однако даже если суд вправе полностью пересмотреть дело с точки зрения фактов и

права, из ст. 6 Европейской конвенции по правам человека не всегда вытекает право на личное участие обвиняемого. Из этого следует, что право на личную защиту своих прав, закрепленное ч. 3 ст. 6 Конвенции Европейский суд по правам человека признает соблюденным при наличии законодательно установленных процессуальных механизмов, обеспечивающих в случае необходимости участие стороны в суде второй инстанции [5].

Вместе с тем в деле «Синичкин против России» ЕСПЧ указывает: «...что касается права на участие в заседании суда второй инстанции, то непредставление заявителем ходатайства об участии не составляет ясного и недвусмысленного отказа от этого права» [6]. Таким образом, согласно позиции ЕСПЧ суд второй инстанции должен выяснить, хочет подсудимый участвовать в судебном заседании при пересмотре своего дела или нет. В связи с этим А. Н. Разинкина верно указывает, что в тех случаях, когда в представлении государственного обвинителя (прокурора) или жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей поставлен вопрос о пересмотре приговора, определения, постановления суда первой инстанции по основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело (уголовное преследование) прекращено, апелляционное разбирательство без подсудимого состояться не может. Разумеется, подсудимый вправе выразить отказ от участия в судебном разбирательстве, но ему должны быть разъяснены последствия такого отказа [4]. Идею о том, что право апелляционного суда самостоятельно вынести решение, ухудшающее положение обвиняемого, является достаточным поводом, чтобы признать участие обвиняемого при рассмотрении дела в стадии апелляции обязательным, поддерживают и некоторые другие исследователи [7, с. 79–87].

Следующей проблемой можно назвать то, что УПК РФ недостаточно учитывает пересмотр промежуточных решений. Об этом можно сделать вывод исходя из следующего:

– во-первых, законодательное определение апелляционной инстанции некорректно. Законодательное определение апелляционной инстанции дано в п. 2. ст. 5 УПК РФ, согласно которому апелляционная инстанция – это суд, рассматривающий в апелляционном порядке уголовные дела по жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления суда. В развитие данного определения ст. 389.2 УПК РФ указывает, что апелляционному обжалованию подлежат решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу. Вместе с

тем данное определение в полной мере можно отнести только к итоговым судебным решениям. Промежуточные судебные решения вступают в законную силу по общему правилу немедленно после вынесения, и их законодатель не упоминает. В связи с этим постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» корректирует и расширяет законодательное определение, указывая, что в апелляционном порядке могут быть обжалованы не вступившие в законную силу итоговые судебные решения, а также промежуточные решения суда;

– во-вторых, в соответствии с УПК РФ если по уголовному делу состоялось итоговое судебное решение, то промежуточные судебные решения самостоятельному обжалованию в апелляционном порядке не подлежат. УПК РФ не учитывает, что некоторые промежуточные решения могут быть обжалованы независимо от итогового судебного решения. Этот пробел также восполняет названное постановление Пленума Верховного Суда РФ, которое указывает, что такие решения, как решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, о продлении срока действия этой меры пресечения, о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы, а также решения, не связанные с разрешением дела (например, о наложении денежного взыскания за неявку в суд или нарушение порядка в судебном заседании), могут быть обжалованы независимо от итогового судебного решения;

– в-третьих, сама процедура рассмотрения апелляционной жалобы, представления не подходит к пересмотру промежуточных решений. В частности, как правильно указывает В. А. Лазарева, сроки рассмотрения жалобы, представления в суде апелляционной инстанции слишком длительны для пересмотра промежуточных решений. Учитывая, что в эти сроки апелляционный суд должен не рассмотреть, а лишь приступить к рассмотрению жалобы, апелляционного решения по некоторым вопросам в разумные сроки (то есть до принятия окончательного решения) можно и не дожидаться. Исключение сделано лишь для постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом: суд апелляционной инстанции принимает решение (а не приступает к рассмотрению) по жалобе или представлению не позднее чем через три суток со дня их поступления [3, с. 17].

Как верно отмечает А. Разинкина, процедура производства в суде апелляционной инстанции

ориентирована исключительно на пересмотр итоговых решений по уголовному делу: «законодатель обошел своим вниманием регламентацию процедуры апелляционного пересмотра промежуточных судебных решений. Это обстоятельство, кстати, привело на практике к таким ситуациям, когда при решении вопроса, в частности, о мере пресечения суд «переходит» к прениям сторон, а лицу, в отношении которого еще ведется расследование уголовного дела, предлагают выступить с «последним словом» [4].

Важной особенностью является то обстоятельство, что, по нашему мнению, институт апелляции в современном российском уголовном процессе сущностно не является апелляцией в ее традиционном, классическом понимании. Как правильно отмечают ученые, полномочие суда повторно исследовать доказательства, положенные в основу приговора, то есть повторно провести судебное следствие с соблюдением принципа непосредственности в исследовании доказательств, является важнейшим элементом судебного разбирательства в апелляционной инстанции [8, с. 64–65].

Таким образом, пересмотр осуществляется не только на основе письменных материалов дела, но и непосредственно, путем допроса свидетелей, исследования вещественных доказательств, проведения судебной экспертизы. Именно это право дает основание говорить о пересмотре решения суда первой инстанции, а не просто о проверке его по письменным материалам, имеющимся в деле.

Вместе с тем право суда с согласия сторон рассмотреть апелляционную жалобу (представление) без проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции, а также норма, согласно которой свидетели, допрошенные в суде первой инстанции, допрашиваются в суде апелляционной инстанции, если суд признает их вызов необходимым, позволяют суду принимать решение на основе доказательств, исследованных в суде первой инстанции, то есть фактически выполнять кассационную функцию.

При рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке суд не связан доводами апелляционных жалобы, представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме.

Суд вне зависимости от доводов жалобы или представления проверяет, имеются ли предусмотренные основания отмены или изменения судебного решения, не влекущие за собой ухудшение положения осужденного (оправданного). Установив наличие таких оснований, суд апелляционной инстанции отменяет или изменяет судебное решение в отношении всех осужденных, которых касаются допущенные нарушения, независимо от того, кто

из них подал жалобу и в отношении кого принесены апелляционные жалоба или представление. Данное положение также отличает российскую модель апелляции от классической континентальной модели апелляции.

Для классической континентальной модели апелляции, в основу которой положен принцип диспозитивности, характерно установление пределов пересмотра судебного решения рамками требований, изложенных в жалобе согласно принципу *tantum devolutum quantum appellatum* (насколько лицо апеллирует, настолько дело идет выше) [9, с. 34]. УПК РФ отошел от этого порядка, предоставив суду максимально широкие полномочия, не ограничивая его поводами, указанными в жалобе или представлении.

В советской, а в последующем и в российской процессуальной традиции преобладала точка зрения, согласно которой если бы суд мог рассматривать только те нарушения, на которые указывает жалобщик, ему пришлось бы оставлять без внимания те имеющиеся нарушения, на которые жалобщик почему-то не указал, и, следовательно, оставлять в силе незаконные и необоснованные приговоры только потому, что жалобщик не сумел обосновать свою жалобу, не смог указать допущенные при рассмотрении и разрешении дела нарушения [10]. Представляется, что данная точка

зрения вполне разумна. В связи с этим мы согласны, что такой смешанный тип апелляционного производства более эффективен, когда в соответствии с принципом состязательности возбуждение процесса пересмотра обусловлено инициативой сторон, а процесс и результаты пересмотра сохраняют признаки ревизионности [8, с. 66–67].

Все это позволяет сделать вывод о том, что порядок производства в апелляционной инстанции в Российской Федерации является смешанным: кассационно-апелляционным, а не традиционным апелляционным производством.

Таким образом, можно резюмировать, что в правовом регулировании института апелляции имеется ряд неточностей и противоречий, касающихся участия отдельных субъектов уголовного судопроизводства. Кроме того, дискуссионной является проблема незаинтересованности судей при проведении некоторых видов апелляционных процедур в рамках одного судебного органа. Эти вопросы заслуживают дальнейшего исследования и внимания законодателей. С теоретической точки зрения важно понимать, что существенные аспекты отличают российскую апелляцию от классической модели пересмотра судебного решения, не вступившего в законную силу.

Список литературы

1. Бобракова И. С., Ковтун Н. Н. Апелляция в уголовном процессе: осознанная необходимость или взлелеянный миф. URL: <http://www.iauaj.net/node/532>.
2. Колоколов Н. А. Уплотнение нынче в моде. Комментарий к изменениям, внесенным в уголовно-процессуальное законодательство РФ // Юрид. газ. 2011. № 7.
3. Лазарева В. А. Плохой хороший закон // Юрид. газ. 2011. № 10. С. 16–17.
4. Разинкина А. Н. Проблемы правовой регламентации процедур пересмотра судебных актов в апелляционном и кассационном порядке // Законность. 2013. № 9.
5. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Ваньян (Vanyan) против России (жалоба № 53203/99, Страсбург, 15.12.2005). URL: <http://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2005/877.html>.
6. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Синичкин (Sinichkin) против России (жалоба № 20508/03, Страсбург, 08.04.2010). URL: <http://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2010/510.html>.
7. Ивасенко К. В. Свобода обжалования судебных решений как принцип уголовного процесса // Законодательство. 2012. № 7. С. 79–87.
8. Ивасенко К. В. Апелляция в российском уголовном судопроизводстве: законодательные новеллы // Законодательство. 2011. № 10. С. 64–67.
9. Строгович М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М., 1956. 319 с.
10. Николаев В. С. Задачи кассационного производства и ревизионный порядок пересмотра дел в советском уголовном процессе. М., 1961. 51 с.

ANTON MECHISLAVOVICH LJUTYNSKIJ,
PhD in law (Kadidat Nauk), associate professor,
associate professor of the criminal procedure and criminalistics department,
the Northwest institute (branch) of Moscow State University named after O. E. Kutafin (MGYuA)
E-mail: anton040677@gmail.com.

PROBLEMS OF APPEAL PROCEEDING IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LAW

Annotation: the new order of appeal in Russia provides more solid guarantees of correctness of final court decisions. On the basis of its own beliefs the appeals court is to correct any errors or deficiencies found in the act being appealed and as a result to render a new court decision. It's an important feature that the appeal institution existing in the contemporary Russian criminal trial is not an appeal in its classic sense, because the appeals courts may, under certain conditions, confine only to reviewing the written case materials. The court is not bound with the arguments of the appeal petition (representation). The order of the appeal procedure in Russia is mixed. Among the regulatory issues of the appeal proceedings mentioned in various scientific publications we can name the following:

1. The problem of determining the subject of appeal. List of persons specified by the law is open that can cause inconsistencies in judicial practice.
2. The problem of participation of public prosecutor and (or) procurator. The ambiguity of the rule and the problem of its implementation in practice are indicated. The wording in this part requires clarification.
3. The eligibility of appointment the defenders by court in case of the defendant's waiver counsel and the criminal case being reviewed without the participation of the convicted (acquitted) person is substantiated. The idea of mandatory participation of the convicted (acquitted) person whose position may be aggravated during the appeal court session is supported.
4. The problem of co-relation between the judicial system level and the appeals instance. The legislator has provided devolutional reviewing procedures for some type of decisions (review by a higher court), and non devolutional ones for other types (review by the judges of the same court), which may affect the independence of the judges of the appeals instance.
5. The regulatory problem of the interlocutory judgments reviews due to incorrect determination of the appellate court and the subject of appellate review. The procedure of appeal hearing is not appropriate for reviewing the interlocutory court decisions.

Keywords: appeal in the Russian criminal proceedings; participants of appeal proceeding; new order of appeal; final court decisions; contemporary Russian criminal trial; subject of appeal; appeals instance; devolutional and non devolutional reviewing procedures; interlocutory court decisions.

References

1. Bobrakova I. S., Kovtun N. N. Apellyatsiya v ugovnom protsesse: ooznannaya neobkhodimost' ili vzlelyannyj mif [Appeal in the criminal procedure: deliberated need or cherished myth]. Available at: <http://www.iuaj.net/node/532>.
2. Kolokolov N. A. Uplotnenie nynche v mode. Kommentarij k izmeneniyam, vnesennym v ugovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo RF [Sealing is popularly now. Commentary on the changes of Russian criminal procedure law]. Yuridicheskaya gazeta – Legal newspaper, 2011, no. 7.
3. Lazareva V. A. Plokhij khoroshij zakon [Bad good law]. Yuridicheskaya gazeta – Legal newspaper, 2011, no. 10, pp. 16–17.
4. Razinkina A. N. Problemy pravovoj reglamentatsii protsedur peresmotra sudebnykh aktov v apellyatsionnom i kassatsionnom poryadke [Problems of legal regulation procedure for review court's decisions (appeal and cassation order)]. Zakonnost' – Legality, 2013, no. 9.
5. Postanovleniya ESPCH po delu Van'yan (Vanyan) protiv Rossii (zhaloba № 53203/99, Strasburg, 15.12.2005) [Resolutions of the European Court of Human Rights in the matter of Vanyan (Vanyan) against Russia (the complaint № 53203/99, Strasbourg, 15.12.2005)]. Available at: <http://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2005/877.html>.
6. Postanovlenie ESPCH po delu Sinichkin (Sinichkin) protiv Rossii (zhaloba № 20508/03. Strasburg, 08.04.2010) [The resolution of the European Court of Human Rights in the matter of Sinichkin (Sinichkin)]

against Russia (the complaint № 20508/03, Strasbourg, 08.04.2010)]. Available at: <http://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2010/510.html>.

7. Ivasenko K. V. Svoboda obzhalovaniya sudebnykh reshenij kak printsip ugovnogo protsesssa [Freedom of appeal as a principle of criminal procedure]. *Zakonodatel'stvo – Legislation*, 2012, no. 7, pp. 79–87.

8. Ivasenko K. V. Apellyatsiya v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve: zakonodatel'nye novelly [Appeal in Russian criminal trail: legislative novelties]. *Zakonodatel'stvo – Legislation*, 2011, no. 10, pp. 64–67.

9. Strogovich M. S. Proverka zakonnosti i obosnovannosti sudebnykh prigovorov [Review of legality validity of court's decisions]. Moscow, 1956. 319 p.

10. Nikolaev V. S. Zadachi kassatsionnogo proizvodstva i revizionnyj poryadok peresmotra del v sovetskom ugovnom protsesse [Objection of cassation proceedings and revisory order of review criminal cases in Soviet criminal procedure]. Moscow, 1961, 51 p.

УДК 343.018.3:343.8
ББК 67.515
М61

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА МИНКОВА,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры управления и организации деятельности УИС
(Академия ФСИН России)
E-mail: biriukova.lena2010@yandex.ru.

ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ В ПРОЦЕССЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Реферат: статья посвящена проблеме влияния социально-экономических факторов на детерминацию пенитенциарной преступности.

Цель работы – выявление детерминации пенитенциарной преступности от социально-экономических факторов, в частности трудовой занятости осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Отрицательные экономические тенденции, существующие в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, оказывают самое непосредственное влияние на весь процесс исполнения наказаний, в целом отрицательно отражаются на состоянии оперативной обстановки в исправительных учреждениях, дестабилизируя ее. Одним из важнейших социально-экономических факторов, существенно влияющих на состояние оперативной обстановки в исправительных учреждениях, является спад промышленного производства и сокращение трудовой занятости осужденных. Однако в современных условиях функционирования уголовно-исполнительной системы возможности использования в исправительных колониях такого действенного средства предупреждения рецидивных преступлений, как трудовая занятость осужденных, значительно ограничиваются. Около 80 % осужденных в настоящее время не заняты трудовой деятельностью на производственных объектах исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы.

Кардинальное решение проблемы обеспечения осужденных трудом можно рассматривать в качестве мощного антикриминогенного фактора, поскольку труд осужденных к лишению свободы не только преследует воспитательные, экономические, социальные и оздоровительные цели, но и должен способствовать исправлению осужденных, предупреждению совершения ими новых преступлений. Немаловажна также роль труда в социальной адаптации последних, поскольку трудовая активность будет способствовать закреплению результатов исправления, что, в свою очередь, является одним из условий снижения уровня рецидивной преступности.

Ключевые слова: трудовая занятость, детерминация, пенитенциарная преступность, социально-экономические факторы преступности, предупреждение преступности, рецидивная преступность, криминогенная ситуация, уголовно-исполнительная система, осужденный, исправительное учреждение.

Исследуя проблему детерминации пенитенциарной преступности, нельзя не отметить, что криминогенная ситуация в современной России сформировалась под воздействием целой совокупности факторов, прежде всего социально-экономического характера, среди которых ведущую роль играют сохраняющиеся последствия масштабного кризиса, который поразил экономику и социальную сферу не только нашей страны, но и мира в целом. Это инфляция, снижение уровня жизни основной массы граждан, резкая поляризация и дифференциация по уровню доходов, нарастание официальной и скрытой безработицы, алкоголизация, наркотизация и маргинализация общества, а также иные процессы, которые порождают, подпитывают и обуславливают преступность в России.

Совершенно прав, на наш взгляд, И. И. Карпец, указывающий: «Пора понять, что за экономиче-

ские просчеты и политически неверные решения общество расплачивается, в числе прочего, и такой высокой ценой, как преступность» [1, с. 243]. Решение данной проблемы, как справедливо отмечает Е. В. Наумов, является отнюдь не только прерогативой правоохранительных органов, ведь рецидивная преступность есть результат и одновременно показатель всех издержек общественного развития [2, с. 129].

Все указанные негативные процессы, безусловно, зеркально отражаются и на деятельности исправительных учреждений, поскольку «общество создает тюрьму по своему образу и подобию» [3, с. 345]. Жизнь в местах лишения свободы неотделима от жизни общества, поэтому современная пенитенциарная система в целом, а также правовое и социальное положение осужденных «являются, в конечном счете, отражением несправедливости и

антигуманности того общества, в котором мы живем» [3, с. 345].

Чем выше уровень насилия в стране, чем больше жестокости присутствует в конфликтах между отдельными людьми и социальными группами, тем выше и опаснее этот уровень в исправительных учреждениях. Феномен пенитенциарной системы нельзя определить точнее, чем это сделал в своем бессмертном произведении великий классик русской литературы Ф. М. Достоевский, отметивший, что об уровне цивилизации народа можно судить, когда открываешь ворота его тюрем [4, с. 132].

Зависимость жизни осужденных в пенитенциарных учреждениях от социально-экономического состояния общества очевидна, что, по нашему мнению, нет необходимости специально комментировать. Кризисное до недавнего времени состояние российской экономики с несовершенной системой рыночных отношений закономерно повлекло за собой снижение экономического потенциала мест лишения свободы, спад промышленного производства, резкое уменьшение средств на содержание осужденных, их коммунально-бытовое, медицинское обеспечение, что, без сомнения, отрицательно отразилось в целом на состоянии криминальной обстановки в исправительных учреждениях.

Осужденные, несмотря на изоляцию, живут и действуют в рамках той же системы общественных отношений, испытывают на себе влияние тех же кризисных и конфликтных ситуаций, которые возникают в экономических отношениях, социальной сфере, политике, то есть во всем том, что составляет суть противоречивого развития современного общества.

Отрицательные экономические тенденции, существующие в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, оказывают самое непосредственное влияние на весь процесс исполнения наказаний, в целом отрицательно отражаются на состоянии оперативной обстановки в исправительных учреждениях, дестабилизируя ее.

Действие экономических факторов носит опосредованный характер, то есть они не детерминируют непосредственно преступные проявления. Однако, как показало проведенное нами исследование, одним из важнейших социально-экономических факторов, существенно влияющих на состояние оперативной обстановки в исправительных учреждениях, является спад промышленного производства и сокращение трудовой занятости осужденных, поскольку, как справедливо отметил Н. П. Барабанов, «чем больше осужденных не занято трудом, тем криминальнее их среда» [5, с. 28].

Эта проблема начала усугубляться еще в 90-х годах XX века, когда экономическое состояние исправительных учреждений стало приобретать кризисный характер, а огромная масса осужденных оказалась не обеспеченной трудом. Переход к рыночным отношениям, сопровождаемый разрывом хозяйственных связей в сочетании с технической отсталостью материальной базы и нестабильностью финансовой системы, поставил промышленность уголовно-исполнительной системы в крайне неблагоприятные условия, не позволяющие обеспечивать эффективную трудовую занятость всех осужденных в местах лишения свободы [6, с. 19].

В настоящее время, согласно данным официальной статистики, для обеспечения трудовой занятости осужденных организован производственный комплекс, в который входят 53 государственных унитарных предприятия, 587 центров трудовой адаптации осужденных, 52 лечебно-производственных и 41 учебно-производственная трудовая мастерская [7].

Ежегодно исправительными учреждениями производится продукция, выполняется работ и оказывается услуг в объеме более 30 млрд рублей. Значительная часть (около 50 %) выпускаемой продукции поставляется исправительными учреждениями для собственных нужд, а также по заказам силовых министерств и ведомств [7].

Однако перспектив кардинального решения проблемы трудовой занятости осужденных в ближайшее время не предвидится. По данным официальной статистики, на производственных объектах подразделений уголовно-исполнительной системы и их партнеров ежемесячно трудится более 140 тысяч осужденных. Если учесть, что по состоянию на 1 января 2014 г. в учреждениях УИС содержалось 677,2 тыс. человек, получается, что практически 80 % осужденных не занято трудовой деятельностью [7].

Значительная часть работающих осужденных особой активности и усердия в труде не проявляет, что объясняется, по-видимому, невозможностью их трудоустройства согласно профессии, полученной до осуждения, и привлечением их, как правило, к занятиям неквалифицированным ручным трудом, а также их нежеланием трудиться вообще и склонностью к паразитическому образу жизни. Так, по данным А. В. Датия, подавляющее большинство осужденных мужчин (49,0 %) еще до осуждения не были заняты общественно полезным трудом или учебой [8, с. 128].

Согласно исследованиям, проведенным К. Бегищевой и О. Патласовым, 54,8 % опрошенных осужденных работают только для того, чтобы приблизить момент освобождения и лишь 16,2 % – потому что выполняемая работа представляет для них интерес [9, с. 42]. Данное обстоятельство не

может не оказывать негативного воздействия на состояние криминогенной обстановки в исправительном учреждении, поскольку такая низкая трудовая занятость и трудовая активность осужденных приводят к тому, что большинство из них имеют массу свободного времени, избыток которого они, как правило, заполняют азартными играми, употреблением спиртных напитков, что нередко приводит к конфликтным ситуациям, заканчивающимся в ряде случаев совершением преступлений.

Совершенно справедливо в связи с этим высказывание И. И. Карпеца о том, что безделье здоровых, да еще запущенных социально людей – это страшная вещь [10, с. 284]. Прав также В. И. Игнатенко, отмечающий, что в условиях изоляции большое количество свободного времени у осужденных при неумелом использовании его сотрудниками исправительных учреждений в воспитательных целях является достаточно сильным криминогенным фактором, приводящим к преступлению [11, с. 26].

Таким образом, в современных условиях функционирования уголовно-исполнительной системы возможности использования в исправительных колониях такого действенного средства предупреждения рецидивных преступлений, как трудовая

занятость осужденных, значительно ограничиваются. Кардинальное решение проблемы обеспечения осужденных трудом можно рассматривать в качестве мощного антикриминогенного фактора, поскольку труд осужденных к лишению свободы не только преследует воспитательные, экономические, социальные и оздоровительные цели, но и должен способствовать исправлению осужденных, предупреждению совершения ими новых преступлений. Кроме того, добросовестное отношение к труду является законодательно закрепленным критерием для изменения осужденным своего социального статуса, в частности для перевода в облегченные условия отбывания наказания.

Реализация социальных целей труда осужденных в комплексе с мероприятиями по организации социальной адаптации будет способствовать закреплению результатов исправления, что, в свою очередь, является одним из условий снижения рецидивной преступности. Совершенно прав С. Х. Шамсунов, утверждающий, что от того, как будет налажен процесс привлечения осужденных к труду, решена проблема трудовой занятости и организовано трудовое воспитание, зависят не только экономические и хозяйственные результаты их трудового использования, но и уровень пенитенциарной преступности в целом [12, с. 6].

Список литературы

1. Карпец И. И. Дело, которому мы служим. М., 1989. 356 с.
2. Наумов Е. В. Постпенитенциарный контроль и надзор в системе предупреждений рецидива преступлений: постановка проблемы // Человек : преступление и наказание. 2013. № 1. С. 129.
3. Митфорд Дж. Тюремный бизнес / пер. с англ. Ю. А. Неподаева; под общ. ред. И. Б. Михайловской. М., 1978. 452 с.
4. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. М., 1983. 586 с.
5. Барабанов Н. П. Криминогенные факторы, обуславливающие осложнение оперативной обстановки в ИУ, и организация ее оценки : монография. Рязань, 2011. 485 с.
6. Емельянова Е. В. Организационные формы привлечения осужденных к труду как элемент усиленного свойства в системе управления исполнения наказания // Вестник Владимирского юридического института ФСИН России. 2012. № 2. С. 19.
7. Официальный сайт ФСИН России. [Электронный ресурс]. URL: <http://фсин.рф/statistics>.
8. Датий А. В. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 126–133.
9. Бегищева К., Патласов О. Проблемы труда осужденных. Создание системы социальных лифтов // Человек и труд. 2012. № 3. С. 42.
10. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1979. 482 с.
11. Игнатенко В. И. Основы предупреждения антиобщественного образа жизни и рецидива преступлений несовершеннолетних (криминологические и пенитенциарные проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 40 с.
12. Шамсунов С. Х. Комплексный подход в работе с кадрами – необходимое условие эффективности деятельности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2004. № 3. С. 6.

ELENA ANATOL'EVNA MINKOVA,

Phd in law (Kandidat Nauk), assistant professor of management
and organization of the penal system
(Academy of the FPS of Russia)
E-mail: biriukova.lena2010@yandex.ru.

**EMPLOYMENT OF CONVICTS IN THE PROCESS
OF PENAL CRIME DETERMINATION**

Annotation: the article deals with the influence of socio-economic factors on the determination of penal crime. The purpose is to identify the determination of penal crime from socio-economic factors, in particular the employment of convicts in prisons of the correctional system.

Negative economic tendencies currently existing in prisons of the Federal Penitentiary Service, have a direct effect on the whole process of execution of punishments in general they affect the state of the operational situation in prisons negatively, destabilizing it. One of the most important socio-economic factors that significantly affect the state of the operational situation in the prisons is a decline in industrial production and a reduction in employment of convicts.

However, in the present conditions of the penal system the possibility of using such an effective means of preventing recidivism, as the employment of the convicts is significantly reduced. About 80% of the prisoners are not currently engaged in work activity at the production facilities of penal system corrections.

In turn, a radical solution of the problem of providing convicted with labor can hardly be regarded as a powerful anti criminal factor as labor of the sentenced to imprisonment not only pursues the educational, economic, social and health goals, but also should help to remedy the convicted to prevent them from committing new crimes.

Another important factor is the role of labor in the social adaptation of the latter, as the labor activity will contribute to the consolidation of the correction, which, in turn, is one of the terms of reducing recidivism.

Key words: employment, determination, penal crime, socio-economic factors of crime, crime prevention, recidivism, crime situation, the correctional system, convict, an institution serving the Federal Penitentiary.

References

1. Karpets I. I. Delo, ktoromu my sluzhim [Work which we serve]. Moscow, 1989, 356 p.
2. Naumov E. V. Postpenitentsiarnnyy kontrol' i nadzor v sisteme preduprezhdeniy retsidiva prestupleniy: postanovka problemy [Control and supervision of post-penitentiary system warnings recidivism : problem]. Chelovek : prestuplenie i nakazanie – Man : crime and punishment, 2013, no. 1, p. 129.
3. Mitford Dzh. Tyuremnyy biznes [Prison business]. Moscow, 1978, 452 p.
4. Dostoevsky F.M. Zapiski iz Mertvogo doma [House of the Dead]. Moscow, 1983, 586 p.
5. Barabanov N. P. Kriminogennyye factory, obuslavlivayuschie oslojnenie operativnoy obstanovki v ispravitel'nom uchregdenii, i organizatsii eye otsenki [Criminogenic factors that contribute to a complication of the operational situation in the polling stations, and the organization of its evaluation]. Ryazan, 2011, 485 p.
6. Emel'yanova E. V. Organizatsionnyye formy privlecheniya osuzhdennykh k trudu kak element usilitel'nogo svoystva v sisteme upravleniya ispolneniya nakazaniya [Organizational forms of convicts to work as part of the amplifying properties of the control system of punishment]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii – Herald Vladimir Juridical Institute FSIN of Russia, 2012, no. 2, p. 19.
7. Ofitsial'nyy sayt FSIN Rossii. [Official website of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Available at: <http://фсин.рф/statistics>.
8. Datiy A. V. Kharakteristika muzhchin, osuzhdennykh k lisheniyu svobody (po materialam spetsial'noy perepisi 2009 g.) [Characteristics of men sentenced to imprisonment (based on a special census of 2009)]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied legal psychology, 2013, no. 4, pp. 126–133.
9. Begischeva K., Patlasov O. Problemy truda osujdennykh. Sozdanie sistemy «sotsialnykh liftov» [Problems labor of convicts. Creating a system of «social elevator»]. Chelovek i trud – Person and work, 2012, no. 3, pp. 42–46.
10. Karpets I. I. Prestupnost': illyuzii i real'nost' [Crime: Illusions and Reality]. Moscow, 1979, 482 p.

11. Ignatenko V. I. Osnovy preduprezhdeniya antiobshchestvennogo obraza zhizni i retsidiva prestupleniy nesovershennoletnikh (kriminologicheskie i penitentsiarnye problemy) Avtoref. dis. dokt. jurid. nauk. [Framework for the prevention of anti-social lifestyle and juvenile recidivism (criminological and penal issues). Dr. jurid. sci. diss. abstract]. Moscow, 1993, 40 p.

12. Shamsunov S. Kh. Kompleksnyy podkhod v rabote s kadrami – neobkhodimoe uslovie effektivnosti deyatel'nosti [An integrated approach to working with the staff – a necessary condition for the effectiveness of]. Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy – Sheets of penal system, 2004, no. 3, p. 6.

УДК 351.95
ББК 67.401.031.2
Н16

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ,
кандидат юридических наук, доцент, директор института
(Северо-Западный институт (филиал)
Московского государственного университета
имени О. Е. Кутафина
E-mail: nagornikh-vipe@mail.ru.

**К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ
В ПРОИЗВОДСТВО ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Реферат: статья подготовлена в рамках проекта № 2.5.1.3 Программы стратегического развития Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). В статье обосновываются некоторые теоретические аспекты расширения возможности применения примирительных процедур в российском законодательстве, регулирующем порядок производства по делам об административных правонарушениях, предложены возможные варианты введения некоторых аспектов медиации в административное законодательство.

Объектом исследования явились общественные отношения, складывающиеся в сфере организации и развития медиации в Российской Федерации как самостоятельного способа урегулирования правовых споров, а также при ее интегрировании в практическую деятельность при производстве об административных правонарушениях.

Цель статьи – изучение возможности и направлений организации и применения медиации как самостоятельного альтернативного способа урегулирования правовых споров при производстве об административных правонарушениях, а также подходов к интегрированию медиации в деятельность юрисдикционных органов.

Действующее законодательство об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) не предусматривает возможность применения медиации в административных публичных спорах. В отличие от уголовного и уголовно-процессуального законодательства Кодекс РФ об административных правонарушениях не предусматривает возможность прекращения дела об административном правонарушении при примирении лица, совершившего административное правонарушение, с потерпевшим. Указывается на необходимость введения в законодательство РФ об административных правонарушениях статьи, аналогичной ст. 76 УК РФ, предусматривающей возможность прекращения административного производства вследствие примирения сторон, если такое правонарушение связано с причинением вреда физическому или юридическому лицу. Появление такой нормы в КоАП РФ стало бы базовым основанием для внедрения процедуры медиации в производство по административным правонарушениям.

В статье отмечается, что применение процедуры медиации при разрешении административно-правовых споров апробировано в международном и зарубежном законодательстве и приносит положительный результат.

В заключение делается вывод о том, что альтернативные средства разрешения административных споров становятся более актуальными, насущными и отличаются оперативностью, гибкостью и простотой. Основными достоинствами применения процедуры медиации при производстве об административных правонарушениях являются сближение административных органов и общественности путем исключения антагонизма между сторонами административного спора, скорость выполнения решения по административному спору, минимальная формальность, процедурная экономия.

Ключевые слова: примирительные процедуры, медиация, альтернативное урегулирование споров при производстве об административных правонарушениях, прекращение административного производства, примирение сторон административного спора, совершенствование административного законодательства, досудебное урегулирование административных споров.

Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не предусматривает возможность применения медиации в административных публичных спорах. Вместе с тем считаем необходимым рассмотреть вопрос о перспективах внедрения института медиации в производство об административных правонарушениях. В связи с этим нужно прежде всего определить, в рамках каких дел об ад-

министративном правонарушении, а также каких институтов административного производства возможно внедрение медиации.

В отличие от уголовного и уголовно-процессуального законодательства Кодекс РФ об административных правонарушениях не предусматривает возможность прекращения дела об административном правонарушении при примирении лица, совершившего административное правонарушение, с потерпевшим. КоАП РФ предусматривает лишь такие основания освобождения от административной ответственности за виновно совершенное административное правонарушение, как истечение срока давности привлечения (ст. 4.5), а также вследствие малозначительности (ст. 2.9).

Показательными являются следующие примеры [1]: Гражданин Соколов виновно совершил ДТП, в результате которого пострадал потерпевший Д., которому был причинен согласно заключению эксперта средний вред здоровью. Соколов возместил все расходы потерпевшего на лечение и восстановление и выплатил сумму денег в возмещение морального вреда. В результате потерпевший не имел никаких претензий к виновнику ДТП, но тот был привлечен к административной ответственности и подвергнут административному наказанию в виде лишения права управлять транспортным средством сроком на один год. Доводы потерпевшего об отсутствии претензий к виновнику и о прекращении административного производства были приняты во внимание судьей, но в полном их удовлетворении было отказано, так как административное производство не содержит норм, позволяющих прекратить преследование в связи с примирением участников административного производства – правонарушителя и потерпевшего.

В то же время гражданин Воронин виновно совершил ДТП, в результате которого пострадал потерпевший З., которому был причинен согласно заключению эксперта тяжкий вред здоровью. Воронин возместил все расходы потерпевшего на лечение и восстановление и выплатил сумму в возмещение морального вреда. В результате потерпевший З. не имел никаких претензий к виновнику ДТП. В отношении Воронина было возбуждено уголовное дело, проведено досудебное производство. Далее дело направлено в суд, и по ходатайству потерпевшего уголовное дело в отношении Воронина прекращено в связи с примирением подсудимого с потерпевшим и заглаживанием причиненного преступлением вреда в соответствии с положениями ст. 76 УК РФ.

Приведенные примеры иллюстрируют определенный диссонанс между тяжестью деяний и их последствиями соответственно для лица, совершивше-

го преступление, и правонарушителя. Так, Соколов, совершивший ДТП с менее тяжелыми последствиями, понес реальное административное наказание в виде лишения права управления транспортным средством на определенный срок, а Воронин, совершивший ДТП с более тяжкими последствиями, от какого-то либо наказания освобожден.

Мы полагаем, что существование такой ситуации позволяет говорить о необходимости введения в законодательство РФ об административных правонарушениях статьи, аналогичной ст. 76 УК РФ, предусматривающей возможность прекращения административного производства вследствие примирения сторон, если такое правонарушение связано с причинением вреда физическому или юридическому лицу. Безусловно, что появление такой нормы в КоАП РФ стало бы базовым основанием для внедрения процедуры медиации в производство по административным правонарушениям.

В действующем законодательстве об административных правонарушениях примирение сторон и добровольное возмещение лицом, совершившим административное правонарушение, причиненного ущерба или добровольное устранение причиненного вреда является в соответствии со ст. 4.2 КоАП РФ лишь обстоятельством, смягчающим административную ответственность. Несомненно, что данное обстоятельство ограничивает возможность имплементации института медиации в производство по делам об административных правонарушениях.

Возможность применения процедуры медиации при разрешении административно-правовых споров апробирована в международном и зарубежном законодательстве. В частности, возможность проведения медиации по публично-правовым спорам с участием граждан и организаций, не связанным с оспариванием законности административных актов общего действия, прямо предусматривается Рекомендацией Комитета министров Совета Европы от 5 сентября 2001 г. № R (2001) 9 «Об альтернативах судебному разбирательству между органами исполнительной власти и частными сторонами» [2].

В Нидерландах с 1 апреля 2005 г. допускается альтернативное разрешение налоговых споров в ходе медиации, что успешно и делается. В Германии с 2000 г. в административных спорах используется медиация, и каждый десятый профессиональный судья является активным медиатором [3, с. 71].

Вместе с созданием административной юстиции на Украине процедура медиации начала распространяться в сферу административного судопроизводства. Например, на Украине еще в 2007 г. началась подготовка судей-медиаторов. Процедура рассмотрения дела с участием медиатора следую-

щая: во-первых, дело рассматривает обычный профессиональный судья; во-вторых, при рассмотрении в суде административного иска судья дает заключение о необходимости применить процедуру медиации, то есть судья по своим усмотренческим соображениям решает, подлежит ли спор медиационному урегулированию или нет; в-третьих, если судья решил, что медиатор урегулирует данный спор, он обращается к сторонам с вопросом, согласны ли они урегулировать конфликт путем медиации; в-четвертых, если стороны согласны на урегулирование спора с помощью процедуры медиации, дело передается специальному судье-медиатору, который не вправе в дальнейшем рассматривать данное дело в порядке судопроизводства. В данном случае судебное разбирательство по делу приостанавливается. Судья-медиатор организует встречу со сторонами в специально отведенной комнате.

Опыт зарубежных государств показывает, что внедрение процедуры медиации в административное судопроизводство приносит позитивный результат и судьи охотно передают дела на медиацию. Например, основным аргументом в пользу медиации по административным делам являются приводимые голландскими экспертами данные о том, что на каждом случае, по которому применяется процедура медиации, государство экономит в среднем от 20 до 50 тысяч евро [3, с. 71].

Вопрос о необходимости внедрения института медиации в производство по отдельным административным спорам в Российской Федерации обсуждается на законодательном уровне. В частности, проект федерального закона № 246960-6 «Кодекс об административном судопроизводстве Российской Федерации» предполагает регулирование процедуры рассмотрения в суде споров гражданина с государственными организациями. Председатель Комитета Государственной Думы Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству В. Н. Плигин предложил, что «в рамках Кодекса можно рассмотреть и вопрос введения обязательных медиационных процедур при таких спорах. Проще говоря, прежде чем идти в суд, гражданину предложат сесть за стол переговоров с чиновником. Если консенсуса найти не удастся, тогда уже придется судиться. Медиация предполагает изменение в себе цивилизационного кода. Новый цивилизационный код – это диалог. У нас же в обществе ранее чаще всего использовались недIALOGОВЫЕ схемы решения вопросов. Сегодня же государство заинтересовано в развитии института медиации» [4].

Как полагает А. Н. Приженникова, не все административные споры подлежат разрешению в по-

рядке медиации. Например, опыт зарубежных стран демонстрирует, что для проведения процедуры посредничества подходят административные споры со следующими характеристиками:

- между сторонами возможно продолжение взаимоотношений, в частности, между собственниками соседних земельных участков;
- наличие проблем коммуникации участников конфликта;
- административный орган имеет свободу выбора в виде альтернативы санкций;
- обстоятельства конфликта не подлежат разглашению.

Возникший спор может быть разрешен с помощью медиации при наличии двух характерных условий: 1) разрешение неправового вопроса; 2) в споре не задействованы третьи лица.

В рамках процедуры посредничества не могут быть урегулированы конфликты, характеризующиеся следующими признаками:

- правонарушение может повлечь за собой уголовное наказание;
- цель судебного процесса направлена исключительно на решение какой-либо правовой проблемы;
- конфликт можно решить только путем процедуры доказывания [3, с. 72].

Наиболее часто о внедрении процедуры медиации в производство по административным правонарушениям говорят применительно к налоговым спорам, в связи с чем актуальными являются следующие вопросы:

- каковы должны быть сроки досудебного урегулирования спора?
- возможно ли продление срока вступления в силу решения налогового органа при назначении процедуры медиации?
- каковы должны быть основания возникновения (прекращения) процедуры медиации?
- кто должен выступить с инициативой участия медиатора [5]?

В результате возникновения данных вопросов представлялось необходимым разработать четкие законодательные процедуры.

Основой для проведения процедуры медиации применительно к налоговым спорам может стать, в частности, введенное с 1 января 2014 г. обязательное досудебное урегулирование всех налоговых споров.

Ранее обязательная досудебная процедура обжалования была предусмотрена только в отношении решений о привлечении к ответственности за налоговые правонарушения (отказе в этом), принятых по результатам налоговых проверок. В настоящее время налоговое законодательство закреп-

пило достаточно оперативную, менее формализованную и затратную процедуру рассмотрения налоговых споров по сравнению с судебной.

«Процедура досудебного урегулирования налоговых споров имеет ряд преимуществ для налогоплательщиков, большая часть которых физические лица и индивидуальные предприниматели, – она менее формализованная, чем судопроизводство, и к тому же бесплатная. Вижу только один недостаток: в ходе досудебного рассмотрения налоговых споров заявитель лишен возможности участвовать в формировании состава условного «арбитража» – в него входят исключительно сотрудники вышестоящего налогового органа. Сгладить эти ведомственные недостатки отчасти можно, организовав рассмотрение споров с привлечением авторитетных специалистов или ученых не из числа штатных работников ФНС» [6].

В заключение следует отметить, что альтернативные средства разрешения административных споров становятся более актуальными, насущными и отличаются оперативностью, гибкостью и простотой.

К показательным преимуществам использования медиации в административных спорах можно также отнести:

- приближение администрации к общественности путем исключения антагонизма между сторонами спора;
- скорость достижения решения;
- минимальную формальность, снижающую процедурную гибкость;
- корректный и дружественный характер процедуры;
- обращение к экспертам;

Список литературы

1. Трубецкой Н. А. Диспропорция частного и общественного интереса в процедуре примирения сторон по уголовным делам о ДТП с тяжкими последствиями. URL: <http://www.palatask.ru/article-all/trubetskoy/accident.html>.
2. Об альтернативах судебному разбирательству между органами исполнительной власти и частными сторонами : Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 5 сентября 2001 г. № R (2001) 9. URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1116305&Site=COE#Top>.
3. Приженникова А. Н. Медиация в административном судопроизводстве: быть или не быть? // Административное право и процесс. 2014. № 6. С. 71–72.
4. Куликов В. В. Кодекс об административном процессе войдут нормы о медиации. URL: <http://www.rg.ru/2013/05/16/kodeks-site.html>.
5. Приженникова А. Н. Альтернативные способы разрешения споров: актуальные вопросы. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_10280.html#8.
6. Бухарова О. Медиация выходит в люди. Решать административные публичные споры вскоре можно будет до суда. URL: <http://www.rg.ru/2013/04/02/sud.html>.
7. Шевчук П. П. Медиация в административных спорах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4. С. 244.

– процедурную экономию [7, с. 244].

Таким образом, считаем возможным сформулировать ряд выводов:

1) действующее законодательство об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) не предусматривает возможность применения медиации в административных публичных спорах;

2) Кодекс РФ об административных правонарушениях не предусматривает возможность прекращения дела об административном правонарушении при примирении лица, совершившего административное правонарушение, с потерпевшим. Считаем необходимым введение в законодательство РФ об административных правонарушениях статьи, предусматривающей возможность прекращения административного производства вследствие примирения сторон, если такое правонарушение связано с причинением вреда физическому или юридическому лицу. Появление такой нормы в КоАП РФ стало бы основанием для внедрения процедуры медиации в производство по административным правонарушениям;

3) применение процедуры медиации при разрешении административно-правовых споров апробировано в международном и зарубежном законодательстве и приносит положительный результат;

4) основными достоинствами применения процедуры медиации при производстве об административных правонарушениях являются оперативность, гибкость, скорость выполнения решения по административному спору, минимальная формальность и процедурная экономия.

ROMAN VADIMOVICH NAGORNYH,

PhD in Law (Kandidat Nauk), associate professor,
director of the institute, the Northwest institute (branch) of Moscow State University
of O. E. Kutafin (MGYuA)
E-mail: nagornikh-vipe@mail.ru.

**ON PERSPECTIVES OF IMPLEMENTATION OF MEDIATION
IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENCES**

Annotation: the article has been prepared within the framework of Project №2.5.1.3 of Strategic Development Program at the University named after O. E. Kutafin (MGYuA). Some theoretical aspects have been developed in the article to extensively apply reconciliation in the Russian legislation regulating legal proceedings in cases of administrative offences. Possible variants to integrate the aspects of mediation into the administrative legislation have been proposed.

Public relations in the sphere of organization and development of mediation in the Russian Federation as an independent method of resolving legal disputes, as well as its integration into practice of administrative offences proceedings have been studied.

The aim of the article is to explore the possibilities and directions of the organization and use of mediation as an alternative dispute resolution method for administrative offenses, as well as approaches to integrate mediation into the activities of jurisdictional bodies.

The author shows that the current legislation on alternative dispute resolution process involving mediation (mediation procedure) does not envisage the use of mediation in the public administrative disputes. Unlike the Criminal Law and the Criminal Procedure Law the Russian Federation Code of Administrative Offences does not provide for the termination of administrative cases at reconciling a person who did an administrative offence with a victim. In this connection, the author points out the need to introduce legislation into the Administrative Offences Code of the Russian Federation similar to Art. 76 of the Criminal Code, which reckons the possibility of the termination of administrative proceedings on the basis of conciliation of the parties, in case the offense damages either a person or entity. Such a norm in the Code of Administrative Offences of the Russian Federation (KoAI) would be the basic foundation for the integration of mediation into the legal proceedings of the administrative law offences.

In addition to it, the article states that the use of the mediation procedure in the resolution of legal and administrative disputes has been practiced in international and foreign legislation and has brought positive results.

The author makes a conclusion that alternative methods of resolving administrative and legal disputes are becoming more urgent, crucial, and fast, flexible and clear. The main advantages of the use of mediation in dealing with administrative offences are: making the public administrative bodies closer to society at large by eliminating the antagonism between the disputants, swift decisions of administrative disputes, slashing formalities, reducing procedure flexibility, cutting lengthy procedure.

Key words: conciliatory procedures; mediation; alternative settlement of disputes by production about administrative offenses; termination of administrative production; reconciliation of the parties of administrative dispute; improvement of the administrative legislation; pre-judicial settlement of administrative disputes

References

1. Trubetskoy N. A. Disproportsiya chastnogo i obshhestvennogo interesa v protsedure primireniya storon po ugovolnym delam o DTP s tyazhkimi posledstviyami [The disproportion of the private and public interest in the process of reconciliation of the parties in criminal cases involving accidents with severe consequences]. Available at: <http://www.palatask.ru/article-all/trubetskoy/accident.html>.

2. Ob al'ternativakh sudebnomu razbiratel'stvu mezhdru organami ispolnitel'noj vlasti i chastnymi storonami. Rekomendatsiya Komiteta ministrov Soveta Evropy ot 05 sentyabrya 2001 goda № R (2001) 9 [Recommendation Rec(2001)9 of the Committee of Ministers to member states on alternatives to litigation between administrative authorities and private parties]. Available at: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1116305&Site=COE#Top>.

3. Prizhennikova A. N. Mediatsiya v administrativnom sudoproizvodstve: byt' ili ne byt'?[Mediation in administrative proceedings: to be or not to be?]. Administrativnoe pravo i process – Administrative law and process, 2014, no. 6, pp. 71–72.

4. Kulikov V. V. Kodeks ob administrativnom protsesse vojdu normy o mediatsii [The Code of Administrative Procedure will include rules on mediation]. Available at: <http://www.rg.ru/2013/05/16/kodeks-site.html>.

5. Prizhennikova A. N. Al'ternativnye sposoby razresheniya sporov: aktual'nye voprosy [Alternative Dispute Resolution: topical issues]. Available at: http://e-notabene.ru/lr/article_10280.html#8.

6. Bukharova O. Mediatsiya vykhodit v lyudi. Reshat' administrativnye publichnye spory vskore možno budet do suda [Mediation comes to people. Resolve administrative public controversy will soon be up to the court]. Available at: <http://www.rg.ru/2013/04/02/sud.html>.

7. Shevchuk P. P. Mediatsiya v administrativnykh sporakh [Mediation in administrative disputes]. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk – Actual problems of humanitarian and natural sciences, 2011, no. 4, p. 244.

УДК 343.148
ББК 67.530
Н19

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ НАЗАРКИН,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Академия ФСИН России)
E-mail: evnr2012@yandex.ru.

**О РОЛИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Реферат: в статье раскрываются понятие, современные возможности и роль судебных экспертиз, значимых при расследовании преступлений, совершаемых в учреждениях, исполняющих наказание.

Статистика свидетельствует о том, что число преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях, остается стабильно высоким. В то же время количество отказных материалов в ходе проверки информации о возможных преступлениях, совершаемых в учреждениях УИС, находится в пропорции 1:10 и более, что не соответствует действительности. Это связано прежде всего, на наш взгляд, с недостаточно качественным проведением предварительных действий, направленных на сбор информации о преступлении, его участниках, уликах.

Несомненно, использование специальных знаний в форме проведения различных видов судебных экспертиз по установлению фактических обстоятельств, часто умышленно искажаемых участниками события, является средством повышения качества проводимой проверки и предварительного расследования преступления.

Судебная экспертиза – одна из основных процессуальных форм использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве и один из основных способов получения доказательственной информации. В статье дается понятие сущности судебной экспертизы; раскрываются современные научно-технические возможности в проведении экспертных исследований.

В последний период в уголовное судопроизводство были внедрены новые методы исследования криминалистических объектов, разработанные на основе открытий химии, физики и других естественных наук. С внедрением в экспертную, следственную и судебную практику новых методов и технических средств исследования криминалистических объектов необходимо одновременно решать проблемы проверки и оценки доказательственного значения результатов таких исследований. Аргументируется неоспоримая роль судебной экспертизы в сборе информации об обстоятельствах события и установлении фактических данных, в том числе «немых» свидетелей преступления, которых невозможно уничтожить.

Ключевые слова: судебная экспертиза, органы расследования преступлений, технико-криминалистические средства и методы исследования доказательств, новые виды судебных экспертиз и методов исследования, исследование криминалистических объектов.

Как отмечает А. С. Шаталов, статистические данные свидетельствуют о том, что количество преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях, остается стабильно высоким. За последние годы их официальные показатели были следующими: в 2007 г. зафиксировано 1133 преступления; 2008 – 964; 2009 – 893; 2010 – 944; 2011 – 799; в 2012 г. – 887. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что из всех совершаемых осужденными преступлений на ведомственном уровне принято учитывать лишь убийства, действия, дезорганизующие работу ИУ, умышленные причинения тяжкого вреда здоровью, побеги и захваты заложников, то есть преступления с повышенной степенью общественной опасности, скрывать которые весьма проблематично. Всем другим, менее тяжким, но, несомненно, более рас-

пространенным в среде осужденных уголовно наказуемым деяниям, таким, например, как кражи, хулиганство, побои, насильственные действия сексуального характера, оскорбления, угрозы убийством, внимания в ведомственной статистике не уделяется [1, с. 131–136].

Следует обратить внимание на количество отказных материалов, составленных по результатам доследственных и предварительных проверок сотрудниками дознания и следствия по учреждениям УИС. В среднем по учреждениям УИС их на порядок выше, чем законченных уголовных дел. Представляется, это не всегда бывает обоснованное, законное решение.

Современные возрастающие возможности технико-криминалистических средств и методов исследования доказательств в решении задач рас-

крытия, расследования и предупреждения преступлений, в том числе совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы, развитие научно-технической базы экспертных подразделений ОВД [2], ФСКН России, Минюста России [3], Росздрава [4, 5] и др., появление новых видов экспертиз и методов исследования требует систематического информирования работников органов расследования преступлений [6, с. 65–67] о возможностях применения специальных знаний в процессе следствия (дознания) и соответствующего применения последних для установления истины по уголовному делу.

Судебная экспертиза является одной из основных процессуальных форм использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве и выступает как один из основных способов получения доказательственной информации [7, с. 135–136]. Важнейшая роль здесь отводится получению сведений об обстоятельствах преступления в ходе исследования криминалистических объектов и следов их контактного или бесконтактного взаимодействия [8, с. 168–171]. Характер, объем и полнота информации о происшедших на месте преступления событиях и действиях всех его участников [9, с. 75–86] определяется техническими и другими средствами ее получения.

Как отмечает Е. Р. Россинская, сущность судебной экспертизы состоит в анализе по заданию следователя, дознавателя, суда, лица или органа, осуществляющего производство по делу об уголовном преступлении, сведущим лицом (экспертом) предоставляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы (вещественных доказательств), а также различных документов в целях установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела. По результатам исследования эксперт составляет заключение, которое является одним из предусмотренных законом источников доказательств, а фактические данные, содержащиеся в нем, – доказательствами [10].

В процессе реформирования российского законодательства были приняты важные федеральные законы и нормативные правовые акты, расширив-

шие возможности использования в предварительном следствии (дознании) и судебном разбирательстве новых технических средств и методов исследования криминалистических объектов.

Правовая регламентация разрешения поставленных задач направлена на активизацию внедрения в расследование преступлений и судебно-экспертную практику достижений современной науки и техники, улучшения качества исследования доказательств, производства судебной экспертизы.

В настоящее время, когда активно реализуются демократизация расследования, принципы презумпции невиновности и состязательности, экспертное исследование различных объектов и следов с последующим формированием научно обоснованных выводов, это объективизирует доказательственный процесс, осуществляемый в следственной и судебной практике.

В последний период в уголовное судопроизводство были внедрены новые методы исследования криминалистических объектов, разработанные на основе открытий химии, физики и других естественных наук. С внедрением в экспертную, следственную и судебную практику новых методов и технических средств исследования криминалистических объектов необходимо одновременно решать проблемы проверки и оценки доказательственного значения результатов таких исследований. В качестве примера одной из важных и необходимых в следственной практике исследований, получающей новое направление, развитие и возможности, можно привести криминалистическую экспертизу материалов, веществ и изделий (КЭМВИ).

Таким образом, роль судебных экспертиз в деятельности органов предварительного расследования по преступлениям, совершаемым в учреждениях УИС, позволяет использовать существующие современные всевозрастающие возможности научно-технических средств и методов исследования различных доказательств в решении задач по полноценному раскрытию, расследованию и предупреждению преступных событий.

Список литературы

1. Шаталов А. С. Дознание в уголовно-исполнительной системе России: проблемы, тенденции, перспективы // Преступление, наказание, исправление : Междунар. пенитенциарный форум (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации) : сб. материалов пленарного заседания (Рязань, 5–6 дек. 2013 г.). Рязань, 2013. С. 131–136.
2. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511.
3. Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечня экспертных специ-

альностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации : приказ Минюста России от 14 мая 2003 г. № 114.

4. Инструкция по организации и производству экспертных исследований в бюро судебно-медицинской экспертизы : утв. приказом Минздрава России от 24 апреля 2003 г. № 161.

5. О мерах по совершенствованию судебно-психиатрической экспертизы : приказ Минздрава России от 7 апреля 1999 г. № 113.

6. Клименкова И. Н. О некоторых причинах преступности в современной России // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 65–67.

7. Сочивко О. И. К вопросу о назначении судебной экспертизы // Человек: преступление и наказание. 2012. № 4. С. 135–136.

8. Марков В. В. Особенности использования служебных собак для обнаружения наркотических средств // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2. С. 168–171.

9. Стремоусова Г. И. Эффективность обратной связи и ее специфика в организации // Прикладная юрид. психология. 2008. № 2. С. 75–86.

10. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. 656 с.

EVGENII VALER'EVICH NAZARKIN,

PhD in Law (Kandidat Nauk), associate professor
criminal procedure and Criminalistics sub-department
(Academy of FPS of Russia)
E-mail: evnr2012@yandex.ru.

THE ROLE OF LEGAL EXPERTISE IN THE ACTIVITIES OF THE ORGANS OF THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED IN PRISONS

Annotation: the article reveals concepts, modern possibilities and the role of forensic examinations prescribed for the investigation of crimes committed in the institutions executing punishment. Statistics shows that the number of crimes committed by convicts in prisons remains consistently high. At the same time, the number of abandoned materials during the inspection of information about possible crimes committed in prisons are in a ratio of 1:10 or more, which may not correspond to reality.

In our opinion this is connected with insufficient quality of preliminary action, as well as their views and opportunities, aimed at gathering information about crime, its participants, the evidence.

Undoubtedly, the use of special knowledge in the form of various types of forensic examinations, aimed at establishing the actual circumstances, often deliberately distort the event, is a means of improving the quality of the ongoing validation, and preliminary investigation of a crime.

Forensics is one of the main procedural forms of use of the achievements of scientific-technical progress in the criminal court proceedings and serves as one of the main ways to obtain evidentiary information.

In general, the concept of the judicial examination essence is given in the article. Modern scientific and technical capabilities in the expert studies are disclosed. In the last period of time new methods of forensic research facilities developed on the basis of discoveries in chemistry, physics and other natural sciences were introduced in criminal proceedings. With the introduction of expert, investigative and judicial practice new methods and technical means of investigation forensic objects it is necessary to simultaneously solve the problems of verification and assessment of the evidential value of such research.

The author argues the undeniable role of forensics in gathering information about the circumstances of the event and the establishment of the actual data, including dumb witnesses of crime, which cannot be destroyed.

Key words: forensics, technical-forensic tools and methods of research evidence, new types of forensic examinations and methods of research, the study of forensic objects.

References

1. Shatalov A. S. Doznanie v ugovolno-ispolnitel'noi sisteme Rossii : problemy: tendentsii, perspektivy [Shatalov A. S. Inquiry into the penal system of Russia: problems, trends, prospects]. Sb. Materialov 1-go Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma "Pravovaya sistema Rossijskoi Federatsii: problemy razvitiya" (2011). S. 10-15.

narodnogo penitentsiarnogo foruma 5–6 dek. 2013 g. [Sat. materials of the 1st international. prison forum, 5–6 Dec. 2013]. Ryazan : Academy of the Federal penitentiary service of Russia. 2013, pp. 131–136.

2. Voprosy organizatsii proizvodstva sudebnykh ekspertiz v ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniiakh organov vnutrennikh gel Rossiiskoi Federatsii : prikaz MVD RF ot 29 iunya 2005 g. № 511 [The order of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation dated 29.06.2005 No. 511 organization of production of legal expertise in the forensic departments of internal Affairs of the Russian Federation].

3. Ob utverzhenii Perechnia rodov (vidov) ekspertiz, vpolniaemykh v gosudarstvennykh sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniiakh Ministerstva iustitsii Rossiiskoi Federatsii, i perechnia ekspertnykh spetsial'nostei, po kotorym predostavliaetsia pravo samostoiatel'nogo proizvodstva sudebnykh ekspertiz v gosudarstvennykh sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniiakh Ministerstva iustitsii Rossiiskoi Federatsii : prikaz Miniasta Rossiiot 14 maia 2003 g. № 114 // Rossiiskaia [The Ministry's order of may 14, 2003. No. 114 «On approval of the List of genera (species) examinations performed in the state forensic institutions of the Ministry of justice of the Russian Federation, and the List of expert specialties, which right of independent forensic examinations in the state forensic institutions of the Ministry of justice of the Russian Federation»] // Rossiiskaia gazeta – The Russian newspaper. 2003. may 31; 2007. on March 30.

4. Instruktsiia po organizatsii I proizvodstvu ekspertnykh issledovaniu v biuro sudebno-meditsnskoii ekspertizy : utv. Prikazom Minzdrava Rossiiot 24 apreliia 2003 g. № 61 [Instruction on the organization and production of expert research in the Bureau of forensic medical examination. Decl. by order of the health Ministry of Russia dated April 24, 2003, no. 161].

5. O merakh po sovershenstvovaniuu sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy : prikaz Minzdrava Rossii ot 7 apreliia 1999 g. № 113 [Order of the Ministry of Russia dated April 7, 1999, no. 113 «On measures to improve forensic psychiatric examination»].

6. Klimenkova I. N. O nekotorykh prichinakh prestupnosti v sovremennoi Rossii [Klimenkova I. N. Some of the causes of crime in contemporary Russia] // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Criminal-Executive law. 2012, no. 2, pp. 65–67.

7. Sochivko O. I. K voprosu o naznachenii sudebnoi ekspertizy [Sochivko O. I. To the question of naznachenie forensics] // Chelovek : prestuplenie i nakazanie – Man : crime and punishment. 2012, no. 4, pp. 135–136.

8. Markov V.V. Osobennosti ispol'zovaniia sluzhebnykh sobak dlia obnaruzheniia narkoticheskikh sredstv [Markov V. V. Peculiarities of using dogs to detect drugs] // Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man : crime and punishment. 2013, no. 2, pp. 168–171.

9. Stremousova G. I. Effektivnost' obratnoi sviazi I ee spetsifika v organizatsii [Stremousova G. I. the Effectiveness of feedback and its specificity in the organization] // Prikladnaya i uridicheskaya psikhologiya – Applied legal psikhologia, no. 2, pp. 75–86.

10. Rossinskaia E. R. Sudebnaia ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom I ugolovnom protsesse [Rossinsky E. R. Forensics in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings]. M., 2005. 656 p.

УДК 343.352
ББК 67.408.143
К31

ОЛЕГ ВАЛЕРЬЕВИЧ КАШИН,
помощник судьи
(Солнечногорский городской суд Московской области)
E-mail: oleg_vk@mail.ru.

ПОДКУП КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Реферат: в статье рассматривается подкуп как уголовно-правовой феномен, предполагающий изучение вопросов, касающихся его проявлений в уголовном законе, содержательной стороны и направленности.

Отмечается, что в международном праве и российском законодательстве термин «подкуп» употребляется достаточно широко. При этом подкуп напрямую увязывается с последствием в виде юридической ответственности. В Уголовном кодексе Российской Федерации термин «подкуп» встречается в статьях Общей и Особенной частей. В уголовно-правовом смысле подкуп предлагается подвергать гораздо более широкому анализу, выходящему за пределы взяточничества и коммерческого подкупа, в том числе применительно к таким деяниям, как найм, вербовка, склонение, вовлечение. Перечень действий, которые включает в себя подкуп, должен охватывать не только передачу, оказание, предоставление, но и обещание.

В заключение обосновывается некорректность употребления словосочетания «предмет подкупа», а также целесообразность рассмотрения подкупа как действия, совершаемого в отношении подкупаемого, но не как действия, совершаемого подкупаемым. Указывается на некорректность уголовного закона в этом отношении.

Ключевые слова: подкуп, коммерческий подкуп, предмет подкупа, средства подкупа, подстрекательство, найм, вербовка, склонение, вовлечение.

При уяснении сущности подкупа как уголовно-правового феномена необходимо решить вопросы, касающиеся его проявлений в уголовном законе, содержательной стороны и направленности.

В российском законодательстве термин «подкуп» употребляется достаточно широко. Так, ч. 2 ст. 68 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» указывается на запрет осуществлять подкуп участников референдума. Федеральный закон «О противодействии коррупции» в п. «а» ч. 1 ст. 1 при определении понятия коррупции указывает на подкуп. В ст. 5.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях говорится о подкупе избирателей и участников референдума.

Часто рассматриваемый термин встречается и в международном праве. В частности, Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции указывает на подкуп национальных публичных должностных лиц (ст. 15), подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций (ст. 16), подкуп в частном секторе (ст. 21). В ст. 2-11 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию закрепляются различные виды подкупа. При этом подкуп напрямую увязывается с последствием в виде юридической ответственности. В связи с этим подкуп имеет и уголовно-правовой смысл, приобретая зна-

чение соответствующего феномена. В УК РФ термин «подкуп» встречается в статьях Общей и Особенной частей. В юридической литературе данный термин иногда исследуют применительно к таким криминальным проявлениями, как взяточничество, коммерческий подкуп [1], хотя в уголовно-правовом смысле подкуп должен подвергнуться гораздо более широкому анализу.

В Особенной части УК РФ указанный термин законодатель непосредственно использует при установлении ответственности:

– за воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, нарушение тайны голосования, а также воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссий референдума либо деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей, соединенные с подкупом (п. «а», ч. 2 ст. 141);

– подделку подписей избирателей, участников референдума в поддержку выдвижения кандидата, списка кандидатов, выдвинутого избирательным объединением, инициативы проведения референдума или заверение заведомо подделанных подписей (подписных листов), соединенные с подкупом (ч. 2 ст. 142);

– собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем подкупа (ч. 1 ст. 183);

– подкуп спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей спортивных команд и других участников или организаторов официального спортивного соревнования (в том числе их работников), а равно членов жюри, участников или организаторов зрелищного коммерческого конкурса в целях оказания противоправного влияния на результат такого соревнования или такого конкурса (ч. 1, 2 ст. 184);

– коммерческий подкуп (ст. 204);
 – провокацию коммерческого подкупа (ст. 304);
 – подкуп свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо эксперта, специалиста в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода (ч. 1, 4 ст. 309).

Следует поддержать тех авторов, которые исследуют подкуп применительно к данным составам преступлений в более широком значении [2]. В Общей части УК РФ данный термин употребляется законодателем при определении понятия подстрекателя как разновидности соучастника преступления (ч. 4 ст. 33). Подкуп в данном случае выступает как способ подстрекательства. Данный аспект указанного деяния также вполне обоснованно учитывается отдельными учеными [3].

Однако это не все случаи употребления данного термина, поскольку законодатель при конструировании состава преступления непосредственно его не использует, но подкуп предполагается или допускается. Речь, например, идет о таких деяниях, как найм (п. «з» ч. 2 ст. 105, п. «г» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 117, п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ), вербовка (ст. 205.1, 282.1, 282.2, 359), склонение (ст. 184, 205.1, 282.1, 282.2), вовлечение (ст. 150, 151, 205.1, 282.1, 282.2 УК РФ).

Иными словами, подкуп имеет достаточно широкое применение в нормах Общей и Особенной частей в УК РФ.

Если обратиться к статьям УК РФ, то следует подчеркнуть, что в них не дается понятия подкупа как такового. В ст. 204 лишь называются признаки коммерческого подкупа. Исходя из смысла ст. 204 УК РФ в самом общем виде подкуп представляет собой передачу лицу денег, ценных бумаг, иного имущества, оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав за совершение действий (бездействия).

В некоторых законах дается более широкий перечень действий, охватываемых понятием подкупа. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 68 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» к подкупу участников референдума относятся:

– вручение им денежных средств, подарков и иных материальных ценностей, кроме как за выполнение организационной работы (за сбор подписей участников референдума, проведение агитации по вопросам референдума);

– вознаграждение участников референдума, выполнявших указанную организационную работу, в зависимости от итогов голосования или обещание произвести такое вознаграждение;

– проведение льготной распродажи товаров, бесплатное распространение любых товаров, за исключением печатных материалов (в том числе иллюстративных) и значков, специально изготовленных для кампании референдума;

– оказание услуг безвозмездно или на льготных условиях;

– воздействие на участников референдума посредством обещаний передачи им денежных средств, ценных бумаг и других материальных благ (в том числе по итогам голосования), оказания услуг иначе чем на основании принимаемых в соответствии с законодательством Российской Федерации решений органов государственной власти, органов местного самоуправления.

Как видно, указанный перечень действий включает в себя не только передачу, оказание, предоставление, но и обещание.

Некорректным является употребление словосочетания «предмет подкупа» применительно к деньгам, ценным бумагам, иному имуществу, услугам имущественного характера, имущественным правам и иным составляющим подкупа, определяемым в том числе с учетом положений Гражданского кодекса РФ. Да, некоторые из них в силу своей материальности являются предметами, но не предметами подкупа как криминального деяния.

Следует сказать, что законодатель и правоприменитель рассматривают деньги, ценные бумаги и иное имущество как предмет. Например, в п. «б» ч. 4 ст. 204 УК РФ устанавливается ответственность за незаконное получение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное пользование услугами имущественного характера или другими имущественными правами за совершение действий (бездействия) в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом служебным положением сопряженными с вымогательством *предмета* подкупа. В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» о деньгах, ценных бумагах, ином имуществе, услугах имущественного характера и имущественных правах говорится как о предмете взяточничества и коммерческого подкупа.

Н. И. Коржанский давал следующее определение предмета преступления – это конкретный материальный объект, в котором проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления), путем воздействия на который причиняется социально опасный вред в сфере этих общественных отношений [4, с. 103]. Профессор А. В. Наумов предлагает понимать под средством совершения преступления те предметы, которые используются преступником для совершения преступления [5, с. 96]. Данные формулировки наиболее распространены в теории уголовного права.

При получении лицом лично или через посредника при подкупе денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера их следует рассматривать не как предмет, а как средство совершения преступления, поскольку преступные действия субъекта преступления направлены не на указанные в статье ценности. Деньги и иные предметы в этом случае

выступают лишь средством достижения преступной цели, преступник, используя их, воздействует на охраняемый законом объект. Деньгам, ценным бумагам, иному имуществу и выгодам имущественного характера вред при подкупе не причиняется.

Важным обстоятельством является то, что при уяснении сущности подкупа как уголовно-правового феномена необходимо учитывать его направленность. В словаре С. И. Ожегова слово «подкупить» трактуется как склонить на свою сторону деньгами, подарками [4]. Иными словами, подкуп – действие, совершаемое в отношении подкупаемого, но не как действие, совершаемое подкупаемым. Такая некорректная трактовка вытекает из названия ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп», которая предусматривает ответственность и за передачу, и за получение. Следовательно, термин «подкуп» законодатель тем самым необоснованно распространил на лицо подкупающее и подкупаемое.

Список литературы

1. Эксанова А. А. Подкуп как криминогенное преступление (понятие, виды, юридический анализ, квалификация) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.
2. Семенов Д. А. Уголовно-правовая оценка подкупа : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
3. Горбунов А. В. Уголовно-правовая характеристика подкупа : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2000.
4. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980.
5. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1997.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994.

OLEG VALER'EVICH KASHIN,

assistant to the judge

(Solnechnogorsky city court of the Moscow region)

E-mail: oleg_vk@mail.ru.

BRIBERY AS CRIMINAL AND LEGAL PHENOMENON: TO STATEMENT OF THE PROBLEM

Annotation: in article bribery is considered as the criminal and legal phenomenon assuming studying of the questions concerning its manifestations in the criminal law, the substantial part and an orientation.

The author marks out that in international law and the Russian legislation the term «bribery» is used rather widely. Thus bribery directly coordinates with a consequence in the form of legal responsibility. In the Criminal code of the Russian Federation the term bribery occurs in articles of the General and Special parts. In criminal and legal sense bribery is offered to be subjected to much wider analysis which is going beyond bribery and commercial bribery including in relation to such acts as hiring, recruitment, inducement, involvement. The list of actions which are included by bribery, has to cover not only transfer, rendering, granting, but also the promise.

The author the incorrectness of the use of the phrase «bribery subject», and also expediency of consideration of bribery as the action made concerning bribed, but precisely the action made the bribed locates. It is specified an incorrectness of the criminal law in this regard.

Key words: bribery, commercial bribery, bribery subject, means of bribery, instigation, hiring, recruitment, inducement, involvement.

References

1. Jeksanova A. A. Podkup kak kriminogennoe prestuplenie (ponjatie, vidy, juridicheskij analiz, kvalifikacija). Dis. kand. jurid. nauk [Bribery as criminogenic crime (concept, types, legal analysis, qualification). Cand. legal sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2001.
2. Semenov D. A. Ugolovno-pravovaja ocenka podkupa. Dis. kand. jurid. nauk [Criminal and legal assessment of bribery. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 1999.
3. Gorbunov A. V. Ugolovno-pravovaja harakteristika podkupa. Dis. kand. jurid. nauk [Criminal and legal characteristic of bribery. Cand. legal sci. diss.]. Cheljabinsk, 2000.
4. Korzhanskij N. I. Ob'ekt i predmet ugolovno-pravovoj ohrany [Objekt and subject of criminal legal protection]. Moscow, 1980.
5. Naumov A. V. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Obshhaja chast' [Russian criminal law. General part]. Moscow, 1997.
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of Russian]. Moscow, 1994.

УДК 343.288
ББК 67.408.032
К78

МАРИНА СЕРГЕЕВНА КРАСИЛЬНИКОВА,
преподаватель кафедры уголовного права
(Кузбасский институт ФСИИ России)
E-mail: borisnat77@mail.ru.

СООТНОШЕНИЕ НОРМ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТСРОЧКЕ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ (Ст. 82 УК РФ)

Реферат: в статье проанализированы условия предоставления отсрочки отбывания наказания, предусмотренные нормами уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, в их соотношении. Анализ данных норм выявил отсутствие единства правового регулирования межотраслевого института отсрочки отбывания наказания, существенные противоречия между положениями уголовного и уголовно-процессуального, уголовного и уголовно-исполнительного законов, а равно их пробельность в рассматриваемом аспекте.

Была выдвинута гипотеза о том, что отсрочка исполнения приговора по основаниям, изложенным в п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ (то есть в связи с беременностью виновной или наличием у лица, совершившего преступление, малолетних детей), применяется самостоятельно и ее существование не обусловлено ст. 82 УК РФ. Аргументами, подтверждающими справедливость этой гипотезы, выступили цели рассматриваемых норм, а также приемы юридической техники, использованные законодателем при их конструировании.

В статье обращено внимание на несогласованность положений ст. 82 УК РФ и ряда статей УИК РФ, касающихся вопросов применения отсрочки наказания в связи с беременностью осужденной или наличием у осужденного малолетних детей, в части видов наказания, при исполнении которых может быть предоставлена такая отсрочка: УИК РФ устанавливает порядок реализации осужденным права на отсрочку дальнейшего отбывания наказания только в отношении обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ и лишения свободы на определенный срок, тогда как УК РФ не содержит перечень видов наказаний, при назначении (исполнении) которых возможно предоставление отсрочки. Из сказанного следует вывод о недопустимом сужении сферы действия уголовного закона предписаниями уголовно-исполнительного.

Сравнительный анализ условий применения отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), изложенных в УК РФ и УИК РФ, показал выраженное неравенство в праве на отсрочку осужденных, в отношении которых приговор еще не вступил в законную силу, и осужденных, отбывающих наказание.

В результате сделан общий вывод о несоответствии рассмотренных нормативных предписаний общеправовым и отраслевым принципам равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма.

Ключевые слова: осужденные, институт освобождения от уголовного наказания, отсрочка отбывания наказания, уголовный закон, отсрочка исполнения приговора, уголовно-исполнительное законодательство, наказание, лишение свободы.

Институт освобождения от уголовного наказания призван реализовывать конституционные принципы справедливости и гуманизма, выражает стремление уголовной политики к экономии мер репрессии, отвечает потребностям современного российского общества. Соответственно отдельные виды освобождения от наказания, предусмотренные УК РФ, лежат в общем русле указанных тенденций. Отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), являясь одновременно формой реализации уголовной ответственности и видом освобождения осужденного от отбывания назначенного судом наказания либо от дальнейшего отбывания наказания, служит важной предпосылкой достижения

социально значимых целей, стоящих перед государством.

Суд может отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребенком 14-летнего возраста, беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до 14 лет и являющемуся единственным родителем, кроме осужденных к ограничению свободы, к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, к лишению свободы на срок свыше 5 лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, к лишению свободы за преступления, предусмотренные ст. 205–205.5 ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4

ст. 211 УК РФ, и сопряженные с осуществлением террористической деятельности преступления, предусмотренные ст. 277–279 и 360 УК РФ (ч. 1 ст. 82 УК РФ).

Указанное положение на первый взгляд относится лишь к случаям, когда отсрочка применяется к лицам, в отношении которых еще не вступил в силу обвинительный приговор суда, однако это не так: в приведенной норме не содержится ограничений подобного рода. Кроме того, в статье прямо говорится об осужденных, то есть лицах, признанных виновными в установленном законом порядке на основании вступившего в силу обвинительного приговора суда. Другими словами, суд может применить отсрочку отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) при наличии к тому оснований как в момент постановления обвинительного приговора, так и на стадии исполнения уголовного наказания [1, с. 98–100; 2, с. 41–42; 3, с. 9–11; 4, с. 2–5; 5, с. 239–243; 6; 7, с. 625–641; 8, с. 985–1029].

Следует подчеркнуть, что нормы об отсрочке отбывания наказания в связи с беременностью женщины или наличием у осужденного малолетних детей не исчерпываются ст. 82 УК РФ, они также предусмотрены Уголовно-процессуальным кодексом в пп. 17, 17.1 ст. 397 «Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора», п. 2 ч. 1 ст. 398 «Отсрочка исполнения приговора» и в ч. 3.1 ст. 26, ч. 5 ст. 42, п. «а» ч. 2 ст. 60.9, ч. 9 ст. 175, ст. 177 УИК РФ, содержащих уголовно-исполнительные предписания об отсрочке, касающиеся соответственно обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ, лишения свободы на определенный срок. Относительно описанной выше ситуации в юридической науке ведется дискуссия по поводу отраслевой принадлежности положений об отсрочке, тем более острая, чем больше противоречий, коллизий и случаев конкуренции норм обнаруживают ученые.

Учитывая объем обозначенной проблематики, затронем лишь некоторые вопросы соотношения отраслевого правового регулирования отсрочки отбывания наказания в связи с беременностью женщины или наличием у осужденного малолетних детей.

Статья 82 УК РФ не называет виды наказаний, которые могут быть отсрочены. Вместе с тем для стадии постановления обвинительного приговора законодатель в ст. 398 УПК РФ предусмотрел возможность применения отсрочки наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, ареста и лишения свободы. Иначе говоря, применяя отсрочку отбывания наказания до начала исполнения наказания, суд должен

руководствоваться предписаниями УПК РФ, в том числе приведенным перечнем наказаний, которые могут быть отсрочены, поскольку решается процедурный вопрос, а не вопрос назначения меры уголовной ответственности – этот этап судебного решения уже пройден. При этом в отличие от уголовно-исполнительных норм, а также пп. 17, 17.1 ст. 397 УПК РФ ст. 398 УПК РФ не ссылается на ст. 82 УК РФ, хотя почти дословно повторяет формулировку ч. 1 ст. 82 УК РФ, изложенную нами выше. Такой законодательный подход заставляет более детально изучить содержание соответствующих положений УК РФ и УПК РФ в их взаимодействии и соотношении.

В сложившейся ситуации возникает ряд вопросов: в какой мере можно полагаться на уголовно-процессуальное регулирование при применении отсрочки отбывания наказания, установленной УК РФ? И насколько вообще правомерна ситуация, когда положения процессуального законодательства ограничивают сферу применения материальных норм в части наказаний, исполнение которых может быть отсрочено? Или полагать, что отсрочка исполнения приговора по основаниям, изложенным в п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ (то есть в связи с беременностью виновной или наличием у лица, совершившего преступление, малолетних детей), применяется самостоятельно и ее существование не обусловлено ст. 82 УК РФ? Следует заметить, что при положительном ответе на последний вопрос выявленные проблемы о несогласованности материальных и процессуальных норм в значительной степени нивелируются.

Нам представляется, что для разрешения данной правовой коллизии необходимо обратиться к целям отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) и целям отсрочки исполнения приговора (ст. 398 УК РФ). Цели отсрочки отбывания наказания в законе не указаны, однако исходя из ее двойственной юридической природы как вида освобождения от наказания и одновременно как формы реализации уголовной ответственности можно утверждать, что такая отсрочка ориентирована на восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, пусть и специфичными средствами, а также на предупреждение совершения новых преступлений. Отсрочка же исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ) обусловлена невозможностью его немедленного исполнения в силу различных обстоятельств, в том числе беременности или наличия малолетних детей. При назначении отсрочки, предусмотренной УК РФ, суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного деяния, смягчающие и отягчающие обстоя-

тельства, личность виновного. Отправным моментом для принятия решения об отсрочке отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) следует считать совокупность данных, свидетельствующих о способности осужденного исправиться посредством проявления заботы о ребенке, его воспитания, обеспечения благополучия семьи. Существенным критерием для применения отсрочки исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ), помимо очевидных трудностей, вытекающих из его немедленного исполнения при наличии указанных в статье оснований, является предположение суда о том, что по истечении срока такой отсрочки приговор будет реализован, осужденный не скроется и не создаст иных препятствий для правосудия.

Таким образом, отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) и отсрочка исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ) являются самостоятельными институтами разных отраслей права, не соотносятся между собой как материальные и процессуальные предписания одного и того же явления, имеют собственные предметы правового регулирования, различные основания и цели применения.

Как упоминалось, ст. 82 УК РФ не называет виды наказаний, при назначении (отбывании) которых может быть предоставлена отсрочка. Тем не менее исходя из смысла рассматриваемой отсрочки и анализа уголовно-исполнительного законодательства можно утверждать, что речь идет о наказаниях, назначаемых в качестве основных, а именно: обязательные работы (ст. 49 УК РФ, ст. 26 УИК РФ), исправительные работы (ст. 50 УК РФ, ст. 42 УИК РФ), принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ, ч. 9 ст. 175 УИК РФ) и лишение свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ, ст. 177 УИК РФ). Само по себе такое законодательное решение вызывает серьезные возражения не только в науке уголовного права, но и на практике: дело в том, что нормы уголовно-исполнительного законодательства об отсрочке в части порядка ее предоставления относятся исключительно к случаям, когда осужденный уже реально отбывает назначенное ему наказание, и не касаются стадии постановления приговора. В соответствии с УК РФ суд может предоставить отсрочку отбывания наказания, предусмотренную ст. 82 УК РФ, от любого вида основного и даже дополнительного наказания, поскольку каких-либо ограничений в данном вопросе норма не содержит. В таком контексте положения УИК РФ значительно сужают сферу применения ст. 82 УК РФ, что ставит под сомнение и осужденных, не отбывающих обязательные, исправительные, принудительные работы или лишение свободы на определенный срок, в неравные условия и

противоречит общеправовым принципам конструирования межотраслевых институтов.

Еще одно противоречие между уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными предписаниями норм об отсрочке отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) кроется в разных условиях ее предоставления. Требования к претенденту на отсрочку в процессе отбывания наказания, изложенные в ст. 82 УК РФ, дополняются обстоятельствами, указанными в УИК РФ. Например, в соответствии с ч. 9 ст. 175 УИК РФ в случае наступления беременности женщина, осужденная к обязательным работам, исправительным работам, принудительным работам, вправе обратиться в суд с ходатайством об отсрочке ей отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам. Речь идет только о беременной женщине, что значительно сокращает круг лиц, в отношении которых возможна отсрочка за счет осужденных, ставших, например, усыновителями или приемными родителями в процессе отбывания наказания, принявших на себя обязанности по опеке малолетнего ребенка в возрасте до трех лет и т. п. Буквально толкуя эту норму, можно сделать еще два вывода: во-первых, право на обращение с ходатайством об отсрочке имеют только беременные женщины, отбывающие лишь указанные наказания, во-вторых, этим женщинам отсрочка может быть предоставлена исключительно с момента их отпуска по беременности и родам. Оба вывода, безусловно, противоречат действующему уголовному законодательству, что свидетельствует о необходимости переработки отдельных положений УИК РФ.

Помимо перечисленного, всем осужденным, отбывающим наказание и претендующим на отсрочку, необходимо «заручиться» положительной характеристикой от органа или учреждения, исполняющего уголовные наказания, выраженной в представлении данного органа или учреждения. В представлении кроме характеристики осужденного в плане его морально-психологических качеств обязательно содержатся сведения о поощрениях и взысканиях, полученных осужденным во время отбывания наказания, наличии или отсутствии тенденций к исправлению, общий вывод о возможности отсрочить осужденному дальнейшее отбывание наказания. Как мы видим, сравнительный анализ условий отсрочки (ст. 82 УК РФ) для лиц, еще не отбывавших наказание, и лиц, в отношении которых наказание исполняется, показывает выраженное их неравенство.

Дополнительные по сравнению с уголовно-правовыми условия отсрочки (ст. 82 УК РФ) определены в ст. 177 УИК РФ и для осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определенный срок. В частности, в ч. 2 ст. 177 УИК РФ говорится о том, что администрация исправительного учреждения в течение 10 дней после подачи осужденным ходатайства об отсрочке отбывания наказания запрашивает в соответствующих органах государственной власти, органах местного самоуправления и у родственников осужденного справку о согласии родственников принять осужденного и ребенка, предоставить им жилье и создать необходимые условия для проживания или справку о наличии у осужденного жилья и необходимых условий для

проживания с ребенком. Подобные обязательные требования не предъявляются к иным категориям осужденных (подсудимых), несмотря на то что отвечают принципам целесообразности и разумной экономии мер уголовной репрессии, соответствуют социальному назначению отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) – обеспечению нормальных условий для физического и нравственного развития ребенка, сохранению семьи, реализации родительской заботы о малолетнем.

Подводя итог, следует отметить, что затронутые нами проблемы отражают лишь малую часть противоречий, существующих в рамках правовой регламентации института отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ).

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. А. Ашин, А. П. Войтович, Б. В. Волженкин [и др.]; под ред. А. И. Чучаева. М., 2010. 1032 с.
2. Гончаров М. А. Нарушение порядка предоставления отсрочки отбывания наказания, предусмотренной ст. 82 УК РФ // Законность. 2011. № 3. С. 41–42.
3. Зиядова Д. З. Уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические проблемы отсрочки отбывания наказания беременными женщинами, имеющими малолетних детей // Следователь. 2002. № 2. С. 9–11.
4. Яковлева Л. В. Проблемы законодательного регулирования отсрочки исполнения наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2010. № 2. С. 2–5.
5. Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 2 : учение о наказании. 464 с.
6. Артеменко Н. В. Отсрочка отбывания наказания и отсрочка исполнения приговора: соотношение понятий // Актуальные проблемы общей части уголовного права / под ред. В. Т. Гайкова, Н. Г. Шимбаревой. Ростов-н/Д, 2006. 720 с.
7. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2012. 752 с.
8. Полный курс уголовного права : учебник : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1 : преступление и наказание. 1132 с.

MARINA SERGEEVNA KRASILNIKOVA,
lecturer of the department of the criminal law,
(Kuzbass institute of the FPS of Russia)
E-mail: borisnat77@mail.ru.

THE RATIO OF THE SECTORAL LEGISLATION OF THE PUNISHMENT SERVING TEMPORARY SUSPENSION (Art. 82 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation: the author of the article analyzes the conditions for granting a temporary suspension of the penalty serving (art. 82 of the Criminal code of the Russian Federation), provided by the criminal, criminal procedure and criminal executive legislation. The analysis of these rules of law revealed the absence of unity of the legal regulation of the interdisciplinary institute of the penalty delay, essential contradictions between the criminal law and the criminal procedure law, the criminal law and the criminal executive laws and their legislation gaps in the considered aspect.

Searching of the ways of overcoming these contradictions became the purpose of our research, with the following methods. First of all, there was the hypothesis that the delay of serving of punishment, which is given because of the pregnancy or having minor children by the person who committed the crime (point 2 part 1 of art. 398 of the Criminal Procedure code), is applied independently and its existence isn't caused by the art. 82 of the Criminal code of the Russian Federation. The purposes of the considered standards and the legal techniques used by the legislator in its designing have become the support of this hypothesis fairness.

The article calls attention to the inconsistency of the provisions of art. 82 of the Criminal code and a number of the articles of the Criminal Executive code of the Russian Federation concerning questions of the application of a delay of punishment because of the pregnancy or having minor children by the person who committed the crime in the types of punishment, which execution can be delayed. So, the procedure for the realization the right to the deferring of exercising punishment established in the Criminal Executive code of the Russian Federation only for compulsory works, corrective works, forced hard labors, imprisonment for a fixed term, while the Criminal code does not contain the list of punishments in the appointment (performance) granting a delay is possible.

From the information above the conclusion about the inadmissible narrowing of an area of the criminal law by instructions of the criminal executive law follows. The comparative analysis of the conditions of application of the delay (art. 82 of the Criminal code), showed the expressed inequality in the conditions for a delay to persons whose sentences have not yet entered into a force and the persons with serving sentences.

The author comes to conclusion of the non-conformity of the present-day situation in the common law and the branch principles of the equality of the citizens before the law, justice and humanism.

Key words: the convicted, institute of freeing from the sentence, a delay of the penalty serving, legislation, postponing sentence, criminal law, punishment, imprisonment.

Referenses

1. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) [The comment to the Criminal code of the Russian Federation (itemized)]. A. A. Ashin, A. P. Vojtovich etc.; edited by A. I. Chuchayev. Moscow, 2010, 1032 p.

2. Goncharov M. A. Narushenie porjadka predostavlenija otsrochki otbyvanija nakazaniya, predusmotrennoj st. 82 UK RF [Violation of an order of granting the delay of serving of punishment provided by Art. 82 of the Criminal code of Russian Federation]. *Zakonnost'* – The legality, 2011, no. 3, pp. 41–42.

3. Zijadova D. Z. Ugolovno-pravovye, ugolovno-ispolnitel'nye i kriminologicheskie problemy otsrochki otbyvanija nakazaniya beremennymi zhenshhinami, imejushhimi maloletnih detej [Criminal law, penal law and criminological problems of postponing sentence to the pregnant women with juvenile children]. *Sledovatel'* – The investigator, 2002, no. 2, pp. 9–11.

4. Jakovleva L. V. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya otsrochki ispolnenija nakazaniya beremennym zhenshhinam i zhenshhinam, imejushhim maloletnih detej [Problems of the legislative regulation of a delay of an execution of the punishment to the pregnant women and women having juvenile children]. *Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie* – Criminal executive system: law, economics, management, 2010, no. 2, pp. 2–5.

5. Kurs ugolovnogo prava. Obshhaja chast'. T. 2 : Uchenie o nakazanii [Course of the criminal law. General part. Vol. 2: The doctrine of the punishment. Edited by N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova]. Moscow, 2002, 464 p.

6. Artemenko N. V. Otsrochka otbyvanija nakazaniya i otsrochka ispolnenija prigovora: sootnoshenie ponjattij [The delay of serving of the punishment and the delay of execution of a sentence: correlation of the concepts]. *Aktual'nye problemy obshhej chasti ugolovnogo prava* [The Actual problems of the general part of the criminal law. Edited by V. T. Gaykov, N. G. Shimbareva. Rostov-on-Don, 2006, 720 p.

7. Bezlepkin B. T. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) [The comment to the Code of criminal procedure of the Russian Federation (itemized)]. Moscow, 2012, 752 p.

8. Polnyj kurs ugolovnogo prava [A full course of the criminal law. In 5 vol. Edited by A. I. Korobeev. Vol. 1: The crime and the punishment]. St. Petersburg, 2008. 1132 p.

УДК 343.83
ББК 67.409р31
П16

ИВАН ЮРЬЕВИЧ ПАНИН,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России)
E-mail: panivan1989@mail.ru.

УСТАНОВЛЕНИЕ КРИМИНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ОСУЖДЕННЫМИ КАК ДИСФУНКЦИЯ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Реферат: статья посвящена феномену криминальных связей осужденных, установление и поддержание которых является объективным следствием исполнения наказания в виде лишения свободы.

Исключить криминогенные формы общения осужденных в условиях отрядной системы исполнения наказаний крайне затруднительно. Основные факторы, стимулирующие установление криминальных связей осужденных, представляют собой дисфункцию исполнения наказания в виде лишения свободы.

Наказание в виде лишения свободы, наряду с социально полезными целями, имеет ряд негативных последствий, свидетельствующих о дисфункциональности изоляции осужденных от общества.

Лишение свободы, пожалуй, единственный вид уголовного наказания, в рамках которого возможно использование всех средств исправления и достижение целей наказания. Кроме того, лишение свободы – это единственный вид уголовного наказания, дисфункцией исполнения которого являются установление и поддержание криминальных связей осужденными.

В качестве негативных последствий выступают: нахождение осужденного в течение длительного времени в ограниченном пространстве; высокая концентрация лиц с социально деформированной системой отношений и взглядов; однополюс коллектив; отсутствие реальной свободы выбора в определении круга лиц для непосредственного контакта; ограниченные возможности в удовлетворении социально-бытовых потребностей; наличие специфических, неформальных норм и традиций, обусловленных криминальной субкультурой.

В местах лишения свободы объективно создаются условия для криминализации межличностных связей осужденных. Установление таких связей есть не что иное, как проявление дисфункции наказания в виде лишения свободы. В условиях изоляции осужденные вынуждены определенным образом подстраиваться под ту систему ценностей, которая существует в исправительных учреждениях.

Установление и поддержание криминальных связей осужденными в период отбывания уголовного наказания носят объективный характер и определяются следующими основными детерминантами пенитенциарного свойства: а) необходимость идентификации положения осужденного в системе неформального общения; б) стремление к удовлетворению нормальных и деформированных потребностей; в) мотивация накопления и обмена преступным опытом.

Ключевые слова: криминальные связи осужденных, негативные последствия лишения свободы, пенитенциарная преступность, пенитенциарная профилактика преступлений, криминальная субкультура, дисфункция наказания, исправительные учреждения, исполнение наказания.

На протяжении столетий общество пыталось найти эффективные средства защиты от преступных посягательств. История богата различными примерами применения самых радикальных средств воздействия на преступников. «Вместе с тем обеспечение безопасности общества во многом предопределяется исполнением уголовных наказаний» [1, с. 59]. Правоприменительная практика, в свою очередь, вносила коррективы в законодательные решения. Итогом этого долгого пути стало формирование концепции преобладания в карательном воздействии на правонарушителей наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Однако выработанная концепция пока не реализуется должным образом. Тенденции к снижению количества лиц,

лишенных свободы, не столь положительны, как ожидалось. В связи с этим совершенствование практики исполнения наказания в виде лишения свободы не теряет своей актуальности, а с учетом сформировавшейся традиции отказа от применения смертной казни активизация поиска оптимальных форм воздействия на лиц, изолированных от общества, только увеличивается.

Наказания с изоляцией от общества «всегда отвечает обществу, стране, государству, можно сказать, является слепком с них» [2, с. 42–48]. Лишение свободы, как и любой другой вид уголовного наказания, имеет социально полезные цели: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений как самим осужден-

ным, так и иными лицами (ч. 2 ст. 43 УК РФ, ч. 1 ст. 1 УИК РФ). При этом последствия применения лишения свободы могут расцениваться как негативные, свидетельствующие о дисфункциональности изоляции осужденных от общества.

Дисфункция (от лат. *dis* – приставка, обозначающая затруднение, нарушение, расстройство, и *functio* – осуществление, исполнение, деятельность) – понятие, характеризующее такой тип отношений, когда последствия некоторого явления, события, действия или процесса оказываются неблагоприятными для данного объекта [3, с. 196]. Понятие дисфункции используется в правовой науке крайне редко, исключения составляют отдельные публикации, которые по своей сути оказываются далеки от проблем института наказания. Возможно, это связано с тем, что терминологическая традиция отечественной юриспруденции довольно консервативна.

В контексте рассматриваемой нами проблемы традиционно принято говорить о негативных последствиях применения наказания в виде лишения свободы. Например, И. И. Аминов отмечает: «Наказание, будучи положительным инструментом регулирования общественных отношений, при его исполнении порождает определенные негативные последствия, о чем свидетельствует международный и отечественный опыт» [4, с. 526]. Обращение к большому количеству литературных источников позволило установить и отнести к числу негативных последствий следующее:

- нахождение осужденного в течение длительного времени в ограниченном пространстве;
- высокая концентрация лиц с социально деформированной системой отношений и взглядов;
- однополюсый коллектив;
- отсутствие реальной свободы выбора в определении круга лиц для непосредственного контакта;
- ограниченные возможности в удовлетворении социально-бытовых потребностей;
- наличие специфических, неформальных норм и традиций, обусловленных криминальной субкультурой, и т. д.

Таков далеко не полный перечень тех негативных условий, в которых оказывается осужденный помимо своей воли, попадая в места лишения свободы. Но даже он дает все основания считать, что нахождение в местах лишения свободы не только не отделяет осужденного от системы внутригруппового и межличностного общения, но и в значительной степени определяет его направленность. Согласно результатам проведенного нами исследования такое общение не лишено негативного (криминального) содержания. К сожалению, в местах лишения свободы объективно создаются усло-

вия для криминализации межличностных связей осужденных. По нашему мнению, установление таких связей есть не что иное, как проявление дисфункции наказания в виде лишения свободы.

Следует понимать, что избежать различных форм общения в среде осужденных в условиях изоляции и отрядной системы исполнения лишения свободы невозможно. Неформальные нормы криминальной субкультуры, как правило, стимулируют нежелание осужденного вступать в те или иные отношения с другими осужденными, вынуждают его противопоставлять себя всему пенитенциарному социуму. Это объективно может служить основанием для перерастания пенального конфликта в пенитенциарный (И. Уваров) и, в свою очередь, создает дополнительные негативные условия, связанные с отбыванием им наказания.

По мнению Г. А. Аванесова, «личность в своем развитии, в процессе общения с другими людьми соприкасается с широкой социальной средой через ряд опосредующих звеньев, функционируя в которых она участвует в жизни общества. Непосредственные условия жизни и деятельности человека, в которых проявляются в специфических формах общественные отношения широкой социальной среды и которые опосредствуют влияние общества на него, представляют собой микросреду личности. Иначе говоря, это та призма, через которую преломляется воздействие на личность макросреды – общей социальной среды» [5, с. 281]. В условиях исправительного учреждения микросреда – это ближайшее окружение осужденного не только в данный момент, но и на протяжении довольно длительного времени. Данное обстоятельство существенно отличает среду осужденных от других аналогичных социальных образований.

Все социальные связи, которые может поддерживать (устанавливать) осужденный в период отбывания наказания в виде лишения свободы, можно разделить на три группы: социально полезные, социально-нейтральные, социально-негативные [6, с. 12].

Для того чтобы правильно оценить криминальный характер той или иной связи, необходимо рассмотреть ее с позиции криминализации отношений, которые могут возникать между осужденным и иными лицами, имеющими возможность вступать с ним в контакт.

Социальные связи вне зависимости от их характера возникают в любом социуме на основе социального взаимодействия конкретной личности и социального окружения (группы), поэтому целью такого взаимодействия может выступать лишь удовлетворение каких-либо потребностей. При оценке возможностей удовлетворения тех или иных потребностей в литературе употребляются два

самостоятельных понятия – «связь» и «взаимосвязь». Нередко их рассматривают как синонимы, однако содержание их неодинаково. Профессор М. И. Еникеев полагает, что эти два понятия – антиподы: «Связи между индивидуумами сводятся чисто к информационному процессу, а взаимосвязи – к материальным, предметным действиям. На этой основе можно сделать вывод о том, что межличностные связи никакого отношения к противоправной деятельности не имеют, так как они не могут рассматриваться как уголовно наказуемые деяния» [7, с. 18]. Полагаем, что подобное представление связано с недооценкой роли информации в передаче преступного опыта одних осужденных другим. Это обстоятельство было и остается краеугольным камнем в системе межличностных отношений в местах лишения свободы. Большая часть критики в адрес системы исполнения наказания и в нашей стране, и за рубежом сводится именно к информационной составляющей межличностных связей осужденных, дающих им реальную возможность не только обмениваться криминальными знаниями, но и существенно влиять на формирование мотивационной сферы личности осужденных с небольшим криминальным опытом. Именно это обстоятельство лежит в основе представления о том, что места лишения свободы являются «школой преступников» (Ч. Ломброзо, Я. Бельсон, Я. Коротков).

Мы склонны полагать, что в условиях изоляции осужденные вынуждены определенным образом подстраиваться под ту систему ценностей, которая существует в исправительных учреждениях. «Деформация социальных отношений осужденных складывается и проявляется в ходе межличностного, группового и массового общения. Именно в процессе общения, а не в вакууме происходит искажение норм, социальных связей, стереотипов и ценностных установок» [8, с. 259]. Если взять за основу представление о социальных связях в среде осужденных, предложенное Г. Ф. Хохряковым, то основной целью любого отбывающего наказание в виде лишения свободы является желание выжить, то есть отбыть срок до его окончания.

Специалисты в области социологического направления в криминологии определяют социальное взаимодействие как «такое поведение индивида или группы, которое имеет целью удовлетворение определенной социальной потребности и направлено на другого индивида или группу, имеющую для него значение» [9, с. 13]. Приведенное определение в полной мере соответствует гипотезе, высказанной профессором Г. Ф. Хохряковым. Любая группа осужденных независимо от способа ее образования стремится не вступать в противоречия с

общей системой ценностей, преобладающих в конкретном исправительном учреждении. В таком контексте становится понятным существующее неформальное деление всех исправительных учреждений на «черные» и «красные» [10, с. 343].

Обращение к неформальному делению исправительных учреждений в литературе еще раз свидетельствует об имеющей место дисфункции в деятельности всей системы исполнения наказаний. К большому сожалению, до настоящего времени этот феномен отечественной системы исполнения наказаний не стал предметом самостоятельного изучения. Полагаем, что отдельные авторы (В. М. Демин, А. М. Колосков, З. С. Токубаев, О. А. Чистотина), рассматривавшие, например, неслужебные связи сотрудников с осужденными, отмечали их дисфункциональный характер, но не как непосредственный объект исследования, а как один из негативных факторов или недостатков в деятельности администрации мест лишения свободы. В рамках нашей статьи мы можем лишь констатировать наличие таких связей и пытаемся показать их исключительно дисфункциональный характер.

Предпринятая нами попытка рассмотреть криминальные связи осужденных к лишению свободы в контексте дисфункциональности исполнения наказания в виде лишения свободы позволяет сделать некоторые обобщения.

1. Лишение свободы представляет собой, пожалуй, единственный вид уголовного наказания, в рамках которого возможно использование всех средств исправления и достижение целей наказания. Кроме того, лишение свободы – это единственный вид уголовного наказания, дисфункцией исполнения которого являются установление и поддержание криминальных связей осужденными.

2. Как исполнение наказания в виде лишения свободы дисфункция представляет собой совокупность зависимостей между осужденными, персоналом и лицами, находящимися на свободе, реализующихся через их взаимодействие по поводу снижения уровня правоограничений исполнения наказания в виде лишения свободы и выражающихся в продолжаемой противоправной (преступной) деятельности.

Установление и поддержание криминальных связей осужденными в период отбывания уголовного наказания носят объективный характер и определяются следующими основными детерминантами пенитенциарного свойства: а) необходимостью идентификации положения осужденного в системе неформального общения; б) стремлением к удовлетворению нормальных и деформированных потребностей; в) мотивацией накопления и обмена преступным опытом.

3. Криминальные связи осужденных представляют собой самостоятельный объект предупредительного воздействия, требующий специального нормативного регулирования.

Совершенствование нормативного регулирования предупреждения криминальных связей осужденных должно идти по следующим направлениям:

– отдельное содержание осужденных – соучастников группового преступления, совершивших однотипные преступления (например, в сфере незаконного оборота наркотических средств). Особенно актуально данное положение для камерного типа содержания осужденных к лишению свободы, переход к которому планируется в результате реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года;

– урегулирование случаев исполнения лишения свободы в регионах, удаленных от места житель-

ства осужденного. Применение данной меры целесообразно к осужденным – участникам организованных преступных групп и формирований;

– криминализация деяний, являющихся следствием поддержания запрещенных связей осужденными с персоналом исправительных учреждений и лицами, находящимися на свободе. В связи с этим предлагаем дополнить действующий Уголовный кодекс Российской Федерации самостоятельной ст. 321.1 «Незаконные приобретение, передача, хранение вещей или предметов, запрещенных к хранению или использованию в исправительных учреждениях или местах предварительного заключения». Целесообразно предусмотреть уголовную ответственность осужденного за совершение указанных действий неоднократно в течение одного месяца, если он ранее наказывался за них в дисциплинарном порядке.

Список литературы

1. Королева Е. В. Обеспечение безопасности общества путем изоляции осужденного // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 2. С. 59.
2. Антонян Ю. М., Антонян Е. А. Условия отбывания наказания в виде лишения свободы как объект теоретического исследования // Человек : преступление и наказание. 2010. № 4. С. 42–48.
3. Краткий философский энциклопедический словарь / под ред. А. П. Алексева. М., 2008. 496 с.
4. Аминов И. И. Психология для юристов. М., 2005. 552 с.
5. Криминология / под ред. Г. А. Аванесова. М., 2005. 480 с.
6. Крылов А. С. Изоляция от общества в условиях лишения свободы и социальные связи осужденных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 22 с.
7. Еникеев М. И. Психология преступного поведения // Юрид. психология. 2006. № 4. С. 18.
8. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. М., 2000. 454 с.
9. Асадов А. Н., Прозоровская К. А. Социальная криминология: учеб. пособие / под ред. В. К. Потемкина. СПб., 2004. 77 с.
10. Гилянский Я. И. Криминология : курс лекций. СПб., 2002. 384 с.

IVAN YURYEVICH PANIN,

adjunct of teaching staff training department
(The Academy of the Federal Penal Service of Russia)
E-mail: paninivan1989@mail.ru.

CRIMINAL LINKS ESTABLISHED BY THE CONVICTED AS A DISFUNCTION OF IMPRISONMENT PENALTY

Annotation: the article describes links between the convicted being an objective consequence of imprisonment penalty.

Today we can definitely state that it's impossible to ignore criminogenic forms of communication between the convicted. The main factors contributing to these links are sure to be a dysfunction of imprisonment penalty.

Alongside with socially useful goals imprisonment penalty has a number of negative effects, indicating dysfunctional isolation convicts from society.

Imprisonment is perhaps the only form of criminal punishment which allows to use all the means of correction and achieve the purposes of punishment. More than that, imprisonment is the only form of criminal punishment accompanied by establishing criminal ties between convicts.

The negative effects are: finding a convict in a confined space for a long period of time; high concentration of people with socially distorted system of relations and attitudes; homosexual community; lack of real freedom

in choosing people for direct contact; limited opportunities to satisfy social and household needs; specific, informal norms and traditions shaped by criminal subculture.

It must be admitted that interpersonal relations between convicts in prisons cannot choose but flourish. It should be regarded as a dysfunction of imprisonment penalty. Being isolated, convicts are forced to adjust to a particular system of values existing in prisons.

Criminal links of the convicted in prisons are determined by: a) the need to identify one's status in informal communication; b) the necessity to meet one's normal and abnormal needs; c) the motivation to accumulate and exchange criminal experience.

Key words: criminal links of the convicted; negative effects of imprisonment ; penal crime; penal prevention of crimes; criminal subculture; disfunction of penalty; prisons; penalty.

References

1. Koroleva E. V. Obespechenie bezopasnosti obshhestva putem izoljatsii osuzhdenного [Safety of society by isolation condemned]. Uголовно-исполнительное право – Penal law, 2010, no. 2, p. 59.
2. Antonjan Ju. M., Antonjan E. A. Uslovija otbyvanija nakazanija v vide lishenija svobody kak ob'ekt teoreticheskogo issledovanija [Conditions of serving of punishment in the form of imprisonment as object of theoretical research]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2010, no. 4. pp. 42–48.
3. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' [The philosophical encyclopedic dictionary]. Under the editorship of A. P. Alekseev. Moscow, 2001, p. 496.
4. Aminov I. I. Psihologija dlja juristov [Psikhologiya for lawyers]. Moscow, 2005, p. 552.
5. Kriminologija [Criminology]. Under the editorship of G. A. Avanesov. Moscow, 2005, p. 281.
6. Krylov A. S. Izoljacija ot obshhestva v uslovijah lishenija svobody i social'nye svjazi osuzhdennyh. Avto-ref. dis. kand. jurid. nauk. [Isolation from society in the conditions of imprisonment and social communications of the condemned. Cand. jurid. sci. diss. abstract]. Moscow, 1983, p. 12.
7. Enikeev M. I. Psihologija prestupnogo povedenija [Psikhologiya of criminal behavior]. Juridicheskaja psihologija – Legal psychology, 2006, no. 4, p. 18.
8. Antonjan Ju. M., Enikeev M. I., Jeminov V. E. Psihologija prestuplenija i nakazanija [Psikhologiya of a crime and punishments]. Moscow, 2000, p. 259.
9. Asadov A. N., Prozorovskaja K. A. Social'naja kriminologija: ucheb. posobie [Social criminology]. Under the editorship of V. K. Potemkin. Sankt-Peterburg, 2004, p. 13.
10. Gilinsky Ya. I. Kriminologija [Kriminologiya]. course of lectures. Sankt-Peterburg, 2002, 384 p.

УДК 343.195
ББК 67.410.213.5
Ч-49

ЮЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА ЧЕРНОМОРЕЦ,
прокурор отдела государственных обвинителей
(Прокуратура Рязанской области)
E-mail: tchernomorets2011@yandex.ru.

СУД ПРИСЯЖНЫХ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Реферат: предметом исследования является рассмотрение уголовных дел с участием коллегии присяжных заседателей и его последствия, цель – выявление и определение путей разрешения проблем вынесения по уголовным делам, рассмотренным с участием коллегии присяжных заседателей, оправдательных приговоров, когда вина подсудимого стороной обвинения была доказана исследованными в судебном заседании доказательствами в полном объеме, а также обвинительных вердиктов при отсутствии законных оснований.

Прошло почти двадцать три года с начала введения суда присяжных в России. Данный институт также стартовал с октября 2010 г. и в Чеченской Республике. В связи с этим можно говорить о его функционировании на всей территории Российской Федерации. Однако утверждать, что институт присяжных заседателей в России достаточно законодательно урегулирован, считать его состоявшимся пока очень рано. В обществе среди профессиональных юристов, научных работников имеют место споры о целесообразности введения данного института в России и его значимости.

Анализ сложившейся в судах практики показал, что количество дел, рассмотренных с участием коллегии присяжных заседателей, а также число оправдательных приговоров по делам данной категории с каждым годом увеличивается.

Изучение причин, способствовавших принятию судьями факта необоснованного решения, показало, что действующее законодательство, регулирующее порядок рассмотрения уголовного дела с их участием, несовершенно и требует изменений. В статье предложены пути разрешения сложившихся проблем.

Результат исследований свидетельствует о том, что в целях социальной справедливости, соблюдения принципа равенства перед законом необходимо внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, которые расширят права председательствующего по делам при вынесении коллегией присяжных заседателей оправдательных вердиктов, позволят избежать влияния участников процесса на объективность фактических обстоятельств, а также изменят процедуру рассмотрения дела в случае необоснованного обвинительного вердикта.

Ключевые слова: суд присяжных, уголовный процесс, прокурор, обвинение, присяжные заседатели, вердикт, потерпевшие, свидетели, обвиняемые, доказательства, характеризующие данные, приговор.

Рассматривая развитие института суда присяжных в Российской империи, необходимо отметить, что оно непосредственно связано с введением судебных уставов от 20 ноября 1864 г., которые узаконили новые принципы судостроительства и судопроизводства. Согласно указу об опубликовании судебных уставов от 20 ноября 1864 г. задачей судебной реформы являлось введение суда скорого, правого, милостивого, равного для всех. В этих целях они вводили формальную несменяемость судей и независимость суда от администрации, гласность и публичность заседаний, состязательный процесс, институты адвокатуры, присяжных заседателей, выборный мировой суд, нотариат и т. д.

Вводя институт суда присяжных в судебную систему, правительство надеялось тем самым поднять авторитет суда.

Имели место сложные процессы, носившие политический характер, в которых суд присяжных,

вопреки желанию судей, выносил обвиняемым оправдательный вердикт. Такими, например, являлись дело Веры Засулич, рассмотренное в 1878 г. в петербургском окружном суде, дело 1885 г. по обвинению морозовских ткачей – во владимирском суде.

Так, в своем труде «Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных» (1896) А. М. Бобринцев-Пушкин указал на то, что в подсудности присяжных имелось 410 статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, что составляло 1/5 действовавшего уголовного законодательства. Например, в период с 1873 по 1878 год в окружных судах каждый год в среднем выносилось 75,8 % решений по уголовным делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей [1]. Следовательно, можно утверждать, что суд присяжных играл важную роль в судебной системе России первого периода. Вместе с тем отмечалось вынесение большого количества оправдательных приговоров

по делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей, о преступлениях, совершенных по службе, а также против порядка управления. По результатам рассмотрения дел присяжными было вынесено 58 % оправдательных приговоров, а без их участия только 24,5 % [2]. Это объясняется тем, что в связи со сложностью, запутанностью преступлений данной категории присяжные не всегда справлялись с возложенной на них функцией – разобраться в рассматриваемом уголовном деле. По преступлениям, совершенным против власти, а также против существовавшего порядка, присяжные заседатели принимали обвинительное решение в 64 %. Юрист Н. П. Тимофеев отмечал, что чрезмерная снисходительность института присяжных заседателей в некоторых случаях не обоснована, на что Министерство юстиции обратило свое внимание [3].

Судебная практика показала, что окружными судами вынесено 40–50 % оправдательных приговоров, что было отменено в циркуляре от 28 февраля 1874 г. В связи с этим Министерство юстиции потребовало разъяснить причины, вызвавшие вынесение оправдательных приговоров, если их число более 20 % общего числа [4]. Предпринятые меры никаких результатов не дали, что отражено в циркуляре от 14 мая 1874 г. В приложении к данному циркуляру имелась разработанная форма, предусматривающая порядок представления в Министерство юстиции сведений о принятых оправдательных приговорах. В последующем в циркулярах от 23 сентября 1874 г., 20 февраля 1875 г. предъявлялись требования представлять председателями окружных судов сведения об оправдательных приговорах с указанием причин, повлекших за собой принятие таковых решений. Однако на судебную практику какого-либо влияния эти циркуляры не оказывали. Вместе с тем репрессивность приговоров, которые выносили присяжные, уменьшилась.

А. К. Афанасьев пытался обосновать хронологию развития института суда присяжных в России. Он определил два периода, которые обозначил следующим образом: первый период – начало 1866 г., второй – 1885 г. [5]. Он считал, что начало первого периода следует связывать с реальным исполнением судом присяжных его функции (1866), а второго – с необходимостью проведения судебных реформ. Свою позицию он обосновал докладом К. П. Победоносцева в 1885 г. Александру III «О необходимости судебных реформ», в котором обращал внимание на то, что суд присяжных является бесполезным и от него следует отказаться [6].

Изучение сложившейся практики показало, что критерием периодов становления и развития суда присяжных должен стать анализ действующего

законодательства, который, в свою очередь, поможет определить его изменение на этапах деятельности судебной системы в России.

Доктор юридических наук А. А. Демичев выделил четыре периода развития института суда присяжных в России [7]: 1-й этап – с 20 ноября 1864 г. по 9 мая 1878 г. (принятие в России судебных уставов (1864); 2-й – с 9 мая 1878 г. по 7 июля 1889 г. (кризис суда присяжных, принятие законов, изменивших регулирование, формирование и деятельность данного института и сокративших количество дел, подлежащих рассмотрению с его участием); 3-й – с 7 июля 1889 г. по 4 марта 1917 г. (роль института суда присяжных резко понизилась, и функционировал он в соответствии с законом, принятым на втором этапе развития института суда присяжных); 4-й – с 4 марта 1917 г. по 22 ноября (5 декабря) 1917 г. (компетенция суда присяжных была наиболее широкой за все время его существования).

Суд присяжных юридически прекратил свое существование в России после Октябрьской революции. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Совнарком Декретом о суде № 1 постановил «упразднить доныне существующие общие судебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты и Правительствующий сенат со всеми департаментами...». Соответственно упразднялся и институт присяжных заседателей, действовавший в этих судебных местах.

Концепция судебной реформы принята Постановлением Верховного Совета РСФСР 18 октября 1991 г. № 1765-I, что явилось началом нового этапа российского правосудия. Введение в России суда присяжных должно было обеспечить соблюдение гарантированного Конституцией Российской Федерации права граждан на рассмотрение дел с его участием.

Конституцией РСФСР (1991–1992 гг.), а затем Конституцией РФ, принятой 12 декабря 1993 г., право обвиняемых на рассмотрение их дел с участием присяжных заседателей было закреплено на высшем законодательном уровне. Первоочередным источником, регулирующим отправление правосудия судом присяжных, является Конституция РФ. В Конституции Российской Федерации от 1993 г. данной форме судопроизводства отведены ст. 20 и 47 гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» и ст. 123 гл. 7 «Судебная власть».

Раздел X – «Производство в суде присяжных» введен в УПК РСФСР Законом Российской Федерации от 16 июля 1993 г. Так, рассмотрение дел с участием коллегии присяжных заседателей с 1 ноября 1993 г. было введено первоначально в Ивановской, Московской, Саратовской и Рязанской областях, с 1 января

1994 г. – в Ростовской и Ульяновской областях, Алтайском и Краснодарском краях.

Первый процесс с участием коллегии присяжных заседателей в отношении Артура и Александра Мартыновых, которые обвинялись в совершении из корыстных побуждений и с особой жестокостью умышленного убийства трех человек, а также в разбойном нападении, совершенном группой лиц по предварительному сговору, проходил в Саратовском областном суде в период с 15 по 17 декабря 1993 г. По результатам рассмотрения дела деяния подсудимых были переквалифицированы на более мягкую статью УК РФ, им назначены небольшие сроки лишения свободы [8].

Порядок судопроизводства с участием присяжных заседателей определен в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, которым предусмотрены подсудность дел и количество состава коллегии присяжных заседателей, предоставлена возможность привлечения запасных присяжных. Суд присяжных с 1 января 2004 г. стал одной из форм отправления правосудия представителями общественности, которая закреплена была изначально в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Законе РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судостроительстве РСФСР», Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

В настоящее время на основании анализа сложившейся судебной практики можно сделать вывод о том, что суд присяжных развивается по спирали, с каждым годом количество оправдательных вердиктов возрастает. Например, Рязанским областным судом с участием коллегии присяжных заседателей в 2013 г. было вынесено 3 оправдательных приговора, а в 2012 г. – 1. В 2006 г. на основании оправдательных вердиктов коллегии присяжных заседателей вынесены оправдательные приговоры в отношении 227 подсудимых из 1306, в 2007 г. – 238 из 1156, в 2008 г. – 236 из 1135, в первой половине 2009 г. – 107 из 588. Это 17,4; 20,6; 20,7 и 18,2 % соответственно.

Возникшую проблему – несовершенство суда присяжных, повлекшее за собой вынесение большого количества оправдательных вердиктов, а также существенное нарушение уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дел данной категории, законодатель решил изменением с 1 августа 2013 г. подсудности уголовных дел, исключив из компетенции присяжных дела о тяжких преступлениях, и передал их районным судам.

Законом предусмотрено, что присяжные заседатели – это судьи факта и могут принимать участие

в исследовании только допустимых, относимых доказательств, оценивая которые они смогут в совещательной комнате ответить на поставленные перед ними вопросы.

Следует согласиться с В. В. Мельник и Н. Ю. Решетовой в том, что любой человек при восприятии и переработке информации в той или иной степени использует все системы (зрительную, аудиальную и кинестетическую), однако преобладающей, доминирующей, более развитой обычно оказывается одна из них. Представление важной информации присяжным заседателям путем озвучивания, демонстрация имеет особенно большое значение, поскольку дает возможность им самим получить представление о том или ином доказательстве, а оценив их в совокупности, дать надлежащую оценку [9].

Нормы существующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации допускают исследование с участием присяжных данных, которые могут повлиять на его объективность, что приводит к негативным последствиям.

Согласно ч. 7 ст. 335 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается ими в соответствии с полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» разъяснил применение норм рассмотрения уголовных дел с участием коллегии присяжных заседателей.

Данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого (ч. 8 ст. 335 УПК РФ). Такое же предубеждение могут вызвать и другие, не имеющие прямого отношения к виновности подсудимого сведения, отрицательно характеризующие его личность.

Следует отметить, что нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не содержат запрета на исследование данных о личности потерпевшего, свидетелей, что порой приводит к злоупотреблению сторонами правом представлять как положительные, так и отрицательные сведения о них, что, в свою очередь, также способно вызвать

определенные предубеждения со стороны самих присяжных и к потерпевшим.

При рассмотрении уголовного дела присяжным заседателям так или иначе становятся известны такие сведения, как имя, отчество и фамилия подсудимого, из предъявленного обвинения, которое оглашается во вступительном слове прокурором, возрастная группа, его национальность. Эти данные индивидуализируют конкретного человека.

Даже если сведения об этих обстоятельствах отсутствуют в исследуемых доказательствах, они становятся известны присяжным из непосредственного наблюдения за подсудимым. Например, при установлении личности подсудимого председательствующий выясняет в присутствии присяжных заседателей место работы подсудимого.

Данное обстоятельство подлежит исследованию с участием коллегии присяжных заседателей, если подсудимый обвинялся в совершении должностного преступления, где это обстоятельство входит в предмет доказывания, хотя и является одним из элементов исследования личности подсудимого.

В других случаях место работы подсудимого становилось известно присяжным, если он сам стремился этот факт довести до сведения судей с явным расчетом, что это произведет на них благоприятное впечатление.

Так, по результатам рассмотрения уголовного дела Рязанским областным судом в отношении нескольких подсудимых, которые являлись работниками полиции, а потерпевшие – цыганами, осужденными к лишению свободы, вынесен вердикт, согласно которому событие преступления не доказано стороной обвинения. При рассмотрении уголовного дела с участием коллегии присяжных заседателей подсудимые неоднократно обращали внимание на то, в каких должностях они состояли до задержания, указывали на национальность потерпевших, на их нахождение под стражей. Некоторые потерпевшие и свидетели по делу в момент рассмотрения дела действительно являлись осужденными, поэтому в присутствии присяжных в зале суда они находились в наручниках под охраной конвоя, что, конечно, характеризовало их не с положительной стороны.

Так или иначе по названным выше причинам обязательно становятся известны присяжным данные о личности участников процесса, которые могут оказать влияние на принятие решения присяжными, например, пожалеть подсудимого даже при очевидных доказательствах его вины. Так, Рязанским областным судом 26.11.2013 рассмотрено уголовное дело по обвинению Г. В. Воробьевой в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. При рассмотрении дела

подсудимая вину в совершении убийства двух лиц полностью признавала. Однако называла причину совершения преступления – угрозы расправы над ее детьми со стороны погибших, что повлияло на объективность коллегии присяжных заседателей. На основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, установившим отсутствие события преступления, Г. В. Воробьева сразу же была освобождена из-под стражи, постановлен оправдательный приговор. По апелляционному представлению государственного обвинителя приговор Рязанского областного суда от 26.11.2013 в отношении Г. В. Воробьевой отменен. При повторном рассмотрении данного уголовного дела с участием коллегии присяжных заседателей постановлен обвинительный вердикт. Приговор вступил в законную силу.

В связи с изложенным требования ч. 8 ст. 335 УПК РФ должны распространяться на сведения в отношении не только подсудимых, но и потерпевших и свидетелей по делу.

Следует отметить, ч. 1 ст. 348 УПК РФ предусматривает, что оправдательный вердикт коллегии присяжных заседателей обязателен для председательствующего и влечет за собой постановление им оправдательного приговора.

Однако ч. 2 ст. 348 УПК РФ указывает, что обвинительный вердикт не обязателен для председательствующего, если он признает, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления. Тогда председательствующий выносит оправдательный приговор. Если председательствующий признает, что обвинительный вердикт вынесен в отношении невиновного и имеются достаточные основания для постановления оправдательного приговора ввиду того, что не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления, то он выносит постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного слушания. Это постановление не подлежит обжалованию в апелляционном порядке.

Таким образом, исходя из норм ст. 348 УПК РФ в случае вынесения необоснованного, несправедливого оправдательного вердикта, когда имеются доказательства виновности подсудимых в инкриминируемых деяниях и возможность постановления обвинительного приговора, председательствующий связан позицией коллегии присяжных заседателей и должен постановить незаконный оправдательный приговор.

Закон не предусматривает в данном случае роспуск коллегии присяжных заседателей и направление уголовного дела на новое рассмотрение иным

составом суда со стадии предварительного слушания при вынесении оправдательного или обвинительного приговора.

Вместе с тем в случае вынесения обвинительного вердикта, отличного от мнения председательствующего, закон предоставляет право председательствующему вынести постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение. При этом данное постановление не подлежит обжалованию.

Таким образом, закон предусмотрел недопущение осуждения невиновного, но позволяет виновному в совершении преступления возможность остаться безнаказанным.

Председательствующему также должно быть предоставлено в случае необоснованного вынесения оправдательного вердикта право на вмешательство и недопущение вынесения незаконного решения на основании такого вердикта.

При использовании норм ч. 2, 4 ст. 348 УПК РФ нет необходимости повторного рассмотрения дела с участием коллегии присяжных заседателей, затрат времени и средств, поскольку результат мо-

жет быть аналогичным. В данном случае председательствующему должно быть предоставлено право на вынесение оправдательного вердикта.

Прав С. В. Липень, утверждая, что законодательная деятельность не в состоянии уследить за жизнью. Пока законодатель разработает необходимую норму, к этому моменту правовое убеждение судей уже вырабатывает таковую. Данная норма повторяется и постепенно распространяется, становится правилом поведения. Так, в судебной практике при толковании права не только раскрывается его содержание, но и разрабатываются новые нормы. Таким образом, судебная деятельность имеет правотворческий характер, поэтому необходимо изучать действенные, изо дня в день осуществляемые приемы творческого толкования в суде. Однако в любом случае судьи являются только исполнителями закона, которые должны беспрекословно исполнять его [10, с. 57–60].

Для объективного рассмотрения дела с учетом наработанной практики следует пересмотреть нормы, регулирующие уголовный процесс с участием коллегии присяжных заседателей.

Список литературы

1. Фон Резон А. К. Уголовное уложение. Краткое изложение главных положений его в сопоставлении с действующим правом (с приложением сравнительных указателей статей нового Уголовного уложения и Устава о наказаниях). М., 1903. 341 с.
2. Сахапов Р. Р. Принципы уголовного судопроизводства и их реализация в деятельности суда присяжных в дореволюционной России по Судебной реформе 1864 г. : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. 253 с.
3. Тимофеев Н. П. Суд присяжных в России. Судебные очерки. М., 1881. 437 с.
4. Бардзкий А. Э. Невменение. Еще к вопросу об оправдательных приговорах присяжных заседателей. Киев, 1897. 125 с.
5. Афанасьев А. К. Суд присяжных в России (организация, состав и деятельность в 1866–1885 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1978.
6. Победоносцев К. П. Доклад о необходимости судебных реформ (1885) // ОР РГБ. Ф. 230. К. 4394. Ед. хр. 3.
7. Демичев А. А. История суда присяжных в дореволюционной России (1864–1917 гг.). М., 2007. 320 с.
8. Сергеев А. Первый постсоветский суд присяжных. В чем его урок и что дальше // Право.ру. 2010. 17 февр.
9. Мельник В. В., Решетова Н. Ю. Речь прокурора с участием присяжных заседателей. М., 2010. 116 с.
10. Липень С. В. Теоритические проблемы правотворчества и толкования права в науке уголовного права и процесса начала XX века // Человек : преступление и наказание. 2013. № 4. С. 57–60.

YULIA ANATOLYEVNA CHERNOMORETS,
the prosecutor of the department of the state accusers
(Prosecutor's office of the Ryazan region)
E-mail: tchernomorets2011@yandex.ru.

JURY YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW

Annotation: the article touches upon the investigation of criminal cases in partnership with a jury and its consequences.

The objective of our research consists in the following: to define and to find out problems' solution of rendering of criminal cases considered by jury, of verdicts of not guilty (in case of culpability improvement of the accused) when the fault of the defendant the party of charge was proved by the proofs investigated in court session in full, and also of damning verdicts without legal causes.

Almost twenty three years the jury exists in Russia. Since October 2010 this institute started also working in the Chechen Republic. In this regard it is possible to speak about its functioning over the whole territory of the Russian Federation. But it's too early to confirm that a jury institute is legislatively settled in Russia. In our society, among professional lawyers and scientists they still dispute a question of establishment of this institute in Russia today.

The analysis of the practice at courts showed that a number of criminal cases considered by jury, and also a number of verdicts of non-guilty in the matter of this category increase every year.

The study of the reasons promoting acceptance by judges of the unreasonable decision showed that the current legislation regulating an order of consideration of a criminal case is imperfect. It requires shifts. This article offers the ways of solution of formed problems.

The result of researches shows that for the social justice, there is a need for making changes in the criminal procedure legislation of the Russian Federation. Such changes will expand the rights of the chairman on affairs at removal with jury of not-guilty verdicts, will allow to avoid influence of participants of process on the objectivity of circumstances, and also will change the procedure of consideration of the case in case of an unreasonable damning verdict.

Key words: criminal trial; procurator; charge; members of the jury; verdict; victims; witnesses; the accused; proofs; the characterizing data; gaps; sentence; chairman; law.

References

1. Fon Rezon A. K. Ugolovnoe ulozhenie. Kratkoe izlozhenie glavnykh polozhenii ego v sopostavlenii s deisvuiushchim pravom (s prilozheniem sravnitel'nykh ukazatelei statei novogo Ugolovnogo ulozheniia i Ustava o nakazaniakh) [Criminal code. A summary of the major provisions of it in comparison with the current law (with comparative pointers articles of the new Criminal code the Charter of the punishment)]. Moscow, 1903, 341 p.
2. Sakhapov R. R. Printsipy ugolovnogo sudoproizvodstva i ikh realizatsiia v deiatel'nostisuda prisiashnykh v dorevoliutsionnoi Rossii po sudebnoi reforme 1864 goda. Diss. doct. jurid. nauk [The principles of criminal law and their implementation in the activities of the jury in pre-revolutionary Russia Judicial reform of 1864. Dr. legal sci. diss.]. Kazan, 2012, 253 p.
3. Timofeev N. P. Sud prisiashnykh v Rossii. Sudebnye ocherki [Trial by jury in Russia. Judicial sketches]. Moscow, 1881, 437 p.
4. Bardzkii A. E. Nevmenenie. Eshche k voprosu ob opravdatel'nykh prigovorakh prisiashnykh zasedatelei [Not imputation. Yet to the question about the acquittal verdicts of the jury]. Kiev, 1897, 125 p.
5. Afanas'ev A.K. Sud prisiashnykh v Rossii (organizatsiia, sostav I deiatel'nost' v 1866–1885). Diss. doct. istor. nauk [Trial by jury in Russia (organization, structure and activities in 1866–1885). Dr. his. sci. diss.]. Moscow, 1978, p. 4.
6. Pobedonostsev K. P. Doklad o neobkhodimosti sudebnykh reform (1885) [The report about the need for judicial reform (1885)]. OP RGB. F. 230, p. 3–5.
7. Demichev A. A. Istoriia v dorevoliutsionnoi Rossii (1864–1917gg.) [History of trial by jury in pre-revolutionary Russia (1864–1917)]. Moscow, 2007, 320 p.
8. Sergeev A. Perbyi postsovetskii sud prisiashnykh. V chem ego urok i chto dal'she [The first post-Soviet trial by jury. What is its lesson and what's next]. Pravo.ru – Pravo.ru, 2010, 17 February.

9. Mel'nik V. V., Reschetova N. Iu. Rech' prokurora s utsastiem prisiazhnykh zasedatelei [The speech of the prosecutor with participation of jurors]. Moscow, 2010, 116 p.

10. Lipen S. V. Teoreticheskie problem pravotvorchestva I tolkovania prava v nauke ugolovnogo prava I protsessa nachala XX veka [Theoretical problems of law-making and interpretation of law in the science of criminal law and process of the beginning of XX century]. Chelovek : prestuplenie i nakazanie – Man : Crime and Punishment, 2013, no. 4, pp. 57–60.

УДК 343.8
ББК 67.409.01
Б44

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ БЕЛЯКОВ,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России)
E-mail: aleksander1984rzn@yandex.ru.

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОМБУДСМЕНАМИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОСУЖДЕННЫХ

Реферат: в статье приводятся формы взаимодействия исправительных учреждений с уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации, излагаются причины и условия недостаточного уровня взаимодействия, предлагаются пути его оптимизации.

Опрос сотрудников исправительных учреждений показал, что в большинстве случаев им приходится в той или иной степени взаимодействовать с уполномоченными по правам человека. Степень взаимодействия различается в зависимости от категории должностных лиц исправительного учреждения. Это свидетельствует о том, что данный институт занимает важное место в системе субъектов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов осужденных.

Сопоставление форм взаимодействия уполномоченных по правам человека с исправительными учреждениями и наоборот позволяет сделать вывод о наличии общих форм такого взаимодействия, характерных для обоих субъектов. Ими являются: рассмотрение обращений осужденных, их проверка; взаимный обмен информацией по вопросам нарушений прав и законных интересов осужденных; совместное обсуждение вопросов на совещаниях, коллегиях территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний; проведение конференций, семинаров и пр.

Совершенствование деятельности по обеспечению прав и законных интересов осужденных обуславливает необходимость как развития устоявшихся, так и разработки новых форм сотрудничества. Одной из них является дискуссионная площадка судов, правоохранительных органов, иных учреждений и органов, общественных объединений, находящихся на территории Рязанской области. Значение данной площадки демонстрируется на примере рассмотрения в ее рамках вопроса о состоянии и проблемах условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания.

В статье приводятся результаты опроса различных категорий сотрудников исправительных учреждений по актуальным вопросам взаимодействия.

Ключевые слова: взаимодействие, исправительные учреждения, права человека, уполномоченный по правам человека, обеспечение прав, общественные наблюдательные комиссии, нарушение прав, дискуссионная площадка, законные интересы, общественные объединения.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в рамках совершенствования сотрудничества с институтами гражданского общества и осуществления контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы предполагает в том числе участие в нем Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации. Этим обуславливается актуальность вопроса совершенствования форм взаимодействия исправительных учреждений с уполномоченными.

Следует отметить, что решения указанных вопросов, меры по их выполнению, особенно меры субъективного характера, как правило, не требуют серьезных финансовых вложений [1, с. 55].

Вопрос, вынесенный в название статьи, обусловлен потребностью научного осмысления

накопленного опыта, уровнем разработанности правовых и организационных вопросов взаимодействия учреждений и органов, исполняющих наказания, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации [2, с. 11–14]. В статье использованы результаты экспертной оценки данных различными категориями должностных лиц исправительных учреждений.

Как показало изучение данного вопроса, эксперты высоко оценивают влияние на соблюдение прав и законных интересов взаимодействия уполномоченных с исправительными учреждениями: 84,6 % опрошенных дали положительную оценку такому взаимодействию. При этом 21,5 % респондентов отметили существенное влияние, а 53 % – определенное влияние на обеспечение прав и законных интересов осужденных.

Опрос сотрудников исправительных учреждений показал, что в абсолютном большинстве случаев им приходится в той или иной степени взаимодействовать с уполномоченными по правам человека (82,4 %). При этом в 43,4 % случаев такое взаимодействие имеет место на постоянной основе, в 39 % – оно осуществляется периодически.

Степень взаимодействия имеет разницу в зависимости от категории должностных лиц исправительного учреждения. Так, если у помощников начальников управлений ФСИН России в субъектах Российской Федерации взаимодействие на постоянной основе осуществляется в 87,5 % случаев, то у руководителей исправительных учреждений – в 24 %, у социальных работников – в 18,8 % случаев. Естественно, указанная степень взаимодействия обуславливается характером служебной деятельности.

Анализ форм взаимодействия исправительных учреждений с уполномоченным по правам человека позволяет сделать вывод о том, что наиболее значительное место в них занимает оказание содействия в проведении проверок по жалобам и заявлениям осужденных и других граждан, обратившихся к уполномоченному (42,8 %). Второе место занимает обсуждение на совместных совещаниях, проводимых с участием уполномоченного, заседаниях коллегий территориальных органов ФСИН России (24 %); третье место – обмен информацией о нарушениях прав и законных интересов осужденных (20 %). Другие формы взаимодействия в ранжированном ряду распределились следующим образом: совместное изучение с выездом в отдельные исправительные учреждения причин массовых нарушений прав и законных интересов осужденных и других граждан – 15,9 %; сотрудничество по вопросам совершенствования законодательства о правах и свободах человека – 10,3 %; изучение предложений уполномоченных по совершенствованию форм и методов осуществления контроля за соблюдением прав и законных интересов осужденных – 9,3 %; подготовка материалов обращений в средства массовой информации о грубых нарушениях прав и законных интересов осужденных – 6,1 %; проведение научно-практических конференций и т. п. – 5,5 %.

Сопоставление форм взаимодействия уполномоченных по правам человека с исправительными учреждениями и, наоборот, взаимодействия последних с уполномоченными позволяет сделать вывод о наличии общих форм такого взаимодействия, характерных для обоих субъектов. Ими являются: рассмотрение обращений осужденных, их проверка; взаимный обмен информацией по вопросам нарушений прав и законных интересов осужденных; совместное обсуждение вопросов на

совещаниях, коллегиях территориальных органов ФСИН России; проведение конференций, семинаров и др.

Одной из форм деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации является подготовка ими ежегодных докладов о соблюдении прав человека и гражданина в регионе. Важность докладов обуславливается тем, что, во-первых, в них освещаются в том числе вопросы соблюдения прав и законных интересов осужденных на системной основе; во-вторых, они направляются в законодательные и исполнительные органы региона, в-третьих, по ним делаются доклады на заседаниях законодательных собраний и правительств субъектов Российской Федерации. Доклады публикуются в средствах массовой информации региона. Это позволяет доводить соответствующую информацию до сведения не только широкой общественности, но и соответствующих органов и должностных лиц, правомочных решать вопросы, поднимаемые в этих документах. Значительная часть сотрудников исправительных учреждений находят в указанных докладах полезную для себя информацию (39,1 %). Среди помощников начальников управлений ФСИН России эта доля составляет 81,2 %. Исследование показало, что информация, содержащаяся в ежегодных специальных докладах уполномоченных по правам человека, представляет интерес только для определенных должностных лиц. Для других должностных лиц она в силу объективных и субъективных обстоятельств такого интереса не представляет, так как: во-первых, она просто не доводится до их сведения в силу небольшого тиража докладов и отсутствия их в территориальных органах управления уголовно-исполнительной системы и в учреждениях, исполняющих наказания; во-вторых, по ним не проводятся занятия в системе служебной подготовки сотрудников; в-третьих, не используются для этого средства наглядности, технические средства.

Результаты опроса экспертов показывают, что в ранжированном ряду в плане взаимодействия исправительных учреждений с другими субъектами приоритетное место занимают прокуратура и уполномоченный по правам человека. Взаимодействие с ними было оценено по 3,8 балла каждый. Далее следуют общественные наблюдательные комиссии – 3,5 балла; суд – 3,1, субъект РФ – 2,6 балла. Следует отметить, что рейтинг уполномоченных по правам человека высок у всех категорий опрошенных сотрудников исправительных учреждений. У социальных работников, помощников начальников территориальных управлений ФСИН России, руководителей исправительных учрежде-

ний он составил соответственно: 3,5; 4,3 и 3,6 балла. Социальные работники выделяют в качестве приоритетных направлений взаимодействие с прокуратурой и судом (по 4,3 балла каждый); помощники начальников территориальных управлений ФСИН России – общественные наблюдательные комиссии и уполномоченного по правам человека (4,4 и 4,3 балла соответственно); руководители исправительных учреждений – уполномоченного по правам человека, прокуратуру, общественные наблюдательные комиссии (3,6; 3,5; 3,5 балла соответственно).

Из приведенного следует вывод о том, что сотрудники достаточно высоко оценивают существующий уровень взаимодействия исправительных учреждений с уполномоченным по правам человека. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что данный институт занимает важное место в системе субъектов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов осужденных.

Несмотря на высокую степень взаимодействия уполномоченного по правам человека с исправительными учреждениями, большинство экспертов все-таки отмечают, что данному вопросу уделяется недостаточное внимание или респонденты затруднились дать утвердительный ответ (66,9 %). Удельный вес положительных ответов больший у экспертов, которые в силу своего должностного положения могут объективно оценивать данный уровень взаимодействия. Так, доля помощников начальников территориальных управлений ФСИН России, положительно оценивших уровень взаимодействия, составила 87,5 %.

В ходе исследования был изучен вопрос о причинах недостаточного уровня взаимодействия. В ранжированном ряду причины низкого уровня взаимодействия уполномоченного с исправительными учреждениями распределились следующим образом:

нормативная неопределенность целей, задач и пределов такого взаимодействия, взаимной ответственности и иных необходимых организационно-правовых вопросов – 42,9 %;

отсутствие методических рекомендаций по вопросам взаимодействия – 32,7 %;

отсутствие эффективного механизма по совместному сбору, анализу информации о нарушении прав и законных интересов осужденных, выявлению причин и условий, им способствующих, применению мер реагирования – 22,1 %;

большая нагрузка на уполномоченного – 9,5 %;

иные – 4,6 %.

Приведенные формы взаимодействия органов и учреждений, исполняющих наказания, являются во многом уже сложившимися. Совершенствование же деятельности по обеспечению прав и законных

интересов осужденных обуславливает необходимость как совершенствования устоявшихся, так и разработки новых форм сотрудничества. Изучение данного вопроса в регионах показало, что в отдельных из них наработаны новые, показавшие свою эффективность формы взаимодействия учреждений уголовно-исполнительной системы с институтом омбудсмена.

Речь идет о дискуссионной площадке судов, правоохранительных органов, иных учреждений и органов, общественных объединений, находящихся на территории Рязанской области.

Указанная дискуссионная площадка при Уполномоченном по правам человека в Рязанской области, являясь коллегиальным совещательным органом, созданным на основании соглашения Уполномоченного, в том числе с региональным управлением Федеральной службы исполнения наказаний, призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан в сфере обеспечения прав человека и выработать рекомендации по согласованию законодательной и правоприменительной практики.

Согласно положению дискуссионная площадка призвана осуществлять:

содействие достижению единообразия правоприменительной практики в сфере соблюдения прав человека;

инициирование предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере;

рассмотрение и принятие мер для поддержки инициатив граждан и общественных объединений, направленных на совершенствование эффективности деятельности правоохранительных органов, иных учреждений и органов, общественных объединений по обеспечению прав граждан;

развитие взаимодействия судов, правоохранительных органов, иных учреждений и органов, адвокатуры, общественных объединений по вопросам обеспечения прав человека;

участие членов дискуссионной площадки в обсуждении проектов законодательных и нормативных правовых актов, иных документов, подготавливаемых органами власти и управления Рязанской области в сфере прав человека;

изучение и анализ общественного мнения граждан о соблюдении прав человека на территории Рязанской области;

участие в информировании граждан о деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, по соблюдению прав осужденных, в том числе через средства массовой информации, и в публичном обсуждении этих вопросов [3, с. 139–142].

Значение данной дискуссионной площадки можно продемонстрировать на примере рассмотрения в ее рамках вопроса о состоянии и проблемах условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания в феврале 2012 г.

По итогам обсуждения данного вопроса были приняты рекомендации:

для уменьшения риска повторного совершения преступления условно-досрочно освобожденными необходимо предусмотреть в законодательстве наложение на осужденных с учетом всех обстоятельств дела следующих обязанностей: а) выплатить компенсацию или погасить в иной форме вред, причиненный потерпевшему; б) пройти курс лечения от наркотической или алкогольной зависимости или другого излечимого заболевания; в) работать или заниматься какой-либо иной одобряемой в обществе деятельностью, например учиться или пройти профессиональную подготовку; г) участвовать в индивидуальных развивающих программах; д) после освобождения не заниматься определенной деятельностью, не проживать или не посещать определенные места;

внести изменения и дополнения в ч. 1 ст. 79 УК РФ и ч. 3 ст. 175 УИК РФ, суть которых сводится к требованию установления критериев исправления на основе данных, характеризующих личность осужденного, а также его поведение, отношение к учебе и труду во время отбывания наказания, возмещение морального и имущественного ущерба, причиненного совершенным преступлением, отношение осужденного к совершенному деянию;

критерии для условно-досрочного освобождения должны применяться таким образом, чтобы могли быть освобождены условно-досрочно все осужденные, которые соответствуют минимальному уровню безопасности и могут стать законопослушными гражданами.

Для практической реализации вышеуказанных предложений участники дискуссионной площадки рекомендовали:

инициировать перед Государственной Думой РФ изменения редакции ст. 79 УК РФ, конкретизировать основания условно-досрочного освобождения, прямо указать, что данному виду освобождения подлежат лица, выплатившие иск, реализующие алиментные обязательства, при учете мнения потерпевшего;

на основе конкретизации оснований и условий освобождения от дальнейшего наказания исключить коллизию четырех институтов, в соответствии с которыми либо осужденные могут быть освобождены условно-досрочно, либо им заменена неотбытая часть наказания более мягким видом наказания, либо они могут быть переведены в ко-

лонию-поселение после отбытия части срока наказания в колониях общего и строгого режимов, либо помилованы;

разработать процедуру условно-досрочного освобождения от наказания, определив в законодательном порядке процессуальное положение осужденного, представляемого на условно-досрочное освобождение, а также представителя администрации органа исполнения наказания, общественной наблюдательной комиссии, уполномоченного по правам человека, уполномоченного по правам ребенка, сформулировав их права и обязанности;

создать центры социальной реабилитации, которые оказывали бы необходимую помощь лицам, освобожденным из мест лишения свободы, в том числе освобожденным условно-досрочно. Подготовить предложения о создании пенитенциарных судов, которые занимались бы рассмотрением дел об условно-досрочном освобождении от наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким наказанием, о переводе осужденных в колонию-поселения и другими подобными вопросами;

рекомендовать судам Рязанской области использовать в своей деятельности постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» в части, касающейся того, что суды не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания по таким основаниям, как: наличие прежней судимости, мягкость назначенного наказания, непризнание осужденным вины, кратковременность его пребывания в одном из исправительных учреждений и т. д. Препятствием к условно-досрочному освобождению, наряду с другими обстоятельствами, могут служить установленные факты умышленного уклонения осужденного от возмещения причиненного преступлением вреда (путем сокрытия имущества, доходов, уклонения от работы и т. д.);

рекомендовать администрации исправительных учреждений при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении учитывать мнение общественной наблюдательной комиссии, уполномоченного по правам человека, уполномоченного по правам ребенка.

Данная площадка позволяет уполномоченному по правам человека совместно с администрацией исправительных учреждений и другими субъектами рассматривать и другие вопросы, касающиеся обеспечения прав и законных интересов осужденных в различных сферах [4, с. 144–147].

Список литературы

1. Оводкова Л. С. К вопросу о правах человека в условиях изолятора временного содержания // Человек : преступление и наказание. 2013. № 4. С. 55.
2. Полищук Н. И. Осуществление контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2008. № 2. С. 11–14.
3. Оводкова Л. С. К вопросу о взаимодействии прокуратур субъектов Российской Федерации и региональных уполномоченных по правам человека (на примере Рязанской области) // Человек : преступление и наказание. 2014. № 1 С. 139–142.
4. Гуркина О. В. О заседании круглого стола на тему «Обеспечение трудовых прав граждан в Рязанской области: состояние, проблемы, пути решения» // Человек : преступление и наказание. 2013. № 3. С. 144–147.

ALEXANDER YURYEVIKH BELYAKOV,
junior scientific assistant of educational research department
(Academy of FSIN of Russia)
E-mail: aleksander1984rzn@yandex.ru.

FORMS OF INTERACTION BETWEEN CORRECTIONAL INSTITUTIONS AND REGIONAL OMBUDSMEN ON ENSURING CONVICTS WITH THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS

Annotation: the article deals with the forms of interaction between correctional institutions and regional ombudsmen on ensuring convicts with the rights and legitimate interests. There are the reasons and conditions of insufficient level of interaction and ways to optimize it.

The survey of correctional facilities staff showed that in most cases they should interact with human rights ombudsmen. Extent of interaction depends on correctional functionary rank. It, in turn, testifies that this institute takes an important place in the system of the subjects providing the rights and legitimate interests protection.

Comparison of forms of interaction between correctional institutions and regional ombudsmen for Human Rights allows to draw a conclusion on existence of the general forms of such interaction: consideration of the convicts appeals; mutual information exchange concerning violations of the rights and legitimate interests of convicts; collaborative meetings, conferences, seminars and boards of the Federal Penal Service territorial authorities.

Improvement of activities for ensuring the rights and legitimate interests of convicts causes need of development both, steady and new forms of cooperation. One of them is the discussion platform of courts, law enforcement agencies, other establishments and bodies, the public associations at the territory of the Ryazan region. The discussion of parole questions of convicts within this platform proves its importance. The results of correctional facilities survey staff on topical issues of interaction are given in article.

Key words: interaction, correctional facilities, ombudsmen for Human Rights, human rights, ensuring rights, violation of the rights, discussion platform, legitimate interests, public associations.

References

1. Ovodkova L. S. K voprosu o pravakh cheloveka v usloviyakh izolyatora vremennogo sodержaniya [To the question of human rights in conditions of detention center]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man : crime and punishment, 2013, no. 4, p. 55.
2. Polishchuk N. I. Osushchestvlenie kontrolya za deyatel'nost'yu ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Upolnomochennym po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii [Control over the activity of the penitentiary system by the Commissioner for human rights in the Russian Federation]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law, 2008, no. 2, pp. 11–14.
3. Ovodkova L. S. K voprosu o vzaimodeistvii prokuratur sub'ektov Rossiiskoi Federatsii i regional'nykh upolnomochennykh po pravam cheloveka (na primere Riazanskoj oblasti) [To the issue of cooperation between prosecutors of subjects of the Russian Federation and regional commissioners for human rights (on the example of the Ryazan region)]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man : crime and punishment, 2014, no. 1, pp. 13–142.
4. Gurkina O. V. O zasedanii kruglogo stola na temu «Obespechenie trudovykh prav grazhdan v Riazanskoj oblasti: sostoianie, problemy, puti resheniya» [On the round table on the theme «Ensuring labour rights of citizens in the Ryazan region: status, problems, solutions»]. Chelovek : prestuplenie i nakazanie – Man : crime and punishment, 2013, no. 3, pp. 144–147.

УДК 343.8
ББК 67.409.021к94
М18

ЛЮБОВЬ АНАТОЛЬЕВНА МАЛЕНКОВА,
кандидат экономических наук, доцент,
начальник кафедры бухгалтерского учета, анализа,
финансов и налогообложения
(Академия ФСИН России)
E-mail: MLA11@mail.ru.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Реферат: в статье рассматривается состояние действующей системы контроля на современном этапе реформирования уголовно-исполнительной системы (УИС) в условиях рыночной экономики относительно деятельности федеральных государственных унитарных предприятий Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФГУП ФСИН России). Понятия и назначение внутреннего контроля в реальной деятельности ФГУП ФСИН России проанализированы в разрезе соответствующих норм и правил российского законодательства.

В статье определяются приоритеты внутреннего контроля, обосновывается необходимость его совершенствования как одного из перспективных направлений повышения эффективности управления предприятием УИС.

Основные виды внутреннего контроля – управленческий (административный) и управленческо-финансовый контроль.

К этапам и процедурам внутреннего контроля относятся: определение действий планирования, учета и анализа; определение перечня первичных документов и документооборота; определение показателей для оценки хозяйственных операций; установление объектов проверки с повышенным риском ошибок; выбор типов и методов проведения контроля.

Эффективность системы внутреннего контроля обеспечивают принципы: ответственности; своевременности; подконтрольности; заинтересованности; компетентности, добросовестности и честности; комплексности; единичной ответственности; разделения обязанностей; взаимодействия и координации действий.

К основным приемам и способам осуществления внутреннего контроля отнесены: арифметическая проверка; сверки расчетов; проверка правильности осуществления документооборота и наличия разрешительных записей руководящего персонала; плановые и внезапные инвентаризации; аналитические и иные процедуры.

Качество внутреннего контроля зависит от соблюдения следующих требований: стратегическая направленность, ориентация на результаты, соответствие контролируемому виду деятельности, своевременность, гибкость, простота, экономичность.

Правильно построенная система контроля способствует оптимизации прибыли, укреплению финансового состояния хозяйствующего субъекта, обеспечивает его существование в самых сложных условиях.

Таким образом, гарантией повышения эффективности и конкурентоспособности ФГУП ФСИН России является внедрение внутреннего управленческого контроля. Новая система управленческого контроля в деятельности ФГУП ФСИН России должна быть создана для того, чтобы не фиксировать ошибки, а предотвращать их, подсказать руководителям различных уровней, как лучше работать.

Ключевые слова: виды контроля, внутренний контроль, управленческий контроль, ведомственный контроль, процедуры, принципы внутреннего контроля, эффективность, методы осуществления внутреннего контроля, системы контрольных действий, аналитические функции, ФГУП ФСИН России.

Рыночные отношения выдвинули объективную необходимость значительного повышения внимания к вопросам организации внутреннего (внутрихозяйственного, управленческого) контроля. Тесно взаимодействуя с организационной, учетной и аналитической функциями, контроль является основным источником

информации для разработки и принятия оптимальных управленческих решений и, следовательно, занимает ведущее место в системе управления предприятием.

В эволюционном развитии российской экономики вопросы внутреннего контроля прорабатывались еще со времен социалистического производ-

ства. Однако в связи с осуществляемым в России реформированием перед отечественной наукой встала новая задача разработки концепций внутреннего контроля – управленческого, ориентированного на рыночную систему хозяйствования сегодняшнего мирового уровня и учитывающего российскую специфику, в том числе предприятий Федеральной службы исполнения наказаний.

Для создания действительно эффективного управленческого контроля нужна такая система, которая могла бы прежде всего своевременно сообщать о необходимости упреждающих корректирующих действий. Взгляд в прошлое все-таки лучше, чем неприятие никаких действий [1, с. 5–10].

В системе современного управления без осуществления функций внутреннего контроля невозможно принимать правильные управленческие решения относительно финансово-хозяйственной и производственной деятельности, сложно достичь успехов в работе по наиболее эффективному и рациональному распределению и использованию всех видов ресурсов.

Совершенствование ведомственного контроля в уголовно-исполнительной системе также является одним из перспективных направлений повышения эффективности управления [2].

На этапе реформирования пенитенциарной системы высокие требования предъявляются именно к контрольной функции.

Действующая система финансового контроля в деятельности федеральных государственных унитарных предприятий Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФГУП ФСИН России) не

обеспечивает требуемого качества информации, в первую очередь для руководителей предприятий в целях принятия своевременных и оптимальных управленческих решений. В связи с этим возникает необходимость обязательного ведения внутреннего контроля, порядок организации и проведения которого до настоящего времени остается спорным [3, с. 201–203].

С одной стороны, внутренний контроль на предприятиях ФСИН России проявляется на всех стадиях процесса управления: планирование, учет, анализ и организационная работа, в связи с тем что любая управленческая функция обязательно интегрирована с контрольной. Но качество такого контроля следует признать крайне низким, так как он носит поверхностный характер и не имеет конечных целей и задач, реализуемых конкретным исполнителем.

С другой стороны, к внутреннему контролю можно отнести инициативный аудит и ведомственную ревизию. Однако аудит проводится независимым аудитором, ревизия – штатным сотрудником уголовно-исполнительной системы, которыми и определяются формы и виды контрольных действий. Первое и основное отличие внутреннего контроля от прочих его видов заключается в том, что он организуется непосредственно руководством предприятия.

Схематически систему внутреннего контроля ФГУП ФСИН России согласно действующему на современном этапе законодательству можно представить на рисунке.

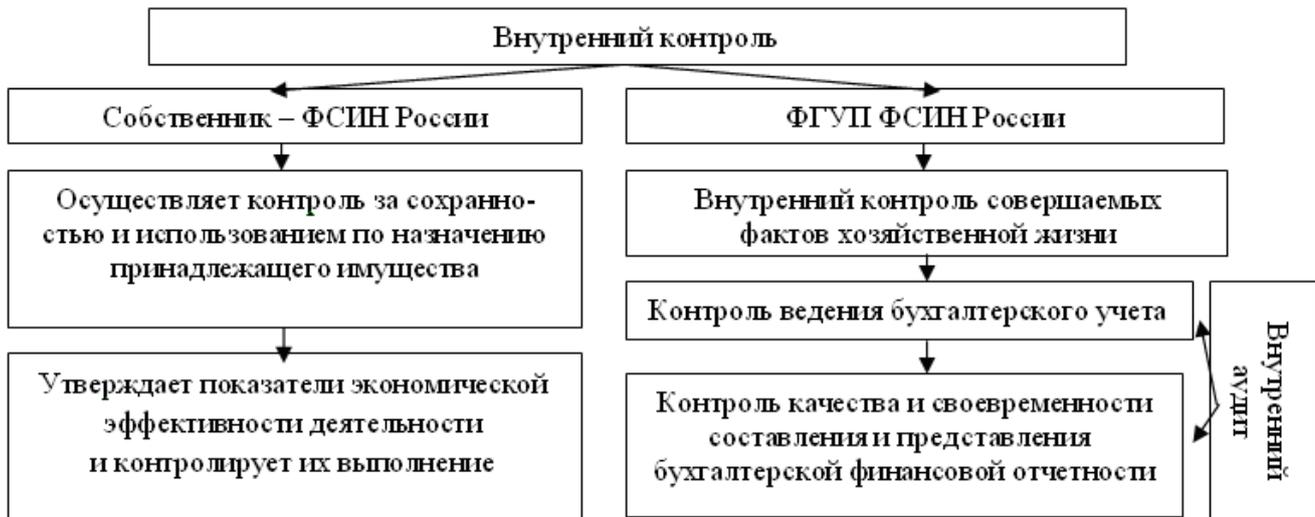

Рис. Система внутреннего контроля ФГУП ФСИН России

Таким образом, понятие и назначение внутреннего контроля относительно деятельности ФГУП ФСИН России целесообразно рассматривать в разрезе соответствующих норм и правил российского законодательства.

Понятие системы внутреннего контроля впервые было дано в стандарте по аудиту № 8 «Оценка аудиторских рисков и внутренний контроль, осуществляемый аудируемым лицом», в котором говорилось, что «система внутреннего контроля представляет собой процесс, организованный и осуществляемый представителями собственника, руководством, а также другими сотрудниками аудируемого лица, для того чтобы обеспечить достаточную уверенность в достижении целей с точки зрения надежности финансовой (бухгалтерской) отчетности, эффективности и результативности хозяйственных операций и соответствия деятельности аудируемого лица нормативным правовым актам». Следовательно, с точки зрения аудиторской практики организация системы внутреннего контроля и ее функционирование направлены на устранение каких-либо рисков хозяйственной деятельности.

Федеральным законом от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» определены контрольные функции органа, осуществляющего полномочия собственника. Таким органом в структуре ФСИН России выступает отдел методологии ревизии финансово-хозяйственной деятельности предприятий ФСИН России Главной контрольно-ревизионной инспекции управления делами ФСИН России (ГКРИ УД ФСИН России), основной целью которого является проверка правильности и достоверности ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской отчетности ФГУП ФСИН России.

Главная цель службы внутреннего контроля в отношении работы конкретного предприятия – координация работы по вопросам постановки финансового, управленческого и налогового учета, составления внутренней отчетности посредством принятия управленческих решений.

В системе организации бухгалтерского учета российских организаций понятие внутреннего контроля впервые законодательно было определено в 2013 г. Данному вопросу посвящена отдельная ст. 19 Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете». В связи с этим каждый хозяйствующий субъект обязан осуществлять внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной жизни как необходимый элемент его безопасности.

Таким образом, контроль должен осуществляться в первую очередь в интересах самого предприятия, его структурных подразделений, а также

непосредственно работников, в том числе осужденных.

На уровне отдельно взятого предприятия функции контроля заключаются, главным образом, в осуществлении мер, нацеленных на проверку эффективного выполнения всеми работниками своих обязанностей. Внутренний контроль организуется руководством предприятия и определяет законность совершения хозяйственных операций, их экономическую целесообразность.

Исходя из функций внутреннего контроля в экономической литературе принято выделять такие его основные виды, как управленческий (административный) и управленческо-финансовый контроль.

Управленческий контроль – это процесс влияния руководителей всех уровней на работников предприятия для эффективной реализации организационной стратегии в разрезе отдельных объектов управления.

С целью осуществления постоянных контрольных функций непосредственно в деятельности ФГУП ФСИН России, на наш взгляд, должно быть организовано отдельное структурное подразделение (внутренних контролеров, аудиторов) или выделено соответствующее должностное лицо для выполнения процедур внутреннего контроля. Перечень их функций и задач целесообразно закрепить в положении о внутреннем контроле. В противном случае оказание услуги внутреннего контроля может осуществляться сторонней организацией при заключении с ней соответствующего договора оказания услуги. В настоящее время существует большая вероятность того, что подобные услуги могут оказывать аутсорсинговые компании.

Независимо от исполнителей осуществления контрольных функций процедуры внутреннего контроля, на наш взгляд, должны включать в себя:

- а) определение порядка действий по планированию, организации, регулированию, учету и анализу в части проверки конкретных хозяйственных операций;
- б) определение круга первичных документов, свидетельствующих об исполнении соответствующими работниками своих функций, а также порядка движения документов от момента их возникновения до архивирования;
- в) определение показателей так называемых точек контроля для оценки различных аспектов реализации конкретных хозяйственных операций;
- г) установление контролируемых параметров объектов проверки, в которых риск возникновения ошибок, искажений и других нежелательных явлений особенно велик;

д) выбор типов и методов проведения контроля.

Критерием эффективности системы внутреннего контроля является соблюдение принципов:

– ответственности – каждый субъект, выполняющий контрольные функции, несет экономическую, административную и дисциплинарную ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей;

– своевременности – оперативное предоставление сведений для принятия управленческих решений;

– подконтрольности – осуществление проверки на объектах, подконтрольных конкретному лицу;

– заинтересованности – между администрацией и должностными лицами, осуществляющими внутреннюю проверку;

– компетентности, добросовестности и честности – как основные характеристики субъектов, участвующих в процедуре внутреннего контроля;

– комплексности – одновременная проверка объектов различного типа;

– единичной ответственности – во избежание безответственности недопустимо закрепление отдельной функции за двумя или несколькими субъектами внутреннего контроля;

– разделения обязанностей – за одним человеком не должны закрепляться одновременно взаимосвязанные функции;

– взаимодействия и координации – контроль необходимо осуществлять на основе четкого взаимодействия всех подразделений и служб организации.

К основным приемам и способам осуществления внутреннего контроля следует отнести:

– арифметическую проверку правильности бухгалтерских записей;

– проведение сверок расчетов;

– проверку правильности осуществления документооборота и наличия разрешительных записей руководящего персонала;

– проведение в соответствии с установленным порядком периодических плановых и внезапных инвентаризаций;

– использование для целей контроля информации из источников, расположенных вне данного объекта контроля;

– осуществление мер, направленных на физическое ограничение доступа несанкционированных лиц к аналитической информации;

– проверку финансово-хозяйственной деятельности структурных подразделений предприятия;

– исследование динамики показателей, сравнение прогнозных показателей с фактическими, выяснение причин существенных расхождений.

Эффективное применение указанных методов возможно при комплексном использовании фактического и документального контроля, осуществляемого в виде инвентаризации, контрольных замеров работ выборочного и сплошного наблюдения; приемов статистического исследования качественных характеристик, экспертиз различных видов, служебного расследования, инспектирования и подтверждения.

Для того чтобы контроль мог обеспечить достижение поставленных целей и выполнение задач, он должен соответствовать нескольким важным требованиям: стратегическая направленность, ориентация на результаты, соответствие контролируемому виду деятельности, своевременность, гибкость, простота, экономичность [4, с. 14–17].

Таким образом, новая система управленческого контроля в ФГУП ФСИН России должна быть создана не для того, чтобы фиксировать ошибки, а для того, чтобы предотвращать их, подсказывать руководителям различных уровней пути улучшения своей работы.

Накопленный международный опыт осуществления контроля свидетельствует о том, что правильно построенная система контроля способствует оптимизации прибыли, укреплению финансового состояния хозяйствующего субъекта, обеспечивает его существование в самых сложных условиях.

Внедрение управленческого контроля – это гарантия повышения эффективности и конкурентоспособности ФГУП ФСИН России.

Список литературы

1. Бурцев В. В. Управленческий контроль как система // Менеджмент в России и за рубежом. 2010. № 2. С. 5–10.
2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.
3. Маленкова Л. А. Роль и значение управленческого контроля в деятельности ФГУП ФСИН России // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика : материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 2013. С. 201–203.
4. Суйц В. П. Первичный контроль и управление производством // Бухгалтерский учет. 2008. № 1. С. 14–17.

LYUBOV ANATOLEVNA MALENKOVA,

PhD in economics (Kandidat Nauk), associate professor,
head of department of accounting, analysis, finance and taxation
(Academy of the FPS of Russia)
E-mail: ML11@mail.ru.

**IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF INTERNAL CONTROL FEDERAL STATE UNITARY
ENTERPRISE RUSSIAN FEDERAL PENITENTIARY SERVICE**

Annotation: the subject of the research is condition of the existing control system on present stage of the reform of a penal system in a market economy with respect to the activities of the Federal State Unitary Enterprise Russian Federal Penitentiary Service (FGUP FPS). The concept and purpose of internal control in real activity FGUP FPS are considered in the context of relevant rules and regulations of the Russian legislation.

Purpose of the work is to determine the priorities of the internal control, justify the need of its improvement as one of the promising ways of increasing the effectiveness of management control penal system.

Basic internal controls include administrative control and financial control.

The procedures and internal control principles include the definition of action planning, accounting, analyzing; the list of primary documents; identification of indicators to assess the business operations; establishment of objects to be scanned with an increased risk of errors; range of types and methods of control.

Efficiency of the system of internal control provides principles: the principle of responsibility; the principle of timeliness; the principle of subsidiarity; the principle of interest; the principle of competence; the principle of good faith and fair; the principle of complexity; single responsibility principle; principle of cooperation and coordination.

Basic methods of internal controls include: arithmetic check; reconciliation of accounts; validation of the document and availability of licensing records management staff; planned and sudden inventory; analytics and another procedures.

Quality of internal control depends on compliance with the following requirements: strategic orientation, results orientation, compliance with controlled activity, timeliness, flexibility, simplicity, economy.

Properly constructed control system helps to optimize profits, strengthen the financial condition of the business entity, ensures its existence in the most difficult conditions.

Thus, the guarantee of improving of the efficiency and competitiveness of the FGUP FPS is the introduction of an internal management control. The new system of management control in the activities of FGUP FPS should be created in order to not fix the errors, but prevent them, helping managers at various levels, find a better way of working.

Key words: types of control, internal control, management control, institutional controls, procedures, internal control principles, efficiency, methods of internal control, system control actions, analytic functions, Federal State Unitary Enterprise Russian Federal Penitentiary Service.

References

1. Burtsev V. V. Upravlencheskii control' kak sistema [Management control as a system]. Menedzhment v Rossii i za rubezhom – Management in Russia and abroad, 2009, no. 2, pp. 5–10.
2. Rasporiazhenie pravitel'stva Rossiiskoi federatsii ot 14 oktiabria 2010 g. № 1772-r «Kontseptsii razvitiia ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi federatsii do 2020 goda» [Order of the Government of the Russian Federation dated October 14, 2010 N 1772-r «The concept of development of the penitentiary system of the Russian Federation until 2020»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii – Collection of Laws of the Russian Federation, 2010, no. 43, art. 5544.
3. Malenkova L. A. Rol' i znachenie upravlencheskogo kontroliia v deiatel'nosti FGUP FSIN Rossii [The role and importance of management control in the activities of Federal State Unitary Enterprise Russian Federal Penitentiary Service]. Materialy 3-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Instituty i mekhanizmy inovatsionnogo razvitiia: mirovoi opyt i rossiiskaia praktika» [Proc. the 3rd International scientific-practical conference «The institutions and mechanisms of innovative development: global experience and Russian practice»]. Kursk, 2013, pp. 201–203.
4. Suits V. P. Pervichnyi control' I upravlenie proizvodstvom [Primary control and production management]. Bukhgalterskii uchet – Accounting, 2008, no. 1, pp. 14–17.

УДК 343.8
ББК 67.409.021к94
Ф53

ДИАНА ГРИГОРЬЕВНА ФИЛИПОВА,
кандидат экономических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и экономических дисциплин
(Воронежский институт ФСИИ России)
E-mail: fdg1977@yandex.ru.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реферат: в статье рассматриваются методологические принципы обеспечения экономической безопасности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (УИС), модель и параметры устойчивости экономической безопасности, факторы, влияющие на безопасность организаций, основополагающие принципы построения эффективной системы экономической безопасности УИС.

Безопасность – универсальная категория природных, общественных и технических систем. Потребность в безопасности является базовой для УИС. В то же время сфера безопасного существования в переходном периоде России настолько сузилась, что масштабное и систематическое неудовлетворение этой потребности оказывает разрушающее воздействие на все сферы жизнедеятельности человека и общества.

Методологическую основу исследования составляет системный подход к изучению явлений, а также положение о том, что эволюционный взгляд на экономическую безопасность помогает понять ее функциональную значимость в процессе развития природы и общества, а через самоорганизацию становится возможным раскрыть механизм экономической безопасности в органах и учреждениях УИС.

Анализ различных точек зрения на экономическую безопасность позволяет утверждать, что сегодня преждевременно говорить о существовании целостной системы взглядов на роль и место экономической безопасности в общей структуре социальных явлений. Кроме того, современная теория экономической безопасности не обладает признаками комплексности и пока не может предложить принципы изучения экономически безопасных процессов, имеющие междисциплинарную значимость. Актуализируются задачи, связанные с предупреждением и раскрытием преступлений в сфере экономики, поиском новых подходов к организации деятельности подразделений УИС.

К числу приоритетных задач функционирования органов и учреждений УИС относится алгоритм разработки и построения системы экономической безопасности: изучение специфики функционирования организации или предприятия, знакомство с персоналом учреждения, анализ угроз и разработка контрмер.

Для обеспечения экономической безопасности предприятий УИС предлагается осуществлять: поддержку конкурентоспособных предприятий; обучение и переобучение кадров современным методам анализа хозяйственной деятельности; оценку инвестиционных проектов; обеспечение эффективного использования имеющихся ресурсов; разработку пакета перспективных программ развития предприятий УИС.

Изменения социально-экономических условий жизни людей и становление экономической безопасности позволит минимизировать уровень преступности, поднять уровень жизни людей и создать благоприятные условия для функционирования уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: экономика, экономическая безопасность, уголовно-исполнительная система, угрозы, преступления, бюджетирование, кадровая безопасность, качество жизни, конкурентоспособность предприятий, профессиональная подготовка.

Появление в России новых форм хозяйствования в условиях противоречивости правовой базы, отсутствия научно обоснованных концепций развития и расхождения экономических и политических взглядов на различные проблемы общества выдвинуло в числе приоритетных проблему формирования экономически безопасного национального хозяйства России [1]. Систематическое неудовлетворение этой

потребности оказывает разрушительное влияние на все сферы жизнедеятельности человека.

Проблема экономической безопасности возникает и в УИС [2]. Преступления, связанные с нарушением безопасности функционирования учреждений и органов УИС, создают атмосферу неопределенности среди сотрудников, снижая престижность профессии, и требуют качественно иного уровня профессионализма, правовой, социальной и материальной защищенности.

Экономическая безопасность функционирования предприятий и органов УИС предполагает определенное состояние экономики в пространственно-временном континууме и выражает такие экономические отношения, при которых обеспечивается процесс устойчивого развития и стабильность функционирования каждого элемента системы [3, с. 34–38].

Систему концептуального подхода к исследованию экономической безопасности учреждений и органов УИС образуют определенные методологические принципы, к числу которых нами отнесены следующие:

а) *принцип антропоцентризма*, в соответствии с которым именно человек, его цели, потребности и установки являются эпицентром развития. Социально-экономическая безопасность человека, его защищенность от внешних и внутренних угроз образуют основу экономической безопасности государства в целом и учреждений и органов УИС в частности. Именно человек (осужденный) является непосредственным участником процесса производства на предприятиях УИС, а результаты его деятельности ощутимы в социальной, культурной, экологической сферах;

б) *принцип протяженности во времени*. Какие-то аспекты экономической безопасности учреждений и органов УИС как явление сопровождают человека на протяжении всей истории. История, эпоха и сиюминутное переплетаются в экономической безопасности нерасторжимо;

в) *принцип пространственной структуры*. Всякое явление непременно существует не только во времени, но и в пространстве. Следовательно, экономическую безопасность необходимо рассматривать на различных уровнях: общемировом, национальном, региональном и т. п., определяя тем самым пространственные координаты данного феномена.

Экономическая безопасность УИС выступает как эмерджентное свойство всей национальной экономики, обусловленное наличием синергетических связей между субъектами.

Субъектами экономической безопасности предприятий УИС являются личность (сотрудник), коллектив, государство, объектами выступают их экономические интересы, поэтому экономическая безопасность выражает и отношения по защите интересов сотрудников УИС в условиях неопределенности и опасности.

Диалектическая взаимообусловленность всех элементов экономической безопасности предопределяет ее целостность и наличие эмерджентных свойств. В обобщенном виде экономическая безопасность как система представлена на рисунке.

Входными параметрами данной модели являются опасность, риск и неопределенность, поскольку деятельность сотрудников УИС связана с контингентом осужденных, изоляцией профессиональной деятельности, жестким режимом работы, возникновением конфликтов и т. п.

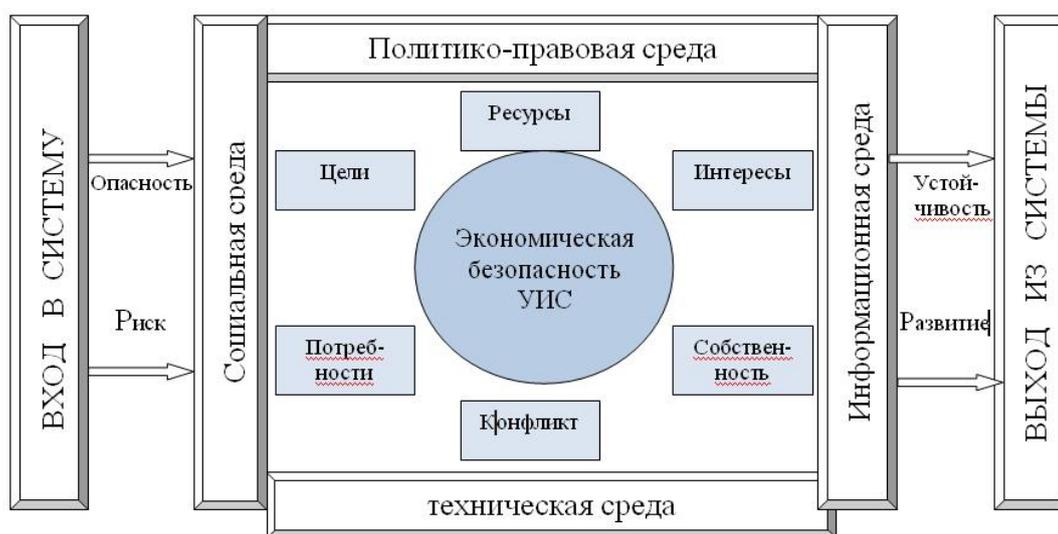

Рис. Модель системы экономической безопасности УИС

Субъектами экономической безопасности являются личность (индивид), социальные группы, коллективы, государство, а объектами – соответственно их экономические интересы, поэтому эконо-

мическая безопасность учреждений и органов УИС выражает отношения по защите интересов субъектов-сотрудников в условиях неопределенности и опасности.

В процессе своей профессиональной деятельности сотрудники УИС формируют определенные механизмы хозяйствования, способы движения ресурсов, общение, способы разрешения конфликтов и удовлетворения потребностей.

Выходные параметры системы определяют формирование свойств системы экономической безопасности: устойчивость, адаптивность (приспособляемость), инерционность, кумулятивность. В социальных системах, к числу которых относятся и учреждения УИС, устойчивость возникает вследствие упорядоченности элементов и концентрации усилий сотрудников на строго определенных направлениях деятельности и четком выполнении возложенных на них задач.

Учитывая, что одной из главных целей функционирования предприятий УИС является обучение осужденных новым видам профессий и оказание помощи в их социальной адаптации, к значимым параметрам устойчивости системы экономической безопасности целесообразно отнести следующие показатели:

- эффективность экономической деятельности (уровень технического оснащения, производство продукции, уровень производительности труда осужденных, фондовооруженность, механизация и автоматизация производства и др.);

- уровень и качество жизни (зарплата, уровень цен, уровень безработицы и др.);

- характеристику состояния финансовой системы органов и учреждений УИС (ликвидность, платежеспособность, финансовая устойчивость, деловая активность и др.);

- состояние преступности в обществе, уровень преступности и ее структуру, динамику преступности и др.

К числу рискообразующих факторов, препятствующих эффективному функционированию предприятий УИС, нами отнесены внешние угрозы и внутренние опасности, появляющиеся непосредственно в сфере хозяйственной деятельности. Внешние факторы – это политические, социально-экономические, научно-технические, правовые, к числу которых относятся, например, уровень социальной напряженности и политической нестабильности, платежеспособность людей и уровень их жизни, уровень коррупции общества, экономическая преступность.

К внутренним факторам риска можно отнести: недостаточный уровень дисциплины сотрудников УИС и их противоправные действия, преступные связи с осужденными, нарушения режима службы, отток квалифицированных кадров, отсутствие стратегического планирования и целостной системы принципов кадровой политики УИС [4, с. 106].

Наибольшее беспокойство вызывает криминализация деятельности сотрудников УИС. Результаты проверки Счетной палаты за последние три года выявили нарушения при осуществлении государственных закупок, в частности, на поставку оборудования СЭМПЛ (системы электронного мониторинга подконтрольных лиц) на сумму более трех миллиардов рублей. Примечательно, что результаты проверки Федеральной службы исполнения наказаний выявили нарушения на еще большую сумму (свыше 10 млрд руб.) [5, с. 7].

Институциональные угрозы также нуждаются в нейтрализации. Наиболее актуальной на сегодняшний день становится работа государственных органов в области: защиты прав собственности; мониторинга декларирования доходов сотрудников УИС; правоохранительной деятельности (роль «третьей» стороны в конфликтах); социальной обеспеченности, гарантий и благосостояния сотрудников. Социальная безопасность сотрудников является активным фактором конкурентоспособности, экономической эффективности, а следовательно, и экономической безопасности деятельности органов и учреждений УИС

В современном мире ориентиры меняются, необходимым условием обеспечения экономической безопасности органов и учреждений УИС становится их финансовая устойчивость, высокий технологический уровень деятельности подразделений, их оптимальная организационная структура [6, с. 76].

Обеспечение кадровой безопасности, предполагающее воспитательную, профилактическую и специальную подготовку по вопросам действующего законодательства и различным аспектам экономической безопасности, является еще одним приоритетным направлением [7, с. 14].

Создать универсальную систему экономической безопасности хозяйственной деятельности учреждений практически невозможно, так как каждое предприятие по-своему уникально и имеет свои особенности функционирования, структуру, потенциал. Однако основополагающими принципами построения эффективной системы экономической безопасности должны стать следующие принципы.

1. Соответствие институциональных возможностей УИС экономическому потенциалу. Потенциал органов и учреждений УИС и эффективность регулирования социально-экономических процессов неотъемлемы, поэтому руководство ФСИН России должно сосредоточить свои усилия на мобилизации имеющихся ресурсов, их эффективном использовании, одновременно создавая условия для расширения экономического потенциала, привлечения дополнительных ресурсов и средств [8, с. 14].

2. Выбор приоритетов воздействия: внутренние или внешние угрозы. Опыт развития УИС свидетельствует о том, что экономическая безопасность УИС ориентирована прежде всего на отражение внутренних угроз. Таким образом, политика безопасности УИС должна определяться преимущественно оптимизацией внутреннего развития.

3. Эффективность регулирования деятельности органов и учреждений, предполагающая соответствие действий аппарата управления его институциональным возможностям. Наличие институциональных сдерживающих рычагов ограничивает волюнтаризм, повышает предсказуемость всей системы управления, ее прозрачность. Это достигается за счет мер законодательного характера, мер поощрительного характера, усиления мотивации и т. п.

4. Вариабельность применяемых рычагов, учитывающая особенность динамики экономического

цикла. Иными словами, критерием эффективности экономической безопасности УИС выступают степень отстаивания и реализации национальных интересов и обеспечение экономической безопасности страны.

В современных условиях предприятиям УИС предстоит найти эффективные пути ускорения экономического развития на базе обновления всей системы управления [9, с. 67]. Эти меры позволят выйти на положительную динамику роста основных экономических показателей и будут способствовать обеспечению экономической безопасности деятельности органов и учреждений УИС.

Становление экономической безопасности УИС России позволит минимизировать уровень преступности и создать благоприятные условия для функционирования уголовно-исполнительной системы общества.

Список литературы

1. Концепция национальной безопасности Российской Федерации : утв. указом Президента Рос. Федерации от 17 дек. 1997 г. № 1300 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 45. Ст. 2010.
2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.
3. Тамбовцев В. Л. Экономическая безопасность хозяйственных систем: структура, проблема // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2010. № 3. С. 34–38.
4. Злобин С. И. Кадровое обеспечение ФСИН России : системно-структурный подход // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 106.
5. Мысенкова Т. В. Возможности восстановления работоспособности сотрудников УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 4. С. 7.
6. Бекряшев А. К. Теневая экономика и экономическая преступность. М., 2011. 112 с.
7. Передельская И. Г. Формирование профессионального правосознания сотрудников УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 8. С. 14.
8. Кутаков Н. Н. Повышение безопасности персонала пенитенциарных учреждений России за счет внедрения современных инженерно-технических средств // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2. С. 14.
9. Абалкин Л. А. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 2010. № 12. С. 67.

DIANA GRIGORIEVNA FILIPPOVA,

PhD in economics, associate professor,
senior lecturer of the Department of social humanitarian and economic disciplines
(Voronezh Institute of FPS of Russia)
E-mail: fdg1977@yandex.ru.

SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF FORMATION OF ECONOMIC SECURITY OF THE PENAL SYSTEM

Annotation: the article touches upon the methodological approaches of economic security enforcement of the institutions and penal systembodies, the model and options of economic security, the factors affecting the security of organizations, the basic principles of of economic security an effective system’sbuilding of economic security of the penal system.

Security is a universal category of natural, social and technical systems. The need for security is the base for the penal system. At the same time the field of safe existence in transition period of Russia extremely restricted. And the dissatisfaction of this need damages all the human and social activities.

A systematic approach in the study of phenomena is a methodological basis of our research. Also the evolutionary perspective on the economic security helps to understand its functional value in the process of development of nature and society, and through self-organization it's getting possible to reveal the mechanism of economic security in agencies and prison institutions.

The analysis of different opinions on the economic security allows to confirm that today it is early to speak about the existence of a integral views system on the role and place of economic security in the structure of social phenomena. In addition, the modern theory of economic security has no signs of complexity and cannot yet offer principles of study economically safe processes. The prevention and detection of economic crimes, the search of new approaches to the organization of the penal system activities are urgent problems as well.

Among the main problems of functioning of the penal system's agencies and institutions they distinguish the following: study of the specificity of functioning of the organization, familiarity with staff, analysis of threats and elaboration of countermeasures.

To ensure the economic security of the penal system institutions they propose:

- to support competitive enterprises;
- to train (instruct) and retrain the staff by the means of modern methods of analysis of economic activity;
- to evaluate capital projects;
- to provide the effective use of available resources;
- to work out the package program of penitentiary institutions' development.

The shift of socio-economic conditions of people's lives and the formation of economic security will allow to reduce the crime rate, to raise the people's level of living and to create favorable conditions for the functioning of the penitentiary system.

Keywords: economy, economic security, penitentiary (penal) system, threats, crimes, budgeting, personnel security, quality of life, competitive capacity of enterprises, professional training.

References

1. Rasporyazenie Pravitelstva Rossiiskoi Federacii ot 17 decabrya 1997 g. № 1300 «Konceptiya nacionalnoy bezopasnosti Rossiiskoi Federacii» [The order of the Government of the Russian Federation from December, 17th, 1997, № 1300 «National security concept of the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Collected legislation of the Russian Federation, 2005, no. 45, art. 2010.
2. Rasporyazenie Pravitelstva ot 14 octyabrya 2010 g. № 1772-p «Konceptiya razvitiya ugolovno-ispolnitelnoy sistemy Rossiiskoi Federacii do 2020 goda» [The order of the Government of the Russian Federation from October 14th, 2010, № 1772-p «The concept of development of criminal-Executive system of the Russian Federation until 2020»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Collected legislation of the Russian Federation, 2010, no. 43. art. 5544.
3. Tambovtsev V. L. Economicheskaya bezopasnost hozyaistvennyh system: structura, problema [Economic security economic systems: structure, problem]. Vesti Moskovskogo Universiteta – Lead of Moscow University, 2010, no. 3, pp. 34–38.
4. Zlobin S. I. Kadrovoe obespechenie FSIN Rossii: sistemno-strukturnyi podhod [Staffing of the Federal penitentiary service of Russia: Systemic-structural approach]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man : Crime and Punishment, 2013, no. 4, p. 106.
5. Mysenkova T. V. Vozmozhnosti vosstanovleniya rabotosposobnosti sotrudnikov UIS [Restore the health of the prison staff]. Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoi sistemy – Statements of Criminally-Executive system, 2012, no. 4, p. 7.
6. Bekryashev A. K. Tenevaya ekonomika i ekonomicheskaya prestupnost [The shadow economy and economic crime]. Moscow, 2011, 112 p.
7. Peredelka I. G. Formirovanie professionalnogo pravosoznaniya sotrudnikov UIS [The formation of professional awareness of prison personnel]. Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoi sistemy – Statements of Criminally-Executive system, 2012, no. 8, p. 14.
8. Kutakov N. N. Povyshenie bezopasnosti personala penitentsiarnyx uchregdenii Rossii za schet vnedreniya sovremennykh ingenerno-texnicheskix sredstv [Improving the safety of the personnel of penitentiary institutions of Russia due to the introduction of modern engineering tools]. Chelovek : prestuplenie i nakazanie – Man : Crime and Punishment, 2013, no. 2, p. 14.
9. Abalkin L. A. Economicheskaya bezopasnost Rossii: ugrozy i ih otrazhenie [The economic security of Russia: threats and their reflection]. Voprosy ekonomiki – Approaches to Economy, 2010, no. 12, p. 67.

УДК 159.9:343.83
ББК 88.472
Г69

СТАНИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ ГОРНОСТАЕВ,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры юридической психологии и педагогики
(Академия ФСИН России)
E-mail: stanislavrz@yandex.ru.

СЛУЖЕБНАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реферат: в статье раскрывается содержание понятия «служебная лояльность», которая рассматривается как система отношений служащего к потенциальным объектам лояльности, определяемым его служебным статусом.

Лояльность как отношение подразумевает единство внутреннего рационального и эмоционального отношения к объекту лояльности и внешней активности, то есть поведенческих проявлений этого отношения. Содержательное наполнение слова «лояльность» отличается в бытовой и профессиональной сферах. В профессиональной служебной деятельности больший вес в содержании слова «лояльность» приобретает поведенческая сторона, вместе с тем имеется в виду позитивное эмоциональное отношение к объекту лояльности, осознание субъектом лояльности единства или связи с ним. Лояльность в такой интерпретации близка к пониманию В. Н. Мясичевым понятия «отношение». В связи с этим можно понимать лояльность как отношение или систему отношений (в случае множественности объектов лояльности). Специфика видового понятия «служебная лояльность» также определяется термином «служба», который понимается как деятельность в пользу объекта службы, связанная со специальным социальным статусом субъекта службы или принятием на себя субъектом неких обязательств перед объектом службы.

Для выделения специфики служебной лояльности сотрудников УИС как лиц, осуществляющих государственную правоохранительную службу – разновидность государственной службы, анализируется понятие государственной службы, которая в результате анализа трактуется как связанное с исполнением государственных должностей публично-правовое отношение между государством и государственными служащими по поводу условий, методов и результатов служения государству и обществу, проявляющееся в служебной деятельности. В качестве характеристики, значимо влияющей на особенности лояльности государственных служащих, выделяется их особый статус, определенный в документах, регламентирующих прохождение службы. Этот статус также очерчивает для служащего круг потенциальных объектов его лояльности.

Множественность, неоднородность и потенциальная противоречивость объектов лояльности государственных служащих рассматривается как ключевая характеристика и отличительная особенность служебной лояльности. В качестве основных объектов лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы рассматриваются государство (закон), общество (народ) и начальники.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, служебная лояльность, множественная лояльность, объект лояльности, конфликт интересов, служебный статус, служебное поведение, государственные служащие.

В п. 6 ранее действовавшего Свода профессионально-этических норм служебного поведения сотрудника УИС (приказ ФСИН России от 24 мая 2010 г. № 240) лояльность предписывалась сотрудникам УИС как один из нравственных принципов, в соответствии с которыми должна осуществляться их служебная деятельность. Однако приводимое в том же пункте разъяснение данного принципа не вполне согласовывалось с содержанием понятия «лояльность», употребляемого в обиходе, науке и практике, не раскрывало содержания названного принципа и не

отражало специфики его применения в деятельности сотрудника УИС. В связи с этим возникают научно-практические задачи уточнения понятия «лояльность», а также определения и внедрения в регламентацию деятельности сотрудников УИС видового понятия «служебная лояльность», то есть «лояльность» специальных субъектов (служащих), проявляющаяся в специфической деятельности (службе).

В 1998 г. А. В. Оболонский [1, с. 10–12] упоминал служебную лояльность как один из принципов построения и организации государственной службы, В. Е. Чиркин [2, с. 228] уже в более современ-

ной работе указывал, что «чиновники обязаны соблюдать служебную лояльность». Однако, оперируя термином «служебная лояльность», вышеуказанные авторы не раскрывали его содержания. Применительно к отдельным категориям служащих понятие «служебная лояльность» не встречается ни в одном источнике.

Для более четкого определения понятия «служебная лояльность», без которого невозможно его дальнейшее применение, целесообразно проанализировать понятия «лояльность» и «служба».

Слово «лояльность» принадлежит к интернациональной лексике. Это заимствованное и трансформированное английское или французское слово «loyal», переводимое как «верный» [3] этимологически восходящее к латинскому «lex» – закон [4] и «legalis» – «законный, легальный, правильный» [5]. В своем первом значении в русском и других европейских языках лояльный – значит законопослушный. Во втором значении слово «лояльный» указывает на то, что человек не позволяет себе действий и высказываний, противоречащих интересам объекта лояльности (которым может выступать конкретное лицо, группа, общество, организация, социальный институт) [4].

В современном русском языке синонимом слова «лояльность» считается слово «верноподданство», частичными синонимами – «верность», «преданность», «благонадежность» [6].

Вместе с тем за годы использования понимание слова «лояльность» в русском языке стало расширяться и трансформироваться. В содержании слова, кроме идеи действия в чьих-то интересах, усиливается идея готовности мириться с недостатками. И. Б. Левонтина [4] видит причину в том, что русский язык очень эмоционален, содержит много слов, одновременно описывающих не только поведение, но и его мотивацию, а слово «лояльность» в его европейском смысле описывает просто поведение, ничего не говоря о мотивах. Русскоязычные люди, говоря о том, кто последовательно соблюдает чьи-то интересы, скорее употребят такие эмоционально окрашенные слова, как «преданность», «верность», «самоотверженность». Во многих случаях употребление слова «лояльность» придает внешне безупречному поведению человека оттенок неискренности, равнодушия и т. д. [4].

Таким образом, слово «лояльность» в современном русском языке трактуется неоднозначно и имеет большой спектр значений от обозначения поведения до обозначения понимания соотношения с объектом лояльности и эмоций в его адрес. В каждом из этих значений также присутствуют колебания эмоциональной составляющей от ней-

тралитета до крайне позитивных характеристик. В неформальной, бытовой сфере слово чаще употребляется в значении нейтралитета, терпимости и толерантности, подразумевает эмоциональное отношение. В формальной, в том числе профессионально-служебной, сфере больший вес в содержании слова «лояльность» приобретает поведенческая сторона, вместе с тем подразумевается позитивное эмоциональное отношение к объекту лояльности, осознание субъектом лояльности единства или связи с ним.

В свете описанных значений нельзя не заметить параллели, которую можно провести между содержанием лояльности и содержанием понятия «отношение», разработанного в отечественной психологии В. Н. Мясищевым в качестве системообразующего элемента личности, характеризующего связи личности с различными сторонами действительности, включающего в себя познавательный, эмоциональный и поведенческий компоненты. С учетом такого сходства можно предположить, что лояльность, по сути, является отношением, как его понимал В. Н. Мясищев. Как отмечал сам В. Н. Мясищев: «Понятие же отношения, строго говоря, возникает там, где есть субъект и объект отношения» [7], поэтому лояльность закономерно рассматривать как характеристику взаимосвязи субъекта лояльности с ее объектом, как отражение в психике и поведении субъекта лояльности его взаимоотношения с объектом лояльности. Как справедливо отмечал В. Н. Мясищев, «отношения обязывают к рассмотрению их объектов» [7]. Для уточнения смысла термина «служебная лояльность» необходимо проанализировать содержание слова «лояльность» именно в этом контексте служебной деятельности.

Анализируя понятие «служба», можно выделить ряд его значений, толкований и синонимов. Чаще всего «служить» обозначает: исполнять свои обязанности по работе, состоять в рядах какого-либо подразделения; быть солдатом, воином; работать на кого-то, действовать по чьей-то воле и на чье-то благо, в чьих-то интересах; использоваться для каких-то целей; выполнять свое назначение; оказывать услуги; быть готовым выполнить чьи-либо просьбы, желания; отдаваться во власть кого-либо, чего-либо; работать, трудиться во имя чего-либо; быть верным чему-либо; являться, становиться причиной чего-либо, вызывать что-либо, обуславливать что-либо [8; 6].

Таким образом, под службой чаще всего понимается деятельность в пользу объекта службы, связанная со специальным социальным статусом субъекта службы или принятием на себя субъек-

том неких обязательств перед объектом службы. Исходя из этого служебную лояльность можно рассматривать как отражение в сознании и поведении служащего его взаимосвязи с объектами, в пользу которых предполагается служба.

В большинстве случаев служба предполагает ее возмездность, когда служащий идет на некоторую самоотдачу в обмен на блага, получаемые от того, в пользу кого осуществляется служба. Но иногда служба может быть и безвозмездной. В этом случае она, как правило, носит полностью добровольный характер и часто называется служением, в процессе которого служащее лицо самореализуется как личность. Иногда возмездная служба может сочетаться с элементами служения.

Служба в учреждениях и органах УИС относится к государственной правоохранительной службе – разновидности государственной службы, то есть является возмездной службой, хотя не исключает возможности проявления в служебной деятельности и элементов служения, когда сотрудник действует исходя не из формального служебного долга, а из собственных убеждений, ценностей и представлений о службе.

Рассматривая возмездную службу, Д. Н. Бахрах [8] рассматривает ее как тип общественно полезной деятельности и, помимо возмездности и ряда других признаков, выделяет занятие должностей в легальных организациях, работу на профессиональной основе в «чужих интересах», то есть выполнение воли тех, кому служащие подчинены, действие в интересах тех, кто оплачивает их работу.

По последнему признаку (кто финансирует служащих, кому они подчинены, в чьих интересах действуют) Д. Н. Бахрах выделяет государственных, муниципальных, частных и международных служащих, поэтому государственная служба является не единственной возмездной службой и имеет свою специфику.

Определение государственной службы, содержащееся в Федеральном законе от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», предполагает, как минимум, следующие атрибуты государственной службы: 1) служба представляет собой деятельность, 2) осуществляется она на профессиональной основе, 3) ее целью является обеспечение реализации властных полномочий государства.

Краткое и емкое определение, содержащее деятельность и статусную составляющую понятия государственной службы, дает Г. В. Атаманчук: «Государственная служба – это практическое и профессиональное участие граждан в осуществлении целей и функций государства посредством ис-

полнения государственных должностей, учреждений в государственных органах» [9]. Удачное определение, объединяющее деятельность и статусную сторону государственной службы, принадлежит Е. В. Охотскому, который описывает службу как «публично-правовое отношение между государством и государственными служащими по поводу условий, методов и результатов служения государству и обществу» [10].

Для человека, находящегося на государственной службе, чрезвычайно важно четко понимать, кому он служит. Он должен понимать, что главная цель для него — это безупречное служение государству. Но также важно осознавать, что через государство он служит обществу.

Служащий – это человек не корпоративный, не ведомственный, а государственный, но у него могут быть корпоративные, групповые и личные интересы, поэтому в реальной жизни перед государственным служащим может вставать этический вопрос, кому служить и как согласовывать в деятельности часто противоречивые интересы объектов службы. Ответ на этот вопрос и занятие таким образом активной позиции может помочь сотруднику разрешить внутриличностный конфликт.

Однако ответ на этот вопрос не всегда очевиден. Так, реализация принципа служения государству и обществу в России опосредуется историко-культурными факторами. Понятие «служба» уходит своими корнями в эпоху формирования Московского централизованного государства, когда государственная служба понималась как «государева служба», как служение государю. Статус служащего характеризовался полной зависимостью от государя, службой «по приказу». Непубличность, придание государственной службе характера служения первому лицу государства, но не самому государству и тем более не обществу были и пока еще остаются одной из существенных особенностей нашей государственной службы. Вопрос служения государству и обществу были поставлены в России с большим опозданием от стран Западной Европы. Даже в советский период формировался культ служения партии и государству, служение обществу нередко только декларировалось. Традиции служения обществу в России малозначительны. Больше выражена постсоветская традиция служения прежде всего государству. Это прослеживается уже в самом термине «государственный служащий», то есть служащий государству.

При всех формальных отличиях государственной службы от частной служебное положение не ограничивает круг объектов службы государственного служащего обществом и государством. Объ-

ектом службы и служебной лояльности государственного служащего, помимо государства и общества, определяемых в качестве таковых законом, фактически может являться и руководитель служащего.

Сотрудники УИС приобретают свой служебный статус, заключая контракт и принимая присягу. Из текста присяги усматривается три объекта лояльности сотрудника УИС. Указание на службу народу и закону дается прямо, указание на службу начальнику – косвенно. Присвоение служебного статуса в виде заключения и перезаключения контракта, осуществляемое конкретным должностным лицом ставит служащего в положение служебной обязанности по отношению не только к государству, но и к этому лицу.

На основании изложенного можно заключить, что государственный служащий должен одновременно проявлять лояльность, как минимум, к трем различным по характеру объектам, интересы которых могут вступать в противоречие, и служебную

лояльность можно понимать как систему отношений служащего к объектам, в пользу которых может осуществляться служба в связи с его статусом.

Для определения служебной лояльности сотрудника УИС можно применить общее определение служебной лояльности, лишь конкретизировав его: служебная лояльность сотрудника УИС – это система его субъективных отношений к государству (закону), обществу (народу) и начальникам как объектам службы.

В заключение важно отметить, что служение данным объектам лояльности также определяется разными источниками. Если для служения закону и начальнику используются, по сути, внешние источники (содержание нормативных документов и указаний начальника соответственно), то служение обществу базируется на индивидуальных взглядах сотрудника на мораль, нравственность, добро, справедливость. В перспективе это отличие должно обязательно учитываться при организации исследований проблем служебной лояльности.

Список литературы

1. Оболонский А. В. Реформа российской государственной службы: концепция и стратегия // *Общественные науки и современность*. 1998. № 3. С. 10–12.
2. Чиркин В. Е. Конституционное право: курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов. М., 2013. 688 с.
3. Буквоед. URL: http://www.bukvoed.blogspot.ru/2007/10/blog-post_10.html (дата обращения: 18.05.2014).
4. Левонтина И. Б. Русский со словарем. М., 2010. 335 с.
5. Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/72673/лояльность (дата обращения: 19.05.2014).
6. Викисловарь. URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/служба> (дата обращения: 18.05.2014).
7. Мясищев В. Н. Психология отношений : избр. психол. тр. / под общ. ред. А. А. Бодалева. М.; Воронеж, 1995. 356 с.
8. Бахрах Д. Н. Административное право России : учебник. М., 2001. 640 с.
9. Атаманчук Г. В. Сущность государственной службы. М., 2002. 272 с.
10. Государственная служба: теория и организация : курс лекций / под ред. Е. В. Охотского. Ростов н/Д, 1998. 634 с.

STANISLAV VIKTOROVICH GORNOSTAEV,
candidate of psychological sciences, associate professor,
associate professor of legal psychology and pedagogy sub-department
(Academy of the FPS of Russia)
E-mail: stanislavrz@yandex.ru.

SERVING LOYALTY OF PENAL STAFF

Annotation: the article explains the concept of «service loyalty», which is regarded as a system of employee relations to potential objects of loyalty determined by its official status.

Loyalty as an attitude implies a unity of internal rational and emotional relationship to the object of loyalty and external activity, that is, the behavioral manifestations of this relationship. Substantive content of the word «loyalty» is different in personal and professional spheres. In the field of professional performance more weight in the content of the word «loyalty» acquires behavioral side, but at the same time implies a positive emotional

relationship to the object of loyalty, awareness of the unity with the subject of loyalty or connection with it. Loyalty in this interpretation is close to concept of «attitude» by V. N. Myasishev. Therefore the word «loyalty» can be understood as an attitude or system of attitudes (in the case of few objects of loyalty). The specificity of the species concept of «official activity» as defined by the term «service», which is understood as an activity for the benefit of the service object, associated with a special social status of the subject of the service or taking on the subject of service obligations to the object service. To highlight the specificity of the serving loyalty of the penal staff as a persons exercising public law enforcement service – a kind of public service, analyzed the concept of public service. It understood as determined by performance of public functions, public and legal relationship between the state and government employees about the conditions, methods and results of service to the state and society, which manifests itself in official activity. As an characteristic, significantly affecting features loyalty of government employees, released their special status determined by the regulations governing the official activity. This status also outlines for the government employee the list of potential objects of his loyalty.

Multiplicity, heterogeneity and potential inconsistency of loyalty objects of governmental employees is seen as a key characteristic and distinctive feature of serving loyalty. The main objects of loyalty of penal staff are: the state (the law), society (people) and the chiefs.

Key words: service, loyalty, serving loyalty, multiple loyalty, object of loyalty, conflict of interest, attitude, penal staff, official status, official activity, governmental employees.

References

1. Obolonskiy A. V. Reforma rossiyskoy gosudarstvennoy sluzhby: kontseptsiya i strategiya [The reform of the Russian civil service: concept and strategy]. *Obschestvennyie nauki i sovremennost – Social sciences and modernity*, 1998, no. 3, pp.10–12.
2. Chirkin V. E. *Konstitutsionnoe pravo [Constitutional law]*. Moscow, 2013. 688 p.
3. Bukvoed. Available at: http://www.bukvoed.blogspot.ru/2007/10/blog-post_10.html (Accessed 18 May 2014).
4. Levontina I. B. *Russkiy so slovarem [Russian by the dictionary]*. Moscow, 2010. 335 p.
5. *Slovari i entsiklopedii na Akademike [Dictionaries and encyclopedias on Akademik]*. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/72673/loyalnost (Accessed 19 May 2014).
6. *Vikislovar [Wiktionary]*. Available at <http://ru.wiktionary.org/wiki/sluzhba> (Accessed 16 May 2014).
7. Myasishev V. N. *Psihologiya otnosheniy: izbrannyye psihologicheskie trudy [Psychology of relations: selected psychological works]*. Moscow, Voronezh, 1995, 356 p.
8. Bahrah D. N. *Administrativnoe pravo Rossii [Administrative law of Russia]*. Moscow, 2001. 640 p.
9. Atamanchuk G. V. *Suschnost gosudarstvennoy sluzhby [The essence of public service]*. Moscow, 2002. 272 p.
10. Ohotskiy . E. V. *Gosudarstvennaya sluzhba: teoriya i organizatsiya [Public service: theory and organization]*. Rostov-na-Donu, 1998. 634 p.

УДК 343.83
ББК 67.409.022
П16

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПАНАРИН,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России)
E-mail: panarin.1979@mail.ru.

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ УКРЕПЛЕНИЯ
СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
СРЕДИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
(ОПЫТ АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ)**

Реферат: в статье раскрываются основные направления укрепления служебной дисциплины и профилактической работы среди личного состава ведомственных образовательных организаций по недопущению нарушения принципов и требований законности, а также иллюстрируются конкретные формы и методы работы субъектов воспитательного воздействия в интересующей нас сфере.

Методология исследования базируется на традиционных методах научного познания процессов и явлений в их практическом преломлении. При подготовке материала для издания использовался всеобщий метод диалектики (развития), с разумным сочетанием общенаучных (анализ, синтез, дедукция, индукция и т. п.) и частнонаучных методов (системный и комплексный подход).

В настоящее время многообразные аспекты укрепления служебной дисциплины и соблюдения требований законности в системе государственной службы получают достаточную разработку, что, однако, неприменительно к прохождению службы в системе МВД России и ФСИН России. Конечной целью всех работ, посвященных этой проблеме, является повышение эффективности службы в многоаспектном ключе, преимущественно с позиций совершенствования подходов к надлежащему кадровому обеспечению жизнедеятельности структурных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний.

Ряд диссертационных исследований посвящен общим вопросам повышения эффективности управления правоохранительными органами (например, В. М. Анисимков «Реформа системы управления органами, исполняющими наказание в виде лишения свободы (теоретические основы, механизм реализации)», 1994 г., В. М. Морозов «Государственная политика реформирования кадров правоохранительных органов России – социальная проблема и важнейший фактор стабилизации общества», 1996 г.). Несколько шире эта проблема затрагивалась на уровне научных статей, монографий, публикаций научно-прикладной направленности (М. Буланже, И. Велетминский, Н. А. Волгин, Л. Гаухман, В. И. Гладких, Н. И. Дорохов), однако постановка вопросов производилась преимущественно под углом зрения государственной гражданской службы и иных правоохранительных органов, в обход характерным особенностям уголовно-исполнительной системы.

Практическое значение изложенного материала заключается в возможности использования предлагаемых форм и методов воспитательной работы, апробированных в Академии ФСИН России, другими ведомственными образовательными организациями. Нами проведен детальный анализ и классификация существующих направлений укрепления служебной дисциплины в вузах ведомственной направленности, проведена систематизация этих направлений. С позиций обобщения опыта функционирования структурных подразделений ведущего образовательного центра ФСИН России – Академии права и управления изложены конкретные содержательные тактические основы реализации обозначенных направлений, а равно формы и методы. В заключение предложены конкретные инструменты дальнейшего перспективного развития такого ключевого нормативно установленного направления воспитательной работы с личным составом, как укрепление служебной дисциплины и законности.

Ключевые слова: служебная дисциплина, профилактика правонарушений, законность, субъект воспитательного воздействия, взаимодействие, координация, правоохранительные органы, коррупционное поведение, экстремистские проявления, межнациональный конфликт.

Служба в правоохранительных органах сотрудников с широким кругозором и прочными предъявляет высокие требования к нравственным устоям, позитивной, общественно ответственному, разностороннему развитию полезной направленностью поступков, действий и

устремлений. На соблюдение данного постулата ориентируют нормативные предписания и руководящие документы, регламентирующие комплекс правоотношений профессионально-этического характера, применительно к прохождению службы в уголовно-исполнительной системе.

Руководством и коллективом сотрудников Академии ФСИН России, чья служебная деятельность прямо (в силу должностных инструкций) или косвенно (посредством закрепления дополнительных обязанностей в локальных нормативных актах) связана с оказанием ежедневного воспитательного воздействия на постоянный и переменный состав (далее – субъекты воспитательного воздействия), уделяется серьезное внимание нравственно-эстетическому воспитанию курсантов, слушателей и студентов, формированию благоприятного морально-психологического климата в коллективе сотрудников, работников вуза и членов их семей, что является залогом укрепления служебной дисциплины и сведения к минимуму совершения личным составом правонарушений различного характера и направленности.

Обратимся прежде всего к юридически закрепленной терминологии интересующих нас понятий.

Служебная дисциплина в органах внутренних дел (УИС) означает соблюдение сотрудниками установленных законодательством Российской Федерации, Присягой, дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Президентом Российской Федерации, контрактом о службе, а также приказами Министра внутренних дел Российской Федерации, прямых начальников порядка и правил при выполнении возложенных на них обязанностей и осуществлении имеющихся у них правомочий.

Нарушением сотрудником органов внутренних дел служебной дисциплины признается виновное действие (бездействие), повлекшее за собой нарушение законодательства Российской Федерации, дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, должностного регламента (должностной инструкции), правил внутреннего распорядка органа внутренних дел (подразделения) либо выразившееся в несоблюдении требований к служебному поведению или в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательств, предусмотренных контрактом, служебных обязанностей, приказов, распоряжений и указаний прямых начальников и непосредственного начальника, если за указанное действие (бездействие) законодательством Российской Федерации не установлена административная или уголовная ответственность.

Соблюдение требований законности является политико-юридическим принципом деятельности государства. Строжайшее соблюдение законов – таково требование законности, обращенное ко всем органам государственной власти, органам местного самоуправления, должностным лицам, гражданам и их объединениям.

Статья 15 Конституции РФ установила, что законность является одним из важнейших правовых принципов деятельности государства, его органов и должностных лиц. Укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, неуклонное соблюдение законности и правопорядка, улучшение работы всей системы правоохранительных органов являются неременным условием деятельности государства.

В рамках проведения работы по укреплению служебной дисциплины и соблюдению требований законности среди личного состава Академии ФСИН России особое внимание уделяется следующим направлениям деятельности:

- неукоснительное соблюдение личным составом предписаний нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы служебной дисциплины сотрудников УИС;
- контроль соблюдения сотрудниками академии правил дорожного движения, принятие мер реагирования на выявленные факты нарушений;
- предупреждение коррупционного поведения личного состава, нейтрализация воздействия коррупционных рисков и условий коррупционности;
- профилактика фактов распространения и употребления наркотических и психотропных веществ среди личного состава академии;
- своевременное выявление и упреждение фактов разжигания межнациональных и межэтнических конфликтов, экстремистских проявлений в курсантско-слушательской среде.

На системной основе обеспечивается тесное взаимодействие с правоохранительными органами региона в рамках укрепления служебной дисциплины и соблюдения требований законности среди личного состава.

В частности, впервые в истории вуза с сентября 2011 г. ежегодно на учебный год утверждается План совместных мероприятий Академии ФСИН России с УФСКН России по Рязанской области по профилактике и предупреждению фактов распространения и употребления наркотических и психотропных веществ среди личного состава академии и обеспечивается целенаправленное выполнение выработанных там мероприятий. Организована работа по утвержденному Плану совместных мероприятий Академии ФСИН России и ОСБ

УФСИН России по Рязанской области по противодействию коррупции и профилактике правонарушений среди постоянного и переменного состава вуза на учебный год.

В рамках отработки такого направления работы, как обеспечение неукоснительного соблюдения личным составом предписаний нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы служебной дисциплины сотрудником УИС, реализуются мероприятия, вытекающие из решений ученого совета, совещаний при начальнике академии, тематических рабочих совещаний на уровне руководства академии.

Так, руководством факультетов при координирующей роли отдела по работе с личным составом организована работа по укреплению служебной дисциплины и профилактике правонарушений среди личного состава кафедр, уделяется особое внимание вопросам повышения роли кураторской работы и индивидуального наставничества.

К работе по профилактике нарушений служебной дисциплины и законности среди переменного состава активно привлекаются члены Комитета ветеранов академии и родительских комитетов, функционирующих в учебно-строевых подразделениях. На рабочих совещаниях с участием должностных лиц, отвечающих за организацию воспитательной работы, еженедельно рассматриваются вопросы состояния служебной дисциплины среди курсантов и слушателей, проживающих вне академии, дисциплинарной практики в учебно-строевых подразделениях, соблюдения установленного порядка наложения дисциплинарных взысканий, предоставления увольнений и краткосрочных отпусков из расположения академии.

Повышение требовательности руководства академии к соблюдению служебной дисциплины, распорядка дня, требований руководящих документов, повышению личной ответственности должностных лиц за поддержание надлежащего состояния внутреннего порядка во вверенных подразделениях, активизация работы дополнительно введенных приданных дежурной службе академии сил в форме патрулей, ответственных по общежитию из числа адъюнктов, пересмотр графика работы ответственных из числа руководства академии и ужесточение формы контроля результатов их деятельности способствует снижению латентности удельного веса правонарушений среди личного состава, исключению формализма в регистрации правонарушений и их замалчиванию.

Серьезную помощь в укреплении служебной дисциплины оказывает аппарат психологического обеспечения учебно-воспитательной работы.

В работе по профилактике и предупреждению фактов распространения и употребления наркотических и психотропных веществ среди личного состава академии следует обратить внимание на существенное укрепление взаимодействия академии с УФСИН России по Рязанской области. Обеспечено постоянное представительство академии в работе антинаркотической комиссии при правительстве области. Значительно повысилась эффективность мероприятий информационно-пропагандистского, разъяснительно-предупредительного и служебного характера по профилактике распространения наркомании в курсантско-слушательской среде. В частности:

– обеспечено взаимодействие с руководством служб безопасности центров развлечения и отдыха г. Рязани в целях своевременного обмена информацией на предмет совершения правонарушений соответствующей направленности во время проведения досуговых мероприятий среди постоянного и переменного состава академии;

– введена практика выявления следов употребления наркотиков (следы уколов, внешний облик и др.) сотрудниками медицинской части, ответственными офицерами на курсах в ходе ежедневной утренней физической зарядки, преподавателями кафедры физической подготовки и спорта в ходе учебных занятий;

– организовано проведение выборочной проверки личных вещей курсантов по прибытии их из отпусков и длительных выходных;

– обеспечено обследование жилых помещений общежития академии с использованием служебных собак специализированных подразделений УФСИН России по Рязанской области;

– достигнута договоренность с медицинской частью о своевременном получении информации из наркологического диспансера о постановке на профилактический учет лиц из числа постоянного и переменного состава вуза;

– в целях выявления фактов употребления наркотических и психотропных веществ медицинской частью приобретаются наркотесты ИХА-6-мультифактор для одновременного выявления морфина, марихуаны, кокаина, амфетамина, метамфетамина, бензодиазепина в моче человека. Указанная процедура проводится по информации, представленной руководством учебно-строевых подразделений, с личного согласия обследуемого.

С учетом многонационального состава обучающихся руководством академии уделяется особое внимание вопросам профилактики проявлений экстремистской направленности, межнациональных конфликтов. С этой целью:

– обеспечено постоянное взаимодействие с уполномоченными органами государственной власти региона, правоохранительными структурами (в том числе в рамках реализации двустороннего Плана совместных мероприятий с региональным УФСБ России по профилактике экстремистских проявлений и межнациональных конфликтов среди личного состава);

– обеспечено взаимодействие с традиционными религиозными конфессиями, их региональными представительствами в Рязанской области на основе заключенного двустороннего соглашения о сотрудничестве академии с Рязанской Митрополией Русской православной церкви;

– организована деятельность кружка «Духовно-нравственные аспекты в профессиональной деятельности работников УИС», членами которого являются курсанты и студенты, представители разных национальностей;

– проводятся регулярные проверки фондов библиотеки на предмет наличия изданий, содержащих экстремистскую тематику, мониторинг поступающей литературы по данному принципу.

С целью обеспечения равенства представителей традиционных религиозных конфессий, обучающихся в академии, в учебно-строевых подразделениях осуществляется периодическая подготовка тематической стенной печати, проведение иных информационно-пропагандистских мероприятий, направленных на просвещение курсантско-слушательской среды о культурно-нравственном и духовном наследии представителей различных вероисповеданий.

В рамках реализации функции профилактики ДТП с участием сотрудников академии продолжается практика ежеквартального направления запросов в адрес ГИБДД УМВД России по Рязанской области на предмет выявления административных правонарушений, нарушений Правил дорожного движения и дорожно-транспортных происшествий с участием сотрудников академии, курсантов и слушателей, использующих личный автотранспорт. Создана база данных личного автотранспорта сотрудников академии. Сведения о сотрудниках, допустивших административные правонарушения в сфере дорожного движения, представляются во ФСИН России.

В рамках антикоррупционной деятельности, профилактики воздействия коррупционных рисков на личный состав и обстановку в академии введено в практику проведение следующих мероприятий:

– усиленный контроль при принятии всех зачетов и экзаменов у обучающихся с привлечением сотрудников отдела собственной безопасности

УФСИН России по Рязанской области, с обязательным использованием при этом технических средств видеоконтроля и аудиозаписи;

– работа по исключению случаев непосредственного подчинения или подконтрольности среди сотрудников академии, состоящих между собой в близком родстве или свойстве (ст. 9 Положения и службе в органах внутренних дел) и случаев наступления возможности конфликта интересов;

– функционирование телефонов доверия и страницы на официальном сайте для приема информации от курсантов и их родителей о нарушении порядка предоставления увольнений руководством учебно-строевых подразделений, соблюдении сотрудниками учебно-строевых подразделений уставных требований по назначению курсантов в состав суточного нарядов, фактах проявления коррупции и нарушения требований к служебному поведению.

Дальнейшему повышению эффективности работы по укреплению служебной дисциплины и законности в образовательных организациях уголовно-исполнительной системы будет способствовать реализация следующих мер:

– расширение круга региональных управлений правоохранительных органов, иных учреждений и общественных организаций, способных принимать участие в организации и проведении воспитательной работы с личным составом вузов на основе двусторонних планов совместных мероприятий и соглашений о постоянном сотрудничестве;

– обеспечение постоянного взаимодействия с профильными структурами региональных органов власти и управления в реализации долгосрочных целевых региональных программ по профилактике правонарушений и программ антинаркотической и экстремистской направленности;

– использование возможностей общественных организаций для укрепления материальной базы информационно-пропагандистской работы, совершенствования системы тематической наглядной агитации, направленной на профилактику и предупреждение фактов противоправного поведения, соблюдение требований дисциплины и законности, устранение воздействия коррупционных рисков;

– повышение роли аттестационной комиссии, кадровой и конкурсной комиссий по замещению вакантных должностей;

– активное привлечение к воспитательной работе с переменным составом курсантов и студентов, являющихся неформальными лидерами коллективов учебных групп с устойчивой положительной мотивацией.

Таким образом, при комплексном подходе к реализации предложенных мер работа в сфере укрепления служебной дисциплины и соблюдения требований законности личным составом способна будет выйти на качественно новые позиции, что позволит рационально перераспределить силы и средства воспитательного

воздействия на персонал в иных укрупненных направлениях жизнедеятельности и повысить в целом эффективность выполнения основной функции образовательной организации – надлежащего отправления государственной образовательной политики применительно к требованиям учредителя.

DMITRY ALEKSANDROVICH PANARIN,

PhD in Law, associate professor,
doctoral candidate of teaching staff training department
(The Academy of the Federal Penal Service of Russia)
E-mail: panarin.1979@mail.ru.

THE MAIN DIRECTIONS, FORMS AND METHODS OF STRENGTHENING SERVICE DISCIPLINE AND DELINQUENCY PREVENTION AMONG STAFF OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA (THE EXPERIENCE OF THE FEDERAL PENAL SERVICE ACADEMY OF RUSSIA)

Annotation: The article describes the main directions of discipline strengthening among staff of educational institutions preventing violations of principles and requirements of law, and illustrates definite forms and methods used by «subjects of educational influence» as well.

The research methodology is based on traditional scientific knowledge of processes and phenomena in their practical interpretation. The author makes use of a dialectics method (the method of development), combining general scientific (analysis, synthesis, deduction, induction, etc.) and special scientific methods (systematic and comprehensive approaches).

At present various aspects of discipline strengthening and compliance with the rule of law in civil service are being increasingly developed, however they are not applied to the full extent in relation to military service in the Ministry of Internal Affairs and the Federal Penal Service of Russia. The purpose of all researches pertaining to this issue is to improve service efficiency, providing proper staff for the departments of the Federal Penal Service of Russia.

The ultimate goal of all works pertaining to this problem is to increase effectiveness of service, mainly from the viewpoint of improving approaches to proper staffing of structural units of the Federal Penal Service.

There exist a number of thesis work devoted to general issues of improving management of law enforcement agencies (for instance, V. M. Anisimkov «Reform of the system managing bodies executing punishment in the form of imprisonment (theory, the mechanism of realization)», 1994; V. M. Morozov «State policy in reforming the Russian law-enforcement personnel – a social problem and the most important factor for stabilization of society», 1994).

The issue under discussion was touched upon more profoundly by some other researchers in scientific articles, monographs and applied publications (M. Bulanzhe, I. Veletminsky, N. A. Volgin, L. Gaukhan, V. I. Gladkikh, N. I. Dorokhov), but was mostly done from the point of view of the civil service and other law enforcement agencies, discounting characteristic features of the penal system.

The legal framework of the research is the Constitution of the Russian Federation, the penal legislation of the Russian Federation, normative legal acts of the President of the Russian Federation, decisions and orders of the Government of the Russian Federation, international regulations and documents, as well statistics reporting of the Federal Penal Service and international legal documents ratified by the Russian Federation.

The practical value of the material lies in possibility to use the offered forms and methods of educational work tested in the Academy of the Federal Penal Service of Russia by other structural educational units. Namely, the author gives the detailed analysis and classification of the existing directions of strengthening service discipline in departmental educational institutions and systematizes them. Taking into account general experience of all structural units of the Academy of Law and Management, which is the leading educational center of the Federal Penal Service of Russia – the author describes tactical bases for realization the above mentioned directions, forms and methods. Finally the author offers specific tools for further development of strengthening service discipline and law as a fundamental direction of educational work with staff.

Key words: service discipline; delinquency prevention; law; a subject of educational influence; interaction; coordination; law enforcement agencies; corruption behavior; extremist manifestations, an international conflict.

УДК 343.83
ББК 67.409р31
П16

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ПАНИН,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника академии, начальник филиала (г. Псков)
(Академия ФСИН России)
E-mail: panin61@mail.ru.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПСКОВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Реферат: в состав правоохранительных органов, обеспечивающих социальную безопасность России, входит Федеральная служба исполнения наказаний, представляющая пенитенциарную систему. Эффективность работы пенитенциарной системы в немалой степени зависит от качества подготовки специалистов. В Российской Федерации семь вузов осуществляют специализированную подготовку кадров для уголовно-исполнительной системы, в частности Псковский филиал Академии ФСИН России (далее – Псковский филиал).

Традиционно в систему подготовки курсантов – будущих сотрудников пенитенциарной системы входит общеобразовательное обучение, практика и несение службы. Особенностью подготовки кадров в Псковском филиале является специальным образом организованное практико-ориентированное обучение.

Формы практико-ориентированного профессионального обучения в вузе следующие: чтение лекций; проведение иных занятий с участием сотрудников ФСИН России; проведение деловых игр, основанных на практических материалах; решение типичных служебных задач; включение в экзаменационные билеты практических заданий; комплексные оперативно-тактические учения; ознакомительная, производственная, преддипломная, внеучебная практики; работа в юридической клинике.

Для организации практико-ориентированного обучения на базе Псковского филиала функционирует уголовно-исполнительная инспекция (федеральное казенное учреждение «Уголовно-исполнительная инспекция Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Псковской области»). Практику в инспекции курсанты проходят со второго курса. Это позволяет решить ряд важных учебных задач: закрепить теоретические знания, приобрести профессиональные компетенции, развить интерес к избранной специальности, получить практический навык работы с осужденными. Еще одна задача, реализуемая в практическом обучении, – углубленное знакомство с объектом профессионального воздействия и более качественная подготовка себя к исполнению служебных обязанностей, готовность к решению стандартных и нестандартных ситуаций несения службы.

Кроме того, в Псковском филиале накоплен положительный опыт организации производственной практики. На практику в практический орган курсанты выезжают группами до 10 человек под руководством преподавателей специализированных кафедр. Преподаватели проходят стажировки по должностям согласно рангу и одновременно контролируют прохождение практики курсантами, поэтому знакомство с положительным опытом и получение навыка практической работы в период практики осуществляется как курсантами, так и преподавателями.

Теоретические знания, проверенные практикой, позволяют будущему сотруднику качественно выполнять служебные обязанности, испытывать минимальную профессиональную деформацию собственной личности, что в целом дает возможность улучшить маргинальную часть общества, отбывающую наказание без изоляции от общества и находящуюся на контроле уголовно-исполнительных инспекций, и таким образом усилить внутреннюю социальную безопасность России.

Ключевые слова: социальная безопасность, практико-ориентированная подготовка специалистов, уголовно-исполнительные инспекции, инспектор уголовно-исполнительных инспекций, осужденный к отбыванию наказания без изоляции от общества.

Социальную безопасность России, кроме всех прочих, обеспечивают правоохранительные органы. Под правоохранительными органами понимаются все государственные орга-

ны, применяющие право и входящие в обособленную группу органов, обладающих особым правовым статусом, задачами, функциями, направлениями деятельности [1, с. 33]. В настоящее время в состав пра-

воохранительных органов входит Федеральная служба исполнения наказаний.

В самом общем виде социальная безопасность – это «состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, прав, свобод» [2, с. 32–37]. К угрозам социальной безопасности исследователи относят следующие четыре группы источников: 1) социальные угрозы, связанные с насилием, с разгулом «нецивилизованной» преступности в обществе, его криминализацией; 2) наркомания, пьянство, смертность и сокращение продолжительности жизни; 3) ухудшение медицинского обслуживания и здравоохранения; 4) низкая социальная защищенность населения.

Таким образом, все категории лиц, находящиеся под контролем Федеральной службы исполнения наказаний (отбывающие наказание как с изоляцией от общества, так и без нее), относятся к первой и (или) второй группе факторов угрозы социальной безопасности.

Одной из главных целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция) является повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня международных стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития. Для достижения указанной цели Концепция предусматривает решение ряда важнейших задач, среди них – расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы. Это подразумевает также учет требований международных нормативных правовых актов, например подп. 2.4 Токийских правил, в которых отмечается, что «следует поощрять разработку новых мер, не связанных с тюремным заключением, и внимательно следить за этим процессом, а также систематически оценивать практику их применения» [3]. В соответствии с этим для исполнения наказаний, не связанных с отбыванием наказания в местах лишения свободы, необходимы специально подготовленные сотрудники, обеспечивающие социальную направленность исполнения наказаний без изоляции от общества.

На актуальность подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы обращал внимание Президент Российской Федерации, который на встрече с журналистами Уральского федерального округа 28 ноября 2011 г. (г. Екатеринбург) отметил, что «нам нужно разумно, спокойно, но в то же время настойчиво провести полную реформу уголовно-исполнительной системы. Уголовно-исполнительная система состоит из тех, кто сидит,

и тех, кто охраняет. Как правило, часто говорят, что они сидят вместе: только некоторые из них сидят срок, назначенный судом, а некоторые из них «сидят» всю жизнь. И люди, которые там работают, во-первых, выполняют важную государственную задачу, а во-вторых, у них существует и свой определенный эмоциональный настрой... нужно сделать так, чтобы туда приходили люди подготовленные, грамотные и мотивированные. Поэтому мы, начиная с 2013 г., начнем существенное увеличение заработной платы всем, кто работает в уголовно-исполнительной системе. В противном случае изменить самый дух этой уголовно-исполнительной системы невозможно».

Слова Президента нашли отражение в Концепции, где также говорится о необходимости обеспечения внутренней социальной безопасности страны через «совершенствование кадрового обеспечения уголовно-исполнительных инспекций; формирование модели специалиста уголовно-исполнительной инспекции».

Как уже отмечалось, Федеральная служба исполнения наказаний осуществляет контроль за отбыванием наказания как с изоляцией от общества, так и без нее. Под надзором этой службы находятся граждане, нарушившие уголовное законодательство России и согласно приговору суда отбывающие наказания. Эти граждане имеют маргинальный статус по признаку нарушения законов. Как известно, маргинал (от лат. *margo* – край) – это человек, находящийся на границе различных социальных групп, систем, культур и испытывающий влияние их противоречащих друг другу норм, ценностей и т. д. Сотрудники уголовно-исполнительной системы работают с криминально опасной частью населения России, что требует от них специальной подготовки и развитых профессионально важных качеств. Именно поэтому в систему подготовки высококачественных специалистов – сотрудников уголовно-исполнительной системы входит как обучение, так и несение службы.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 031001 Правоохранительная деятельность (квалификация «Специалист») (утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 20) и специализации подготовки № 2 «Административная деятельность» предполагает организацию и проведение учебных и производственных практик, что является обязательным и представляет собой форму организации учебного процесса, непосредственно ориентированную на профессионально-

практическую подготовку обучающихся. Образовательный стандарт позволяет проводить практику в органах государственной власти и управления, судебных органах, подразделениях правоохранительных органов, по месту службы (для слушателей очно-заочной (вечерней) и заочной форм обучения), в организациях и учреждениях, для которых обязательно наличие объектов и видов профессиональной деятельности специалиста по данной специальности [4].

В настоящее время специалистов для Федеральной службы исполнения наказаний готовят семь высших учебных заведений. В их число входит Псковский филиал Академии ФСИН России. Профессиональное образование выполняет конкретный социальный заказ: удовлетворение интересов личности, общества и государства в квалифицированных кадрах [5, с. 3]. Согласно распоряжению директора Федеральной службы исполнения наказаний от 16 февраля 2010 г. № 31-р «О специализации образовательных учреждений ФСИН России», а также распоряжению от 17 апреля 2013 г. № 84-р «О специализации образовательных учреждений высшего профессионального образования ФСИН России» за высшими учебными заведениями Федеральной службы исполнения наказаний закреплены специализации профильной подготовки специалистов. Профиль представляет собой узкую образовательно-профессиональную область, позволяющую курсанту определенным образом аккумулировать приобретаемые компетенции, получить углубленные знания и навыки и проходить службу сформировавшимся специалистом в области правоохранительной деятельности. С 16 февраля 2010 г. за вузом закреплена специализация «Организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций», которая в настоящее время реализуется в образовательном учреждении. Целью специализации является подготовка специалистов для уголовно-исполнительных инспекций, осуществляющих контроль осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества.

Что касается специализации «Организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций», то подопечными инспекторов инспекций являются осужденные, совершившие относительно легкие преступления, относящиеся по мировым критериям к «цивилизованной преступности» (например, кражи, мошенничество, ДТП). Однако, как отмечалось выше, это граждане, которые имеют различные личностные деформации. Именно поэтому, кроме обучения и получения общеобразовательной подготовки, курсанты со второго курса обучения накапливают профессионально важные качества и специальные навыки работы в период внеучебной практики. В качестве

целей и задач практики обозначены закрепление и углубление теоретических знаний, приобретение и совершенствование профессиональных компетенций, приобщение к организаторской деятельности, развитие интереса к избранной специальности путем оказания практической помощи уголовно-исполнительной инспекции в обеспечении контроля поведения подучетных лиц.

Кроме того, практико-ориентированное обучение позволяет обеспечить современное качество образования, его соответствие актуальным потребностям личности общества и государства, а также повысить эффективность подготовки специалистов. На это обстоятельство обращают внимание российские педагоги-исследователи, такие как В. С. Аванесов, В. П. Беспалко, В. Н. Герасимов, В. В. Давыдов, А. А. Деркач, Н. В. Кузьмина, В. А. Смирнов и др.

Формами практико-ориентированного профессионального обучения в вузе являются:

- чтение лекций, проведение иных занятий с участием сотрудников ФСИН России;
- проведение деловых игр, основанных на практических материалах;
- решение типичных служебных задач;
- включение в экзаменационные билеты практических заданий;
- комплексные оперативно-тактические учения;
- ознакомительная, производственная, преддипломная практика;
- внеучебная практика;
- работа в юридической клинике.

Для организации практико-ориентированного обучения на базе Псковского филиала функционирует уголовно-исполнительная инспекция (федеральное казенное учреждение «Уголовно-исполнительная инспекция УФСИН России по Псковской области»), которой подведомственны 25 филиалов области. Ежедневно согласно утвержденному графику курсанты приходят в инспекцию и выполняют определенные виды работ под руководством практических работников – инспекторов, социальных работников, психологов. В ходе практики курсанты решают ряд задач, актуальных для развития навыка практической работы, и оказывают помощь сотрудникам инспекции:

- участвуют в проверке осужденных по месту их жительства и работы;
- участвуют в установлении места нахождения лиц, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительных инспекций;
- помогают практическим работникам готовить материалы, связанные с представлением осужден-

ных к условно-досрочному освобождению от наказания или замене (отмене) наказания;

– осуществляют работу по оказанию безвозмездной юридической помощи (консультирование обратившихся подучетных лиц);

– выполняют иные поручения начальника уголовно-исполнительной инспекции;

– знакомятся с приговорами, определениями, постановлениями судов на лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, законодательными и нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность уголовно-исполнительных инспекций;

– участвуют в посещении организаций, учебных заведений, в которых работают или обучаются осужденные к наказаниям без изоляции от общества;

– знакомятся с материалами, касающимися вопросов исполнения приговоров, определений, постановлений судов;

– присутствуют при проведении мероприятий по воспитательной работе с осужденными.

Как отмечают сотрудники инспекции, благодаря участию курсантов вуза охват работы со спецконтингентом стал более широким и ее качество улучшилось.

Таким образом, начиная со второго курса во время внеучебной практики курсанты закрепляют теоретические знания, приобретают профессиональные компетенции, развивают интерес к избранной специальности, получают практический навык работы с осужденными, состоящими на учете УИИ. Это позволяет реализовать несколько взаимосвязанных задач. Одна из них – выбор темы выпускной квалификационной работы, непосредственно связанной с практической деятельностью.

Качественное сочетание теоретических и практических знаний в выпускной квалификационной работе позволяет подготовить практические рекомендации, оптимизирующие деятельность уголовно-исполнительных инспекций и опробовать их на практике.

Еще одна задача, реализуемая в практическом обучении, – углубленное знакомство с объектом профессионального воздействия и более качественная подготовка себя к исполнению служебных обязанностей.

Кроме того, получение практического навыка реализуется в производственной практике курсантов третьего курса. В Псковском филиале накоплен положительный опыт организации производственной практики. На практику в практический орган (в УИИ) курсанты выезжают группами до 10 человек под руководством преподавателей специализированных кафедр. Преподаватели проходят стажировки по должностям согласно рангу и одновременно контролируют прохождение практики курсантами. Именно поэтому знакомство с положительным опытом и получение навыка практической работы в период практики осуществляется как курсантами, так и преподавателями.

Теоретические знания, проверенные практикой, позволяют будущему сотруднику качественно выполнять служебные обязанности, испытывать минимальную профессиональную деформацию собственной личности, что в целом дает возможность улучшить маргинальную часть общества, отбывающую наказание без изоляции от общества и находящуюся на контроле УИИ, и таким образом усилить внутреннюю социальную безопасность России.

Список литературы

1. Энциклопедия юридической психологии / под ред. А. М. Столяренко. М., 2003. 607 с.
2. Стародубов В. И., Тихомиров А. В. Социальная безопасность здравоохранения // Главный врач : хоз-во и право. 2009. № 2. С. 32–37.
3. Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) : резолюция 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 031001 Правоохранительная деятельность (квалификация «специалист») : утв. приказом Минобрнауки России от 14 января 2011 г. № 20. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12084837/#ixzz2x49aup4R>.
5. Об образовании : федер. закон от 10 июля 1992 г. № 3266-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3. Ст. 150.

JURIY IVANOVICH PANIN,

deputy head of the academy, head of the Pskov branch
(The Academy of the Federal Penal Service of Russia)

E-mail: panin61@mail.ru.

**SOME FEATURES OF PRACTICAL STAFF TRAINING IN EDUCATIONAL PROCESS
OF THE ACADEMY OF THE FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA (BRANCH IN PSKOV)**

Annotation: the Federal Penal Service represents the prison system and is the part of the law enforcement agencies, providing social safety in Russia. The effectiveness of the penal system depends on the quality of staff training to a great extent. There are seven high schools in Russia supplying special staff training for penal system. The Pskov branch of the Academy of the Federal Penal Service of Russia (hereinafter - the Pskov branch) is one of them.

Cadets training traditionally presupposes general education, practice and service. As to the Pskov branch, it is known for its specially organized practice-focused training.

We can single out the following forms of practice-focused training: lectures, other activities with the Academy staff; business games using practical materials; special office tasks solutions; making use of practical tasks at exams; integrated tactical exercises; trial, work, undergraduate, extracurricular practices; work at a legal clinic.

It is the Penal Service of the Pskov branch - the Penal Service Department of the Federal Penal Service of the Pskov region – that was specially designed to organize practice-focused learning. Cadets commonly take training at this service beginning from the second academic year. It enables us to solve a number of objectives: to improve theoretical knowledge, to acquire professional competence, to enforce interest in profession, to gain practical skills in working with prisoners. It also makes it possible to study “objects of professional influence” more profoundly, trains more effectively for fulfilling official functions, ensures the ability to cope with typical and unusual situations at service.

Besides, the Pskov branch has positive experience of practical training management. Cadets take training in groups of 10, supervised by their teachers. Teachers take traineeship according to their rank and control taking practice by their cadets at the same time.

Theoretical knowledge supported by practical experience enables prospective specialists to perform their duties effectively, to preserve professional experience to the utmost. It is sure to result in improving the marginal part of society sentenced to probation and supervised by penal services, thus in strengthening internal social security of Russia.

Keywords: social security, a practice-focused training, penal services, an inspector of penal services, a person sentenced to probation.

References

1. Jentsiklopedija juridicheskoj psihologii [Encyclopedia of legal psychology]. Edited by A. M. Stoljarenko. Moscow, 2003, 607 p.
2. Starodubov V. I., Tikhomirov A. V. Sotcial'naja bezopasnost' zdavoohranenija [Social security of health care]. Glavnyj vrach: hozjajstvo i pravo – Medical director: national economy and law, 2009, no. 2, pp. 32–37.
3. Minimal'nye standartnye pravila OON v otnoshenii mer, ne svjazannykh s tjuremnyj zakljucheniem (Tokijskie pravila): Rezoljucija 45/110 General'noj Assamblei OON [The United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures (the Tokyo Rules). The United Nations General Assembly Resolution 45/110.]. Access from the reference legal system «Konsul'tantPljus».
4. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego professional'nogo obrazovanija po napravleniju podgotovki (special'nosti) 031001 Pravookhranitel'naja dejatel'nost' (kvalifikacija «specialist») (utv. prikazom Ministerstva obrazovanija i nauki RF ot 14 janvarja 2011. № 20). [Federal State Educational Standards of Higher Professional Education for the degree program 031001 Law enforcement activity (qualification «specialist»). Approved by the order of Ministry of Education and Science of the Russian Federation from January, 11th, 2011, № 20] <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12084837/#ixzz2x49aup4R>
5. Federal'nyj zakon ot 10 ijulja 1992 g. № 3266-1 «Ob obrazovanii». [The Federal of the law Russian Federation from July, 10th, 1992, № 3266-1 «About Education»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Collection of Legislative Acts of the Russian Federation, 1996, no. 3, art. 150.

УДК 343.848
ББК 67.409.022
М80

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ МОРОЗОВ,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
(Кузбасский институт ФСИИ России)
E-mail: morozovlalex@gmail.com.

УЧАСТИЕ ОСУЖДЕННЫХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ

Реферат: статья посвящена установлению значимости участия осужденных в деятельности религиозных организаций, функционирующих на территории исправительного учреждения, на формирование у них модели правомерного поведения. Такое поведение осужденных рассматривается в качестве показателя, критерия степени перевоспитания осужденного, готовности его к правопослушному образу жизни за пределами исправительного учреждения.

В статье поднимается вопрос о влиянии участия осужденного в деятельности религиозных организаций на формирование у него правомерного поведения. Обращается внимание на тот факт, что нормативное закрепление критериев оценки степени исправления осужденных в Российской Федерации отсутствует. Это создает трудности в процессе правоприменительной практики. Формирование подходов к определению системы оценки степени исправления осужденных происходит путем адресации к нормативно закрепленным средствам исправления осужденных, предусматривающих возможность участия общественных организаций (в том числе религиозных) наряду со специализированными государственными органами и учреждениями, занимающимися коррекцией осужденных. Фактически оценка степени исправления осужденных производится комиссией при начальнике учреждения, в состав которой входят как представители администрации, так и религиозные служащие, проводящие просветительскую работу среди осужденных. Несмотря на светский характер Российского государства, такой подход обуславливает тесное взаимодействие государственных и религиозных организаций по вопросам формирования правопослушного поведения осужденных и соответственно оценке степени их исправления.

Обращается внимание на тот факт, что религиозная и государственная системы ценностей во многом совпадают, устанавливая общий характер должного поведения человека. В связи с этим представитель церкви как субъект оценки степени исправления осужденного является компетентным лицом, способным установить соответствие поведения человека религиозным нормам, а следовательно, и нормам государственным. Делается вывод о том, что правом оценки степени исправления осужденных обладают представители не всех религиозных организаций, а лишь тех, которые зарегистрированы в установленном законом порядке, что исключает возможность участия в этом процессе представителей псевдорелигиозных организаций, являющихся носителями системы ценностей, противоречащей государственной (различного рода религиозных сект, в том числе носящих экстремистский характер).

Ключевые слова: осужденный, исправительное учреждение, религиозная организация, правомерность, поведение, исправление, воспитание, религия, церковь, священнослужитель, критерий, оценка.

Поведение человека в религиозной сфере жизни общества в последнее время находится в центре внимания научного сообщества. Во многом это связано с проблемами, возникающими в результате тесного взаимодействия государственных и религиозных органов и учреждений. Несмотря на закрепление в Конституции Российской Федерации принципа отделения церкви от государства, факт совместного регулирования государственными и религиозными организациями отношений в обществе очевиден, дискуссионным остается вопрос о степени их влияния друг на друга и на формирование моделей поведения отдельных членов общества.

Параллельно существующие системы государственного и религиозного регулирования об-

щественных отношений могут действовать как в едином, так и в противоположном направлении, формируя религиозно-нравственные установки личности, способствующие совершению общественно полезных правомерных поступков либо развивающие иные, деструктивные для общества, но предписываемые религиозными нормами модели поведения. Особый интерес в связи с этим вызывает вопрос влияния религиозных норм поведения на формирование правовых установок лиц, отбывающих уголовные наказания в Российской Федерации, что вызвано низким уровнем правосознания и правовой культуры рассматриваемой категории лиц, высокой степенью их мотивации на совершение действий противоправной направленности.

Процесс формирования правовых установок личности в отношении лиц, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы, осложняется необходимостью ликвидации отрицательной мотивации и лишь последующим формированием мотивов поведения правомерного. По мнению Т. И. Помыткиной, «ресоциализация и возвращение преступников к правопослушному образу жизни немислимы без духовно-нравственного перерождения личности осужденного, и в этом процессе значительную роль могут сыграть как религия в целом, так и религиозные общественные организации. Религия помогает человеку переосмыслить жизненный путь, цену человеческой жизни, выработать законопослушность и дисциплинированность» [1, с. 5].

Исправление осужденного, то есть формирование у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения [2], является главной целью уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Кроме того, к числу основных средств исправления осужденных уголовно-исполнительный закон относит общественное воздействие, которое включает в себя и деятельность религиозных организаций на территории исправительных учреждений [2].

В настоящее время не существует единых нормативных критериев, определяющих степень исправления осужденного, а те, что существуют, имеют рекомендательный характер. Так, Методические рекомендации по использованию системы социальных лифтов в исправительных учреждениях ФСИН России [3] закрепили такой критерий оценки степени исправления осужденных, как стремление осужденного к психофизической корректровке своей личности, что включает в себя, помимо прочего, участие в деятельности религиозных организаций, функционирующих на территории исправительного учреждения.

Из текста рассматриваемых рекомендаций следует, что стремление осужденного к психофизической корректровке своей личности должно подтверждаться справкой психолога о выполнении программы психологической коррекции личности и выпиской из дневника индивидуальной воспитательной работы с осужденным, заверенными заместителем начальника ИУ по кадрам и воспитательной работе. К иным фактам, также свидетельствующим об активной позитивной направленности осужденного, относятся сведения, которые дает представитель религиозной организации.

По данным статистики, опубликованной на официальном сайте ФСИН России [4], из отчета

директора ФСИН России «О подведении итогов деятельности уголовно-исполнительной системы в 2011 г. и задачах на 2012 год», на территории учреждений уголовно-исполнительной системы (следственных изоляторов – 230; исправительных колоний – 512; лечебных учреждений – 98; тюрем – 7; колоний-поселений – 148, итого – 1041 учреждение) функционируют 555 православных храмов, что почти полностью удовлетворяет потребности учреждений уголовно-исполнительной системы, но не в полном объеме – лиц, отбывающих в них наказания. Этот факт имеет значение при решении вопроса о целесообразности и возможности учета занятости осужденных в деятельности религиозных организаций в качестве критерия оценки степени их исправления. Критерий исправления должен носить объективный, недискриминирующий характер, доступный для всех без исключения категорий лиц, содержащихся в местах лишения свободы. В настоящее время, как это следует из данных статистики ФСИН России, подавляющее большинство религиозных организаций, действующих на территории исправительных учреждений, носят православный характер, что оправдано в силу преимущественного количества христиан среди лиц, содержащихся в местах лишения свободы, но не позволяет некоторым осужденным проявить свои религиозные устремления, заслужить тем самым право на улучшение условий отбывания наказания в рамках системы социальных лифтов. В связи с этим занятость осужденных в деятельности религиозных организаций, функционирующих на территории исправительных учреждений, не следует рассматривать в качестве критерия оценки степени их исправления.

С учетом заинтересованности государственных органов в деятельности на их территории религиозных организаций, способствующих исправлению осужденных, вызывает интерес пункт 21 указанных выше рекомендаций, закрепляющий «недопустимость вывешивания без разрешения администрации фотографий, репродукций, открыток, вырезок из газет и журналов, предметов культа и иных предметов на стенах, тумбочках и кроватях».

Таким образом, несмотря на провозглашение в Конституции РФ принципов свободы совести и вероисповедания, их практическая реализация во многом связана с позицией, занимаемой администрацией отдельно взятого исправительного учреждения. Верно отметил Е. О. Гаврилов, рассуждая о природе данных принципов: учитывая тот факт, что органы и учреждения уголовно-исполнительной системы вправе ограничить реализацию права осужденных на свободу совести и вероисповедания, вправе удовлетворить или отклонить со-

ответствующую просьбу осужденного, следует говорить не о праве, как таковом, а о законном интересе [5, с. 38].

В силу режимных требований, предъявляемых ко всем лицам, посещающим учреждения уголовно-исполнительной системы, представители религиозных организаций связаны необходимостью присутствия сотрудников администрации исправительных учреждений при проведении мероприятий религиозного характера, что ставит священнослужителей в определенную зависимость [6, с. 52]. При возникновении противоречий предписаний религиозных норм поведения и требований Правил внутреннего распорядка исправительного учреждения, по мнению священника М. Егорова, следует исходить из необходимости непоколебимого следования предписаниям правовой нормы со стороны осужденных: религиозные обряды должны выполняться исключительно в свободное от работы и иных, предусмотренных нормативными правовыми актами обязанностей время, не нарушая Правил внутреннего распорядка исправительного учреждения [6, с. 55–57]. Применение данных мер представляется оправданным в силу того, что при реализации права осужденных на свободу совести и вероисповедания нельзя забывать о необходимости соблюдения Правил внутреннего распорядка исправительного учреждения, обеспечения прав и интересов других лиц [6, с. 65].

Лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, в силу специфики данного вида наказания подвержены влиянию «криминальных правил поведения», существующих в среде осужденных. Особенность криминальной субкультуры обуславливает нюансы восприятия осужденными осуществляемых в отношении их мер воспитательного воздействия. Так, при общении с представителями администрации исправительного учреждения у осужденных возникает психологический барьер, препятствующий продуктивной реализации воспитательного процесса. Как отмечает заместитель начальника колонии строгого режима г. Павловска, «ведь и я говорю осужденным о том же: что нельзя преступать закон и так далее, но почему-то они батюшку иначе слушают...» [7, с. 20].

Можно констатировать, что лица, отбывающие уголовные наказания, склонны следовать правилам поведения, продиктованным представителями их социальной группы: это явление в психологии получило название «группоцентризм». Главная его особенность заключается в делении общества на «своих» и «чужих» по тому или иному основанию, в нашем случае – по принадлежности к среде осужденных, в результате которого поведение «своих» является нормой, а всякое не соответствующее ему – отклонением от нормы.

На основании результатов данного наблюдения интересным представляется следующий случай исправительного воздействия: один из «криминальных авторитетов» г. Санкт-Петербурга, прекративший связи со своим преступным прошлым, крестился, стал посещать церковь. Впоследствии за совершенное ранее правонарушение он попал в следственный изолятор, где не вернулся к греху, а заставил сокамерников, которые боялись его как «авторитета», бросить курить и сквернословить, убрать со стен порнографические плакаты, повесить иконы, молиться и читать духовную литературу. Заметив положительный эффект воздействия на сокамерников, сотрудники учреждения перевели его в другую камеру. За десять месяцев пребывания в следственном изоляторе его исправительному воздействию подверглось население десяти разных камер [8].

Иллюстративным также представляется пример поступка священника, предложившего себя в заложники вместо захваченных женщин во время террористического акта в исправительном учреждении. «Авторитет отца Василия стал в колонии почти непререкаем – здесь ценят поступок. В этой колонии почти все осужденные носят на шее крестик и считают себя верующими» [7, с. 20].

В пользу положительного воздействия на осужденных представителей религиозных организаций свидетельствует их активная деятельность по созданию многочисленных воскресных школ, библейских курсов, показу видеофильмов на библейскую тематику, безвозмездной передаче духовной литературы и реализации иных форм обучения осужденных религиозным правилам поведения. По мнению священника М. Егорова, на протяжении многих лет осуществлявшего свою службу непосредственно в учреждениях уголовно-исполнительной системы, «практика сотрудничества Русской Православной Церкви с исправительными учреждениями убедительно доказывает его результативность и перспективность, осужденными воспринимается положительно, с пониманием и интересом» [6, с. 55–56].

При оценке степени исправления осужденных нельзя забывать о мотивах правомерного поведения лиц, участвующих в деятельности религиозных организаций на территории исправительного учреждения: во многом они связаны с их корыстными интересами, продиктованы заинтересованностью в переводе на более легкие условия отбывания наказания, стремлением повысить шансы на условно-досрочное освобождение, а нередко и желанием приобретения материальных ценностей: «Библию просят наряду со сгущенным молоком, колбасой, конфетами и обычно

бесконечным перечнем разных предметов в конце подобного письма» [6, с. 96].

На основании изложенного следует констатировать, что сложность определения степени исправления лиц, содержащихся в местах лишения свободы, установления роли религиозных организаций в реализации этого процесса заключается не только и не столько в отсут-

ствии нормативно закрепленных критериев определения степени исправления осужденных, сколько в сложности объективной оценки субъективной стороны поведения человека. В этом вопросе следует согласиться с Ф. Ф. Давыдовым, что арифметическими подсчетами «религиозности» нельзя взвесить состояние духа [9, с. 144].

Список литературы

1. Помыткина Т. И. Общественные организации и уголовно-исполнительная система России: историчность и перспективы сотрудничества : учеб. пособие. Новокузнецк, 2010. 196 с.
2. О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 8 января 1997 г. № 2-ФЗ // Рос. газ. 1997. № 9.
3. Методические рекомендации по использованию системы социальных лифтов в исправительных учреждениях ФСИН России // Официальный сайт ГУФСИН России по Красноярскому краю. URL: <http://xn--hlakkl.xn--p1ai/territory/Krasnoyarsk/document/2.php> (дата обращения: 24.09.2014).
4. Данные заседания коллегии ФСИН России в расширенном составе с участием руководителей структурных подразделений ФСИН России, учреждений, непосредственно подчиненных ФСИН России, и территориальных органов ФСИН России. URL: http://www.fsin.su/upload/Statistika_2012.pdf (дата обращения 24.09.2014).
5. Гаврилов Е. О. Взаимодействие религиозных объединений с уголовно-исполнительной системой : учеб. пособие. Новокузнецк, 2011. 68 с.
6. Егоров М. Организационно-правовые аспекты сотрудничества русской православной церкви с исправительными учреждениями и особенности его реализации в современных условиях : дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2005. 177 с.
7. Подъемщикова О. Священник идет в заложники // Преступление и наказание. 1998. № 7. С. 20.
8. Мир в боге: беседа с протоиереем Александром Григорьевым «Не стоит бояться быть обманутым, когда вступаешь в переписку с заключенными». URL: <http://www.mirvboge.ru/2012/01/ne-stoit-boyatsya-byt-obmanutym-kogda-vstupaesh-v-perepisku-s-zaklyuchennymi/> (дата обращения 22.09.2014).
9. Давыдов Ф. Ф. Организация сотрудничества исправительных учреждений с религиозными организациями : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 204 с.

ALEKSEJ SERGEEVICH MOROZOV,
lecture of national law department,
(Kuzbass institute of the FPS of Russia)
E-mail: morozovalex@gmail.com.

RELIGIOUS BEHAVIOR OF THE CONDEMNED, AS A CRITERION OF THE EXTENT OF THEIR CORRECTION

Annotation: the aim of the article is to determine the importance of religious behavior of the condemned, serving sentence in the form of imprisonment, on the formation of their lawful behavior. The religious behavior is considered as an indicator, criterion of extent of re-education of a condemned, his readiness for a right obedient way of life outside correctional facility.

The author brings up a question of prisoners' participation in activity of the religious organizations and its influence. The author pays attention to the fact that the legislation fixing of evaluating the correction extent in the Russian Federation is absent now so it creates difficulties in the course of law-enforcement practice. Formation of approaches to evaluating the correction extent of condemned is realized by means of addressing to the statutory means of the correction of condemned, providing possibility of participation in public organizations (including, religious) along with the specialized government bodies and institutions which are engaged in correction of the condemned. Actually the evaluating the correction extent is made by the commission with the chief of establishment which part are both representatives of administration, and the religious employees who are carrying out educational work among the condemned. Despite secular character of the Russian state, such approach causes

close interaction of the state and religious organizations for formation of right obedient behavior of condemned and, respectively, to an evaluating their correction extent.

The attention is paid to the fact that that religious and state systems of values coincide in many respects, establish the general nature of due behavior of the person. In this regard, the representative of church as the subject of an evaluating prisoners' correction extent is the competent person capable to establish compliance of behavior of the person to religious norms, and, therefore, and to the state norms. Thus, the conclusion is that not all representatives of religious organizations, but only those who are registered according to the law have a right to evaluate prisoners' correction extent. So it excludes possibility of participation in this process of representatives of the pseudo-religious organizations which carry the system of values contradicting to the state one (different religious sects, including, having extremist character).

Keywords: legitimacy, behavior, correction, education, the condemned, correctional facility, religion, church, the priest, criterion, assessment.

References

1. Pomytkina T. I. Obshhestvennye organizacii i ugolovno-ispolnitel'naja sistema Rossii: istorichnost' i perspektivy sotrudnichestva [Public organizations and criminal and executive system of Russia: historicity and prospects of cooperation]. Novokuznetsk, 2010, 196 p.
2. Federal'nyi zakon ot 8 janvarja 1997 g. № 2-FZ «O vvedenii v dejstvie Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii (s izmeneniiami i dopolneniiami) [The federal law of Russian Federation from January, 8th, 1997 «About introduction in action of the Criminal and executive code of the Russian Federation»] Rossijskaia gazeta – Russian newspaper, 2012, no. 9.
3. Metodicheskie rekomendacii po ispol'zovaniju sistemy «social'nyh liftov» v ispravitel'nyh uchrezhdenijah FSIN Rossii [Methodical recommendations about use of system of «social elevators» in correctional facilities of Russians Federal punishment service]. Available at: <http://xn--h1akkl.xn--plai/territory/Krasnoyarsk/document/2.php> (Accessed 24 September 2014).
4. Dannye zasedanija kollegii FSIN Rossii v rasshireнном sostave s uchastiem rukovoditelej strukturnyh podrazdelenij FSIN Rossii, uchrezhdenij, neposredstvenno podchinennyh FSIN Rossii, i territorial'nyh organov FSIN Rossii [Data of the Federal Penal Service of Russia board in expanded structure with participation of heads of structural divisions of Russians Federal punishment service, the establishments which are directly subordinated Russians Federal punishment service, and territorial authorities of Russians Federal punishment service]. Available at: http://www.fsin.su/upload/Statistika_2012.pdf (Accessed 24 September 2014).
5. Gavrilov E. O. Vzaimodejstvie religioznych ob'edinenij s ugolovno-ispolnitel'noj sistemoj [Interaction of religious associations with criminal and executive system]. Novokuznetsk, 2011, 68 p.
6. Egorov M. Organizacionno-pravovye aspekty sotrudnichestva russkoj pravoslavnoj cerkvi s ispravitel'nyimi uchrezhdenijami i osobennosti ego realizacii v sovremennyh uslovijah. Dis. cand. bogoslovija [Organizational and legal aspects of cooperation of Russian Orthodox Church with correctional facilities and features of its realization in modern conditions. Kand. divinity sci. diss.]. Sergiev Posad, 2005. 177 p.
7. Pod'emshhikova O. Svjashhennik idet v zalozhniki [Priest becomes a hostage]. Prestuplenie i nakazanie – Crime and punishment, 1998, no. 7, pp. 19–21.
8. Mir v boge: beseda s protoiereem Aleksandrom Grigor'evym «Ne stoit bojat'sja byt' obmanutym, kogda vstupaesht' v perepisku s zakljuchennymi» [The world in god: conversation with the archpriest Alexander Grigoriev «You shouldn't be afraid to be deceived when you enter into a correspondence to prisoners»]. Available at: <http://www.mirvboge.ru/2012/01/ne-stoit-boyatsya-byt-obmanutym-kogda-vstupaesht-v-perepisku-s-zaklyuchennymi/> (Accessed 22 September 2014).
9. Davydov F. F. Organizacija sotrudnichestva ispravitel'nyh uchrezhdenij s religioznymi organizacijami. Dis. cand. jurid. nauk [Organization of cooperation of correctional facilities with the religious organizations. Cand. jurid.sci. diss.]. Moskow, 1999, 204 p.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

1. Общие положения

1.1. Настоящие требования разработаны с учетом критериев Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России для включения научных изданий в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, индексируемых систем цитирования Scopus, Российский индекс научного цитирования и являются обязательными к исполнению всеми авторами без исключения.

1.2. Каждый автор, подавший статью для опубликования в редакцию научного журнала «Человек: преступление и наказание» (далее – редакция, журнал соответственно), тем самым выражает свое согласие на указание в открытом свободном доступе на любых интернет-ресурсах, выбираемых по усмотрению редакции, на русском и английском языках его фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail), названия, реферата, ключевых слов статьи и ссылок на использованные источники. При этом он несет ответственность за точность и достоверность предоставленных персональных данных, корректность их перевода на английский язык.

1.3. Все поступающие в редакцию статьи проходят обязательное рецензирование (экспертизу), авторам не возвращаются. Авторское вознаграждение не выплачивается. В случае принятия решения о невозможности публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

1.4. Редакция поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редакция не несет ответственности за недостоверность предоставленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более чем 1 месяца на запросы редакции, его статья снимается с публикации.

1.5. Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

1.6. Статьи, представленные в редакцию с нарушением настоящих требований, к опубликованию не принимаются и возвращаются авторам на доработку.

2. Порядок представления статей

2.1. Статьи принимаются по адресу: 390036, г. Рязань, ул. Сенная, 1, редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России, тел.: (4912) 93-46-40 (факс), 93-82-42 – в распечатанном и электронном виде (по электронной почте (e-mail): editor62@yandex.ru).

2.2. Представляемый в редакцию электронный файл статьи должен быть назван по фамилии автора (авторов), например: «Петров.doc», «Петров, Иванов.doc»; графические файлы, прилагаемые к статье, – по фамилии автора (авторов) с указанием номера рисунка, например: «Петров. Рисунок 1.jpg», «Петров, Иванов. Рисунок 1.jpg».

2.3. Статьи адъюнктов, аспирантов, соискателей должны быть согласованы с научным руководителем автора. Такое согласование может быть выражено в виде положительной рецензии научного руководителя (представляется в распечатанном либо электронном виде) или его подписи в конце статьи с пометкой «Согласовано».

3. Требования к набору текста статьи

3.1. Текст статьи набирается в программе «Microsoft Word» в форматах «.doc», «.docx», на листе бумаги формата А4, шрифтом «Times New Roman (Сур)», 14-м кеглем, абзацный отступ – 1,25 см, через 1,5 интервала с полями: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см; правое – 1,5 см.

3.2. Объем статьи без учета фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail) автора, названия, реферата, ключевых слов, ссылок на использованные источники, в том числе переведенных на английский язык, не должен превышать 10 страниц.

3.3. Графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические материалы должны быть размещены по тексту статьи и представлены отдельными файлами в формате «.jpg» с разрешением не менее 300 dpi.

3.4. Текст статьи должен быть пронумерован. Колонцифры необходимо располагать по центру сверху. На первой странице статьи колонцифра не ставится.

3.5. В тексте статьи необходимо ставить пробел между фамилией и инициалами; использовать кавычки типа «елочка»; запрещается ставить принудительные (ручные) переносы.

3.6. Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Абзацный отступ следует устанавливать в меню «Формат → Абзац → Первая строка (Отступ – 1,25 мм)», выключку – «По ширине».

4. Требования к структуре статьи

4.1. Структура статьи должна состоять из следующих блоков:

4.1.1. Блок 1 на русском языке:

название статьи;
фамилия, имя, отчество автора (авторов);
ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;
должность автора (авторов);
место работы автора (авторов);
контактная информация (e-mail) автора (авторов);
реферат статьи;
ключевые слова к статье.

4.1.2. Блок 2 на русском языке – полный текст статьи.

4.1.3. Блок 3 на русском языке – ссылки на литературные источники.

4.1.4. Блок 4 на английском языке:

название статьи;
фамилия, инициалы автора (авторов);
ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;
должность автора (авторов);
место работы автора (авторов);
контактная информация (e-mail) автора (авторов);
реферат статьи;
ключевые слова к статье.

4.1.5. Блок 5 на английском языке – ссылки на литературные источники.

5. Требования к блоку 1 структуры статьи

5.1. Информация блока 1 представляется на русском языке.

5.2. Название статьи должно быть информативным.

5.3. В названии статьи не допускается использование каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.4. Фамилия, имя, отчество, ученые звание и степень, должность автора указываются полностью, без использования каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.5. Должность автора указывается по месту его основной работы.

5.6. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Российский индекс научного цитирования. В случае отсутствия такого профиля по усмотрению автора приводится официальное полное либо сокращенное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где он работает.

5.7. Приводимая контактная информация (e-mail) должна обеспечивать связь любого желающего с автором.

5.8. При наличии у статьи нескольких авторов по их усмотрению указывается либо один e-mail для всех авторов, либо e-mail каждого автора.

5.9. При подготовке реферата к статье необходимо руководствоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

5.10. Реферат должен выполнять следующие функции:

информировать об основном содержании статьи и определять ее релевантность таким образом, чтобы читатель мог решить, следует ли обращаться к полному тексту статьи;

устранять необходимость чтения полного текста статьи в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес.

5.11. Реферат должен представлять собой краткое и точное изложение содержания статьи, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы.

5.12. Текст реферата должен быть лаконичным и емким, свободным от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

5.13. Объем реферата должен включать не меньше 250 слов. Объем реферата определяется содержанием статьи (объемом сведений, их научной ценностью и практическим значением).

5.14. Реферат включает в себя следующие аспекты содержания статьи:

предмет, тему, цель работы (указываются в том случае, если они не ясны из названия статьи);

метод или методологию проведения работы (целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы; в рефератах статей, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки);

результаты работы (излагаются предельно точно и информативно; приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности; при этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение);

область применения результатов;

выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, раскрываемыми в статье).

5.15. В реферате допускается изменять последовательность изложения содержания статьи и начинать с изложения результатов работы и выводов.

5.16. Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание статьи, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

5.17. В тексте реферата:

следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций (не применяемых в научном английском языке);

сокращения и условные обозначения, кроме общеупотребительных, применяют в исключительных случаях или дают их определения при первом употреблении;

единицы физических величин следует приводить в международной системе СИ; допускается приводить в круглых скобках рядом с величиной в системе СИ значение величины в системе единиц, использованной в статье;

таблицы, формулы, чертежи, рисунки, схемы, диаграммы включаются только в случае необходимости, если они раскрывают основное содержание статьи и позволяют сократить объем реферата;

формулы, приводимые неоднократно, могут иметь порядковую нумерацию, причем нумерация формул в реферате может не совпадать с нумерацией формул в оригинале.

не допускаются ссылки на номер публикации в списке ссылок на литературные источники к статье.

5.18. Количество ключевых слов к статье должно составлять не менее 10. При этом они должны быть информативными и обеспечивать эффективный поиск этой статьи в любой базе данных.

6. Требования к блоку 2 структуры статьи

6.1. Информация блока 2 представляется на русском языке.

6.2. Автор должен логически последовательно излагать текст статьи в соответствии с содержанием темы, учитывая достижения современной науки и практики, опираясь на результаты собственных исследований и привлекая данные из других источников с целью более глубокого анализа рассматриваемых вопросов.

6.3. Автор несет ответственность за достоверность используемых им материалов, точность цитат, правильность ссылок на них.

6.4. В журнале используется затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Рекомендуемое количество ссылок – не более 10.

6.5. Ссылки на литературные источники в тексте статьи приводятся в квадратных скобках с указанием номера источника из пристатейного списка, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (при необходимости) например: [1, с. 21]. Если источник является многотомным или состоит из нескольких частей, указывается том или часть, например: [4, т. 1, с. 5], [12, ч. 2, с. 75].

7. Требования к блоку 3 структуры статьи

7.1. Информация блока 3 (ссылки на литературные источники) представляется на русском языке.

7.2. Ссылки на литературные источники приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.3. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «Список литературы».

7.4. Примеры ссылок на литературные источники:

Книги одного, двух и трех авторов

Фролов И.Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. 349 с.

Волович Л.А., Тимофеев А.Н. Лекционная пропаганда: Методика, опыт, мнения. Казань, 1984. 14 с.

Морозов Б.М., Фадеев В.Е., Шинкаренко В.В. Планирование идеологической, политико-воспитательной работы. М., 1984. 271 с.

2 книги одного автора

Лихачев Д.С. Образ города // Историческое краеведение в СССР: вопр. теории и практики: сб. науч. ст. Киев, 1991. С. 183–188; Его же. Окно в Европу – врата в Россию // Всемир. слово. 1992. № 2. С. 22–23.

Книги четырех и более авторов

Проблемы развития материально-технической базы социализма / В.Г. Сыч [и др.]; под ред. С.П. Павлова. М., 1977. 231 с.

Монографии, учебники, учебные пособия

Чичерова Л.Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики: монография / под науч. ред. В.А. Рыбакова. Рязань, 2005. 196 с.

Переводные издания

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных: пер. с нем. М., 1980. 392 с.

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных / пер. с нем В.И. Петров. М., 1980. 392 с.

Диссертации

Тальшинский Р.Р. Документализм в публицистике: дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 203 с.

Авторефераты диссертаций

Стурова М.П. Воспитательная система исправительно-трудовых учреждений: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 40 с.

Архивы

ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 405. Л. 19 об., 20, 21. Д. 408. Л. 21 об. Д. 413. Л. 26.

Аналитические обзоры

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. академия наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М., 2007. 39 с.

Сборники научных трудов

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; под ред. С.Ф. Мартыновича. Саратов, 1999. – 199 с.

Словари

Библиотечное дело: терминолог. слов. / сост. И.М. Сулова, Л.Н. Уланова. 2-е изд. М., 1986. 224 с.

Статья из собраний сочинений

Маркс К., Энгельс Ф. Первый международный обзор // Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 224.

Статья из книги

Ковтун В.П. Теоретические аспекты воспитательного воздействия // Влияние организационно-структурных изменений в системе ИТУ на состояние и эффективность воспитательной работы. Домодево: ВИПК МВД СССР, 1991. 124 с.

Статья из журнала, газеты, информационных периодических изданий

Поникаров В.А. Классификационная характеристика гарантий законности в административной деятельности сотрудников ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 8. С. 38–40.

Статья из трудов, ученых записок

Морозова Т.Г. Организация и методика информационной работы // Тр. ин-та / Всесоюз. заоч. фин.-экон. ин-т. 1978. Вып. 19. С. 56–69.

Статья из материалов конференций, семинаров

Пшуков А.Ю. О нормировании рабочего дня // Научно-технический прогресс: тез. докл. Всерос. науч. конф. (Владимир, 21–22 сент. 1987 г.). М., 2000. С. 282–283.

Издание в целом

Книга о книгах: библиогр. пособие: в 3 т. М., 1969.

Есенин С.А. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1966–1968. Т. 1–5.

Отдельный том

Пивинский Ю.Е. Неформованные огнеупоры: в 2 т. М., 2003. Т. 1. Кн. 2: Общие вопросы.

Стандарты

ГОСТ 7.9–77. Реферат и аннотация. М.: Изд-во стандартов, 1981. 6 с.

Патентные документы

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент Рос. Федерации № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

Депонированные научные работы

Размустова Т.О. Историко-краеведческие исследования музеев Центрально-Черноземного региона (1917–1940 гг.). М., 1987. 53 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 01.12.87. № 31909.

Федеральные законы

О борьбе с терроризмом: федер. закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3808.

О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Сб. законов Рос. Федерации. М.: АСТ, 1999. С. 412.

Законы

Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316, 1317.

Указы

О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 28 июля 1998 г. № 904 // Рос. газ. 1998. 29 июля.

Постановления

Об утверждении Положения о Межведомственной антитеррористической комиссии Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 6 января 1997 г. № 45 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 4. Ст. 547.

Приказы

О совершенствовании организации деятельности отрядов специального назначения Главного управления исполнения наказаний Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ Министерства внутренних дел Рос. Федерации от 12 апреля 1994 г. № 114.

Положения

Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 30. Ст. 3605. П. 9.

Интернет-документы

Официальные периодические издания: электрон. путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007). (Если в тексте данная публикация уже названа, возможна ссылка в виде его электронного адреса <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html>.)

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. Интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomers=366> (дата обращения: 17.04.07).

О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 нояб. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Требования к блоку 4 структуры статьи

8.1. Информация блока 4 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 1 по правилам, установленным в пунктах 8.2–8.7 настоящих требований.

8.2. Фамилия и инициалы автора (авторов) приводятся согласно одной из принятых систем международной транслитерации. Наиболее распространенные системы транслитерации приведены в таблице:

Простая система		Система Библиотеки Конгресса США (LC)		Система Board of Geographic Names (BGN)		Система Госдепартамента США	
Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация
А	A	А	A	А	A	А, а	A
Б	B	Б	B	Б	B	Б, б	B
В	V	В	V	В	V	В, в	V
Г	G	Г	G	Г	G	Г, г	G
Д	D	Д	D	Д	D	Д, д	D
Е	E	Е	E	Е	E, YE	Е, е	E, YE
Ё	E	Ё	E	Ё	E, YE	Ё, е	E, YE
Ж	ZH	Ж	ZH	Ж	ZH	Ж, ж	ZH
З	Z	З	Z	З	Z	З, з	Z
И	I	И	I	И	I	И, и	I
Й	Y	Й	I	Й	Y	Й, й	Y
К	K	К	K	К	K	К, к	K
Л	L	Л	L	Л	L	Л, л	L
М	M	М	M	М	M	М, м	M
Н	N	Н	N	Н	N	Н, н	N
О	O	О	O	О	O	О, о	O
П	P	П	P	П	P	П, п	P
Р	R	Р	R	Р	R	Р, р	R
С	S	С	S	С	S	С, с	S
Т	T	Т	T	Т	T	Т, т	T
У	U	У	U	У	U	У, у	U
Ф	F	Ф	F	Ф	F	Ф, ф	F
Х	KH	Х	KH	Х	KH	Х, х	KH
Ц	TS	Ц	TS	Ц	TS	Ц, ц	
Ч	CH	Ч	CH	Ч	CH	Ч, ч	CH
Ш	SH	Ш	SH	Ш	SH	Ш, ш	SH
Щ	SCH	Щ	SHCH	Щ	SHCH	Щ, щ	SHCH
Ъ	Опускается	Ъ	"	Ъ	"	Ъ	Опускается
Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y
Ь	Опускается	Ь	'	Ь	'	Ь	Опускается
Э	E	Э	E	Э	E	Э, э	E
Ю	YU	Ю	IU	Ю	YU	Ю, ю	YU
Я	YA	Я	IA	Я	YA	Я, я	YA

8.3. Допускается пользоваться различными программами транслитерации русского текста в латиницу, использующими описанные в пункте 8.2 настоящих требований системы, например на сайте <http://www.translit.ru/>.

8.4. Авторам следует придерживаться указания одного способа транслитерации своих фамилии, инициалов и одного места работы, поскольку данные о принадлежности организации (аффилировании) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора.

8.5. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Scopus. В случае отсутствия такого профиля указывается официальное англоязычное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где работает автор статьи.

8.6. При переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Необходимо избегать употребления сокращений, кроме общеупотребительных (в том числе в англоязычных специальных текстах), терминов, являющихся прямой калькой русскоязычных терминов, непереводаемого сленга, известного только русскоговорящим специалистам.

8.7. В переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи не должно быть никаких транслитераций с русского языка, кроме непереводаемых названий собственных имен, приборов и других объектов, имеющих собственные названия.

9. Требования к блоку 5 структуры статьи

9.1. Информация блока 5 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 3 (ссылок на литературные источники) по правилам, установленным в пунктах 9.2–9.6 настоящих требований.

9.2. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «References».

9.3. Структуру библиографической ссылки следует оформлять следующим образом: авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз], выходные данные с обозначениями на английском языке.

9.4. При переводе библиографических ссылок на английский язык предпочтение следует отдавать системе транслитерации Библиотеки Конгресса США (LC).

9.5. При составлении библиографических ссылок на английском языке необходимо учитывать следующее:

представление в References только транслитерированного (без перевода) описания недопустимо;

при описании изданий, подготовленных коллективом авторов (сборников, монографий и пр.) допускается указывать одного, максимум двух авторов издания;

для неопубликованных документов можно делать самое короткое название с указанием в скобках (Unpublished), если оно имеет авторство (для учета ссылок автора), либо «Unpublished Source» или «Unpublished Report», если авторство в документе отсутствует;

поскольку русскоязычные источники трудно идентифицируются зарубежными специалистами, рекомендуется в описаниях оригинальное название источника выделять курсивом, как в большинстве зарубежных стандартов;

нежелательно в ссылках делать произвольные сокращения названий источников;

все основные выходные издательские сведения (в описаниях журнала: обозначение тома, номера, страниц; в описаниях книг: место издания – город, обозначение издательства, кроме собственного непереводаемого имени издательства – оно транслитерируется) должны быть представлены на английском языке;

в описаниях русскоязычных учебников, учебных пособий не нужно указывать вид изданий. Эта информация в ссылках в данном случае является избыточной;

в выходных данных публикаций в ссылках (статей, книг) необходимо указывать количество страниц публикации: диапазон страниц в издании – «pp.» перед страницами; количество страниц в полном издании – «р.» после указания количества страниц;

перевод заглавия статьи или источника берется в квадратные скобки;

если книга в списке ссылок на литературные источники (в любом варианте – основном или в References) описывается полностью, тогда в библиографическом описании должен быть указан полный объем издания, независимо от того, какие страницы этого издания были процитированы в тексте. Исключение составляют случаи, когда используются отдельные главы из книги; в этом варианте в списке литературы дается описание главы с указанием страниц.

9.6. Примеры перевода на английский язык ссылок на литературные источники:

Статья из журнала

Абакумова И.В., Ермаков П.Н. О становлении толерантности личности в поликультурном образовании // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 72–82.

Abakumova I.V., Ermakov P.N. O stanovlenii tolerantnosti lichnosti v polikul'turnom obrazovanii [On the issue of the person's tolerance formation in polycultural education]. Voprosy Psichologii – Approaches to Psychology, 2003, no. 3, pp. 78–82.

Статья из электронного журнала

Яхьяев М.Я. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: проблемы предупреждения. URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (дата обращения: 16.03.2013).

Yakhyayev M.Ya. Religious and political extremism in the North Caucasus: prevention problems. Available at: <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (Accessed 16 March 2013).

Материалы конференций

Горбатюк В.Ф. Хаос, эмерджентность и феномены самоорганизации-самообучения // Состояние и перспективы развития высшего образования в современном мире: материалы док. Междунар. науч.-практ. конф. (Сочи, 12–13 сент. 2012 г.) / под ред. Г.А. Берулавы. Сочи: Изд-во Междунар. инновационного ун-та, 2012. С. 156–160.

Gorbatyuk V.F. Haos, jemerdzhentnost' i fenomeny samoorganizacii-samoobuchenija [Chaos, emergence and the phenomena of self-organization and self-education]. Materialy dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Sostojanie i perspektivy razvitija vysshego obrazovanija v sovremennom mire" [Proc. the International Scientific Conference "The state and prospects of higher education in the modern world"]. Sochi, International Innovative University Publ., 12–13 September, 2012, pp. 156–160.

Книга (монография, сборник)

Михайлова О.Ю., Целиковский С.Б. Сексуальная агрессия: норма и социальная патология. М.: Кредо, 2008. 200 с.

Mikhaylova O.Yu., Tselikovskiy S.B. Seksual'naiya agressiia: norma i sotsial'naiya patologii [Sexual aggression: norm and social pathology]. Moscow, Kredo Publ., 2008. 200 p.

Абакумова И.В. Смыслодидактика: учебник. М.: Кредо, 2008. 386 с.

Abakumova I.V. Smyslodidaktika [Sense didactics]. Moscow, Kredo Publ., 2008. 386 p.

Асмолов А.Г. Толерантность: от утопии к реальности // На пути к толерантному сознанию. М.: Смысл, 2000. С. 4–7.

Asmolov A.G. Tolerantnost': ot utopii k real'nosti. Na puti k tolerantnomu soznaniyu [Tolerance: from utopia to reality. On a way to tolerant consciousness]. Moscow, Smysl Publ., 2000, pp. 4–7.

Мясищев В.Н. Структура личности и отношения человека к действительности // Психология личности. Тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 35–38.

Myasishchev V.N. Struktura lichnosti i otnosheniye cheloveka k deystvitel'nosti [The personality structure and the person's attitude to reality]. Moscow, MSU Publ., 1982. pp. 35–38.

Диссертация, автореферат диссертации:

Абакумова И.В. Личностный смысл как педагогический фактор и его использование в учебном процессе: дис. ... канд. пед. наук. Ростов-н/Д, 1989. 250 с.

Abakumova I.V. Lichnostnyy smysl kak pedagogicheskiy faktor i yego ispol'zovaniye v uchebnom protsesse. Diss. dokt. ped. nauk [Personal sense as a pedagogical factor and its using in the educational process. Dr. ped. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 1989. 250 p.

Нормативные документы

Об уголовной ответственности за государственные преступления: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. URL: <http://bestpravo.ru/ussr> (дата обращения: 03.04.2013).

Zakon SSSR «Ob ugovovnoi otvetstvennosti za gosudarstvennye prestupleniia» ot 25.12.1958 [The law of USSR "On criminal responsibility for state crimes" from 25 December, 1958]. Available at: <http://bestpravo.ru/ussr> (Accessed 3 April 2013).

О следственном комитете Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями): Федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Закон и порядок. 2012. № 2. С. 5–7.

Federal'nyi zakon ot 28 dekabria 2010 g. № 403-F3 «O sledstvennom komitete Rossiiskoi federatsii» (s izmeneniiami i dopolneniiami) [The federal law from December, 28th, 2010, № 403-FL "On the committee of inquiry of the Russian Federation" (with changes and additions). Zakon i poriadok – Law and Order, 2012, no 2, pp. 5–7.